

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

Ловец
огней
на звездном
поле

Исключительно хорошее чтение.

Publishers Weekly

Annotation

Чейз Уокер всю жизнь разыскивал своего настоящего отца, но его попытки так и не увенчались успехом. Когда волей случая ему приходится принять участие в судьбе Майки, десятилетнего сироты, найденного возле железной дороги, Чейз решает, что не в силах смириться с тем, что еще одно детство загублено, и берет ребенка на воспитание. Неожиданно этот поступок приоткрывает завесу и в его собственной истории. Распутывая загадки прошлого, Чейз следует опасной дорогой. Но есть ли что-то или кто-то, способный ему помешать?

- [Чарльз Мартин](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Эпилог](#)
-

Чарльз Мартин

Ловец огней на звездном поле

Пролог

Мчащийся с огромной скоростью зеленый «Шевроле Импала» вылетел с боковой грунтовки на шоссе № 99. На асфальте машину занесло – пронзительно завизжали тормоза, из-под протекторов поднялись клубы дыма, казавшиеся оранжевыми в лучах восходящего солнца. Одна из выхлопных труб, болтавшаяся на проволоке, чиркнула по покрытию, и ее ржавый кончик с остатками хромирования на несколько секунд разогрелся докрасна, став похожим на огонек тлеющей сигареты. Двигатель взвыл, несколько раз стрельнув проржавевшим глушителем, потом машина выровнялась и, набирая скорость, помчалась по прямому участку шоссе, пролегшему вдоль железнодорожных путей. Левый тормозной фонарь «Импалы» был разбит, а лобовое стекло покрывала густая сеть трещин и царапин, сквозь которые едва можно было разглядеть дорогу впереди. К счастью, в этот ранний час шоссе оставалось пустынным, поэтому мчащаяся на всех парах древняя развалина представляла опасность разве что для самого водителя.

Спидометр в салоне показывал свыше девяноста миль в час, хотя на самом деле скорость была меньше – миль шестьдесят пять или даже пятьдесят. Прямой участок шоссе подходил к концу, и водитель резко затормозил, вдавливая педаль в пол обеими ногами. Машину снова занесло – сначала ее потащило к обочине, потом выбросило на разделительную полосу. Еще какое-то время «Импалу» швыряло по дороге, словно воздушный шарик, который вырвался из рук надувавшего его человека. В конце этого беспорядочного пути, вблизи разметки, обозначающей железнодорожный переезд, водитель переключился на заднюю передачу и дал газ. Взревел движок. Машина вновь окуталась сизым дымом, валившим из-под задних крыльев и правой выхлопной трубы. Потом, без всякого предупреждения, «Импала» развернулась, сильно накренившись вправо, и водитель снова газанул.

Мальчишка, сидевший на переднем пассажирском сиденье, глядел в боковое зеркальце заднего вида. Прищурился, так что ресницы почти сомкнулись, он смотрел на россыпи искр, высеченные из покрытия выхлопной трубой. Ее раскаленный докрасна конец представлялся ему чем-то вроде кометы, а прыгающие по шоссе багровые искры – россыпью сорвавшихся со своих орбит звезд.

Тем временем машина, двигаясь по встречной полосе, почти достигла железнодорожного переезда. Только здесь водитель попытался вернуться на свою сторону, но от резкого движения руля машину снова выбросило на встречу. Рассыпавшиеся по южнокаролинскому шоссе искры погасли, венчающая капот фигурка бульдога утонула в клубах пара, пробившегося из-под пробки радиатора, наполовину оторванная обивка потолка провисла и теперь хлопала на ветру, как плохо закрепленный палаточный тент. Все четыре окна в машине были опущены, вместо заднего стекла торчало лишь несколько острых осколков. Дымя, как подбитый танк, «Импала» замерла в нескольких футах от сверкающих железнодорожных рельсов.

От исторических рельсов...

* * *

Поезд дальнего следования «Серебряный метеор» совершил первый рейс в феврале 1932 года. В годы Второй мировой войны местные жители просто выходили из прилегающих к полотну лесов, останавливали поезд взмахом руки и добирались на нем до Нью-Йорка. Там они пересаживались на пароход, чтобы плыть за океан – воевать с немцами. Яркий головной прожектор локомотива раскачивался при движении, отчего освещавший рельсы луч выписывал восьмерки – словно танцевал под пулеметные очереди путевого телеграфа. Еще до войны в вагонах появились кондиционеры, буфет, откидные кресла, вагон-ресторан и туристический вагон с панорамными окнами. По тем временам все это было невиданной роскошью. Серебристые обтекаемые вагоны класса люкс, пультмановские СВ и проводники в белых тужурках, открывавшие дверцы и опускавшие на платформы специальные лесенки, казались чем-то вроде волшебной колесницы, способной доставить человека из дремучего захолустья в настоящий, большой мир.

В середине пятидесятых «Серебряный метеор» стал одним из самых известных и популярных поездов. В 14 часов 50 минут он отправлялся из Нью-Йорка и уже через три с половиной часа прибывал в округ Колумбия. После небольшой стоянки «Серебряный метеор» снова отправлялся в путь, чтобы на следующий день, ровно в четыре пополудни, высадить пассажиров на железнодорожном вокзале в Майами, Флорида. Через небольшой городок Талманн, расположенный в нескольких милях к западу от переезда, где остановилась сейчас зеленая «Импала», «Серебряный метеор» проносился рано утром.

В те времена перед каждым пересечением с шоссе старший кондуктор

непрерывно сверялся со своими «Гамильтонами»^[1], чтобы засечь время, а затем давал длинный гудок. Правда, это не всегда было необходимо. Зачастую подобное представление было чистым бахвальством. С другой стороны, далеко не у каждого была такая работа, как у старшего кондуктора знаменитого поезда!

На пике своей популярности «Серебряный метеор» состоял из двух десятков вагонов и двигался со скоростью от семидесяти четырех до девяноста миль в час, а это означало, что его тормозной путь превышал пять миль. Сразу после Талманна поезд сворачивал южнее, проносясь вдоль побережья Джорджии, а затем добирался до Флориды, разгоняясь на прямых участках между Себрингом и Уэст-Палм-бич до сотни миль в час. Его стремительный полет создавал ощущение сверхъестественной мощи и сопровождался целой симфонией звуков и запахов. Его головной экскурсионный вагон с куполообразной стеклянной надстройкой появлялся на поворотах словно ниоткуда и сверкал словно Полярная звезда, а еще через минуту вдали в последний раз мелькал тормозной вагон.

На прямых участках кондуктор через каждые четверть мили давал оглушительный гудок, на последней четверти скоростного отрезка сигнал звучал непрерывно. У переездов, стрелок и пересечений с другими путями поезд чуть притормаживал, разражаясь настоящей какофонией скрипа, грохота и других, не менее странных звуков. Стучали буфера, гремели на стыках колеса, лязгала сцепка, звенели звонки, ревели двигатели, гудел гудок, а следом за поездом летели по воздуху горячие искры. Эти звуки сплетались в величественный гимн, который мчался далеко впереди поезда, и у каждого, кто его слышал, мурашки бежали по спине, а грудь переполняло ощущение необъяснимого восторга и почти религиозного трепета. Когда же, мигнув на прощание красным хвостовым фонарем, обдав наблюдателя волной горячего воздуха, запахом дизельного выхлопа, разогретого масла и креозота, поезд скрывался вдали, человек испытывал неясное томление и тоску, словно он только что расстался с любимой или с любимым.

* * *

За рулем зеленой «Импалы» сидела женщина – тощая, почти костлявая, с худыми, сухими пальцами и полупрозрачной кожей. Между тонкими, как спички, бедрами женщины был зажат коричневый бумажный пакет, из которого торчало горлышко бутылки. Большие солнечные очки скрывали глубоко запавшие глаза, делая ее лицо гораздо меньше, чем было

на самом деле; это впечатление еще более усиливалось благодаря завязанному под подбородком красному платку, скрывавшему волосы и уши. Широко раскрывая неприятный тонкогубый рот, она что-то яростно кричала невидимому собеседнику, находящемуся где-то по другую сторону покрытого паутиной трещин лобового стекла.

Мальчишке на соседнем сиденье было лет десять, хотя выглядел он на пару лет моложе – настолько он был худым и изможденным и напоминал одичавшего котенка в одном из покинутых людьми поселков где-нибудь на Среднем Западе. Сразу было видать, что в последнее время он частенько недоедал, да и пища его вряд ли была здоровой и калорийной. Из одежды на нем были только обрезанные джинсы – грязные, обмахрившиеся внизу до такой степени, что белые нитки основы стали похожими на одуванчиковый пух. Правую дужку его очков удерживала английская булавка, а обе линзы покрывали многочисленные царапины.

Очки ему дал один из мужчин, в разное время заменявших мальчику отца. Как-то они вместе зашли в «Уолмарт», где был кабинет врача-оптика – специалиста по подбору очков и контактных линз. Мальчик дернул мужчину за брюки, показывая на вход в кабинет. В ответ мужчина нахмурился и шагнул к ящику, куда клиенты врача выбрасывали старые очки. Оглянувшись через плечо, он сунул руку в щель и вытащил из ящика первую попавшуюся пару. Повертев очки в руках, мужчина наклонился и надел на мальчика.

– На тебе. Ну что, в этих лучше?

Мальчик посмотрел на шрамы, покрывавшие руки мужчины, на черный ободок под давно не стриженными ногтями и кивнул.

Это было два года назад.

Сейчас мальчуган смотрел прямо перед собой, прижимая к груди тонкий блокнот на пружине, из которого торчал карандаш. Его бледную до прозрачности кожу покрывали шрамы и ссадины – и поджившие, и свежие, но все они болели. Некоторые были круглыми, толщиной с карандаш, некоторые – длиной в дюйм и почти в полдюйма шириной. На спине, почти в центре правой лопатки, сочилась гноем и сукровицей еще одна, самая свежая рана.

Женщина неожиданно повернулась к мальчику и, уставив ему в лицо тонкий, дрожащий палец, продолжала кричать. Почти одновременно где-то далеко раздался протяжный гудок локомотива, но мальчик даже не вздрогнул. Вздрагивать он отучился уже давно.

Женщина схватила свой пакет, сделала из бутылки несколько больших глотков и продолжила бессвязно кричать что-то понятное только ей одной.

Теперь она снова обращалась к невидимому собеседнику за лобовым стеклом автомобиля. Вдали вспыхнула хорошо заметная даже при дневном свете звезда – головной фонарь тепловоза.

Словно в отчаянии, женщина несколько раз ударила ладонями по рулю, снова глотнула из бутылки и, резко повернувшись, наотмашь хлестанула мальчика по лицу, так что его голова мотнулась назад, стукнувшись о стойку крыши. Очки слетели на пол, но мальчик быстро их подобрал. Блокнот он по-прежнему крепко прижимал к груди.

Женщина нервно забарабанила пальцами по колену. Немного отдышавшись после предпринятого усилия, она закурила и, глубоко затянувшись, пустила дым в окно. Мальчик опасливо наблюдал за тлеющим огоньком на кончике сигареты. Женщина сделала еще две затяжки, снова глотнула из бутылки, потом провела рукой по волосам мальчика. Они были пострижены коротко, но неровно, как стригут овец; особенно досталось затылку, где клинья темных волос чередовались с голыми, светлыми местами, отчего голова мальчика походила на футбольный мяч.

В полумиле от переезда поезд миновал белую светофорную мачту и снова загудел. Могучий рев гудка заставил женщину очнуться. Одним глотком осушив бутылку, она бросила на пол и растоптала сигарету и опустила ладонь на плечо мальчугана. Ее пальцы коснулись покрытого подсохшей коркой шрама, и женщина поморщилась. Из скрытых темными очками глаз женщины потоками лились слезы. Несмотря на ранний час и раскрытые окна, в кабине было уже довольно жарко, но мальчугана все равно бил озноб, а кожа блестела от холодной испарины.

Еще несколько мгновений – и в женщину точно бес вселился! Она неуклюже швырнула бутылку в лобовое стекло – в невидимое лицо за ним, но бутылка отскочила от приборной доски и упала на пол, зацепив по дороге полупустую пачку «Винстона». Еще один громкий, донесшийся издали гудок привлек внимание женщины. Секунду она прислушивалась, потом снова повернулась к мальчику и, уткнув ему в лицо палец, пронзительно закричала или, лучше сказать, завывала. Протяжный, терзающий душу вопль вырвался из ее горла, на котором набухли от напряжения вены, похожие на извилистые стебли ползучих растений. Ее крик еще звучал, но мальчик упрямо набычился и покачал головой, хотя плечи его тряслись от страха. В приступе отчаяния женщина еще раз ударила кулаками по рулю, выругалась и отвесила спутнику очередную пощечину. От сильного удара голова мальчика снова откинулась, так что сбитые с лица очки вылетели в открытое окно – линзы отдельно, оправа –

отдельно. Из разбитого носа и рассеченной губы закапала кровь, но сдаваться мальчуган не собирался. Помотав головой, он прикрылся блокнотом в ожидании очередного удара, но на этот раз женщина не стала его бить. Перегнувшись через колени мальчика, она толчком распахнула пассажирскую дверцу, потом повернулась на сиденье и, упираясь спиной в дверь со своей стороны, подняла согнутую ногу.

Гудок локомотива звучал теперь без перерыва, и точно таким же протяжным был яростный крик женщины. От грохота приближающегося поезда ветхий салон «Импалы» вибрировал и ходил ходуном, а стук колес напоминал артиллерийскую канонаду. Еще несколько мгновений, и женщина решилась. Крепко вцепившись одной рукой в руль, а другой – в сиденье, она с силой выпрямила ногу.

Удар пришелся мальчугану в висок. Он был таким сильным, что беднягу бросило на дверцу, та распахнулась, и мальчик вылетел на асфальт. Блокнот вырвался у него из рук и, трепеща страницами, взвился в воздух, а его хозяин покатился по твердому покрытию, перевалился через засыпанную гравием обочину и сполз в глубокий, заросший осокой и камышом кювет, на дне которого стояла лужа вонючей воды.

Поезд был уже в сотне футов от переезда, когда женщина включила первую передачу и, дав полный газ, отпустила сцепление. Визжа скатами, машина прыгнула на пути не хуже антилопы, в честь которой когда-то называли ее конструкторы.

Ее бег оказался недолгим. Машина проехала футов десять и снова остановилась – не выдержали болты задних колес. Все еще ревя мотором, «Импала» замерла, на сей раз – прямо на рельсах.

Грузовой состав из ста с лишним вагонов двигался со скоростью около шестидесяти миль в час. Он вез в джексонвиллский порт новенькие «Тойоты». Локомотив ударил машину в бок с такой силой, что она согнулась посередине, став похожа на бумеранг, потом подлетела в воздух, напоминая не то вертикально стартующий истребитель, не то удачно отбитый бэттером флай-бол. Кувыркаясь, разбитый корпус взмыл над верхушками высаженных вдоль полотна молодых сосен и рухнул на усыпанную высохшей хвоей землю.

Поезд промчался еще сотню ярдов, прежде чем машинист, громко призывая всех святых, нажал на тормоза. Через полмили тяжелый состав, который и сам был почти в милю длиной, наконец остановился, и пока помощник связывался по рации со спасательной службой, машинист соскочил на землю, тяжело побежал в ту сторону, где над вершинами деревьев чернел столб дыма и трещало жадное пламя. К тому времени,

когда он добежал до места столкновения, покрышки успели расплавиться, а краска на искореженном кузове пошла пузырями. Салон автомобиля напоминал огненный ад. Сквозь дыру, зияющую на месте лобового стекла, машинист разглядел черно-красные пальцы водителя, все еще стискивавшие руль, и поскорее отвернулся, зажав нос рукой.

Минут через двадцать прибыли «Скорая помощь» и две пожарные машины. Подъехали также помощник шерифа и фермер, который работал на своем тракторе в миле от переезда и увидел взрыв. Спасатели провели на месте происшествия три часа. Пожарные тушили пламя, а помощник шерифа и все остальные обсуждали подробности столкновения, пожара и гадали, кем могла быть погибшая женщина. Никто из них не заметил лежащего в кювете мальчишку, а он, в свою очередь, не издал ни звука.

Глава 1

Негромко насвистывая одну из мелодий Пэтти Грин, я вышел на ярко освещенную улицу, надел солнечные очки и бросил взгляд в направлении ступеней городского суда. За те три дня, что я провел в камере, здесь немного изменилось. В Брансуике, Джорджия, вообще мало что меняется. Расплющенные комочки жвачки усеивали ступени, словно разбрызганные чернила. Ленивые, разжиревшие голуби расхаживали вдоль тротуара, выклянчивая у прохожих крошки печенья или хлебные корки. Вдоль переулочка пробиралась целая стая бродячих кошек, держа курс в направлении расположенного в четырех кварталах причала – должно быть, доносящийся оттуда галдеж чаек подсказал им, что шхуны креветколовов уже вернулись с утренней рыбалки. Двое полицейских волокли вверх по ступеням сплошь татуированного мужика, чьи руки и ноги были скованы стальными наручниками, и я подумал, что уже скоро он предстанет перед судьей Такстон. Судя по словам, которые вместе с брызгами слюны вырывались изо рта татуированного, он тоже это знал и был не в восторге от подобной перспективы. Напрасное беспокойство. Исходя из своего опыта общения с ее честью, я был уверен, что в зале заседаний парень не задержится. Следующим его временным домом должна была стать одна из расположенных в подвале тюремных камер. Их было несколько, и все без окон. Должно быть, из-за этого – а также из-за крошечных размеров – они напоминали чашки Петри, в которых охотно произрастали разного рода плесень и грибки.

В одной из этих камер я побывал и видел все своими собственными глазами. В свой первый раз я нацарапал на бетонной стене: «Здесь был Чейз». В прошлый раз я дополнил надпись словом «дважды». Лично мне это казалось смешным, ведь, как ни крути, а я двигался точно по стопам дяди Уилли.

В двух кварталах от здания суда возвышалась над городом старинная колокольня, венчающая перестроенное здание «Сута-банка». Насколько я знаю, в наши дни – это довольно обычное явление: немало банков размещаются теперь в бывших церквях и соборах. Эта конкретная церковка, выстроенная в русском стиле, опустела уже давно, еще в 1900-х. Православных в нашем городке всегда было немного, понемногу их число и вовсе сошло на нет, так что от всего прихода остался один священник.

Еще какое-то время он, подобно привидению, бродил по церковным подвалам, а потом исчез – то ли куда-то уехал, то ли умер.

«Серебряный метеор» был самым известным поездом, когда-либо проходившим по земле Джорджии, однако то, что происходило *под* землей, было куда интереснее.

Когда в конце XVIII века в Джорджии появились первые иммигранты из России, свою церковь они воздвигли на уже готовом фундаменте. За сто лет до этого на этом месте уже существовало построенное городскими жителями здание, побывавшее за век и муниципалитетом, и молельным домом и убежищем. Главной его особенностью был подвал. Почти повсеместно в Южной Джорджии грунтовые воды подходят близко к поверхности, поэтому фундамент муниципалитета был буквально врезан в вершину небольшого холма, благодаря чему подвальные помещения оказались выше уровня подземных вод. Для пущей надежности стены и пол подвала выложили несколькими футами ракушечника. Не сказать, чтобы после этого там стало совершенно сухо, но его, по крайней мере, не затапливало. В подвал вели два люка и одна замаскированная лестница, которые не раз помогали местным жителям пережить многочисленные нападения индейцев и испанцев, дважды сжигавших стоящее на холме здание буквально дотла.

В наши дни о подвале мало кто знает. Возможно, нас – тех, кто в курсе, – всего четверо. Разумеется, многие слышали, что когда-то подвал здесь был, но большинство уверено, что его залили бетоном еще во время перестройки церкви для нужд «Сута-банка». А между тем подвал по-прежнему существует, и на его стенах еще видны имена, выцарапанные рабами, которые прятались в нем, пока наверху рыскали собаки-ищейки.

Но вернемся к тем временам, когда православный священник – или его дух – навсегда покинул церковные подвалы. В течение десятка лет здание стояло пустым, постепенно ветшая и разрушаясь. В конце концов его купил местный предприниматель, которому пришло в голову создать что-то вроде ссудной кассы, где горожане и окрестные фермеры могли бы брать небольшие кредиты. Он разобрал алтарь, ликвидировал клирос и вынес подсвечники и прочую утварь, установив вместо них несколько расчетных касс и оборудовав хранилище. Одного этого оказалось достаточно, чтобы завоевать признательность сограждан. Воспоминания о Великой депрессии все еще были свежи в памяти жителей Брансуика, которые не могли спокойно смотреть, как пропадает без пользы добротное, крепкое здание. Кстати, если вам когда-либо приходилось строить церкви, не стоит считать подобное отношение к результатам вашего труда варварством и дикостью.

Окружающие могут не одобрять ту разновидность Бога, которой вы поклоняетесь, однако это вовсе не значит, что им не по душе ваши архитектурные таланты и предпочтения.

Благодари судьбу и считай себя счастливым – большинство жителей округа Глинн придерживалось именно такой философии. К слову сказать, многие из них весьма гордились тем, что ведут свой род от Отцов-основателей – от английских каторжников, сосланных в заокеанскую колонию задолго до начала Войны за независимость. Примерно так же ведут себя и австралийцы, так что подобное поведение отнюдь не уникально. Как бы там ни было, мятежный дух был столь же свойствен жителям Брансуика, как и слепая любовь к футбольной команде «Бульдоги Джорджии».

Да, наша Джорджия входит в так называемый Библейский пояс[2], и по воскресеньям ее церкви неизменно наполняются народом, однако по-настоящему священным днем здесь является суббота. Каждую субботу, с сентября по декабрь, жители Джорджии дружно собираются вокруг алтарей своих радиоприемников, болея за черно-красные цвета любимой команды. И хотя приходские проповедники пользуются в штате должным уважением, никто из них не обладает таким авторитетом, как Ларри Мансон – радиоголос, который звучит каждый раз, когда играют «Бульдоги». Каждое его слово – это святое благовествование, абсолютная, бесспорная истина. За десятилетия в газетах много писали о «Нотр-Дейм» и Судье-Иисусе[3], о «Багровом приливе»[4] и «Медведе» Брайане[5], о «Пенсильванских пумах»[6] и Джо Патерно[7], однако от соленых прибрежных болот и до самых гор каждый точно знает, что Бог, несомненно, один из «Бульдогов». Как же иначе? Ведь в противном случае Ларри Мансон ни за что не сломал бы свой стул![8]

Это произошло 8 ноября 1980 года. До конца четвертой четверти оставалась всего минута, и «Флоридские аллигаторы» были впереди на одно очко. Мяч был у «Бульдогов», но от конечной зоны противника – и от победы в национальном чемпионате – их отделяло почти все поле. Еще в начале игры нападающий Хершель Уокер удачно увернулся от захвата противника и отыграл семьдесят два ярда, сделав неплохую заявку на бессмертие, но теперь он выдохся и стоял на поле, тяжело дыша после нескольких бесплодных попыток прорваться к конечной зоне. Лишь на последней минуте квотербек Бак Белью из команды Джорджии удачно поймал снэп[9] и, совершив обманное движение, заставил оступиться «аллигатора» Тони Лилли. Прежде чем тот успел восстановить равновесие, Бак передал мяч левому ресиверу Линдси Скотту, который одним

стремительным броском преодолел оставшиеся девяносто три ярда и присоединился к Уокеру на Олимпе[10].

Что происходило после этого в ложе прессы, невозможно описать словами. Именно тогда Ларри Мансон и сломал раскладной стул, окончательно утвердив свою славу одного из лучших комментаторов и завоевав вечную любовь большинства жителей Джорджии. Впоследствии журнал «Спортс иллюстрейтид» назвал этот матч лучшей игрой десятилетия, а большинство спортивных журналистов сошлись во мнении, что Хершел Уокер имеет все шансы стать лучшим игроком, когда-либо игравшим в студенческий футбол. Но жители Джорджии не нуждались в каких бы то ни было дополнительных аргументах. Того, что они видели своими глазами и слышали собственными ушами, оказалось вполне достаточно.

Здание редакции «Брансуик дейли» находилось прямо напротив суда. За окном на третьем этаже, где ютился мой крошечный кабинет, я различал даже отсветы заставки на экране моего компьютера. Для меня это было не только рабочее место, но и наблюдательный пункт. В качестве судебного репортера я мог держать руку на пульсе событий, просто глядя в окно, поэтому сейчас мне не нужно было оборачиваться, чтобы прочесть вывеску над головой. Я и так знал, что там написано. «Глиннская окружная тюрьма».

В каталажке я провел три дня и не сомневался, что за это время мой редактор успел обгрызть ногти буквально до мяса. Сейчас он, наверное, стоял у окна своего кабинета и высматривал меня. Как только он меня заметит, ему понадобится всего несколько секунд, чтобы спуститься на первый этаж, выйти из дверей редакции и пересечь улицу. Разговаривать с ним мне не хотелось, и я посмотрел на восток – туда, где среди прибрежных болот, в путаном лабиринте травяных островов, рек, ручьев, устричных банок и протоков затерялась моя яхта. Она уже давно служила мне домом, и я подумал, что отправиться туда прямо сейчас будет лучше всего. Мне уже давно хотелось принять душ, опрыскать себя дезодорантом, а главное – как следует надышаться воздухом свободы. Бумажки, думал я, могут подождать. Я был сыт по горло той всепроникающей, липкой вонью, которой мне пришлось дышать в сырой и холодной камере.

Дядя Уилли сидел на водительском месте и улыбался мне из-под полей широкополой ковбойской шляпы. Точно такую же носил Роберт Дюваль в фильме «Одинокий голубь», вся разница состояла в том, что вместо плотного фетра дядина шляпа была сплетена из листьев сабаля[11] и представляла собой, так сказать, облегченный вариант, пригодный для

нашей жаркой погоды. Шляпа называлась «гас» – в честь Гаса Макрея, роль которого в фильме сыграл Роберт Дюваль. Спереди ее поля были засалены, а тулья кое-где обветшала, что в общем-то нисколько не удивляло: дядя был ковалем – кузнецом, подковывавшим лошадей, и к тому же большим любителем рыбалки. Эти занятия поглощали все его время, и, постоянно пребывая под открытым небом, дядя носил шляпу почти не снимая. Как бы там ни было, за прошедшие несколько лет ее поля лишь слегка обвисли. По краям они были все так же лихо закручены вверх, что особенно бросалось в глаза по сравнению с опущенными уголками его губ.

Засунув руки в карманы, я поглубже вдохнул теплый ветер, дувший со стороны соседнего городка Сент-Саймонс. Проносья над прибрежными болотами, этот ветер напитывался густым запахом морской соли и ила и был чем-то вроде нашей местной достопримечательности. Дело в том, что благодаря Гольфстриму, который течет примерно в ста пятидесяти милях от восточного побережья Джорджии, над океаном образуется область высокого давления, больше известная как Бермудский блокирующий антициклон. Этот антициклон отличается редкой оседлостью: почти круглый год он остается на одном и том же месте, служа естественной преградой для мигрирующих антициклонов. В результате над нашими Золотыми островами постоянно дуют умеренные теплые ветры, которые не дают вторгаться на сушу ураганам и «харрикейнам» и заодно отгоняют мокрецов – крошечных, почти невидимых, но весьма кусачих moskitov, от которых в противном случае не было бы житья.

Береговые реки Джорджии – Сатилла, Алтамаха и Малый Брансуик – текут с далеких западных гор, прокладывая себе путь через Бычье болото и заросли спартины, покрывающие засоленные болотистые равнины низкого берега. Прибрежные заболоченные участки фильтруют речную воду, словно марлевое сито, осаждая ил, который превращается в мягкую жирную грязь. Обитающие на дне болот анаэробные бактерии понемногу перерабатывают этот ил и другие осадочные породы, производя целый букет различных газов, которые все вместе основательно припахивают тухлым яйцом. Когда прилив отступает, мелкие крабы, черви и улитки спешат зарыться в этот прохладный ил, чтобы не свариться на жаре живьем. Когда же море наступает снова, все эти твари выбираются из своих нор и ходов, чтобы принять солнечные и морские ванны (точно так же, к слову, ведут себя и наши местные бездомные, которые предпочитают перебиваться случайными заработками, но работать не хотят ни в какую).

В разгар туристического сезона приезжие с севера, запруживающие тротуары прибрежных городов, брезгливо морщат нос и спрашивают: «Чем

это так воняет? У вас здесь кто-то сдох?» Формально они правы, поскольку в болоте постоянно что-то умирает и разлагается. Лишь благодаря приливу, который неизменно несет с собой обновление, наши места не превращаются в гниющую клоаку. С его началом все старое, отжившее исчезает без следа, на его месте появляется новое, и все начинается сначала.

Приезжие этого не понимают, и только для нас – для тех, кому болота дарят спокойствие и утешение, – окружающая природа представляется полотном, на котором Бог каждый день рисует свою бесконечную картину. По утрам заросли спартины кажутся золотыми, днем – зелеными, ближе к вечеру они становятся коричневыми, а на закате отливают багрянцем. Помимо всего прочего, местные болота – это часовые, которые днем и ночью охраняют побережье от океана, который может убить его за несколько часов, охраняют самоотверженно и бескорыстно. Ну а лично для меня болота – это дом, который я люблю, и даже запах сероводорода кажется мне родным.

После колледжа я вернулся в Брансуик и купил акр земли на берегу Алтамахи и яхту под названием «Прощай, вдохновение!», которая продавалась с полицейского аукциона. Это был тридцатисестьфутовый «хантер»^[12], конфискованный во время одной из облав на наркокурьеров, которые частенько причаливают у нашей изрезанной береговой линии. Во время аукциона ведущий – парень из Управления по борьбе с наркотиками – рассказал потенциальным покупателям, что на яхте плавал какой-то исписавшийся флоридский писатель, книги которого перестали продаваться. С горя он начал потихоньку ширяться и в конце концов решил зарабатывать на жизнь перевозкой наркотиков... словом, перешел на темную сторону.

«Вдохновение» была парусно-моторной яхтой. О парусах я имел только самое общее представление, однако суденышко показалось мне довольно уютным. На борту располагались спальня, туалет, душ и крохотная кухня, на носу вполне могло поместиться складное кресло (едва ли не больше всего мне понравилось леерное ограждение из толстого манильского каната, на которое было удобно закидывать ноги). Еще раз как следует оглядев яхту, я попытался представить себе, как буду сидеть на носу, наблюдая за тем, как приходит и отступает прилив, и... поднял руку. «Продано!..» – радостно провозгласил аукционист.

Я спустил «Вдохновение» на воду, завел двигатель, поднялся по реке к своему участку и бросил якорь в месте достаточно глубоком, чтобы во время отлива яхта не ложилась на грунт. От яхты до твердой земли было

ярдов восемьдесят, поэтому когда я говорю, что живу на реке, то нисколько не шучу.

* * *

Дядя Уилли ждал меня в черном четырехдверном «Кадиллаке» выпуска семидесятых, который когда-то был самым настоящим катафалком. «Кадиллак» частенько таскал за собой и двухосный прицеп-трейлер, который дядя купил на аукционе транспортной компании «Ю-Хол». Трейлер служил походной мастерской, где хранилось все необходимое кузнецу, который разъезжает по окрестным фермам и подковывает лошадей. В случае необходимости в трейлере можно было и переночевать. Сам катафалк, который дядя называл женским именем «Салли», он приобрел лет десять назад, когда одно из городских похоронных агентств решило обновить свой автопарк. С точки зрения дяди, разъезжать по округе на катафалке было отменной шуткой, а поскольку мне были хорошо известны некоторые обстоятельства его жизни, я не мог с ним не согласиться. Не будь у дяди чувства юмора, ему, пожалуй, пришлось бы туго.

Из приоткрытого заднего окна «Салли» торчала удочка, на конце которой болтался силиконовый воблер с ярко-красным кончиком. Сдвинув назад шляпу, дядя приподнял брови, одновременно сдвигая на кончик носа солнечные очки с поляризованными стеклами, и улыбнулся мне немного виноватой улыбкой. Потом он отстегнул ремень безопасности, вскрыл бутылочку шоколадного напитка, затолкал в рот целый «Мунпай»^[13] и отпил из бутылочки с такой жадностью, словно боялся, что у него вот-вот отнимут и то и другое. Глядя, как дядя уплетает сладости, я невольно покачал головой. Порой мне становилось совершенно непонятно, как такой человек смог вполне прилично воспитать такого типа, как я. Впрочем, я отлично помнил – как.

Дядя тем временем совершенно снял очки, и они повисли у него на груди на засаленном кожаном шнурке.

– У тебя такой вид, словно за тобой собаки гнались, – сообщил он.

Должно быть, я действительно выглядел несколько, гм-м... взъерошенным.

Я подошел к машине и принялся сдирать с руки пластиковый идентификационный браслет, который на меня надели три дня назад. Примерно такие же дают пациентам в больнице. Когда на меня надевали эту штуку, я сказал, что она мне не нужна – я, мол, и так знаю, как меня

зовут. Впрочем, если быть откровенным до конца, это не совсем так.

В этом-то и заключается моя главная проблема.

Я возился с пластиковым браслетом секунд десять, но мне так и не удалось его разорвать. Наконец я потянул изо всех сил – и снова безрезультатно. С тем же успехом я мог бы пытаться сломать стальные наручники.

Дядя покачал головой.

– Ты, как я погляжу, не сумел бы гвоздя забить, даже если бы на ручке молотка была приклеена подробная инструкция.

Дядя Уилли разговаривает на своем собственном языке. Короткие мысли, которые он изрекает, напоминают забавные афоризмы, но понятны они бывают подчас только ему самому. Тетя Лорна и я называем их «уиллиизмами». Впрочем, когда мы беремся за дело вдвоем, нам, как правило, удается разгадать, что дядя имел в виду.

На сей раз, однако, смысл его слов был вполне ясен, и я просунул руку в окошко катафалка.

– Ну, где твоя инструкция?

Дядя Уилли достал из заднего кармана свой складной «Барлоу» и протянул мне.

– Воду из реки лучше брать подальше от водопоя. И желательно – выше по течению...

Дядины «уиллиизмы» хороши краткостью и наглядностью. Там, где другому человеку потребовалась бы не одна сотня слов, дядя вполне обходился десятком. К примеру, последняя его реплика означала (по крайней мере, так я думал), что он предусмотрел подобную ситуацию и, зная, что моего ножа при мне не будет, позаботился о том, чтобы его собственный «Барлоу» оказался при нем. (Впрочем, дядя никогда с ним не расставался.) Выйдя из тюрьмы, я до некоторой степени и впрямь оказался в положении «голого человека на голой земле» – в зависимости от окружающих, или, в данном случае, от дяди Уилли, который, насколько мне было известно, никогда не поступал как большинство, то есть, в отличие от меня, старался задумываться о будущем. Но... к чему заводить речь о подобных банальностях, если с помощью пары слов о некоем воображаемом человеке, который пьет чистую и вкусную воду, взятую из реки на пару миль выше по течению из места, куда окрестные фермеры гоняют свои стада на водопой, можно заставить собеседника самому задуматься о том, как важно заранее просчитывать любую ситуацию?

Глядя вперед сквозь лобовое стекло, дядя сунул в рот зубочистку и задумчиво закончил свою мысль:

– ...И тогда никто не застанет тебя со спущенными штанами.

Я покачал головой, открыл меньшее из двух лезвий и срезал с запястья тюремный браслет со своим именем.

– Лучше иметь и не нуждаться, чем нуждаться и не иметь, – вполголоса прокомментировал дядя, пряча «Барлоу» обратно в карман.

Я забрался в «Салли» и застегнул ремень безопасности.

– Очень уж некоторые любят похвастаться, – заметил я. – И своей предусмотрительностью, и кое-чем еще... А те, кто хвастается, становятся похожими на раздувшихся лягушек.

– Я не хвастаюсь.

– Тогда почему ты – ходячий вызов обществу?

Дядя двинул рычаг коробки передач, сделал погромче радио, по которому передавали «Свободную птицу» в интерпретации Вайноны Джадд, и кивнул в такт своим мыслям.

– Если ты сделал то, что сделал, это не вызов и не хвастовство. Ты, парень, многого не знаешь.

И это тоже было верно.

Мне было шесть лет (так, во всяком случае, мне говорили), когда государство определило меня на воспитание в семью Уильяма и Лорны Макфарленд. Это должно было стать – и стало – конечной остановкой в моих скитаниях по разным семьям и по разным приютам, однако, даже прожив с дядей Уилли двадцать два года, я никак не мог понять, за что наш городок так сильно его ненавидит. Не стану скрывать – все это время я очень старался узнать подробности, но не особенно преуспел.

За мгновение до того, как отъехать от тротуара и влиться в поток движущихся по улице машин, дядя Уилли неожиданно снова переключил передачу на нейтраль и, водрузив очки на кончик носа, сказал, как бы между прочим:

– Кстати, Томми вернулась...

У Вилли Нельсона[14] есть песня об ангеле, который подлетел слишком близко к Земле и повредил крыло. После этого он уже не мог летать и был обречен навсегда остаться на нашей планете, но нашелся добрый человек, который его подобрал и выходил. Увы, как только крыло у ангела зажило, он тотчас взмыл вверх и стал подниматься все выше, а человеку оставалось только смотреть ему вслед. И как только дядя Уилли произнес слова «Томми вернулась», мелодия песни сама собой зазвучала у меня в голове.

Дядя вооружился новой зубочисткой, запас которых всегда был воткнут в обивку над солнечным козырьком, и, сжав ее зубами, пристально

посмотрел на меня. Я кивнул, стараясь спрятать взгляд.

– Когда?

Дядя сдвинул очки на переносицу и поправил зеркало заднего вида.

– Пару дней тому...

– А где она остановилась?

Дядя нажал на педаль и, махнув в знак благодарности какой-то женщине в черном «Субурбане», которая притормозила, давая ему отъехать от бордюра, сказал:

– У нас, конечно.

После нескольких лет, наполненных бесчисленными телефонными звонками, на которые никто не ответил, после сотен возвращенных отправителю писем, после смутных и противоречивых слухов, обернувшихся неприглядной правдой, Томми все-таки возвратилась домой.

* * *

Полчаса спустя мы свернули с Девяносто девятого шоссе на извилистую грунтовую дорогу, ведущую прямо к порогу нашего дома. Вдоль дороги росло пятьдесят четыре могучих pekanовых ореха, которые дядин отец – Тиллман Элсуорт Макфарленд – посадил здесь полвека назад. Дядя довез меня до старого амбара.

– Я зайду чуть позже, – пообещал он, глядя на окно под крышей, где на чердаке была оборудована жилая комната – не особенно большая, но зато со всеми удобствами. – Надо же вам хоть немного побыть вдвоем.

Я быстро поднялся по лестнице, глубоко вдохнул и толкнул дверь. Чердачное помещение дядиного амбара когда-то было моим «домом вне дома». Я жил здесь, пока учился в старшей школе и в колледже, и даже некоторое время после того, как закончил учебу. Даже сейчас, когда мне бывает лень возвращаться на яхту, я иногда ночую здесь.

Кондиционер был выставлен на максимум, и по оконным стеклам стекали капельки конденсата. Когда я вошел, Томми как раз стояла возле открытого холодильника, протянув руку к стоявшему на верхней полке стакану. На ней были брюки от тренировочного костюма, которые выглядели так, словно были велики ей на пару размеров, и рубашка с укороченным подолом, обнажавшим поясницу, на которой я разглядел татуировку с изображением восходящего солнца. Волосы Томми – некогда черные и блестящие, как вороново крыло, – были сейчас выкрашены в неопределенный светло-соломенный цвет и выглядели безжизненными и тусклыми.

Услышав, как открылась дверь, Томми обернулась. Ее лицо показалось мне очень худым. Надбровные дуги выдавались вперед, а похожие на два изумруда глаза, которые я помнил еще со школы, утратили блеск и налились кровью.

Томми улыбнулась, слегка наклонила голову и... Вам когда-нибудь приходилось видеть по телевизору или в кино, как от тающих ледников отламываются огромные глыбы размером с небоскреб – отламываются и падают в океан? Что-то подобное может произойти и с человеческим сердцем. Я, во всяком случае, ощутил что-то подобное, когда заправленные за ухо волосы Томми упали ей на глаза, а правый уголок губ слегка приподнялся в пародии на улыбку. Именно в этот момент мне показалось, будто мое сердце треснуло и развалилось пополам.

Я кивнул в сторону распахнутой дверцы холодильника.

– Ты что-нибудь ищешь?

– Безвестности, – ответила она, не отрывая от меня глаз.

Продолжая рассматривать меня, Томми шагнула вперед по вытертому ковру. На пальцах ее босых ног блестел свежий ярко-красный лак. Еще шаг. Она остановилась в нескольких дюймах от меня, взяла за руки и мягко потянула. Это не было настоящим объятием – она как будто просила «встретить ее на полпути»^[15]. Руки и спина у нее были сильными, но маленькая, почти девичья грудь показалась мне неестественной и по-голливудски твердой. Несколько минут мы стояли неподвижно. Томми по-прежнему полуобнимала меня, но какое-то время спустя силы ее иссякли. Прошло еще какое-то время, и я осознал, что теперь уже не она обнимает меня, а я поддерживаю ее, не позволяя упасть.

В тот день, когда она уехала – а это было почти девять лет назад, – шел дождь, и Томми ворвалась в эту комнату под крышей амбара промокая, с посиневшими то ли от холода, то ли от страха губами. С ее волос капало, с одежды текло. За плечами у нее был небольшой рюкзачок с теми немногими вещами, которые она сумела забрать из своей квартиры, а на лице запеклась кровь. Разбудив меня, она с силой прижалась губами к моим губам. Ее кровь показалась мне горькой на вкус, распухший подбородок был неестественно горячим. Призывая меня к молчанию, Томми коснулась моих губ кончиками пальцев и прошептала:

«Не забудь: однажды я была счастлива. Здесь... С тобой. Я была!..» – Она проглотила готовые пролиться слезы, вытерла лицо рукавом и прищурилась. В одно мгновение ее взгляд стал твердым и пристальным.

«Запомни еще одну вещь, Чейз... Не верь лжи. Она никогда не заменит правду. – Томми откинула голову назад, продемонстрировав несколько

параллельных кровоподтеков у себя на шее. – Никогда!.. – Кровь хлынула у нее из носа и закапала с подбородка. – Обещай мне!..»

Я поднял руку, чтобы вытереть кровь, но Томми только отмахнулась. – «Обещай!»

Я кивнул.

Еще один поцелуй – и она снова исчезла, словно растворившись в потоках дождя. Какое-то время я еще различал в дождливом сумраке задние огни ее «Шевроле», похожие на два багровых глаза, потом и они пропали за пеленой падающей с неба воды.

Ее сегодняшнее объятие выдало Томми с головой, как и то, давнишнее.

Она легко поцеловала меня в уголок губ, и я почувствовал, как половинки моего сердца рухнули в океан. Формально Томми считалась моей двоюродной сестрой, но поскольку я был приемным ребенком, родственниками мы были только на бумаге. Кузен, кузина – все эти ярлычки не имели для нас никакого практического значения.

Подавшись вперед, я тоже прижался губами к ее губам. И Томми почти ответила, но тут же отстранилась и, взяв себя в руки, лишь легко провела кончиками пальцев по моим губам. Когда-то она умела разговаривать без слов, с помощью жестов и движений, но теперь забыла этот язык. Уверенная в себе, прямолинейная, отчасти даже резковатая девушка-подросток, которую я когда-то знал, исчезла, уступив место спокойной и сдержанной женщине.

Я открыл холодильник, достал бутылку молока и сделал несколько глотков прямо из горлышка.

– Дома была?

Томми огляделась по сторонам, потом скрестила руки на груди.

– Я уже дома.

Я протянул ей молочную бутылку. Она налила немного молока в стакан, потом вернула бутылку мне. Я смотрел, как Томми маленькими глотками цедит холодное молоко. Ее кожа была похожа на грубую серую стеклоткань, натянутую на искореженный деревянный каркас. Впрочем, несмотря на худобу, фигура у нее оставалась спортивной, словно она питалась только здоровой пищей, регулярно занималась йогой и пилатесом и не брезговала услугами пластических хирургов.

Я пытался придумать, о чем бы еще с ней поговорить, когда в дверь постучали. Я почти не сомневался, что это был дядя.

– Раньше ты никогда не стучал! – крикнул я ему. – С чего бы тебе вздумалось изменять старым привычкам?

Войдя в комнату, дядя поцеловал Томми в лоб и вручил ей тарелку,

накрытую алюминиевой фольгой.

– Вот, ешь, пока горячие. Лорна сейчас придет – только завьет волосы.

Томми сняла фольгу, зажмурилась и втянула носом поднимающийся от тарелки пар. Свежие печенья выглядели очень аппетитно.

– Как здорово!.. – выдохнула она. – Есть же вещи, которые никогда не меняются!

Я посмотрел на нее.

– Кое-что все же меняется.

Томми отправила в рот первое печенье и стала жевать, на обращая внимания на прилипшие к губам крошки расплавленного шоколада. Покончив с печеньем, она вытерла руку о штаны и прижалась к дяде Уилли, просунув плечо под его левую подмышку.

Я готов был сказать еще что-то столь же глупое, как моя предыдущая реплика, но тут зазвонил телефон. Сев на край стола, я нажал клавишу громкой связи.

– Чейз слушает.

– Чейз! – Это был Ред Хэррингтон, мой редактор, сравнительно недавно сменивший Нью-Йорк на наш захолустный Брансуик. – Ну как, понравились тебе твои трехдневные каникулы?

Ред был чистокровным северянином – настоящим янки, который, несмотря на свои сорок с лишним, носил длинные волосы, собирая их на затылке в конский хвост. Дядя часто повторял, что на Юге Ред должен чувствовать себя как кошка с длинным хвостом, случайно попавшая в гостиную, где два десятка людей раскачиваются в креслах-качалках. На самом деле Ред перебрался в наши края лет десять назад, последовав за женой-южанкой, которая, закончив один из привилегированных нью-йоркских колледжей, довольно скоро обнаружила, что ее тошнит и от Манхэттена, и от собственного мужа, обзаведшегося любовницей чуть ли не через год после свадьбы. В настоящее время Ред был бездомным холостяком, вынужденным работать, чтобы выплачивать жене положенные алименты. Газета – вот все, что у него осталось. Насколько я мог судить, прошлое лежало у него на плечах тяжким грузом, однако, несмотря на это, Ред оставался прекрасным газетчиком, обладавшим отменным нюхом на сенсации. Кроме того, он был наделен всепоглощающим стремлением во что бы то ни стало докапываться до правды, как бы глубоко она ни была зарыта. Порой Ред даже представлялся мне квинтэссенцией человека эпохи постмодерна, который никому не доверяет, пребывая в уверенности, что каждый из тех, кто его окружает, скрывает какую-то тайну или секрет.

– На самом деле это было совсем неплохо. – Я посмотрел на

телефонный аппарат. – Кстати, спасибо за ужин.

– Не за что. Его стоимость я вычту из твоей зарплаты... Слушай, Чейз, я отлично понимаю, что после тюрюги тебе, наверное, охота побыть дома, чтобы поскорее все забыть, но...

Я бросил быстрый взгляд на Томми. Она ухмыльнулась. По всему было видно, что услышанное произвело на нее впечатление.

– ...Но ты мне нужен. Действительно нужен!

Судя по его голосу, Ред не шутил.

– Что стряслось?

– Товарный поезд столкнулся с автомобилем на каком-то богом забытом переезде. В машине была пьяная женщина. Похоже на самоубийство, но...

– Удалось выяснить, кто она такая?

– Пока нет. Результаты анализа ДНК будут готовы только завтра.

– А по записям зубных врачей проверяли?

– Дохлый номер. У нее были зубные протезы.

– И ты хочешь, чтобы я разузнал об этой женщине как можно больше?

– Разумеется, но для нас ее история сейчас не главное. Куда важнее выяснить все о ребенке, которого она вышвырнула из салона, прежде чем решила припарковаться на рельсах.

Дядя уставился на аппарат. Над его нахмуренными бровями появилась легкая горизонтальная морщинка. Отпустив Томми, он шагнул вперед и остановился возле стола.

– Его нашли только вчера утром, – продолжал Ред. – То есть спустя почти сутки после аварии. Он стоял на дороге с таким видом, словно заблудился и не знает, куда идти. За ночь его жестоко искусали муравьи, но муравьиные укусы – это еще не самое страшное...

Я перехватил взгляд дяди. Что он хочет узнать, мне было понятно без всяких слов.

– А что было самое страшное? – спросил я.

– Приезжай в больницу и увидишь, – отозвался Ред. – Палата 316.

– От самого парнишки удалось что-нибудь узнать? Какие-то подробности?

– Пока нет. Может быть, ты сумеешь его разговорить.

Ред дал отбой, и я выключил громкую связь. Дядя смотрел в окно, за которым расстилалось пастбище, росли пальмы и бродило несколько дядиных породистых брахманов[16].

Я снял с крючка у двери ключи от своей машины и снова посмотрел на Томми, которая вытянулась на моей кровати и, натянув до подбородка

одеяло, закрыла глаза.

– Ты... ты еще у нас побудешь?

Она кивнула.

– Не беспокойся, никуда я не денусь.

Я шагнул к кровати и тронул ее за ногу.

– То же самое ты говорила и в прошлый раз.

Она повернулась на бок и посмотрела на меня. Сказать, что у нее был усталый вид, значило бы ничего не сказать.

Спустившись вниз, я обнаружил, что дядя уже сидит на пассажирском сиденье моей машины. Он снова надел шляпу и даже застегнул ремень безопасности.

– Куда это ты собрался?

– Я поеду с тобой. – Для наглядности он ткнул пальцем в направлении подъездной дорожки. – Давай уже, заводись.

Интересно, это мне кажется, или мир действительно начал вращаться быстрее с тех пор, как я покинул негостеприимную прохладу тюремной камеры? Похоже, придется обойтись без душа, дезодоранта и отдыха на носу моей яхты. Указания Реда я еще мог проигнорировать, но дядю...

Я ездил на «Тойоте Ленд Крузере» 1978 года, которую я окрестил «Викторией», или просто «Викки». На мой семнадцатый день рождения – после двух лет жестокой экономии, в течение которых я откладывал буквально каждый цент, – дядя объявил, что удвоит мои сбережения и поможет мне купить мою мечту. Зеленая, с обшитым черной кожей спортивным рулем, мягким верхом типа «бикини»^[17], с огромными рубчатými шинами для езды по бездорожью, лебедкой, ручным отключением привода ведущих колес, четырехступенчатой коробкой передач, демультпликатором и силовыми рубчатými бамперами спереди и сзади, «Викки» могла пройти практически где угодно. Судя по не успевшей засохнуть грязи под крыльями, моей машине пришлось продемонстрировать свои вездеходные качества буквально вчера, хотя я в это время был в тюрьме. Что ж, подумал я, это вполне в стиле дяди: ребенка можно силой увести из магазина игрушек, но заставить забыть о хранящихся там сокровищах – задача потруднее.

Одной из особенностей, благодаря которой «Викки» не боялась многочисленных преград, была впускная труба, выведенная с правой стороны на уровень крыши. У большинства машин впускная труба, через которую в двигатель засасывается воздух, заканчивается чуть выше блока цилиндров, но у моей «Викки» она имела длину шесть с лишним футов. Такие трубы появились в Африке, где британским исследователям и

путешественникам частенько приходилось форсировать реки и речушки. Машина с удлиненной трубой способна преодолеть реку вброд, даже когда вода поднимается выше капота. «Викки» могла продолжать движение, даже когда вода полностью заливала руль. Правда, это в теории – на практике я никогда до такого не доводил, однако мысль о подобном трюке приятно тешила мне душу.

В прошлом месяце спидометр «Викки» показал двести тысяч миль. Мы отпраздновали это событие, сменив масло и отрегулировав мосты, а потом выехали на побережье, наловили рыбы и устроили пикник. Надо признать, что «Викки» немного тяжеловата на ходу и редко разгоняется до скорости свыше семидесяти миль в час. На особенно суровом бездорожье ее рессоры начинают жалобно поскрипывать, а вокруг заклепок в колесных колодцах давно появились пузыри ржавчины, однако я продолжаю любить ее нежной и преданной любовью. Причина этой любви проста – по той же причине я люблю и наше заболоченное побережье: когда я сижу за рулем своего вездехода, мне легче дышится.

Именно этого мне не хватало все три дня, которые я провел на попечении штата.

Выжав сцепление, я включил передачу и медленно выехал из амбара. Свернув на подъездную дорогу, я переключился на третью и сразу почувствовал, как мое лицо овеивает теплый встречный ветерок. Его мимолетная ласка походила на дружеский поцелуй, которым «Викки» приветствовала меня после разлуки.

Именно в это мгновение я вдруг подумал о том, что показалось мне странным, когда Томми прижалась губами к моей щеке. Машинально я коснулся лица, потом потер друг о друга кончики пальцев и бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

Никаких сомнений не оставалось – у Томми был жар.

Глава 2

Мы добрались уже до самого конца подъездной дорожки, когда навстречу нам попался старый и грязный «Линкольн Континенталь», принадлежавший некоему Питеру Макквейру по прозвищу Карман. Этим прозвищем наградили Питера клиенты: сколько бы денег он от них ни получал, в его бездонных карманах всегда оставалось место для нового гонорара. Заметив нас, Карман махнул рукой, давая знак остановиться. Я притормозил, и он, выскочив из машины, протянул дяде пухлый конверт.

– Привет, Уильям. Вот, возьми, это копия нашей апелляции.

Дядя кивнул.

– Если и это не сработает, тогда мы можем... – добавил адвокат, но дядя от него отмахнулся.

– Никаких «тогда», – решительно произнес он. – За двадцать лет юридических плясок я остался практически без денег. – Дядя сдвинул очки на кончик носа и взглянул на Кармана в упор. – И большая их часть досталась тебе. Если бы ты не был так чертовски пронырлив, я бы давно разорвал с тобой все деловые отношения.

Адвокат улыбнулся.

– Спасибо за доверие. – Он показал на конверт. – Оригинал уже на столе у судьи: как мне кажется, аргументы мы подобрали весьма удачные. А поскольку правда на твоей стороне, не исключено, что на этот раз...

Дядя посмотрел на него в окно.

– Правда была на моей стороне с самого начала. В этом-то отношении ничего не изменилось.

– Не забывай, Уильям, – я тоже на твоей стороне. – Карман вернулся за руль «Линкольна». – И всегда был.

Когда мы уже выезжали на шоссе, дядя проворчал:

– В таком случае, Карман, ты – один из немногих.

Ветер трепал мягкую крышу «Викки», теперь он нес не только запах солончаковых болот, но и дизельного выхлопа, исходивший от появившегося на железнодорожных путях поезда. Поезд вез легковые автомобили в порты Брансуика и Джексонвилла. Протяжный, нагоняющий тоску гудок локомотива заставил меня мысленно вернуться к единственному воспоминанию, которое осталось у меня об отце.

* * *

Как мне кажется, тогда мне было года три. Услышав далекий, протяжный гудок, я потихоньку выбрался из дома и босиком зашагал по дорожке. Возможно, у меня под ногами была трава, возможно – она была мокрой от росы. Никем не замеченный, я добрался до здания станции и вышел на платформу. С платформы я спрыгнул на пути, чтобы положить на рельс монетку в полдоллара: мне очень хотелось посмотреть, что с ней станет после того, как поезд прокатится по ней всеми своими колесами. Помню кота с длинными усами – серого или, может быть, пятнистого, который прошмыгнул под платформой рядом со мной. Рельсы были холодными, и таким же ледяным показался мне желтый осколок бутылочного стекла, который я не заметил и который вонзился мне в ступню. Не устояв на ногах, я с размаху упал на рельс и почувствовал, как у меня в груди что-то хрустнуло. Какое-то время я не мог пошевелиться, не мог даже дышать. Горячая кровь текла по моей ноге, я чувствовал ее, но был не в силах даже приподнять голову, чтобы взглянуть на рану. В конце концов я все же попытался встать, но у меня ничего не получилось. Точно Гулливер в плену лилипутов, я был словно привязан к земле тысячами тонких, но прочных нитей.

Я пытался кричать, звать на помощь, но острая боль в боку не давала мне этого сделать. Ни один звук не вырвался из моего широко раскрытого рта. Единственным, что я слышал, был оглушительный гудок приближающегося поезда. Несмотря на овладевшую мной панику, я все же сообразил, что зацепился за что-то поясом или штрипкой моих джинсовых шортов. Неестественно изогнувшись, я попытался отцепиться, но у меня опять ничего не вышло.

Дальше... Дальше я помню только ослепительный свет локомотивных прожекторов и ощущение горячей влаги в паху. Ничего удивительного, что я обмочился от страха, – из темноты и тумана на меня надвигалось ревящее, грохочущее чудовище с тремя горящими глазами, а я был совершенно беспомощен.

Гудок гудел уже не переставая – так, во всяком случае, мне тогда показалось, однако даже сквозь его рев я расслышал быстрые шаги. Должно быть, человек был в тяжелых рабочих ботинках, хотя рассмотреть их я не успел – только почувствовал вибрацию, которая передавалась мне через землю. Сверкнул луч фонарика, потом надо мной склонилась какая-то темная тень. Большие, сильные руки обхватили меня под мышки, потянули и... и штрипка на шортах вдруг лопнула с такой легкостью,

словно была пришита всего одним-двумя стежками и вдобавок гнилой нитью.

Потом со мной случилось что-то вроде провала в памяти. Словно тонарм скользнул по поцарапанной пластинке, перескочив сразу несколько дорожек. Следующим, что я запомнил, были огромные блестящие колеса и ржавые тележки вагонов, пронсящие в считанных дюймах от моей головы. Потом раздался пронзительный скрежет – поезд начал тормозить. Колеса остановили свое бешеное вращение, но под действием инерции продолжали скользить по рельсам, обдавая меня фонтанами оранжевых искр, которые едва не обожгли мне щеки.

До этого момента мои воспоминания сравнительно отчетливы, словно снимки Энсела Адамса[18], – я и сейчас как наяву слышу скрежет моих сломанных ребер, вижу искры, ощущаю холод рельсов и теплое прикосновение промокших шортов. Все дальнейшее расплывается, тонет в тумане, чернеет, становится неразличимым. Примерно то же самое происходит, когда в старинном кинопроекторе заедает пленку, и мощная лампа прожигает в целлулоиде дыру. Вот я оборачиваюсь, чтобы увидеть человека, чьи руки только что выхватили меня из-под колес поезда, но вместо его лица в моей памяти зияет дыра, когда же он начинает говорить, я слышу только шелест и шлепки, похожие на те, которые производит хлещущий по роликам кончик оборвавшейся пленки.

Сколько бы я ни пытался восстановить в памяти те давние события, так сказать – проиграть пленку заново, я так и не смог услышать, вспомнить слово, которое снова и снова твердил мой спаситель. Тем не менее я абсолютно уверен, что он звал меня по имени, которое было моим настоящим именем.

Тем самым, которое он дал мне при рождении.

С тех пор прошло четверть столетия. Я побывал в трех приемных семьях и двух интернатах, пока не попал наконец в дом дяди Уилли и тети Лорны. Где бы я ни был, повсюду я внимательно прислушивался к именам, которыми окружающие звали друг друга и меня. Мне казалось, что, как только я услышу свое настоящее имя, я сразу же его узнаю.

Мне не раз говорили, что поскольку я был подкидышем – ребенком, которого в буквальном смысле нашли где-то на улице, имя и фамилию мне подобрали практически сразу. Директор приюта давал имена безымянным сиротам примерно так же, как метеорологи дают имена ураганам. По-видимому, в тот год сирот и подкидышей было довольно много, поскольку когда меня, так сказать, вышвырнули за борт, персонал успел добраться до последних букв алфавита. (Иногда я спрашиваю себя, не так

ли чувствовал себя Моисей?) Легенда гласит, что в первый же понедельник после моего поступления в приют сотрудники покидали в шляпу бумажки с фамилиями на «У», кто какие смог припомнить. Точно так же для меня выбрали и имя.

До сих пор, когда кто-нибудь называет меня Чарльзом Уокером – именем и фамилией, записанными в моей водительской лицензии, мне кажется, что речь идет не обо мне. Что на самом деле меня зовут совершенно иначе. Я знаю это, потому что «Чарльз Уокер» не помещается в дыру на пленке моих воспоминаний.

Если хотите понять, что я имею в виду, попробуйте при знакомстве с чужими людьми представляться не вашим, а другим, выдуманном именем. Думаю, вам многое станет ясно, когда вместо, скажем, Майкла вас будут звать Джоном или Биллом.

К тринадцати годам я смертельно устал от жизни между надеждой и неопределенностью. Скопив немного денег, я купил словарь имен (счастливые супружеские пары, которые ждут ребенка, любят листать такие по вечерам) и прочел его вслух – все пять тысяч имен, которые в нем были. Для этого я специально уходил в лес и то шептал, то выкрикивал их во все горло, пытаясь вспомнить то единственное, которое принадлежало мне. Увы, ни одно имя так и не показалось мне знакомым.

Глава 3

Брансуикская городская больница была ничем не примечательным зданием, в котором функциональность одержала победу над архитектурой с разгромным счетом. Подобных типовых проектов полным-полно по всей Южной Джорджии.

Как только мы остановились на больничной парковке, дядя выбрался из машины, вошел в вестибюль и нажал кнопку лифта. Тут надо сказать, что в строгих интерьерах медицинского учреждения смотрелся он не слишком уместно: будучи кузнецом, дядя много времени проводил с лошадьми в стойлах и денниках, поэтому его одежда, если можно ее так назвать, отличалась крайней простотой. Обычно дядя надевал джинсовую рубашку с длинным рукавом и на кнопках (никаких пуговиц!), вытертые джинсы «Рэнглер», старые ботинки, у которых уже дважды меняли подметки, кожаный ремень, на котором сзади было выжжено гвоздем имя «Уилли», и красный или синий шейный платок. Дядя утверждал, что платок защищает его от пыли, но я несколько раз говорил ему, что он похож на детский слюнявчик и советовал промокать им уголки губ. На голове дядя носил либо вытертую бейсболку с эмблемой «Краснокожих из Атланты», либо свой знаменитый «гас» – в зависимости от настроения и от того, участвовала ли наша любимая команда в борьбе за Кубок. Сейчас на нем была именно бейсболка, поскольку в финальной серии «Краснокожие» выиграли уже пять игр подряд, к тому же буквально вчера Чиппер сделал «круговую пробежку»[\[19\]](#).

Поднявшись на третий этаж, мы вышли из лифта и двинулись по коридору к палате номер 316. У ее дверей сидел в кресле какой-то молодой мужчина в костюме и листал журнал «Спецназ»[\[20\]](#).

– Вы репортер? – спросил он, вопросительно глядя на меня.

Я предъявил редакционное удостоверение.

Мужчина кивнул и пожал плечами.

– Желаю удачи, – проговорил он, открывая перед нами дверь.

Палата 316 была угловой, поэтому в ней было сразу два больших окна, и яркий солнечный свет заливал свежесмытые стены, сверкавшие, словно горные вершины. Телевизор был выключен. Мальчишка сидел у правого окна и, поглядывая на улицу, что-то быстро чертил в дешевом блокноте на спиральной пружине. Мне бросилось в глаза, что карандаш он

держал закрытой ладонью, как художник, рисующий углем, и что рука его движется быстро, уверенно и размашисто. На стуле он сидел, скрестив ноги, а из одежды на нем были лишь длинные пижамные штаны с рисунком в виде бейсбольных мячиков. Услышав, что мы вошли, мальчик сунул карандаш за ухо, захлопнул блокнот и прижал его к себе обеими руками. На нас он даже не обернулся.

Я придвинул к окну еще один стул и сел рядом с парнишкой. Почти минуту я молчал, разглядывая его спину, покрытую огромным количеством шрамов разных форм и размеров. Дядя так же молча обошел нас кругом. Когда он оказался за спиной мальчишки, я услышал, как он непроизвольно охнул, со свистом втянув воздух между передними зубами. Потом дядя вытер нос рукавом, снял бейсболку и, сделав еще пару шагов, прислонился к подоконнику, сокрушенно качая головой. Я услышал, как он тихо, но свирепо выругался вполголоса.

Мальчишка был невероятно худым, почти костлявым. Его бледную, как бумага, кожу покрывали припухшие красноватые пятна – следы муравьиных укусов. Из-под повязки на спине проступила сукровица, медленно стекавшая вдоль выступающего бугорками позвоночника. Дядя некоторое время разглядывал этот ручеек, потом вышел в коридор и вернулся с несколькими марлевыми салфетками, которые он взял на сестринском посту. Опустившись перед мальчуганом на колени, он показал ему чистую ткань и сказал:

– Я хочу просто вытереть тебе спину. Вот этим. Ты не против?

Мальчик медленно кивнул. Он продолжал смотреть в пол перед собой, и я неожиданно подумал, что паренек напоминает мне щенка лабрадора, которого я однажды видел в собачьем приюте. Его густая шерсть свалаялась и стала похожа на грязную посудную мочалку, длинные уши закрыли половину морды, хвост был поджат, а широкие крупные лапы, которые были почти такими же большими, как у взрослого пса, дрожали мелкой дрожью.

Дядя вытянул вперед ладонь.

– Вот, возьми меня за руку.

Мальчишка на мгновение оторвал глаза от пола, взглянул на протянутую руку и снова уставился вниз.

– Если будет хоть немного больно, сожми ее, договорились? – предложил дядя.

Медленно, как в замедленной съемке, мальчик поднял свою худую ручонку и сунул в дядину ладонь.

Есть такая школьная игра: один игрок протягивает вперед обе руки,

другой накрывает их ладонями. Первый должен отдернуть руки, прежде чем второй игрок успеет по ним шлепнуть. Если вы когда-нибудь играли в такую игру, вам должна быть известна одна хитрость: тот, чьи руки находятся сверху, должен слегка надавливать на руки соперника. Именно об этом я почему-то подумал, когда увидел ладонь мальчика в дядиной руке.

Дядя слегка приподнял край пожелтевшей повязки и осторожно вытер сукровицу. Две чистые салфетки он положил на воспалившуюся рану и помог мальчику облокотиться на спинку стула так, чтобы удержать их на месте.

Мгновение спустя мальчик выдернул руку из его пальцев и снова устоял на свои колени.

– Ну, вот и все, – сказал дядя, снова опускаясь рядом с ним на пол. Когда мальчик ничего не ответил, он вытащил из кармана рубашки леденец на палочке. – Ты ведь знаешь – никогда нельзя брать конфеты у незнакомцев? – спросил дядя.

Мальчишка покосился на леденец, потом прикусил губу и снова устоял в пол.

Дядя развернул конфету и снова протянул мальчику.

– Вот. Так будет лучше.

Было видно, что мальчишка колеблется, однако и сдаваться ему не хотелось.

– Ладно, сделаем так... – проговорил дядя, заметив его сомнения, и положил леденец на блокнот, который мальчик теперь держал на коленях. – Съешь, когда захочешь, о'кей?

С этими словами он отступил назад. Рука мальчика чуть дрогнула, медленно сдвинулась вперед и взяла леденец за палочку.

Я посмотрел на блокнот и сказал, стараясь говорить негромко и спокойно:

– Что ты рисуешь?

С тех пор как мы вошли, я еще не видел толком его лица. Мальчик сидел так низко наклонив голову, что мне были видны только его неровно подстриженная макушка и небольшой кусочек лба.

Удерживая леденец одной рукой, мальчик открыл блокнот. На развороте двух страниц был изображен момент, когда передняя часть тепловоза врезалась в легковой автомобиль, похожий на древнюю «Импалу». набросок был почти профессиональным – не детский рисунок в стиле «палка, палка, огуречик» и даже не упрощенно-схематическое изображение, как в мультфильмах и карикатурах.

– Это твоя машина?

Он покачал головой.

– Но ты был внутри? Ехал в ней?

Мальчик кивнул.

– Как тебя зовут?

Мальчуган вытащил из-за уха карандаш, начертил на странице знак вопроса и обвел его кружком.

Часы отсчитывали секунды. Молчание затягивалось, и я предпринял еще одну попытку.

– Лет до шести меня называли разными именами, – сказал я. – В каждом новом приюте или интернате для мальчиков меня звали по-новому. Это закончилось, только когда дядя – вот он стоит – оформил мое свидетельство о рождении и показал его мне.

Мальчуган бросил быстрый взгляд на дядины потрепанные башмаки.

– Ты никогда не видел своего свидетельства о рождении?

Он покачал головой.

– Но ведь другие люди как-то тебя называли? Как?

Мальчик открыл блокнот на чистой странице и написал на ней крупными печатными буквами: «Сопляк».

Я некоторое время разглядывал надпись.

– Тебя звали только так? И никак иначе?

Он не ответил, и только его левая нога, которая слегка подергивалась, еще когда мы только вошли, запрыгала по полу так, словно была привязана к ниточке, которую дергал и тянул невидимый кукловод-пьяница.

– Ладно... Ну а если бы ты мог выбрать себе любое имя, чтобы другие люди могли к тебе обращаться... какое бы ты предпочел?

Мальчуган замер, даже его колено перестало дрожать. Потом голова его медленно-медленно повернулась в направлении моих ног, задержалась на секунду и снова вернулась в прежнее положение. Похоже, кукловод ослабил натяжение нитей – фигура мальчика выглядела теперь слегка обмякшей.

Только тут я заметил, что в его блокноте осталось всего несколько чистых страниц – все остальные были заполнены какими-то рисунками, эскизами, набросками.

– Покажи мне свой блокнот. Пожалуйста, – попросил я.

Разложив блокнот на коленях, мальчик открыл первую страницу. Спрятав руки за спину, чтобы он не подумал, будто я собираюсь отнять его единственное сокровище (а в том, что мальчик дорожил своим блокнотом, у меня не было никаких сомнений), я наклонился вперед. Дядя, вытянув

шею, смотрел поверх моего плеча.

Это было поразительно. Столь реалистичных изображений, сделанных с помощью простого карандаша, я еще никогда не видел. Пропорции, перспектива, расположение рисунка на странице – все было настолько близко к идеалу, насколько это возможно. Но еще более удивительной казались почти фотографическая точность и скорость, с которой он рисовал.

Мальчик медленно листал страницы, а мы с дядей смотрели во все глаза. Мы увидели старый трейлер, стоящий на бетонных блоках вместо колес, упитанную кошку в ошейнике, разлегшуюся на его крыше, немецкую овчарку в тени под трейлером, а также две декоративные фигурки фламинго, которые валялись в траве чуть в стороне. У одной из фигурок была отбита голова. На ступеньках трейлера стоял высокий баскетбольный ботинок с распушенными шнурками и дырой над большим пальцем, трава перед входом была усыпана пустыми пивными банками и бутылками из-под виски «Джим Бим». От угла трейлера тянулась к ближайшему дереву бельевая веревка. На ней сушились мужские трусы, женские стринги, несколько пар джинсов большого размера и одни детские. Позади трейлера рос огромный дуб, почти накрывавший его своими ветвями, а на первом плане красовалась разрезанная пополам пятидесятигаллонная бочка, из которой поднимались языки пламени. Рядом валялся полупустой мятый пакет с древесным углем. К двери трейлера были прибиты крупные цифры «2» и «7». Все окна были распахнуты настежь, а в угловой комнате виднелся большой напольный вентилятор.

Я попытался заглянуть мальчугану в глаза, но он только опустил голову еще ниже.

– Можно перевернуть страницу? – спросил я.

Он кивнул. Я открыл следующую страницу и снова убрал руки за спину.

На второй странице я увидел рисунок мужской руки – крупным планом. Рука была крупной, мускулистой, мозолистой и не очень чистой. Пальцы с силой сжимали пассатижи, которые впивались во что-то похожее на предплечье или лопатку. Складка кожи между губками инструмента была в полдюйма толщиной и около дюйма длиной.

Рисунок на следующей странице изображал ту же руку с пассатижами сразу после того, как они отхватили с лопатки кусок кожи.

Невольно я перевел взгляд на мальчугана – на его руки, плечи и спину. Его кожа напоминала перепаханное снарядами поле битвы. Не считая раны под повязкой, я насчитал полтора десятка шрамов, каждый из которых был

примерно шириной с губки пассатижей. Волосы на затылке были местами вырваны, а не просто неровно подстрижены, как мне показалось вначале. Узенькие костлявые плечи покрывали царапины и ссадины, ногти были обкусаны, а ноги и лодыжки покрывала въевшаяся грязь, смыть которую за один раз не представлялось возможным.

Дядя молча рассматривал картинки, то и дело поглядывая то на мальчишку, то на меня. Его губы скривились, а зубами он прикусил щеку изнутри. Время от времени он слегка сплевывал, словно это были кусочки омертвевшей кожи.

Теперь уже я встал на колени, пытаюсь в очередной раз заглянуть мальчишке в глаза. Не прикасаясь к нему, я показал на его покрытые шрамами руки.

– Кто это с тобой сделал?

Невидимый кукловод снова задергал нити, и теперь вдвое быстрее. Затряслась уже не только левая нога мальчишки, но и правая рука. Голова повернулась в направлении дядиных башмаков, качнулась в мою сторону и вернулась в прежнее положение. Наконец мальчишка захлопнул блокнот и скрестил руки на груди.

Я сел на пол перед его стулом и показал на блокнот.

– Как зовут этого человека?

Мой вопрос привел лишь к одному – вместе с рукой и ногой затряслась еще голова мальчика, но я не отступал.

– Ты можешь его нарисовать?

Его конечности сначала замедлили свою пляску, потом и вовсе замерли. Еще через несколько секунд перестала трястись голова. Решив, что парень успокоился, я выждал еще немного и постучал согнутым пальцем по блокноту.

– Покажи...

Мальчик вынул из-за уха карандаш, раскрыл блокнот и минуты за полторы набросал удивительно подробный поясной портрет мужчины. У него были темные волосы, усы и бакенбарды, клетчатая рубашка навыпуск была расстегнута, закатанные рукава обнажали накачанные бицепсы. Пивной живот нависал над ремнем, в углу рта болталась прилипшая к губе сигарета, а на правом плече темнела татуировка, изображавшая какое-то животное со змеиной головой. На левом предплечье я увидел другую татуировку – обнаженная женщина, обвитая огромной змеей. На кармане рубашки находилась нашивка с именем – судя по ней, мужчину звали Бо.

Я показал на рисунок:

– Это Бо? Бо сделал с тобой все эти... все это?

Мальчик никак не отреагировал, но рисунок говорил сам за себя.

– А как его фамилия?

Никакого ответа.

– Бо – твой отец?

Мальчик перевернул страницу и, сильно нажимая на карандаш, написал:

«Нет».

– А твоя мама? Она тоже жила в этом трейлере?

Кончиком карандаша мальчуган показал на написанное на странице короткое слово.

Я раскрыл блокнот на первой странице и показал на протараненную тепловозом «Импалу»:

– Твоя мама была в этой машине?

И снова карандаш уткнулся в «нет».

Дядя медленно наклонился к нам и показал на силуэт женщины за рулем.

– Это была твоя мама? – повторил он медленно.

Прежде чем ответить, мальчуган не менее шести раз переводил взгляд с дядиных ног на мои и обратно. Головы он по-прежнему не поднимал. Наконец он обвел слово «нет» жирным кружком.

Сидя на полу, я слегка откинулся назад, потер подбородок, почесал в затылке. Слишком много в этой истории было нестыковок, слишком многое не складывалось. Да и истории-то пока никакой не было. Забывшись, я похлопал мальчика по колену, заставив его поморщиться.

– Ты любишь пиццу?

Прежде чем ответить, мальчуган с опаской обернулся через плечо. Бросив взгляд на сидевшего за стеклянной дверью охранника, он быстро кивнул несколько раз подряд и, вооружившись карандашом, написал в блокноте:

«Да».

– Как насчет пепперони?

Мальчик показал на «да».

– С двойным сыром?

Он обвел «да» двойным кружком.

– Подожди секундочку, я сейчас.

Я вышел в коридор и набрал на мобильном телефон пиццерии «У Ната», которая не раз выручала меня, когда приходилось допоздна засиживаться в редакции, работая над материалом. Слушая длинные гудки, я вдруг подумал о том, что за все время мальчуган не произнес ни единого

слова и что мне так и не удалось увидеть, какого цвета у него глаза. Наконец на том конце взяли трубку, я сделал заказ, и Нат пообещал доставить пиццу через пятнадцать минут, что на самом деле означало полчаса.

Потом я позвонил на мобильник Реду, который ответил на пятом гудке.

– Ты в больнице, Чейз?

– Да. Слушай, может, объяснишь мне, что здесь, собственно, происходит?

– Выяснить, что происходит, – это *твоя* работа, Чейз. Газета считает, что это будет в интересах ребенка.

– Ты, наверное, имеешь в виду – в интересах газеты?

– Одно не исключает другого. Тебе нужно выяснить имя и фамилию этого мальчишки, откуда он родом, кто его родители и какой... какое чудовище в человеческом обличье нанесло ему все эти раны.

Я дал отбой, сунул телефон в карман и еще некоторое время в задумчивости стоял в коридоре. Мне нужно было поговорить со всеми, кто контактировал с этим несчастным ребенком: с пожарными, санитарями «Скорой», медсестрами, врачами... для начала. Достав из заднего кармана джинсов маленький блокнот для записей, я сделал несколько заметок. Когда я поднял глаза, то увидел врача – молодого мужчину лет тридцати, – который, остановившись перед дверью палаты, рассматривал листок с данными о текущем состоянии мальчика. Тронув его за плечо, я протянул руку.

– Чейз Уокер. Я из газеты.

Он кивнул и отступил от двери, отчего висевший у него на шее стетоскоп закачался из стороны в сторону.

– Пол Джонсон. Я читал ваши статьи, Чейз. Отличная работа. Особенно мне понравилась статья о контрабандных наркотиках, которые привозили шхуны-креветколовы.

Два года назад я действительно заинтересовался циркулировавшими в городе слухами о том, что наши местные промысловики используют свои суда, чтобы доставлять экстази из Майами в Миртл-Бич. Там, где речь идет о наркотиках, всегда появляются большие деньги – слишком большие для простых рыбаков, поэтому вычислить подозреваемых мне было совсем не трудно. Чтобы мои сведения выглядели солиднее, я сделал несколько вечерних съемок, которые потом передал в полицию. Полицейские устроили контрольную закупку, изъяли крупную партию экстази и повязали нескольких курьеров, а Ред потом напечатал мою статью на первой полосе.

– Спасибо, что приехали. – Доктор Джонсон бросил взгляд вдоль

коридора, по которому сновали врачи, медсестры, санитары больницы. – Мы считаем, что в данном случае содействие прессы нам необходимо. Нужно же выяснить, кто этот мальчишка и откуда у него эти...

– Скажите сначала, что с ним будет дальше?

– Ну, как только я его выпишу, власти штата определяют его в интернат или подберут ему приемную семью. К сожалению, в округе Глинн не так уж много зарегистрированных приемных родителей. Как сообщили нам окружной прокурор и органы опеки, большинство из них уже кого-то воспитывают и не смогут взять еще одного ребенка, не нарушая существующих норм и правил, остальные же просто не... не захотят взять такого мальчишку.

Доктор обернулся, и вышедший из палаты дядя протянул ему руку.

– Уилли Макфарленд, – представился он. – Я с ним, – добавил дядя, показывая на меня.

Доктор Джонсон машинально пожал ему руку и снова обратился ко мне:

– Насколько мы успели выяснить, этот мальчишка не выносит шума, суеты, громких звуков и голосов. Еще он очень любит мороженое... к тому же ему понравился охранник, который дежурит возле палаты. Он уже раз пятнадцать попросил его показать пистолет... правда, только жестами. – Врач повернулся к дяде. – Вам не удалось его разговорить?

Дядя покачал головой:

– Нет. А вам?

– Он не хочет говорить, – медленно проговорил Джонсон.

– Не хочет или... не может?

Врач кивнул.

– А-а, вы заметили?..

– У цыпленка тоже есть крылья, но это не значит, что он умеет летать.

Доктор Джонсон удивленно вскинул брови, и я поспешил пояснить:

– Дядя... мистер Макфарленд хочет сказать, что внешность бывает обманчива.

– Да-да, разумеется... – Врач раскрыл тоненькую больничную карточку. – Так вот, вчера мы сделали несколько рентгеновских снимков. Насколько можно судить, какое-то время назад мальчик, возможно, перенес серьезную травму трахеи. Гортань повреждена, со временем ее функция может восстановиться... а может и не восстановиться. Ну а кроме того... К сожалению, у меня почти нет опыта работы с такими детьми, к тому же я терапевт, а не психолог, но в специальных журналах я читал, что дети, подвергавшиеся регулярному насилию, могут страдать потерей памяти... и

речи тоже.

Я раскрыл свой блокнот, чтобы сделать еще несколько заметок.

– Что вы имеете в виду, док?

– Потеря памяти – это своеобразный защитный механизм, который позволяет ребенку забыть о причиненных ему страданиях. Ну, как если бы на жестком диске компьютера автоматически удалялись файлы, содержащие вредную информацию, которая способна обрушить всю операционную систему.

– То есть мальчишка может рисовать, как Микеланджело и при этом – не помнить своего собственного имени?

– Совершенно верно.

– А потеря речи?

– Это тоже защитный механизм. Дети, которых регулярно избивают по поводу и без повода, стремятся говорить как можно меньше, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания и не напоминать взрослым о своем существовании. Логика тут самая простая – чем меньше их замечают, тем реже бьют. Кроме того, когда такие дети пытаются что-то сказать, им чаще всего приказывают заткнуться. А если учесть, что у этого конкретного мальчугана имеются механические повреждения гортани, то нет ничего удивительного, что он производит впечатление немого.

– Как вы думаете, сможет ли он когда-нибудь говорить?

Врач покачал головой.

– Этого я не знаю. Если со временем его гортань и голосовые связки восстановятся, тогда, возможно, он и заговорит... если захочет, но это полностью зависит от него. В любом случае форсировать события не следует. Еще раз повторю: я не психолог, но мне кажется, что говорить он начнет только после того, как убедится: в этом мире есть люди, которые готовы его выслушать. До сих пор такие люди ему не попадались, так что пытаться разговорить его сейчас означает... грести против течения. Очень сильного течения.

– Теперь понятно, почему он ни на секунду не расстаётся со своим блокнотом, – сказал я.

Джонсон кивнул и закрыл карточку.

– Да, рисунки просто замечательные. Он делает свои наброски со скоростью профессионала-мультипликатора, к тому же у него, несомненно, талант. Я никогда не видел ничего подобного.

Дядя кивнул.

– Как вам кажется, сколько ему лет?

Врач задумчиво наклонил голову и прищурился.

– Лет восемь или, может быть, девять. Не больше десяти – он еще не вступил в пубертат.

Мы поговорили еще немного, и я записал все, что показалось мне любопытным, чтобы уточнить эти вопросы позднее. Мы уже заканчивали наш разговор, когда я почуял доносящийся от лифта запах пиццы.

Я расплатился с курьером, и мы втроем вошли в палату. Дядя расставил на подоконнике одноразовые тарелки и разрезал пиццу. Я успел трижды откусить от своего куска, прежде чем мальчишка прикоснулся к своей порции. Он понюхал свой кусок, придирчиво осмотрел края, потом повернулся к дверям и посмотрел на охранника в костюме. Тот по-прежнему сидел в коридоре, частично загораживая дверь, только сейчас он читал книгу Клайва Касслера в бумажной обложке. Внезапно мальчишка соскользнул со своего стула и направился к двери, и я в очередной раз поразился, каким он был худым – каждое ребрышко отчетливо проступало под кожей, а ноги в пижамных штанах казались тонкими, как тростинки. Двигался он медленно и при этом горбился, как старуха. Добравшись до двери, мальчуган протянул свою тарелку охраннику, предлагая отведать пиццы.

Охранник – а он был раз в пять больше мальчишки – посмотрел на его склоненную макушку, на пиццу и выставил перед собой лопатообразную ладонь.

– Спасибо, приятель, но я на диете. Хочу хоть немного похудеть.

Мальчишка чуть заметно кивнул, повернулся, словно на шарнире, замер на секунду, потом повернулся еще раз и, просунув тарелку под раскрытую книгу, поставил ее парню на колени. Охранник откинулся назад, отложил книгу и сказал:

– Ну ладно, уговорил!.. – Он широко улыбнулся. – Спасибо, приятель.

Мальчишка тем временем вернулся на свой стул у окна. Дядя тут же положил ему еще один кусок, и он наконец начал есть. Ел мальчуган медленно, а глотал с явным усилием, время от времени бросая взгляды на покрытую жирными пятнами коробку. За следующие полчаса он съел четыре куска пиццы и выпил три маленьких пакета молока. Допив последние капли, он взглянул на мою тарелку, где лежали оставленные мною корки.

– Если хочешь, можешь взять, – сказал я. – Я уже наелся.

Однажды, работая над историей с наркотиками, я встретил в порту бездомную собаку, которая обычно появлялась на причале вскоре после того, как рыбаки заканчивали рабочий день и расходились по домам. Три месяца я приманивал пса собачьими лакомствами, но он так и не подпустил

меня к себе ближе, чем на три ярда, и не позволил себя погладить. Собственно говоря, он подходил ко мне не ближе, чем было достаточно, чтобы определить, есть у меня при себе что-нибудь съестное или нет. Уловив запах собачьих галет, пес ждал, пока я положу их на землю и отойду подальше. Шерсть у него была грязной, свалявшейся и в репьях, а жил он под крыльцом склада в трех кварталах от порта. Однажды я совершил ошибку, появившись на берегу с треногой, чтобы установить фотоаппарат. После этого пес не появлялся несколько дней, очевидно, приняв треногу за палку. Мальчишка в больничной палате напомнил мне этого бродячего пса.

Я протянул свою тарелку, и мальчишка, оглядевшись по сторонам (похоже, это стало у него чисто рефлекторным движением), переложил корки от пиццы к себе. Пока он ел, я сделал в блокноте еще несколько заметок, воспользовавшись своим собственным методом сокращений и скорописи, так что разобрать их мог только я. Для всех остальных эти похожие на каракули записи не имели никакого смысла. Одна из них гласила, что похожий на живой скелет мальчишка не страдал отсутствием аппетита. Пиццу, во всяком случае, он «убрал» лучше пылесоса, не оставив даже крошек.

Когда мальчишка закончил, я положил на его блокнот свою визитную карточку.

– Вот мой телефон, – сказал я. – Если тебе что-нибудь понадобится, попроси кого-нибудь мне позвонить, о'кей?

Вместо ответа мальчуган засунул визитку в небольшой кармашек на внутренней стороне блокнотной обложки. Никаких других жестов или знаков он, похоже, подавать не собирался, и я подумал, что мальчуган, кажется, слишком часто встречал людей, которые много обещали, но ничего не сделали. Быть может, таких визиток у него скопилось уже десятка два, и то, что сейчас он хоть как-то реагировал на наши действия и вопросы, вовсе не означало, что мальчик готов поддерживать с нами какие-то отношения.

Когда мы уже выходили из палаты, я услышал шорох пижамных штанов мальчишки. Обернувшись, я увидел, что он догнал дядю и потянул его за задний карман джинсов. Когда тот обернулся, мальчуган вырвал из блокнота лист и протянул ему. При этом на дядю он по-прежнему не смотрел.

Дядя Уилли довольно долго разглядывал рисунок, прикусив щеку изнутри. Наконец он снял бейсболку и надел мальчишке на голову. Бейсболка была ему, разумеется, велика; она закрывала мальчугану уши и

сползала на нос, так что огромный козырек закрыл ему почти половину лица, которое сразу стало казаться еще меньше, чем на самом деле.

По всему было видно, что мальчишка растерялся и смутился – он не привык получать подарки. Дядя, однако, быстро разобрался в проблеме и, наклонившись, отрегулировал пластиковый ремешок точно по размеру его головы.

– Не жмет? – озабоченно спросил он.

Я внимательно наблюдал за нижней половиной лица мальчишки, но его губы не выразили никаких эмоций. Он, однако, не удержался, чтобы не бросить на себя взгляд в большое зеркало на стене, и я заметил, что его подбородок слегка приподнялся.

Мы уже шли по коридору к лифтам, когда нас нагнал доктор Джонсон.

– Одну минутку, сэр...

Мы с дядей обернулись, одинаковым жестом засунув большие пальцы за пояса джинсов – эту привычку я перенял у дяди, а он – у своего отца.

– Простите, вы, кажется, сказали, что ваше имя – Уилли Макфарленд?

Дядя вздохнул и снял очки.

– Да.

Доктор неловко потупился, потом снова посмотрел на нас.

– Еще раз простите, но... вы, случайно, не имеете никакого отношения к братьям Макфарленд из Суты? – спросил он, показывая рукой куда-то в направлении окна.

Дядя снова надел очки.

– Имею.

Врач кивнул, но его брови поползли вверх.

– Вот это да!.. Впрочем...

Я покачал головой. Мне было прекрасно известно, что последует дальше.

– А вы... – Доктор Джонсон не сумел справиться с любопытством и все-таки спросил: – А вы который из братьев?

Дядя улыбнулся и снова взялся за очки, сдвинув их на самый кончик носа.

– Тот, который сидел в тюрьме, – сказал он, глядя на врача поверх стекла.

– Ох...

Дядя кивнул в сторону палаты мальчика.

– Кстати, почему вы не подберете ему новые очки?

Доктор Джонсон машинально бросил взгляд в ту же сторону и пожал плечами.

– Я понятия не имел, что ему нужны очки.

Дядя хмыкнул.

– Взгляните на его переносицу, и вы в этом убедитесь.

Потом мы вышли из здания и снова сели в «Викки». Сразу за стоянкой для грузовиков мы свернули под эстакаду и поехали по шоссе, вдоль которого были высажены молодые сосны. Честное слово, их было здесь не меньше десяти тысяч! Саженцы росли на равном расстоянии друг от друга, их аккуратные ряды были направлены под углом к дороге. Солнце уже опустилось довольно низко, поэтому на дороге было темновато, и промежутки между рядами сосен выглядели воротами, ведущими в гигантский готический собор. Я включил ближний свет и, немного сбросив скорость, задумался о мальчишке.

Прочтя мои мысли, дядя положил мне руку на плечо. Он начал поступать так лет двадцать назад, и с тех пор этот жест значил для меня куда больше, чем отличные отметки в таблице, сумма, проставленная в редакционном чеке в конце месяца, или название должности, которую я занимал. Рука дяди на моем плече говорила мне о том, каков я на самом деле, куда больше, чем все эти и многие другие вещи. Да, я по-прежнему не знал, кто я такой, откуда взялся и кто мои родители, однако этот простой жест будил в глубине моей души, куда не добирались никакие слова, что-то такое, отчего мне сразу становилось теплее. И каждый раз, когда демоны прошлого просыпались, чтобы напомнить мне о том, что даже своим собственным родителям я был не нужен и что они бросили меня на улице, как выбрасывают пустую пачку из-под сигарет, дядина рука на моем плече помогала мне справиться с подступающим к горлу отчаянием.

– Что?..

Дядя некоторое время молчал, глядя в лобовое стекло перед собой, потом забросил ногу на правую дверцу.

– Дети – они как пружины, или, лучше сказать, как Резиновый Армстронг [21]. Сколько бы их ни вытягивали, сколько бы ни гнули, ни выкручивали, сколько бы ни перебрасывали и ни передавали из рук в руки, в конце концов они все равно становятся такими, как были. – Он сплюнул за окно. – Надежда... вот что их питает и поддерживает. – Дядя снова сплюнул и скосил глаза, словно пытаюсь рассмотреть что-то у себя на языке. – Не дай бог дожить до того дня, когда они перестанут надеяться.

* * *

Когда дядя и тетя Лорна впервые привезли меня к себе домой, они

усадили меня на стул в комнате наверху, и дядя произнес слова, которые мне никогда не забыть.

– Чейз... формально мы для тебя – приемные родители. Это означает, что ты можешь жить с нами, в нашем доме, до тех пор пока за тобой не приедут твои настоящие папа и мама. – Он похлопал рукой по кровати и добавил: – Теперь это твоя комната. Если тебе здесь нравится, можешь жить здесь, пока не отыщутся твои родители.

Я огляделся. Мои ноги не доставали до пола почти на фут.

– Возможно, это произойдет не завтра, – добавил дядя, – поэтому нам нужно решить, как ты будешь нас называть. – Он посмотрел на жену и сглотнул с явным трудом. – Ты можешь называть ее тетя Лорна, а меня... дядя Уилли или просто дядя. Как тебе больше нравится... – Тут дядя немного помолчал, а потом добавил: – Это нужно для того, чтобы ты мог называть своих родителей «папа» и «мама» – когда они появятся.

При словах «когда они появятся» меня охватила дрожь волнения и восторга. Тогда мне казалось – дядя нисколько не сомневается, что рано или поздно это обязательно произойдет. До сих пор я иногда испытываю слабый отзвук того, что я испытал тогда. Дядя Уилли сделал то, что до него не делал ни один взрослый: он укрепил надежду, которая жила во мне, сколько я себя помнил. Он фактически *пообещал*, что мои родители могут объявиться в любой день и даже в любую минуту.

* * *

Дядя был прав: дети питаются надеждой и ничем иным.

Прошло довольно много времени, прежде чем я спросил его:

– И когда они перестанут надеяться?

Дядя откинулся на сиденье.

– Не знаю... Может быть, уже совсем скоро.

Глава 4

В Суте, штат Джорджия, история братьев Макфарленд давно приобрела статус не то легенды, не то мифа. Целое поколение приложило немало усилий, чтобы приукрасить ее, добавить какие-то поражающие воображение детали, так что теперь каждый рассказывает ее на свой лад. До сих пор эту историю живо и горячо обсуждают, до сих пор она служит предметом бесконечных судебных разбирательств и расследований, в том числе и на федеральном уровне. Помимо всего прочего, история братьев зиждется на тройном убийстве – или на трех убийствах. Именно из-за нее, кстати, я провел последнюю неделю в тюрьме. Или, скажем шире, – именно из-за этой истории я когда-то решил стать журналистом.

Мне уже исполнилось одиннадцать, когда до меня впервые дошли слухи, что между Уильямом Макфарлендом и его братом не все ладно. Теперь-то я припоминаю, что через несколько месяцев после того, как я попал в дом дяди Уилли и тети Лорны, я начал ощущать некое витавшее в воздухе напряжение, но я тогда был слишком мал (мне было всего шесть), к тому же им удалось сделать так, чтобы «взрослые дела» никак не затрагивали ни меня, ни других детей, которые появлялись в доме. Живя с дядей, я рисовал себе вполне определенную и довольно благостную картину окружающего, но слухи утверждали, что на самом деле не все так безоблачно, как мне казалось. Убедившись, что мои представления о «большом» мире то и дело расходятся с реальностью, я предпринял собственное исследование, и вскоре стены моей комнаты украсились пестрым коллажем из газетных и журнальных статей, содержащих, помимо огромного количества явной лжи, крошечные обрывки истины.

Много позже, уже на последнем курсе колледжа, мне предстояло подготовить и сдать большой аналитический материал-расследование, который засчитывался нам, студентам-журналистам, как обязательный дипломный проект. Еще в самом начале обучения нас собрали в большой аудитории и объявили правила игры, оказавшиеся предельно простыми: каждый из нас должен был выбрать некую историю или загадочное событие, которое имело бы общенациональное значение, но до сих пор не было ни раскрыто, ни позабыто из-за отсутствия к нему интереса со стороны общественности. Нам следовало провести собственное расследование выбранного случая и раскопать факты, которые не были в

свое время обнаружены нашими предшественниками-газетчиками. Не суммировать и заново проанализировать уже известную информацию, а использовать свои способности и таланты, чтобы обнаружить что-то новое, что когда-то ускользнуло от внимания профессионалов. Помимо всего прочего, материал должен был быть глубоким и всеобъемлющим; дополнительные баллы начислялись за использование первоисточников. Короче говоря, успешная дипломная статья должна была обладать следующими основными качествами: иметь общенациональное значение, быть достаточно интересной и сообщать читателю новые и новейшие факты. Казалось бы – просто, но многие мои однокурсники потратили *месяцы* только на то, чтобы найти удовлетворяющую этим условиям тему. Не меньше времени занимало и последующее расследование, которое могло потребовать и десять месяцев, и год, и даже больше.

Передо мной проблема поиска темы не возникла. С самого начала я знал, над чем я буду работать.

История, которую я собираюсь сейчас рассказать, основана на материалах местных газет, судебных отчетах, интервью, сплетнях, слухах, наших местных легендах и даже на значках и надписях, вырезанных на коре старых болотных деревьев. Ред прекрасно это знает, и, хотя он согласен, что мои материалы представляют огромный интерес, он так и не позволил мне опубликовать ни одной строчки.

* * *

Тиллман Эллсуорт Макфарленд появился на свет в 1896 году. Впрочем, это еще не самое начало. Чтобы как следует во всем разобраться, необходимо вернуться на годы и десятилетия назад.

Никто точно не знает, как наши Золотые острова получили свое название. Кто-то утверждает, что так их назвали открывшие их испанцы, кто-то уверен, что так нарекли их в XVII веке англичане, в ту пору активно осваивавшие все новые и новые территории. Как бы там ни было, остров Си считается едва ли не самым престижным местом во всей стране – он намного престижнее Беверли-Хиллс и Аспена в лыжный сезон, это я говорю вам точно. Мягкая зима, не слишком жаркое лето, умеренные теплые ветры и просторные пляжи – вот чем славятся Золотые острова, представляющие собой самую западную точку Восточного побережья. Штормов в этих местах никогда не бывает благодаря значительной удаленности островов от основного рассадника ураганов, также известного как Гольфстрим. Прекрасный здоровый климат, уединенность и вместе с

тем – сравнительно небольшая удаленность от крупных городов с их деловыми и промышленными центрами – вот что делает наши острова поистине Золотыми.

Континентальную прибрежную зону, ограниченную с одной стороны глухими лесами, где трехсотлетние дубы увиты бородами испанского мха и где свирепствуют клещи и тропические песчаные блохи, откладывающие яйца под кожу человека, а с другой – голубыми водами Атлантики, где кишат акулы и ядовитые морские ежи, мы называем болотами, хотя это отнюдь не привычные большинству малярийные торфяники. На самом деле это – совершенно особая и довольно редкая экосистема, которая по-научному называется «прибрежные марши». Неразведанная, безлюдная, никому не принадлежащая пустошь, которая дважды в сутки затопляется приливом и состоит главным образом из мягких песчаных и глинистых наносов, ручьев, проток, устричных банок и непроходимых зарослей травы-триостренницы, которая в зависимости от высоты солнца кажется то золотой, то багряной, то сумрачно-голубоватой – вот что такое наши болота.

Нам, местным жителям, нравится считать главной особенностью болот или маршей их неповторимый запах. Туристы, впервые проезжающие по дамбе Торрас, брезгливо зажимают носы и спешат поскорее закрыть окна своих автомобилей. Мы же, едва проснувшись, первым делом выходим из домов и, разведя руки пошире, делаем глубокий вдох, торопясь напитать себя этим запахом, наполнить им не только легкие, но и все тело, вплоть до кончиков пальцев. Дыхание болот для нас не вонь разлагающейся органики, а напоминание о ежедневном и ежечасном круговороте смертей и рождений – о новой жизни, которая вместе с пузырями метана и сероводорода поднимается сквозь жидкую грязь к поверхности.

Первыми в этих местах поселились индейцы-крики. Помимо кучки глиняных черепков и нескольких погребальных курганов, они не оставили после себя ничего, кроме нескольких географических названий. Например, индейские имена носят реки Сатилла и Алтамаха, некоторые водоемы и другие места.

С белыми крики впервые столкнулись в 1540 году. Испанский конкистадор Эрнандо де Сото высадился на это побережье во главе небольшого отряда и объявил его владением испанской короны. Индейцы встретили испанца в целом приветливо, хотя и с любопытством. За теплый прием де Сото сполна расплатился мушкетными пулями и болезнями, косившими индейцев тысячами. Впрочем, его успех оказался недолговременным, да и сам он два года спустя скончался от лихорадки,

когда после очередной завоевательной экспедиции в глубь континента пытался выйти обратно к побережью.

В конце концов поредевший отряд де Сото отступил в крепость Сан-Августин во Флориде[22], а на побережье появились французы. Отважно сражаясь с москитами и змеями, они основали здесь собственную колонию. Испанский король Филипп II не мог этого вытерпеть и немедленно отправил туда же иезуитскую миссию, которую чуть не поголовно вырезали оставшиеся в живых индейцы. К 1570 году уцелевшие иезуиты, несколько лет жившие как на вулкане, отбыли в Мексику. Их отсутствием воспользовались францисканцы, появившиеся в наших краях в 1573 году.

А теперь давайте заглянем на сто лет вперед и заодно перемахнем океан, чтобы взглянуть, что происходило в это время в доброй старой Англии. После нескольких лет изнурительной войны долговые тюрьмы страны оказались переполнены – в том числе и вполне респектабельными членами общества, которые превысили кредит, пытаясь заплатить зубодробительные налоги. Имея в перспективе длительные сроки заключения, которые им предстояло отбывать в сырых, грязных камерах, питаясь черствым хлебом и гнилыми овощами (к тому же именно в это время в Англии разразилась эпидемия оспы), эти господа едва ли не с радостью ухватились за возможность отправиться за океан, чтобы заселить новую колонию, названную Джорджией, по имени тогдашнего британского монарха Георга II, и располагавшуюся на Восточном побережье Америки между Южной Каролиной и Флоридой. Во имя Бога и страны... и во имя прощения всех долгов.

В 1732 году двухсоттонный фрегат «Анна» доставил в Новый Свет сто четырнадцать «заключенных» и их семьи. Экспедицию возглавлял британский генерал по имени Оглторп. Фрегат встал на якорь вблизи первого английского поселения в Южной Каролине, названного Чарлз-Тауном в честь короля Карла II. Утомленные длительным плаванием моряки не захотели отправляться куда-то еще и в полном составе остались в «городе Карла». В 1736 году Оглторп, бросая вызов враждебному окружению, вновь снарядил свой корабль и отправился вдоль побережья по направлению к острову Кокспер. На борту фрегата было несколько кузнецов, плотников, фермеров, которые высадились на острове Сент-Саймонс и построили там небольшой форт, получивший название Фредерика. Оглторп, понимавший, что колонистам потребуется духовное руководство, захватил с собой из Англии двух священников-миссионеров – братьев Джона и Чарльза Уэсли. Эти двое занимались тем, что обращали

индейцев и создавали то, что в наши дни называется методистской церковью.

Испанцы, по-прежнему хозяйничавшие во Флориде, расценили появление новой колонии как угрозу интересам испанской короны в Новом Свете. Довольно скоро из Сан-Августина выступил большой отряд, который двинулся на север с намерением предать британские форты на побережье огню и мечу. Испанцев было намного больше, чем англичан, поэтому они чувствовали себя весьма уверенно, не сомневаясь в легкой победе. На привалах они жгли костры и, составив ружья в пирамиды, готовили еду. Но англичане, ведóмые опытными следопытами из числа шотландских горцев, не дремали. Прячась в зарослях сабаля, они подкрадывались к неприятельскому лагерю, пока не почуяли запах готовящейся на кострах пищи. Наутро окрестные болота покраснели от испанской крови, а британцы окончательно утвердили свое владычество в Джорджии. В наше время место этой эпической битвы носит название Кровавого болота.

Прошло еще несколько лет, и в 1782 году колонисты, придавленные все теми же непомерными налогами, от которых они когда-то бежали, объявили о своей независимости и изгнали со своей территории представителей британских колониальных властей.

Независимая Джорджия оставила в истории довольно заметный след. Фермеры соседней Южной Каролины имели смутное представление о севообороте, а поскольку в те времена им приходилось удовлетворять растущий спрос на хлопок практически в одиночку, они довольно скоро истощили свои поля. Обнаружив, что земли, лежащие в устье рек Алтамаха, Фредерика и Сатилла напротив Золотых островов, отличаются завидным плодородием и урожайностью, каролинские плантаторы быстро прибрали их к рукам и создали сложную дренажную систему, остатки которой можно кое-где увидеть и по сей день. На осушенных землях снова начали сажать хлопчатник, но не обыкновенный, а особо тонкий, длиноволокнистый, семена которого были привезены из Вест-Индии и с Барбадоса. Новый сорт сырья пользовался в мире еще бóльшим спросом; плантаторы собирали огромные урожаи и богатели не по дням, а по часам, однако вскоре перед ними встала еще одна проблема. Перед продажей хлопок-сырец необходимо было очистить от семян и других посторонних примесей, а в те времена сделать это можно было только вручную.

В 1786 году вдова Натаниэла Грина с плантации «Маллбери» наняла своим детям гувернера, которого звали Элай Уитни. Заметив, что молодой человек наделен инженерными способностями, женщина попросила его

придумать какой-нибудь более производительный способ очистки хлопка. Так появился хлопковый волокноотделитель, изобретение которого повлияло на историю человечества почти так же сильно, как печатный станок. Кроме того, примерно в то же самое время в Англии была сконструирована модернизированная прядильная машина, которая более или менее уравнивала баланс между спросом и предложением. Теперь английская промышленность могла переработать весь хлопок, который производили плантации Джорджии и Южной Каролины, благодаря чему цены на хлопок-сырец не только не снизились, но, напротив, взлетели до небес.

Довольно скоро Джорджия – бывшая колония, населенная потомками несостоятельных должников и банкротов, вырвавшихся из долговой тюрьмы лишь по удачному стечению обстоятельств, – стала одним из самых известных штатов страны. Собранное руками черных рабов «белое золото» стало основой экономики южных штатов. Огромные плантации в Хэмптоне, Кэннонс-Пойнте, Ретрите и других местах, дававшие огромные урожаи и приносившие своим владельцам баснословные доходы, превратили Джорджию в своеобразное «государство в государстве» со своими законами, правилами и традициями. Эти правила и традиции были настолько сильны, что именно сюда в 1804 году бежал вице-президент США Аарон Бёрр, застреливший на дуэли секретаря казначейства Александра Гамильтона.

Надо сказать, что это был не первый и уж далеко не последний случай, когда убийцы искали убежища в наших краях.

Король-хлопок был не единственным богатством Джорджии. Не меньшие прибыли приносила местным жителям заготовка и продажа древесины, которую охотно покупали даже в других странах. Наличие сразу нескольких больших рек, впадавших в океан близ Золотых островов, позволяло доставлять на побережье огромное количество плотов, сколоченных из первоклассных бревен. На многочисленных лесопилках бревна освобождали от коры, наскоро обтесывали, а затем грузили на корабли, которые доставляли их в Англию и страны Востока. Большинство парусных кораблей американского флота той эпохи, знаменитых тем, что ядра неприятельских пушек отскакивали от их бортов, не причинив вреда, были построены именно из виргинского дуба, во множестве росшего в Кэннонс-Пойнте.

Но, как в свое время и в Южной Каролине, почва Джорджии быстро истощилась, да и рабский труд начал, так сказать, «выходить из моды». Очень скоро некоторые из жителей штата на своей шкуре узнали, что

богатство, которое зиждется на несчастье и страдании других, убивает не только тех, кто его создает, но и того, кто им владеет.

В течение какого-то времени некоторые из местных плантаторов пытались сажать рис, но это занятие оказалось слишком сложным и не особенно прибыльным. После катастрофы 1898 года, когда аномально высокий прилив затопил болота, нагнав девятифутовую волну, большинство рисовых плантаций оказались заброшены – кому понравится вкалывать, зная, что плоды твоих трудов могут быть смыты в океан буквально в течение нескольких часов? После этого рис в Джорджии почти не сажали – вся энергия местных предпринимателей оказалась направлена на заготовку леса.

Сразу после окончания Гражданской войны на побережье появились сотни конных, паровых и водяных лесопилок, которые производили строительные материалы как для внутренних нужд страны, так и для экспорта. В последней четверти XIX века лесопилки Брансуика, Сент-Саймонса и окрестностей стали центром притяжения для огромных океанских пароходов, которые уходили оттуда загруженные кругляком, тесом, доской и другими пиломатериалами. Знаменитый Бруклинский мост – и тот был почти целиком построен из леса, вывезенного из Брансуика.

Как известно, природные ресурсы не бесконечны; когда-нибудь они обязательно истощатся, и случится это тем раньше, чем интенсивнее эксплуатируют их люди. Запасы древесины тоже начали подходить к концу, но у Джорджии оставались еще ее Золотые острова. В 1886 году пятьдесят три члена неформальной организации, ставшей впоследствии известной как «Клуб имен» (его члены называли друг друга только на «ты» и по имени, зато люди попроще обращались к ним с неизменным добавлением почтительного «сэр»), приобрели у Джона Юджина Дюбиньона остров Джекил. Среди членов клуба были такие люди, как Джон П. Морган, Уильям Вандербилд, Джон Д. Рокфеллер, мой любимец Джозеф Пулитцер и другие. Плата за членство в клубе составляла миллион долларов с каждого, причем за эти деньги можно было только приехать на остров – за все остальное приходилось платить дополнительно, и надо сказать, что это были астрономические суммы. Когда в начале XX века все пятьдесят три члена клуба собрались на острове, они владели одной шестой частью всех мировых богатств. Именно с этого острова они совершили первый в истории трансокеанский телефонный звонок, а немного позднее, во время охоты на уток, разработали план создания Федеральной резервной системы США. «Клуб имен» процветал в 1920-х, пережил 1930-е, после чего был продан штату Джорджия. Произошло это, как ни любопытно, сразу после

введения крайне обременительного для состоятельных людей прогрессивного подоходного налога, и я не думаю, что это было совпадением. Интересно все же, как иногда поворачивается жизнь...

Но свято место пусто не бывает. После того как члены «Клуба имен» покинули Золотые острова, туда ринулись любители красивой жизни рангом помельче. А с наступлением эпохи «Серебряного метеора» эти люди стали появляться в наших краях десятками и сотнями. Золотые острова, известные к этому времени по всей стране, манили знаменитостей и просто прожигателей жизни, благодаря чему новый пятизвездочный клуб «Галерея» всегда был полон. В его книге посетителей расписались и знаменитый Чарльз Линдберг[23], посадивший свой самолет на наскоро подготовленной полосе на острове Сапело, и Юджиния Прайс[24], и многие другие знаменитости.

В 1920 году двадцатичетырехлетний герой Первой мировой войны, только что демобилизованный рядовой Тиллман Элсуорт Макфарленд сошел с поезда в Талманне. Помимо небольшого солдатского сундучка, набитого медалями, у него не было с собой ничего, кроме нескольких пил, молотков и топора с топоричем из древесины гикори. Если не считать семидесяти долларов наличными, это было все его имущество, но сам Тиллман был убежден – для нормальной жизни у него имеется все необходимое. Главным, однако, были не деньги или инструменты, а смекалка да твердая решимость больше никогда не возвращаться в траншеи. И пока большинство пассажиров усаживались в такси, которые должны были доставить их на прибрежные пляжи, Элсуорт принялся обходить ближайšie к вокзалу дома, предлагая нарубить дров, очистить землю от пней или молодой поросли, выстроить сарай или конюшню. Одетый в белую рубашку, галстук и шерстяные брюки, он с широкой улыбкой пожимал руки хозяевам и с ходу заявлял: «Если моя работа вам не понравится, можете мне не платить».

С его стороны это был крайне удачный, как сказали бы сейчас, маркетинговый ход. Местные жители пожимали натруженную, мозолистую ладонь, заглядывали в глубоко посаженные, но честные глаза бывшего солдата и решали дать ему шанс. Вскоре слухи о его трудовой этике (честная работа от зари до зари – и никаких перекуров) распространились довольно широко. Спустя всего несколько месяцев Элсуорт купил акр земли, обменял трехмесячный запас дров на старую лошадь, выстроил небольшой дом и открыл собственный бизнес (он занимался заготовкой леса и живицы). Каким бы скромным ни было его предприятие, оно все же давало средства для жизни. Он даже смог кое-что откладывать, но главное

– за первые пару лет Эллсуорт исходил округ Глинн вдоль и поперек и знал его как свои пять пальцев.

В течение первых восьми лет его предприятие процветало. Когда клерки с Уолл-стрит начали выбрасываться из окон, Эллсуорт, не истративший зря ни одного заработанного цента, приступил к осуществлению плана, который и привел его на Юг. «Тот, кто землю покупает, никогда не прогадает», – говорил он. К 1931 году Эллсуорт приобрел двадцать шесть тысяч акров земли в окрестностях Суты – в двадцати милях от Брансуика. Свое имение он назвал просто: Сута.

Для местных жителей эллсуортовская Сута была всего лишь лесом, состоявшим из больных сосен и узловатых дубов, которые росли на взгорках вокруг болота, называемого Бычьим. Это было самое настоящее болото – десятки и сотни акров труднопроходимых, девственных зарослей, бочагов и глубоких, илистых ям, из которых ни один человек не смог бы выбраться без посторонней помощи. Алтамаха, протекавшая сравнительно недалеко от Суты, затопляла Бычье каждый раз, когда после сильных дождей реки и речушки в центральных районах штата переполнялись и выходили из берегов. Комары, москиты, змеи, клещи и прочие напасти дополняли картину.

Прослышав о приобретении Эллсуорта, жители Талманна, Попвелвиля, Джессапа, Дэриена и Брансуика лишь качали головами да выразительно крутили пальцем у виска. Мол, у этого парня не все дома. Никто не подозревал, что во время своих пеших походов Эллсуорт многое подмечал, изучал, анализировал и в конце концов понял то, о чем большинство давно и благополучно забыло. На самом деле около сотни лет назад Сута представляла собой юго-восточную часть огромной плантации, владельцы которой не могли сажать столько хлопка, сколько им хотелось, из-за чересчур влажной песчаной почвы. В 1856 году они все же начали растянувшиеся на десять с лишним лет работы по осушению этого района, пытаясь отвести из Суты застаивавшуюся там дождевую и речную воду. Десятки рабов с заступами и упряжки мулов строили дамбы и рыли дренажные каналы такого размера, что в них можно было ловить рыбу и плавать в небольших челнах.

А потом грянул 1865 год [\[25\]](#).

Как в годы Гражданской войны, так и после нее огромная плантация неуклонно приходила в упадок, сдаваясь объединенному натиску сосны-сеянца, сорняков, ползучих растений, паводковых вод и туч москитов размером с динозавра каждый. Глубокие лужи стоячей воды сделали некогда плодородные поля совершенно непроходимыми, поэтому

никто, кроме давно умерших владельцев, не знал, какое богатство здесь зарыто. Впоследствии плантация была произвольно поделена на небольшие участки и продана тем, кто готов был их купить. О том, насколько неподходящими считались эти земли, прекрасно говорит тот факт, что в 1890-х годах две конкурирующие между собой железнодорожные компании дружно решили проложить рельсы в обход бывшей плантации, чтобы – в буквальном и переносном смысле – не увязнуть в проблемах. Тридцать пять лет спустя эти железнодорожные пути и образовали границы огромного участка, который Элсуорт собрал из десятков крошечных наделов, владельцы которых уже не чаяли, как от них избавиться. В условиях глубокого кризиса, в котором тогда находилась экономика страны, землю отдавали за бесценок, а то и за символическую цену в один доллар, чтобы не платить налогов.

Подробно изучив систему дренажных рвов, дамб и насыпей, Элсуорт пришел к выводу, что все предыдущие попытки осушить участок вокруг Суты лишь ухудшили ситуацию. Из-за вкравшейся в расчеты прежних владельцев ошибки примитивные ирригационные каналы не столько отводили с плантации лишнюю воду, сколько собирали ее со всех окрестных территорий. Почесав в затылке, Элсуорт составил примерный план работ и арендовал тяжелую технику. В Бычьем болоте, служившем чем-то вроде отстойника для излишков воды, которую несла к океану Алтамаха, на протяжении десятков, а может быть, и сотен лет скапливались ил, осадочные породы и минералы, мертвые травы, деревья и прочие органические отходы. Сеть незаконченных пересекающихся отводных каналов, которые ничего не отводили, превратила эту территорию в гигантскую ванну площадью двадцать шесть тысяч акров, давно нуждавшуюся в том, чтобы какой-то человек вытащил затычку, прочистил сток и проложил новые трубы. Таким человеком стал Элсуорт. В течение первых шести месяцев 1932 года он расчищал и углублял дренажные рвы, взрывал динамитом старые бобровые плотины и поднимал на поверхность могучие древесные стволы, утонувшие в трясине в самом сердце Бычьего болота. Когда уровень воды немного понизился, Элсуорт начал строить систему каналов, способных если не превратить Бычье болото в проточный водоем, то, по крайней мере, нормализовать приток и отток паводковых вод. Ясно видя цель и перспективы, он рискнул последними деньгами и полгода спустя нанял еще несколько самосвалов, бульдозеров, экскаваторов и с полсотни рабочих, чтобы проложить на участке несколько удобных дорог и довести до конца работу, начатую черными рабами больше полувека назад. Всего через пару недель вода отступила с бóльшей

половины участка, а еще через три месяца Элсуорт уже разъезжал по нему верхом, разглядывая сокровище, которое ему досталось.

Интересовали его главным образом деревья.

Деревья.

Дренажные рвы, проложенные по дамбам удобные дороги и широкий водоотводный канал, впадавший в Алтамаху, являлись той самой необходимой *инфраструктурой*, которая обеспечивала транспортную доступность лесистого участка вокруг бывшего Бычьего болота. Возможно, Элсуорт не знал слова «инфраструктура», но практической сметки ему было не занимать. Как и деловой хватки. Ему было всего сорок, когда он основал лесозаготовительную фирму «Сута форестс». Самым интересным было, однако, то, что Элсуорт с самого начала сообразил, как избежать самой распространенной ошибки начинающих предпринимателей, занимающихся заготовкой леса. Если с самого начала ухаживать за деревьями как следует, думал он, а главное – сажать больше, чем будет вырублено и продано, тогда его золотая жила никогда не истощится.

Так он и поступал. На месте каждого срубленного дерева Элсуорт сажал два. Постоянно работая на своем участке, он узнал его еще лучше, а главное, обнаружил шесть полноводных ключей, которые продолжали подпитывать центральное озеро, образовавшееся на месте самой глубокой части болота. Вода в ключах была пресной и чистой и как магнитом притягивала к себе самых разнообразных животных – в том числе одичавших коров мясной породы, обитавших в окрестностях Суты с тех самых пор, когда здесь существовала огромная плантация.

Как только подготовительный этап был завершен, дела Элсуорта очень быстро пошли в гору, и уже очень скоро те же самые местные жители, которые когда-то смеялись над ним, называя его Джонни Яблочное Семечко[26], теперь нередко обращались к нему за советом и помощью, почтительно называя его «сэр» или, на худой конец, «мистер Макфарленд».

К началу сороковых компания «Сута форестс» стала одним из самых крупных промышленных предприятий юго-восточного региона. Сортовая древесина, которую она производила, использовалась при строительстве домов, кораблей, мостов и даже нью-йоркских небоскребов. Это было тем более удивительно, что Элсуорт сумел создать свою фирму буквально на пустом месте как раз в то время, когда большинство местных предпринимателей лишились последней рубашки.

Кроме денег Элсуорт приобрел в округе Глинн огромное количество друзей, сторонников и просто доброжелателей, хорошее отношение которых тоже оказалось своего рода капиталом. Когда к 1945 году Элсуорт

заработал столько денег, что они, фигурально выражаясь, не «помещались под матрасом», и решил открыть собственный банк, очередь из людей, готовых доверить ему свои сбережения, растянулась на целый квартал.

Но сначала Элсуорт купил стоящую по соседству с кинотеатром «Ритц» старую церковь – просторное здание из серого камня с такой высокой и крутой колокольней, что перекрывавшие крышу рабочие вынуждены были воспользоваться альпинистским оборудованием. Несмотря на то что Джорджия входила в Библейский пояс, церковь оставалась невостребованной, так как была выстроена в соответствии с канонами русского православия. В баптистско-протестантском окружении православные закрепиться не сумели; из-за отсутствия паствы приход был ликвидирован, а здание церкви – продано городу за символическую плату. Десятилетие спустя Элсуорт выкупил его у муниципалитета Брансуика и полностью перепланировал. Крытый притвор он превратил в зал расчетно-кассового обслуживания для автомобилистов, а в трапезной оборудовал хранилище-депозитарий.

Хранилище было не простым. Его трехфутовой толщины стены были отлиты из усиленного железобетона, а со стальной дверью толщиной в фут не справилась бы и самая мощная японская авиабомба. Слух о том, что в банке Элсуорта стоит самый надежный в Джорджии сейф, распространился довольно быстро. Война еще продолжалась, недоверие к правительственным финансовым учреждениям росло, поэтому банк пользовался у местных предпринимателей бешеным успехом. Когда же война закончилась, растущий спрос на строительные материалы и кредиты привел к тому, что в банковском мире случается исключительно редко: «Сута-банк» принес своему владельцу прибыль уже на второй год своего существования.

Банковский бизнес пришелся Элсуорту по душе. Ему нравилось общаться с клиентами, нравилось помогать людям покупать дома и сельскохозяйственную технику. Едва ли не больше всего он любил поддерживать тех, кто не мог получить заем или кредит в других местах. Бывало, благодетельствованные им люди пропускали очередной платеж или два. В этих случаях Элсуорт лично являлся к ним домой и за стаканом чая и порцией грудинки подробно объяснял, как лучше преодолеть встретившиеся им трудности. В результате к 1948 году «Сута-банк», он же – Первый национальный банк Суты, имел самый высокий в Джорджии процент возвратности кредитов, самый высокий процент удержания ценных бумаг и самый низкий процент случаев изъятия заложенного под ипотечный кредит имущества.

Иногда, когда Эллсуорту становилось слишком тесно за директорским столом, он потихоньку выскальзывал в боковую дверь, ехал домой и, оседлав лошадь, отправлялся на свой участок. Как ни сильно нравилось ему банковское дело, сажать деревья нравилось ему еще больше. Банк укреплялся, лесозаготовки процветали, и со временем Эллсуорт нанял подходящих управляющих для обоих предприятий. Чуть ли не впервые в жизни у него появилось свободное время, досуг, но ему все равно казалось, что он не сделал в жизни еще чего-то очень важного. Ему было пятьдесят два года, когда Эллсуорт впервые попытался подвести итоги собственной жизни и неожиданно почувствовал себя одиноко. Именно тогда он и присмотрел тридцативосьмилетнюю преподавательницу музыки по имени Сара Бет Самуэльсон, которая пришла в банк, чтобы открыть текущий счет. Стояло лето, на Саре была модная мягкая шляпка с широкими полями, в руках она держала зонт от солнца и то и дело промокала выступившие на верхней губе бисеринки пота вышитым платком. Эллсуорт влюбился в нее с первого взгляда.

Три месяца спустя они поженились и отправились в свадебное путешествие на «Серебряном метеоре». Сойдя на Центральном вокзале, они прогулялись по Манхэттену и полюбовались на небоскребы. Их обратный путь пролегал через горы Кэтскил, озера Фингер-Лейкс, Адирондакский хребет и Новую Англию. Оттуда они вернулись в Суту, где Эллсуорт выстроил для жены дом в плантаторском стиле – с жестяной крышей, с верандой вокруг всего первого этажа и с подъездной дорожкой, вдоль которой он посадил пятьдесят четыре саженца pekanовых орехов – по одному за каждый год собственной жизни. Через год Сара родила первенца, которого назвали Сайлас Джексон или просто Джек. Эллсуорт ужасно гордился сыном. Ему даже казалось, что большего счастья он уже никогда не испытает, но он ошибся. Еще год спустя Сара Бет родила второго сына Уильяма Уокера – Уилли или «Лайама», и счастье его удвоилось. Увы, это оказался ее последний дар супругу – буквально через неделю после родов Сара скорострительно скончалась от сердечного приступа. После похорон Эллсуорт сел в гостиной своего дома, посадил одного сына на одно колено, а другого – на другое. В этот день годовалый Джек впервые увидел брата.

Не исключено, что именно в этот момент и начались все проблемы семьи Макфарленд.

Сам Эллсуорт отдавал сыновьям всю душу. Он купил каждому пони, каждую неделю возил малышей в Суту, заказал маленькие столики, которые стояли в банке по сторонам его большого директорского стола, и

даже повесил на дверь кабинета табличку с их именами! В те времена эти трое никогда не разлучались и со стороны выглядели по-настоящему крепкой семьей, но уже тогда Джек и Лайам были совершенно разными. Оба росли сильными и здоровыми, однако это было, пожалуй, единственное, что их объединяло. Джек отличался живостью ума, он ловко управлялся с цифрами и к тому же неизменно стремился высказать свое мнение как можно громче. При этом он частенько говорил, что́ думал, не давая себе труда придать своим мыслям более обтекаемую форму или вовсе промолчать. С самого детства Джек считал размер капитала единственным, что определяет статус человека в обществе, а поскольку его отец был одним из самых богатых людей штата, все, кто не располагал столь же внушительными средствами, казались мальчишке, едва вступившему в подростковый возраст, неудачниками и тупицами.

В отличие от него, Уильям рос спокойным, уравновешенным, немногословным и всегда старался отдавать больше, чем получал.

Глава 5

Я слишком устал, чтобы ехать домой, поэтому заночевал на полу в своей старой комнате под крышей амбара. Еще до рассвета меня разбудил скрежет колес дядиного прицепа по гравию – звук, который был мне прекрасно знаком. Я слышал его, наверное, несколько тысяч раз. Вчера дядя весь день провел со мной, и теперь ему нужно было возвращаться к работе, чтобы наверстать упущенное. Большинство его клиентов жили в огороженных поселках от Поуни-айленда до Джексонвилла и вкладывали в содержание и разведение лошадей такие суммы, какие мне не могли даже присниться. Конечно, ковать лошадей нужно было далеко не каждый день, однако с началом выставочного сезона все менялось, и состоятельные коневладельцы впадали в настоящую истерику, если дядя вдруг не мог приехать и «переобуть» их любимых лошадок. Каждый выставочный конь стоил по четверть миллиона и больше, поэтому хозяева были твердо убеждены: если их любимцу требуются новые подковы, значит, дядя просто обязан выполнить свою работу по первому требованию, а все остальное не имеет значения.

Лежа на твердом полу, на который я настелил поверх ковра пару одеял, я прислушивался, как удаляются хруст гравия и негромкое урчание мотора. Когда они окончательно затихли вдали, я попробовал снова уснуть, но от лежания на жестком полу у меня уже бока болели. (Возможно, начинал сказываться возраст, хотя в двадцать восемь я отнюдь не считал себя стариком.) Лежать спокойно я мог только на спине, но заснуть в таком положении мне никогда не удавалось. Вот если бы раздобыть еще одно одеяло, тогда я, быть может, попробовал бы как-нибудь уснуть!.. Увы, запасное одеяло я уступил Томми, которая, сладко посапывая, свернулась на единственной кровати. Некоторое время я наблюдал, как она спит. Должно быть, ей что-то снилось, потому что я отчетливо видел, как за сомкнутыми веками мечутся, ворочаются ее глаза. Одну руку она подложила под покрасневшую щеку, другая лежала поверх одеяла на грациозно изогнутом бедре. Одна ее ступня торчала из-под одеяла, и на ногтях пламенел яркий лак.

Нам необходимо было поговорить. *Как минимум* – поговорить, и я надеялся, что хотя бы против этого Томми возражать не станет.

Наконец я поднялся и, потирая ноющие бедра, спустился вниз. Там я

привязал к багажнику «Викки» небольшой челнок и снова поднялся наверх, чтобы глотнуть апельсинового сока и одеться. Мне казалось, что холодильник я открыл совершенно бесшумно, но, обернувшись со стаканом в руке, я увидел, что Томми смотрит на меня.

– Отличные трусы, – заметила она, показывая на мои трусы.

– Угу, – отозвался я, натягивая первые попавшиеся под руку шорты. –

В тюрьме всем такие дают.

– И что ты натворил на этот раз?

– Попался.

– Ты хотя бы был виновен?

Я кивнул.

– Но не так сильно, как кое-кто другой.

Она улыбнулась.

– Неужели я тебя так ничему и не научила?

– По-видимому, нет. – Я достал из холодильника пакет с соком и налил ей в чистый стакан.

Томми отрицательно покачала головой и села, подтянув колени к груди и завернувшись в одеяло. Упираясь в колени подбородком, она спросила:

– Ты все еще надеешься раскопать ту историю о старом хранилище?

Я сдержанно улыбнулся в ответ и надел свою бейсболку с эмблемой «Краснокожих».

Томми посмотрела в окно, потянулась.

– Ты не там ищешь.

– Я в этом не уверен.

Она слезла с кровати и, продолжая кутаться в одеяло, подошла к столику и выпила сок, который я приготовил для нее. Налив себе еще, она взяла со стола сумочку, достала три упаковки с какими-то лекарствами и, вылуцив из каждой по таблетке, проглотила их одним махом. Очистив банан, Томми не торопясь ела и смотрела на стоящую под окном «Викки» с притороченным к багажнику челноком. Наконец она улыбнулась, кивнула и повернулась ко мне.

– Я только быстренько приму душ, ладно?

– Я подожду тебя внизу.

Я все еще бродил по нижнему этажу амбара, разглядывая развешанные по стенам инструменты, когда из дома вышла тетя Лорна. Она приготовила кофе и несла мне. Протягивая мне кружку, тетя Лорна подняла голову и прислушалась к шуму воды в душевой кабине наверху.

– Будь с ней помягче, Чейз, ладно?

Держа кружку обеими руками, я подул на исходящий паром кофе.

– Хорошо.

Тетя вытерла руки о фартук и посмотрела сквозь распахнутые ворота на подъездную дорожку, на которой отчетливо виднелись следы дядиного прицепа.

– Ему пришлось съездить за ней, – сказала она.

– Как это? – не понял я.

– На прошлой неделе, как раз в тот день, когда тебя отправили в тюрьму, Лайаму кто-то позвонил. Через два часа он уже вылетел в Калифорнию, а когда вернулся, она была с ним.

– Дядя летал в Лос-Анджелес? – удивленно переспросил я.

Она кивнула.

Я машинально посмотрел в тот угол, где сливная труба душа спускалась по стене и уходила под пол. По трубе с шумом неслась мыльная вода.

– Не забудь, о чем я тебя просила, – сказала тетя, направляясь к выходу. – Не важно, что там она была почти звездой экрана и все такое прочее. За девять лет ничего не изменилось, и здесь она по-прежнему маленькая девочка... – Уже на ступеньках заднего крыльца тетя Лорна вновь обернулась. – Да, совсем забыла... Тебе только что звонил Ред. Он просил перезвонить ему во второй половине дня.

Вода наверху перестала течь, и я услышал, как скрипнула дверца душевой. Я сел за руль, запустил двигатель и, надев любимые очки «Коста дель маар», стал ждать.

Томми убрала волосы назад, надела футболку, свободные шорты и шлепанцы. Точно так же мы одевались в детстве. Кроссовки и туфли мы почти не носили, а если и носили, то только такие, которые можно было надеть или снять, не наклоняясь и не завязывая шнурки.

Благодаря Элсуорту дорожная система в Суте была даже лучше, чем в иных городах, однако за прошедший год с небольшим грунтовое или бетонное покрытие большинства дорог серьезно повредили тяжелые грузовики, вывозившие лес. К счастью, в последнее время дождей было немного, поэтому луж и грязи почти не встречалось, зато было очень много мелкой пыли, которая облаком вилась за машиной, а потом долго не оседала. Как бы там ни было, я старался ехать не слишком быстро, и если бы не необходимость объезжать самые глубокие ямы, то мог бы вовсе отпустить руль, предоставив «Викки» возможность ехать самостоятельно: в Суте она бывала настолько часто, что вполне могла бы добраться туда сама.

Миновав пастбище, мы выехали к каналу. В свое время его постройка

стала элсуортовским последним ударом – своеобразным *coup de grâce* [27], увенчавшим его победу над топями Бычьего болота, той самой затычкой в ванне, которую он выдернул, чтобы окончательно осушить свои земли. Уровень воды в канале, разумеется, колебался с приливом и отливом, однако, имея ширину свыше тридцати футов и глубину футов десять, он был главной здешней транспортной артерией, делавшей Суту еще дороже.

Мы остановились на бетонном мосту через канал и стали смотреть на воду. Высунувшись из окна, Томми долго следила за течением, потом снова откинулась на спинку сиденья и покачала головой. Еще некоторое время она рассматривала высокие деревья и зияющие тоннели просек, проделанных лесорубами в сплошной стене великолепных сосен.

– Я вижу, Джек вывозит еще больше леса, чем раньше.

Настал мой черед качать головой. Смотреть на вырубленные участки мне было тяжело.

– Я не против того, чтобы рубить лес, но если ты ничего не сажаешь... Это все равно что брать и не отдавать.

Томми кивнула, но ее лицо осталось бесстрастным.

– Вполне в духе Джека.

Своего отца Томми стала называть Джеком еще в старшей школе. И тогда, и сейчас это резало мне слух, словно фальшивая нота в гармоничной симфонии.

– А как ваша с дядей апелляция?

– На днях Карман передал в суд очередной вариант. Мы настаиваем на статутном праве прохода по необходимости, но с точки зрения закона... – Я хмыкнул. – В общем, если бы нам грозил смертный приговор, судья вынес бы вердикт еще до полудня, и никакой губернатор не смягчил бы приговор.

– Все так плохо, да?

– Джек прекрасно подготовился.

– Дураком он никогда не был.

– Кстати, он знает, что ты вернулась?

Томми отрицательно качнула головой и снова надолго замолчала, задумавшись о чем-то своем. На берегу перебежали от одной илистой ямки к другой светлые крабы, а у самой кромки воды сидел на задних лапах енот и полоскал в канале устричную раковину. Его передние лапки двигались с огромной скоростью, и раковина, которую он то и дело переворачивал, ярко сверкала на солнце.

– Если он пополощет эту несчастную устрицу еще минут десять, я съем ее сам, – сказал я наконец.

Томми рассмеялась и закинула ноги на приборную доску. Я отпустил тормоз, мы скатились с моста и, проехав мимо штабелей заготовленных бревен, свернули на остров Гибсона. Там я подъехал к причалу, спустил на воду челнок, и мы отплыли. Томми хотела грести, но я сказал, чтобы она села на носу и расслабилась. Мы немного поспорили, но я сумел настоять на своем. Томми пробралась на нос, я взялся за весло, и челнок заскользил по воде, огибая стволы огромных кипарисов.

– Интересно, когда он до них доберется? – задумчиво проговорила Томми, глядя вверх.

– Уже добрался, – сказал я.

Она удивленно повернулась ко мне.

– Джек начал вырубать Бычье болото?

Я кивнул.

– Где?

– На юге. Еще немного, и мы будем плавать в лодках над будущим полем для гольфа.

– Ты видел планы?

Я кивнул, провожая взглядом стайку уток, которые поднялись над каналом почти вертикально и, достигнув верхушек деревьев, стремительно понеслись прочь.

– На последнем заседании окружной комиссии по землеустройству, на котором я присутствовал, Джек демонстрировал планы, на которых было три поля для гольфа, два поселка с охраняемым въездом, летное поле, рассчитанное на частные «Гольфстримы», торговый центр и школа с полным циклом образования.

Томми рассмеялась и, упираясь руками в борта, откинулась назад, подставив лицо солнцу, пробивавшемуся сквозь листву. Наконец она потрянула волосами и проговорила:

– Ему все мало... Когда же это закончится?!

Я не ответил. Мы подплыли к едва выступающим над водой мосткам, я привязал челнок и помог Томми выбраться на сушу. Там она взяла меня под руку, и мы побрели по усыпанному сосновыми иглами песчаному берегу к лесу. Там мы свернули на старую тропу – подзаросшую, но вполне проходимую. Молодые бамбуковые побеги, достававшие нам до бедер, слегка покачивались, словно тоже были рады возвращению Томми.

Через четверть часа мы были на месте.

Святылище представляло собой расположенный в самом сердце Суты островок нетронутого, девственного леса площадью около двухсот пятидесяти акров. Вокруг простиралось озеро, которое местные жители

продолжали по старинке именовать Бычьим болотом. На картах это место называлось Холм Дюбиньона – в честь того парня, который продал остров Джекил «Клубу имен». Добраться сюда можно было только по воде. Холм сплошь порос высокими строевыми соснами и раскидистыми виргинскими дубами, ветки которых растут очень низко и почти параллельно земле, придавая дереву сходство с гигантским осьминогом. Самые большие нижние сучья бывают толщиной с бедро взрослого мужчины; порой они изгибаются вниз, а упершись в землю, снова начинают расти вверх. Кое-где между дубами виднелись кудрявые пальмы и заросли бамбука, который вырастал здесь всего на два-три фута, поскольку его нежными верхушками постоянно лакомились олени.

На дальнем от нас краю холма-острова, где вдоль песчаной гряды бежал глубокий ручей, росли посаженные в правильном порядке деревья, которые при взгляде с высоты птичьего полета напоминали огромный католический собор. Семьдесят лет назад эти деревья посадил сам Эллсуорт. Во время Первой мировой он и его рота целый месяц оборонялись в таком соборе. Немцы блокировали их внутри, но так и не смогли прорваться ни в собор, ни в его подвалы, поэтому, купив Суту, Эллсуорт в течение нескольких лет высаживал здесь деревья, стараясь по возможности воспроизвести размеры и архитектуру европейского чуда. Стены собора имитировали пальмы, высаженные в два параллельных ряда на расстоянии шести футов одна от другой. Расстояние между рядами равнялось тремстам футам. Сейчас пальмы вымахали футов на пятьдесят каждая, и их стволы действительно напоминали стройные колонны, которые в соборах поддерживают свод в конце каждого ряда скамей. Над пальмами, точно крыша, нависала плотная листва шестнадцати черных дубов, посаженных по восемь штук с каждой стороны. В отличие от своих раскидистых и не слишком высоких виргинских сородичей, эти дубы достигают высоты шестидесяти-семидесяти футов. Ветки у них растут только на самой вершине прямого, стройного ствола, что делает эти деревья отдаленно похожими на атомные грибы.

Передняя стена зеленого собора состояла из двенадцати японских магнолий и двенадцати елей Дрейка. Притвор был образован дюжиной апельсиновых деревьев, восемью лимонами и двумя кустами фортуеллы, обозначившими входную дверь. Задняя стена, отстоявшая от передней на добрые четыре сотни футов, была обозначена десятком кипарисов, листва которых расширяется внизу, как юбки у делающей книксен женщины Викторианской эпохи. Амвон, с которого священники читают молитвы, символизировала гигантская магнолия, чьи массивные ветви протянулись

сейчас далеко за «окна» собора, местами нависая над водой, окружающей остров.

Дядя часто рассказывал мне, что начал ходить сюда с отцом, когда был еще мальчишкой. И даже после того, как Эллсуорт умер, дядя продолжал бывать здесь достаточно регулярно. Судя по тому, что пальмы были аккуратно подстрижены, а под деревьями не видно было ни палой листвы, ни веток, он побывал в Святилище сравнительно недавно.

Томми огляделась.

– Не понимаю, почему Джеку здесь не нравится!

Ее отец никогда не интересовался Сутой. Точнее, его интересовало лишь то, что она могла дать лично ему, и мы оба это знали.

Я улыбнулся.

– Хорошо, что дяде удалось оставить это место за собой. На данный момент это единственное, что мешает твоему отцу развернуться по-настоящему.

– Что ты имеешь в виду?

– Святилище расположено в самом центре первоклассного строительного участка площадью двадцать шесть тысяч акров, – пояснил я. – И для Джека это все равно что чирей на известном месте. Дядя отказывается продавать землю, поэтому по закону твой отец обязан обеспечить ему доступ к его собственности. Именно это ему и мешает.

– Забавно.

– Что именно?

– Что Джеку очень хочется заполучить то, что никогда не было ему нужно.

– Ну и поделом ему.

Некоторое время назад дядя устроил в самом центре «собора» что-то вроде места для пикников. Два соприкасающихся концами бревна, уложенных в форме буквы Г, служили скамьями, между ними чернело обложенное камнями место для костра. Когда мы приехали, время близилось к полудню, поэтому я развел небольшой огонь, сварил кофе, испек несколько яиц и даже умудрился не сжечь несколько кусков хлеба, которые я подогревал, насадив на палочку.

Взяв у меня из рук кружку с кофе по-ковбойски, Томми слегка наклонилась и заглянула внутрь.

– Когда-нибудь ты станешь кому-то отличным мужем, – сказала она. – Я как раз мечтала о кофе.

– Это и называется «путешествовать с комфортом», – отшутился я.

Томми отпила глоток, потом стала чистить яйцо на бумажную тарелку.

– У тебя есть девушка? – неожиданно спросила она.
– Время от времени я встречаюсь с двумя или тремя.
Томми слегка приподняла бровь.
– Ну, увлечения у тебя были всегда. Я тебя не об этом спрашиваю.
– Откровенно говоря, в последнее время я слишком занят.
– Гм-м... – Она мне не поверила, я понял это по ее улыбке. Не переставая улыбаться, Томми посмотрела на часы, потом достала из кармана серебристую коробочку и приняла еще одну таблетку.

Я намазал кусок хлеба джемом и протянул ей. Томми сначала слизнула джем, стекавший с одного края, и только потом откусила большой кусок.

– Я там был, – сказал я, показывая на ее футболку, точнее – на надпись «Я люблю Лос-Анджелес». – Правда, только один раз.

– Вот как? А где именно?

– В Студио-Сити.

– А когда?

– Года три назад.

Она что-то быстро прикинула в уме.

– Почему же ты мне не позвонил?

– Я звонил.

– Странно. Моя соседка по квартире ничего мне не сказала.

– Я разговаривал не с твоей соседкой.

– А с кем же?

– С тобой. Какой-то парень взял трубку и поднес ее к твоему уху. Ты пробормотала несколько слов, которые я не сумел разобрать, и дала отбой.

Томми кивнула и снова уставилась в кружку с остатками кофе.

– Я не помню. Возможно, мне тогда нездоровилось...

– Из-за этого ты пьешь все эти таблетки? Из-за своего «нездоровья»? – задал я вопрос, который уже давно вертелся у меня на языке.

Томми пожала плечами. По-видимому, правда давалась ей нелегко.

– Сначала ты колешь не те наркотики и спишь не с теми людьми, а потом – вот это... – Она похлопала себя по карману, где лежала серебристая коробочка. – Это становится частью твоей жизни.

– Не хочешь рассказать поподробнее?

– Ты за этим меня сюда привез? Поговорить?

– Вроде того.

Она улыбнулась и попыталась разрядить обстановку:

– Давненько я не была с парнем, который хочет просто поговорить.

Томми легла на бревно, так что ноги оказались по обеим сторонам ствола, и продолжала, обращаясь к облакам в небе:

– Я сыграла несколько проходных ролей в кино, пару раз снялась в рекламе, пару раз появилась в мыльных операх для домохозяек... Ну а потом мне подвернулась эта... возможность. Тогда мне казалось – большого вреда от этого не будет. Мне казалось, что это просто черный ход, через который можно попасть в большое кино. Только потом я поняла, что на самом деле это была дорога в никуда.

Я затоптал почти прогоревший костер.

– Однажды вечером, года три назад, я ужинал в ресторане Пита... ну, в том, который на берегу, ты знаешь. Туда зашел один парень с приятелями – я его помню, он учился с нами в одной школе, только имя его забыл. Они сидели совсем рядом, за соседним столиком. Сначала они над чем-то смеялись, потом этот парень достал из сумки DVD-диск, вставил в ноутбук и развернул его так, чтобы его друзьям было видно экран. И чтобы мне было видно тоже... Сначала пошли титры, и я заметил твое имя, а потом на экране появился песчаный тропический пляж, по которому шел какой-то мужик в костюме Адама. Я знал, что́ будет дальше, но мне не хотелось этого видеть, не хотелось даже думать об этом, поэтому я просто оставил на столе деньги и ушел.

Томми сбросила шлепанцы и зарылась пальцами ног в рыхлую землю под бревнами.

– Дядя Уилли говорил тебе, что собирается ехать за мной?

Я покачал головой:

– Нет. Я узнал только сегодня утром – тетя Лорна сказала.

Томми села.

– Я должна кое-что тебе сказать.

Мне не хотелось слышать то, что́ она собиралась мне сообщить, поэтому я снова покачал головой.

– Мне вовсе не обязательно знать подробности.

– Позволь уж мне решать. И потом, я тебя знаю – ты ведь неплохой человек, так что...

– Иногда я могу и солгать.

– Это мне тоже известно. – Она встала и, подойдя ко мне, села рядом и, прижавшись, положила голову мне на плечо. – Я читала в Интернете все твои статьи... и это были хорошие статьи. Просто удивительно, как тебе до сих пор не предложили перейти в газету посolidнее.

– Мне предлагали.

Она кивнула.

– Дядя Уилли говорил мне в самолете. Он сказал – ты никуда не перейдешь, пока не доведешь дело до конца... пока не скажешь свое

последнее слово.

Я кивнул. От потушенного костра поднялась тонкая струйка дыма и попала мне в глаз. Я моргнул.

– Ты по-прежнему не можешь успокоиться?

Я покачал головой:

– Нет.

– Не можешь или не хочешь? – настаивала она.

– Я должен. Хотя бы ради дяди Уилли.

Томми снова склонила голову мне на плечо и закрыла глаза.

– Ну а если то, что ты так хочешь узнать, тебе не понравится?

– По крайней мере, я буду знать правду.

– Иногда правда может убить.

После этого мы долго молчали, наконец я спросил:

– Так что ты хотела мне сказать?

– Это может подождать, – ответила Томми, не открывая глаз. Завозившись на бревне, она положила голову мне на колени, а я обнял ее за плечи, снял резинку, удерживавшую «конский хвост», и провел рукой по ее чуть влажным после душа волосам.

Вы когда-нибудь видели в цирке, как несколько безумцев носят на мотоциклах внутри стального решетчатого шара? Обычно их бывает не меньше восьми, и каждую секунду они могут убить или покалечить друг друга.

Примерно то же самое творилось сейчас и у меня в голове.

Томми неожиданно села.

– Мне нужно кое-что сделать, – промолвила она и взяла меня за руку. – Поможешь?

– *Нужно?*

– Очень. И я хочу это сделать. – Свободной рукой она провела по костяшкам моих пальцев. Здесь, среди деревьев, ее глаза снова стали похожи на изумруды, и в их глубине, под туманом прошлого, сиял огонек, который напомнил мне прежнюю Томми.

– Ты поэтому вернулась?

Прошла, наверное, целая минута, прежде чем она ответила:

– В том числе...

Глава 6

Дядя стал кузнецом не по своей воле. Когда после тюрьмы он вернулся домой с Лорной, выбор у него был очень и очень ограниченным. Для большинства жителей Брансуика дядя по-прежнему был персоной нон-грата, поэтому он выбрал занятие, которое позволяло ему не только зарабатывать на жизнь, но и проводить как можно больше времени за пределами округа Глинн.

Тиллман Эллсуорт Макфарленд всегда подковывал своих лошадей сам. Это была нелегкая работа, но она научила его угадывать характер и особенности каждой. Дядя говорил, что помнит, как его отец зажимал ногу лошади между коленями и принимался расчищать стрелку или удалять гвозди. Прежде чем надеть на копыто новую подкову, Эллсуорт непременно подносил старую подкову к свету и внимательно рассматривал, пытаясь определить, была ли она удобной и в каких местах металл больше всего стерся. «Лошади умеют говорить, – любил повторять он. – И состояние старых подков – это громкий крик, который не услышит только слепой».

Дядя запомнил эти слова и, как мне кажется, довольно скоро научился «читать» не одних только лошадей.

Примерно в то же время, когда я это понял, меня заинтересовал контраст между дядей и его старшим братом Джеком. Помню, была середина лета. Стояла адская жара, и в миле над нашими головами описывали неспешные круги пять или шесть канюков, ловивших широкими крыльями потоки нагретого воздуха. Мы с Томми качались на качелях, которые были сделаны из подвешенной на веревках старой крыши, а наши щеки были липкими от дынного сока. Стараясь раскачаться по сильнее, мы тем не менее внимательно следили за тем, не подбирается ли к нам любимый дядин индюк Боб – существо абсолютно сумасшедшее и агрессивное.

Сам дядя только что приехал, расцеловал Лорну и нас (как и всегда после полного рабочего дня от него приятно пахло лошадьми, землей и честным трудовым потом) и как раз укладывал в прицеп инструменты, готовясь к завтрашней поездке на какую-то отдаленную ферму, когда на подъездной дорожке рядом с «Салли» припарковался дядя Джек. В те времена он разъезжал на новеньком темно-синем «Кадиллаке Эскалейд», носил шелковый костюм в тонкую полоску, брюки с отворотами,

итальянские кожаные туфли и галстук от Армани. Манжеты его французской сорочки скрепляли золотые запонки. Два брата, городской герой и городской изгой – они были похожи друг на друга меньше, чем день и ночь.

Дядя жил на то, что удавалось заработать, и этого едва хватало нам на жизнь. В городе его считали мотом и транжирой – вроде библейского блудного сына, который так и не вернулся домой и к тому же ухитрился ограбить и собственную семью, и добрую половину жителей Брансуика в придачу. Правда, в конце концов дядя все-таки отправился в тюрьму, но неожиданное помилование, подписанное губернатором, почти не изменило отношения к нему большинства людей. Пока он оставался за решеткой, его уволили из банка и лесозаготовительной компании, лишили должности помощника церковного старосты, исключили из «Ротари»^[28] и из загородного клуба. О том, чтобы вернуть ему после помилования хотя бы часть прежних привилегий, никто даже не задумался – в глазах земляков дядя все равно оставался вором.

Что касалось дяди Джека, то его социальный статус не претерпел никаких изменений. Как и прежде, он оставался уважаемым членом общества – президентом банка, директором лесозаготовительной компании «Сута форестс», старостой своего прихода и одним из членов-основателей окружного клуба «Ротари». И, разумеется, он был очень и очень состоятельным человеком.

К нам он приехал за Томми.

Томми постучала в нашу кухонную дверь позапрошлой ночью – часов в двенадцать или даже позже. Ей пришлось бежать в темноте через всю Суту, что для восьмилетней девочки было почти непосильным испытанием. Помню, как я наливал для нее горячую ванну и удивлялся. Пешком через всю Суту? Что может быть страшнее, чем пять миль темноты, молний и дождя?!

Что случилось, я тогда не знал, но по лицу Томми было видно, что ей досталось. Ее волосы намокли и липли к лицу, на щеке алела царапина, ноги были по колено испачканы жидкой глиной, длинное фланелевое платье тоже было в грязи и разорвано, словно по пути она несколько раз падала. Несмотря на столь плачевный вид, расспрашивать ее никто не стал. Тетя Лорна выкупала Томми и накормила супом, а дядя уложил ее в мою постель. Мне он постелил на полу – на старом соломенном тюфяке, от которого пахло мышами. В ту ночь я почти не спал, все смотрел, как она вздрагивает, слушал, как она бормочет и вскрикивает во сне.

А утром к нам приехала полиция. Полицейские усадили Томми на

веранде и начали задавать ей разные вопросы, много вопросов, но она ничего не отвечала – только смотрела на меня и молчала.

В тот же день утренняя газета опубликовала на первой полосе фотографию Питера – старшего брата Томми. Оказывается, он погиб в ту же ночь, когда она прибежала к нам. Наиболее вероятной причиной смерти газета называла несчастный случай в результате неосторожного обращения с оружием. Пуля попала ему в голову. В статье говорилось, что врачам пришлось накачать дядю Джека лекарствами, чтобы хоть немного успокоить. Все его коллеги и сотрудники банка в один голос утверждали, что горе Джека Макфарленда выглядело неподдельным и очень глубоким. «Безутешный отец» – это словосочетание повторялось в статье раза три или больше.

Ближе к вечеру Томми попросила позволения остаться у нас, и дядя очень быстро скотил двухъярусную кровать. Он поставил ее в моей комнате, и в течение нескольких последующих лет Томми частенько спала на нижнем матрасе: случаи, когда ей приходилось ночевать в доме отца, можно было пересчитать по пальцам. До сих пор не знаю, усугубило ли это существовавшую между дядей и дядей Джеком напряженность или просто сделало ее более явной? Как бы там ни было, каждый раз, когда оба брата оказывались в одной и той же комнате, между ними разве что молнии не проскакивали. Наверное, Уилли и Джек Макфарленды предпочли бы и вовсе забыть о существовании друг друга – и забыть как можно скорее, однако то обстоятельство, что Томми проводила в нашем доме намного больше времени, чем в своем, вынудило их заключить временное перемирие. Или, по крайней мере, сделать вид, будто они его заключили.

Что касалось отношений дяди Джека и Томми, то кому-то могло даже показаться, будто отец просто идет навстречу желанию единственной дочери, которая не смогла жить в доме, где произошла столь страшная трагедия. На самом деле все было не так. Насколько я знаю, дядя Джек просто не мог удержать ее в четырех стенах, хотя и практически превратил свой особняк в тюрьму строгого режима. Несмотря ни на что, Томми все равно ускользала и возвращалась к нам: по какой-то причине она и дядя Джек были теперь как вода и масло, которые не смешиваются ни при каких обстоятельствах. Нет, они не враждовали в открытую, но держались друг с другом как чужие, что, учитывая мои собственные обстоятельства, не могло не казаться мне странным. В конце концов, думал я, после гибели брата Томми осталась единственным ребенком Джека Макфарленда, и теперь он был просто *обязан* любить свою дочь. Но, насколько я помню, он даже никогда особенно не ругался и не шумел, когда она в очередной раз сбегала

к нам, хотя других детей у него не было – после того как дядя Джек развелся с матерью Томми и Питера, он женился еще четыре раза, но ему каким-то образом удалось избежать появления еще одного ребенка.

Впрочем, со временем мне стало казаться, будто я знаю, в чем дело. По мере того, как все новые и новые женщины становились женами дяди Джека (прежние подавали на развод, но дело каждый раз обходилось тихо, без скандала), дочь мешала ему все больше, так что он, наверное, просто забывал высказать свое неудовольствие, когда Томми жила у нас буквально неделями. Так ему было гораздо проще – например, не нужно было объяснять очередной претендентке, откуда взялась в доме маленькая девочка.

Я не знаю, бил ли дядя Джек Томми или нет. Сам я ни разу не видел никаких следов того, что называется нынче «жестоким обращением с ребенком». Да, он был очень сложным и скрытным человеком, но жестокость никогда не была ему свойственна. Тем не менее я очень внимательно следил, не появятся ли на коже Томми синяки или ссадины. И дядя тоже следил. Уверен, при первых же признаках того, что дядя Джек ударил дочь, непрочному миру между братьями немедленно настал бы конец.

Томми была очень приятной – спокойной, немного курносой и слегка провинциальной девчушкой. Ее мелодичный, ласковый голос мог бы растопить масло и заставить тяжелобольного позабыть о своих хворях. В школе Томми получала исключительно отличные отметки, не особенно при этом стараясь. Точно так же, без особых усилий, она стала лучшим в штате питчером детской софтбольной команды. Три года подряд Томми играла заглавные роли в школьных театральных постановках, а в старшей школе ее выбрали королевой ежегодного бала выпускников. И хотя ее внутренний мир, ее мысли и переживания во многом оставались для меня загадкой, не любить ее было просто невозможно – с Томми связаны все мои самые светлые детские воспоминания. Что касается дяди Уилли, то он и вовсе души в ней не чаял. Порой мне даже кажется, что Томми была его дочерью в куда большей степени, чем дочерью своего отца.

Мы с Томми учились уже в старшей школе, когда до нас как-то вдруг дошло, что на самом деле я – приемный ребенок, живущий в доме ее дяди, и, следовательно, никакие мы не родственники. Вскоре я перебрался в комнату над амбаром (дядя помог мне привести ее в порядок), после чего мы уже никогда не чувствовали себя братом и сестрой. Нет, мы не начали испытывать друг к другу никакого иного влечения, кроме дружеского, и все же что-то в наших головах слегка сдвинулось, после чего мы стали думать

друг о друге немного иначе, чем раньше. А когда это произошло, появилась и определенная дистанция – невидимая, но такая же ощутимо-реальная, как дядина наковальня.

Правда, на выпускной вечер Томми по какой-то причине пригласила именно меня, хотя недостатка в кавалерах она никогда не испытывала. И я согласился. Все равно девушка, с которой собирался пойти я, предпочла другого, так почему бы и нет?..

Именно на выпускном я неожиданно осознал, что Томми очень красива и что она привлекает внимание. Взгляды других парней блуждали по ее фигуре, как по бульвару, и хотя Томми это явно нравилось – в какой-то степени она даже наслаждалась тем, что может заставить одноклассников на время забыть о своих подружках, – все же пригласила она меня не напрасно. К счастью, я не был задирой, и все же выпускной вечер окончательно убедил меня: мужской взгляд способен ранить так же сильно, как кулаки.

В нужный момент мы поднялись на сцену за аттестатами, протанцевали пару танцев и незаметно ускользнули, хотя веселье было в самом разгаре. Я привез нас на пляж, и, хотя я все еще был в смокинге, а Томми – в бальном платье, мы до утра бродили по песку и с аппетитом уплетали гамбургеры, целый пакет которых купили по дороге.

Глава 7

Я припарковал «Викки» на обычном месте, забрался в челнок и спустя двадцать семь взмахов веслами был уже на борту моей яхты. Привязав покрепче челнок, я выгрузил из него пакет с продуктами, а потом немного постоял возле мачты, любуясь окрестностями: в четыре пополудни болота уже начинали терять свою тускло-золотистую окраску, приобретая цвет светлого янтаря. Это было просто сказочно красиво, и я старался не пропускать подобного зрелища.

Одной из особенностей жизни на яхте, пришвартованной не у причала, с которого к ней можно протянуть электрические и телефонные провода, а вдали от благ цивилизации, является необходимость тщательно обдумывать самые простые на первый взгляд вещи. Взять хотя бы вопрос о том, как добираться до берега и возвращаться обратно. Для перевозки продуктов, топлива для генератора и других тяжелых вещей я использую плоскодонный челнок. Он прочен, устойчив и довольно вместителен, благодаря чему можно сэкономить время на лишних рейсах. Для поездок налегке я беру байдарку. Она легкая, быстрая и прекрасно маневрирует в сильном течении, которое возникает здесь каждый раз во время прилива и отлива. Для готовки и для подогрева воды, которую я использую для душа и мытья посуды, на борту имеется два газовых баллона, которых хватает надолго. Электрогенератор обеспечивает меня светом и электричеством для работы на компьютере и зарядки батарей мобильного телефона. От него же питается моя любимая кофемашина.

Оторвавшись от мачты, я запустил генератор, поставил заряжаться телефон, потом проверил электронную почту и заглянул в Сеть в поисках новостей. Да, на яхте я веду довольно простую жизнь, но Ред терпеть не может, когда я оказываюсь недоступен, поэтому он, хоть и со скрипом, был вынужден купить мне высокоскоростной беспроводной модем.

Через полчаса поисков в Интернете я набрал его номер.

– Это я. Что новенького?

– Ты уже был у мальчика?

– Как раз собираюсь. Мне хотелось сначала поговорить с тобой.

– Что у тебя есть?

– Я звонил в Департамент опеки штата. По их словам, признаки регулярного жестокого обращения, а также тот факт, что личности его

родителей абсолютно неизвестны, являются достаточным основанием для подачи обращения о безотлагательном установлении над мальчиком государственной опеки. Это означает, что его отправят в приют или приемную семью, как только его выпишут из больницы. После этого мальчуган будет подопечным штата, который возьмет на себя всю полноту ответственности за его благополучие.

– Когда именно это произойдет?

– Со дня на день. Все зависит от того, как быстро мальчик поправится.

– Так... – Ред немного помолчал. – Что еще?

– Офис окружного прокурора поручил своим сотрудникам расследовать этот случай. Возможно, им удастся установить имя и фамилию мальчика, а также имена его родителей. В этом случае прокурор, скорее всего, будет настаивать на лишении их родительских прав.

– Это действительно возможно?

– Вполне возможно, но только при наличии достаточных оснований.

– Да какие еще основания им нужны?! – взорвался Ред. – Одного взгляда на спину этого мальчика за глаза хватит, чтобы вздернуть его родителей на ближайшем суку!

– Не будем загадывать. Я встречаюсь с ней в больнице через час, тогда и посмотрим.

– С кем – с ней?

– С женщиной из офиса прокурора, которая будет вести это дело.

– Ладно. Держи меня в курсе.

* * *

На третий этаж, где находилось педиатрическое отделение больницы, я снова поднялся на лифте. Перед дверьми палаты мальчика сидел все тот же охранник, только на этот раз он читал роман Луи Ламура. Увидев меня, охранник слегка отодвинулся от входа.

– Он там. Рисует.

Я вошел в палату и сел на круглый вращающийся табурет на колесиках. Насколько я знал, врачи, которые осматривают больных в приемном покое, частенько раскатывают на таких по всей комнате.

Мальчик действительно рисовал. Услышав, как открылась дверь, он прервался ровно настолько, чтобы поправить новенькие очки, сползшие ему на кончик носа. При этом мальчик слегка приподнял голову, но взглянул не на меня, а на мои ноги. В палате было довольно тепло, даже душно, но парнишка все равно был в дядиной синей бейсболке.

По дороге в больницу я решил, что должен как-то к нему обращаться. «Сопляк», «Малыш», «Парень», просто «Эй, ты!» – все это не годилось. Я твердо знал, что у каждого ребенка должно быть имя.

Подкатившись к нему поближе, но так, чтобы не испугать, я сказал:

– Привет. Я буду звать тебя Майки, хорошо?.. Это только временно, пока ты не решишь, как нам следует к тебе обращаться.

На несколько мгновений мальчишка замер. Уставившись в пол, он словно пробовал новое имя, примеряя к себе. В конце концов он, видимо, решил, что имя ему подходит. Глядя куда-то в дальний угол комнаты, он, не глядя, написал что-то в блокноте, потом показал его ко мне.

«Привет», – прочитал я.

Если бы мой почерк был хотя бы вполовину таким разборчивым, как у него, я бы, наверное, смог писать письма знакомым и друзьям.

– Бейсболка тебе идет, – продолжил я. – Тебе нравятся «Краснокожие»?

Не поднимая глаз, мальчик пожал плечами.

– Где ты научился так хорошо писать?

Его рука с карандашом снова задвигалась, причем на страницу блокнота он взглянул не сразу, а с опозданием в несколько секунд. Я с интересом смотрел, как на бумаге возникло что-то вроде больничной койки с лежащей на ней старой женщиной. Ее лицо было покрыто сетью морщин, из носа торчали кислородные трубки, а в руке она держала карандаш. Рядом с кроватью Майки нарисовал маленького мальчика, который пристально смотрел, как женщина выводит в блокноте буквы алфавита.

– Это ты? – Я показал на фигурку ребенка.

Он кивнул, и я обратил внимание, что его мордашка немного округлилась, словно за прошедшие сутки мальчик набрал фунт или полтора.

– А это кто? – Я показал на лежащую на кровати женщину.

«Миссис Мирлен». – Писал Майки почти так же быстро, как и рисовал, хотя пользовался не прописными, а мелкими печатными буквами.

– Она твоя родственница?

Прежде чем он успел ответить, в палату вошла симпатичная брюнетка примерно моего возраста, одетая в джинсы, рубашку-оксфорд навыпуск и белые «найки». И я, и Майки машинально повернулись в ее сторону, но если я смотрел на лицо, то мальчик разглядывал кроссовки.

– Чейз Уокер, – представился я, вставая и протягивая руку.

– Мэнди Паркер. – Она слегка приподняла подол рубашки, продемонстрировав прикрепленный к поясу джинсов жетон сотрудника

окружной прокуратуры.

Я отступил в сторону, чтобы Мэнди могла лучше рассмотреть Майки. Шагнув вперед, она слегка наклонилась и, окинув быстрым взглядом его израненную спину и руки, мягко проговорила:

– Ну, здравствуй...

К этому времени Майки успел открыть очередную страницу блокнота и прилежно штриховал крылья красного кардинала, прицепившегося к кормушке. Бросив взгляд за окно, я действительно увидел на ближайшем дереве кормушку, но сейчас никаких птиц там не было.

Майки так и не поднял головы, но я видел, что он исподлобья следит за нами обоими.

Мэнди выпрямилась и направилась к стоящему в углу свободному стулу.

– Рисуй-рисуй, я не хочу тебе мешать.

Я снова опустился на свой табурет и подкатился к мальчику как раз в тот момент, когда он сломал кончик карандаша. На тумбочке позади него лежала еще одна коробка карандашей и электроточилка. Засунув в нее сломанный карандаш, он некоторое время удерживал пальцем кнопку, включившую мотор. Когда кончик грифеля снова стал острым, Майки начал прорисовывать область возле клюва и глаз кардинала.

Я показал на карандаши и точилку.

– Тебе это кто-то подарил?

Майки кивнул, но как-то нерешительно. Он словно боялся, что я собираюсь отнять у него это богатство.

– Похоже, кому-то ты очень нравишься.

Он слегка поднял голову – ровно настолько, что из-под ресниц сверкнули белки глаз. Судя по этому движению, Майки был уверен, что я знаю таинственного дарителя. В ответ я пожал плечами, и он, открыв чистую страницу, схематично набросал лицо дяди и его знаменитый «гас».

– Это дядя Уилли принес тебе карандаши? – удивился я.

Майки быстро кивнул.

– Когда это он успел?!

Мальчик нарисовал циферблат часов, потом изобразил стрелки. Часовая стрелка показывала на шесть, а минутная – на единицу.

– Ага!.. Значит, мне не показалось, что сегодня дядя уехал на работу раньше обычного, – заметил я, обращаясь не столько к Майки, сколько к самому себе.

Мальчуган неожиданно захлопнул блокнот и покосился на Мэнди Паркер.

– Не бойся ее. Она адвокат.

Блокнот снова открылся, и на чистой странице, как по волшебству, появился верх джинсов, между штрипками которого висел на ремне служебный значок.

Я несколько мгновений разглядывал рисунок, потом покачал головой.

– Ну и глаз у тебя! Завидую. Ты не упускаешь ни одной мелочи.

Он снова пожал плечами, а я заметил, что на проплешинах у него на затылке начали пробиваться волосы.

– Мисс Паркер – представитель власти. Она работает в офисе окружного прокурора.

Эти слова вызвали у мальчугана неожиданную реакцию. Он скрючился на стуле, прижал колени к груди и с такой силой стиснул блокнот, что побелели костяшки пальцев. Его поза была более чем красноречива, поэтому я поспешил добавить:

– Она на стороне хороших парней.

Но Майки только еще сильнее скрючился. Он мне не поверил, и Мэнди Паркер это поняла.

– Я сейчас вернусь, – сказала она и, поднявшись со стула, достала из заднего кармана джинсов DVD-диск. – Это один из моих любимых мультфильмов, – добавила она, положив диск на кровать. – Надеюсь, тебе он тоже понравится. – Мэнди повернулась ко мне. – Как насчет кофе?

Я кивнул.

– Тогда подождите меня пару минут. Сначала мне нужно сделать один звонок...

Она вышла в коридор, на ходу доставая телефон, а я взглянул на обложку диска. Это была диснеевская «Книга джунглей».

– Ты смотрел этот мультик? – спросил я, показывая ему диск.

Майки покачал головой.

– Хочешь посмотреть?

Он чуть заметно вздрогнул, словно почувствовал ловушку, но я уже вставил диск в проигрыватель под телевизором и нажал «пуск».

Как только на экране появилась картинка, Майки в панике метнулся под кровать и заполз под нее как можно дальше. Охранник, привлеченный шумом, ворвался в палату, впопыхах опрокинув стул, – и остановился в недоумении, не увидев мальчишку в комнате. Я, признаться, тоже растерялся и испугался – уж больно неожиданной и бурной была реакция ребенка. Впрочем, через мгновение я все же взял себя в руки и, знаком показав охраннику, что все в порядке, опустился на колени и заглянул под кровать. Майки лежал там в самом дальнем углу, скорчившись в позе

зародыша и закрыв руками голову.

– Он уже делал так вчера вечером, – шепотом сообщил охранник, подходя ближе. – В холле кто-то врубил телик, а он спрятался под кровать и два часа не хотел вылезать.

Подняв голову, я увидел, что Мэнди стоит в коридоре напротив дверей палаты и внимательно наблюдает за происходящим.

Мне хотелось что-то предпринять, поэтому я подполз к изголовью кровати, чтобы Майки слышал меня как можно лучше.

– Извини, ладно? – мягко проговорил я. – Я не подумал. Конечно, сначала мне следовало спросить твоего разрешения. Ты можешь не смотреть, если не хочешь... – Я выключил телевизор и положил пульт на пол, так чтобы мальчуган мог до него дотянуться. – Вот, возьми. Теперь ты сам будешь включать и выключать телик, о'кей?..

Он посмотрел на меня. Точнее, я увидел, как в узкой щели между плотно сдвинутыми ладонями сверкнул глаз.

– Прости. Я не хотел тебя напугать, – повторил я, отползая от кровати.

Охранник немного посторонился, позволяя мне встать.

– Дайте ему немного времени, – прогудел он. – Он славный парнишка, нужно только дать ему время. Я уверен, что с ним все будет в порядке.

Его слова, хотя и сказанные от чистого сердца, были мне слабым утешением. Я понимал: если за прошедшие два дня мне и удалось добиться в отношениях с Майки хоть какого-то прогресса, то теперь мы снова вернулись к самому началу.

– Ладно, схожу выпью кофе и вернусь, – сказал я и, машинально отряхивая джинсы, шагнул в коридор, где меня ждала Мэнди Паркер.

Пока мы спускались на лифте на первый этаж, где находилось кафе для посетителей, я сказал:

– В колледже нас к такому не готовили...

Я думал – Мэнди промолчит, но она сказала, глядя на табло, где сменяли друг друга номера этажей:

– У детей, которые на протяжении какого-то времени регулярно становились объектами насилия со стороны взрослых, почти всегда есть одна или несколько «кнопок», включающих непроизвольные рецидивирующие воспоминания о пережитом. Что может спровоцировать возвращение к кошмару – предсказать невозможно. Узнать это можно, только когда случайно нажмешь одну из таких «кнопок».

Внизу мы взяли кофе и сухое печенье и устроились на открытой веранде кафе. Солнце клонилось к горизонту, и на нас волнами накатывал солоноватый запах болот.

– Вы здешний? – спросила Мэнди и улыбнулась – должно быть, заметила, как я стараюсь дышать полной грудью.

– Прожил в этих местах всю жизнь, – ответил я, поскольку относительно места моего рождения у меня уверенности не было. – То есть почти всю жизнь... Я попал в приют совсем маленьким и мало что помню о том времени, когда у меня были мама и папа. Правда, мне почему-то кажется, будто я родился где-то здесь, на Юге, но на самом деле я могу быть и из Сиэтла, и с Аляски. А вы?

– Я из Флориды. – Она слегка нахмурилась и сменила тему: – Мне звонил ваш редактор. Он сказал, что поручил вам написать о мальчике статью.

Я кивнул.

– Все верно. Кстати, буду весьма признателен, если вы поделитесь со мной информацией, которую вам удалось выяснить по своим каналам.

– Сначала вы расскажите, что вам известно.

Я рассказал, какие умозаключения и догадки я сделал на основе моего небогатого опыта общения с мальчиком, его рисунков и моих бесед с доктором и охранником. Получилось не слишком много. Никто из нас не знал ни имени мальчика, ни откуда он родом, ни кем были его родители (за исключением, естественно, того, что оба были порядочными мерзавцами). Как он попал к железнодорожному поезду – тоже оставалось загадкой.

– Его память остается довольно однобокой, – закончил я. – Какие-то вещи он запоминает в мельчайших подробностях, а о каких-то вообще ничего не помнит.

Мэнди кивнула.

– Я работаю в офисе окружного прокурора уже пять лет. За это время мне пришлось иметь дело примерно с сотней детей. В самых тяжелых случаях картина была очень похожая. В психологии это называется выпадением памяти, которое, в свою очередь, является одним из симптомов ПТСР – посттравматического стрессового расстройства. Организм защищается от травмирующих воспоминаний, просто-напросто блокируя их.

– И как лечить таких детей?

– Это дело непростое. – Она вздохнула. – И долгое.

– Ладно, скажите лучше, удалось вам хоть что-то выяснить о прошлом этого мальчика?

– Нет. В наших базах данных хватает проблемных детей, которые подходят по возрасту и комплекции, но нет ни одного указания на столь высокий уровень... насилия. Нет также никаких сведений о детях, которые

не могут говорить, хотя, если судить по тому, как этот малыш управляется с карандашом и бумагой, молчит он уже довольно давно.

– И о чем все это говорит?

– О том, что о его исчезновении никто не заявлял.

– То есть его родители либо мертвы, либо им все равно?

– Примерно так, да.

– Что же будет дальше?

– Того, что я видела, вполне достаточно, чтобы окружной прокурор потребовал немедленного установления над мальчиком государственной опеки и передачи его в приют. Я со своей стороны постараюсь ускорить судебное решение о лишении родителей мальчика родительских прав, но... – Она немного помолчала. – Власти Джорджии, как и власти любого другого штата, исходят из положения, что никто не может заботиться о ребенке так, как его родители, поэтому наша первоочередная задача – розыск и уведомление ближайших родственников с целью воссоединения семьи в ее первоначальном виде. Во всех случаях, включая и те, когда речь идет о насилии над ребенком, закон основывается на том, что каждый человек способен исправиться. Я считаю этот подход совершенно правильным, однако из каждого правила есть исключения. – Она показала вверх, на окна палаты Майки. – Одно из таких исключений – наш Джон Доу[29] № 117.

– Джон Доу № 117? – переспросил я. – Значит, так вы зовете его в своем офисе?

Она покачала головой.

– Это имя дал ему компьютер, который занес мальчика в общенациональные базы данных и распечатал его личное дело. Мне это имя тоже не нравится, но такова система, а у меня есть дела поважнее, чем сражаться с ветряными мельницами.

Я улыбнулся. Мэнди Паркер мне нравилась – во всяком случае, она говорила на моем языке.

– И сколько времени займет весь процесс?

– В лучшем случае – месяц, хотя подобное случается редко. Розыск родителей и родственников – *юридическая* процедура, а значит, дело небыстрое. Для начала мы разместим в газетах официальные объявления о розыске, покажем фотографию мальчика по телевидению, свяжемся с военными властями на случай, если отец мальчика, который ни о чем не подозревает, проходит службу где-то в другом штате или за границей... ну и так далее. У нас разработана стандартная процедура, и мы будем следовать ей, пока не получим вполне конкретный результат. Он может

быть как положительным, так и отрицательным, но в обоих случаях он должен быть подтвержден документами, с которыми можно будет выйти к судье, чтобы...

– А в худшем случае? – перебил я.

– В худшем случае поиски могут занять от года до двух. Это зависит от множества факторов, о которых я сейчас не буду говорить, – вы и сами должны знать, как работает наша бюрократия, да и проблема в данном случае не в этом. Вы поймите, Чейз: пока идут поиски, родители мальчика могут в любой день явиться в офис окружного прокурора и потребовать вернуть им ребенка. И нам *придется* его вернуть, если только они не лишены родительских прав в судебном порядке. Правда, в подобных случаях вступает в действие инструкция по охране детства, в которой четко прописано, на каких условиях ребенок может быть возвращен в семью. Действует эта инструкция в течение года-двух, причем каждые шесть месяцев инспектор социальной службы обязан проверять, как чувствует себя ребенок, но... – Она покачала головой, давая понять, что проверка раз в полгода – чистая формальность, но я знал это и сам, причем не понаслышке. Я, однако, не стал говорить об этом сейчас. Вместо этого я сказал:

– Ладно, предположим, родители так и не объявились. Что тогда?

– Тогда мы составляем так называемое «Письменное свидетельство о проведенном поиске», в котором перечисляем все предпринятые нами действия. На самом деле эта бумага необходима главным образом для того, чтобы прикрыть наши задницы и показать судье, что мы действительно сделали все возможное для розыска родителей ребенка. Если судья удовлетворится нашим свидетельством, Департамент соцобеспечения присваивает ребенку номер карточки социального страхования и дает ему имя – или ребенок сам выбирает имя, которое он хотел бы носить, – после чего судья принимает решение о его передаче в систему патроната и усыновления. Начиная с этого момента ребенок официально и в полном объеме оказывается на попечении штата. Его родители больше не имеют на него никаких прав.

– То есть именно в этот момент любой желающий может заявить о своем намерении взять ребенка к себе?

Она кивнула.

– Но пока поиски родителей не закончены, ребенок должен находиться в приюте или интернате?

– Да, хотя в принципе судья может... В общем, если есть подходящая приемная семья, тогда судья может временно передать ребенка тем, кто

выразит такое желание, но... Насколько я знаю, сейчас в округе Глинн найти приемную семью достаточно проблематично. Кроме того, далеко не каждый потенциальный усыновитель или опекун захочет связываться с ребенком, у которого за плечами несколько лет жестокости и издевательств, хотя...

Мэнди достала из сумочки папку-скоросшиватель и раскрыла ее на столе.

– Вы знаете этого человека?

Я усмехнулся.

– Это мистер Уильям Уокер Макфарленд, также известный как дядя Уилли.

Она кивнула.

– Сегодня утром он побывал у меня и подал заявление... Мистер Макфарленд предложил себя и свою жену Лорну в качестве временной приемной семьи для мальчика.

– Ну и что вас смущает?

Она покачала головой.

– Он прожил, гм-м... непростую жизнь.

– Можно сказать и так.

– Мистер Макфарленд часто рассказывает о том, чем он занимался до того, как попал в тюрьму?

– Почти никогда. И совсем не потому, что его об этом не спрашивают.

Она задумчиво переворачивала вставленные в папку бумажные листы.

– У меня такое чувство, будто этот человек, Уильям Макфарленд, прожил не одну, а две жизни. Очень разные жизни.

Я пожал плечами.

– Когда в течение полугода хоронишь отца, жену и сына, твоя прежняя жизнь обычно оказывается похоронена вместе с ними.

– Согласна. – Мэнди кивнула. – Как бы там ни было, мистеру и миссис Макфарленд придется пройти и обследование жилищных условий, и первичное собеседование в Департаменте по вопросам семьи и детей.

– Однажды они уже проходили и собеседование, и все, что полагается в таких случаях.

– Власти штата очень хотят помочь этому мальчику как можно скорее вернуться к нормальной жизни, но... Нельзя не учитывать, что он и так пережил слишком много, поэтому к выбору приемной семьи следует подходить особенно тщательно. Департамент охраны детства очень не хочет ошибиться и поэтому проверяет и перепроверяет все, что только возможно.

– Ага, чтобы прикрыть свою задницу.

Мэнди наградила меня недовольным взглядом, но ничего не сказала.

– А если еще учесть, что ваша газета намерена поместить о мальчике большой материал, касающийся не только его прошлого, но и настоящего...

– Ну да. – Я кивнул. – В общем, все понятно.

– Короче говоря, заявление мистера Макфарленда пока находится на рассмотрении.

– И от чего зависит положительный результат?

Она улыбнулась.

– В том числе и от моей сегодняшней беседы с вами. – Она перевернула еще несколько страниц в папке. – Насколько я могу судить, у супругов Макфарленд есть кое-какой опыт. Вы жили у них ребенком и до сих пор питаете к ним самые теплые чувства.

Я кивнул. Отрицать очевидное я не собирался.

– Больше того, десять лет назад вам исполнилось восемнадцать, но у вас до сих пор есть своя комната в их доме. Точнее, не в доме, а на втором этаже принадлежащей мистеру Макфарленду хозяйственной постройки... Не расскажете, как это получилось?

Я от души рассмеялся.

– Я ее снимаю, причем совершенно бесплатно. Ну а если серьезно, то эта комната мне вовсе не принадлежит... во всяком случае, не в юридическом смысле. Я жил там в юности, а сейчас ночую там, когда мне лень ехать домой. Дядя и тетя мне разрешают.

Мэнди снова улыбнулась, но продолжала смотреть на меня вопросительно.

– Вы хорошо подготовились к этому разговору, – заметил я.

– Это было нетрудно. – Она пожала плечами. – При определенной сноровке в компьютерах соответствующих ведомств и даже просто в Интернете можно найти огромное количество информации о каждом из нас – больше, чем мы в состоянии представить, и гораздо больше, чем нам бы хотелось. Кроме того, существуют соседи... Если знаешь, как правильно поставить вопрос, человек на другом конце телефонной линии расскажет тебе все, что ты хочешь узнать. И даже больше.

– Что бы ни наболтали вам соседи, – твердо сказал я, – более подходящих приемных родителей, чем дядя Уилли и тетя Лорна, вы вряд ли найдете. – Я бросил в корзину пустой кофейный стаканчик, потом написал на салфетке свой номер телефона и протянул Мэнди. – Прошу прощения, но сейчас мне пора идти. Позвоните мне, если что-то прояснится, хорошо?

– Позвоню, если вы обещаете сделать то же самое.

Я протянул руку.

– Договорились.

Она кивнула и, спустившись с веранды, села в новый «Фольксваген-жук» с откидывающимся верхом. Насколько я знал, это была та самая модель, где на приборной панели было предусмотрено место для цветочной вазочки. Проводив отъехавшую машину взглядом, я снова поднялся наверх. К моему огромному изумлению, свет в палате не горел, телевизор работал, а на моем табурете, забросив ноги в носках на покрывало, сидел дядя. Свои забрызганные грязью башмаки он снял и бросил на пол. Майки устроился у него в ногах. Оба жевали попкорн, что не мешало мальчику не отрываясь смотреть на экран, где медведь Балу распевал «Простые радости». Когда медведь вырвал из земли пальму и принялся чесать себе спину, дядя громко рассмеялся, и мальчик посмотрел сначала на него, потом бросил быстрый взгляд на меня и снова вернулся к телевизору.

Я слегка похлопал дядю по плечу.

– Спасибо.

В ответ он швырнул в меня зернышко попкорна.

– Кратчайший путь к сердцу лежит через желудок.

Пятясь, я вышел из палаты, помахав на прощание мальчику, который, впрочем, даже не заметил моего ухода. Внизу я сел в машину, повернул бейсболку козырьком назад и запустил мотор. Весь обратный путь я размышлял над дядиными словами. Они были абсолютно справедливыми, но мне все равно казалось, что в них что-то неправильно.

Загнав «Викки» в амбар, я снова подумал: неужели так и есть? Неужели самый простой путь ко всему, в том числе к сердцу и душе, лежит через желудок? Или все-таки есть какой-то иной способ?

Впрочем, в тот раз я оставил этот вопрос неразрешенным, предпочтя вернуться к другим проблемам, имевшим отношение к Майки. Если ты не умеешь говорить, то как ты будешь смеяться? И если ты не можешь смеяться, то сумеешь ли ты заплакать?..

Об этом мне и предстояло написать в моей статье.

Глава 8

Элсуорт Макфарленд научил своих сыновей ценить каждый доллар. Если кому-то из них нужны были деньги на карманные расходы, он должен был их заработать. Вся разница заключалась в том, что Уильям заработанные деньги берег, а Джек, который всегда стремился приобрести больше, чем у него было, пристрастился к карточной игре. В результате он все время ходил в долгах и постоянно у кого-нибудь занимал деньги – главным образом у младшего брата. Это вовсе не означало, что Джек был глуп или безрассуден. Совсем наоборот, он был очень умен и быстро соображал. Карточная игра научила его исподволь влиять на партнеров, вынуждая их сделать нужный ему ход, и Джек с удовольствием пользовался этим своим умением и в повседневной жизни.

Летом братья обычно работали кассирами в отцовском банке. Когда сначала Джек, а год спустя и Уильям перешли в последний класс, Элсуорт сделал их младшими кредитными инспекторами, так что, едва закончив школу, братья знали о банковском бизнесе едва ли не больше, чем их преподаватели в Университете Джорджии, куда оба также поступили с годовым интервалом. В университете братья изучали экономику, управление и бизнес и благодарили Господа всеблагого за то, что Он создал бухгалтерский учет. После университета Джек и Уильям обзавелись женами и продолжили работать в банке вместе с отцом.

А потом был торнадо 1979 года.

Брансуик расположен вдалеке от магистральных океанских маршрутов, по которым обычно перемещаются харрикейны и ураганы, но он не защищен от свирепых июльских гроз и торнадо, налетающих из глубины континента. Торнадо срывают крыши, поднимают в небо сараи, ломают, как спички, столетние деревья – и иногда ломают человеческие жизни.

Так случилось в один из летних дней указанного года, когда примерно в три часа пополудни Элсуорт, утомившись от жары и работы, оставил банк на попечении сыновей, а сам отправился домой, чтобы выкурить сигару, прокатиться верхом по Суте на своем любимце Большом Буббе, а потом поужинать со своим адвокатом. Ему сравнялось уже семьдесят пять, но лишь сравнительно недавно Элсуорт начал понимать, что жизнь – это не только труд от зари до зари и что даже в этом возрасте она может быть

простой и приятной, наполненной мелкими радостями и удовольствиями. Главное, его состояние было в надежных руках, а все остальное не слишком его заботило.

В половине седьмого вечера кассиры подбили баланс за прошедший день и разошлись, предоставив братьям закрыть главное хранилище и выключить свет. В этом не было ничего необычного – подобное происходило регулярно, и отсутствие самого Элсуорта никого не удивляло.

На двери хранилища были хорошо видны следы трех попыток ограбления. В одном случае преступники воспользовались динамитом, во втором – слесарными инструментами (в том числе кувалдой), в третьем – все теми же инструментами и бульдозером. Все три попытки оказались безуспешными. На работу банка они никак не повлияли, если не считать того, что Элсуорт распорядился снести стену, ранее скрывавшую вход в хранилище от взглядов клиентов. Каждый, кто заходил в банк, говорил он в ответ на недоуменные вопросы, должен своими глазами видеть, что здесь его деньгам ничто не угрожает. Слегка поцарапанная бронированная плита действительно служила наглядным подтверждением абсолютной надежности и безопасности «Сута-банка». Одна из местных газет даже сфотографировала эту дверь и разместила снимок на первой полосе. Заголовок гласил: «Единственное место в городе, где ваши деньги чувствуют себя спокойно».

Еще в начале 1979 года инспекторы регулирующего органа оценили банк в 57 миллионов долларов, что сделало его «местным финансовым учреждением регионального значения». Примерно в то же самое время начали появляться первые признаки надвигающегося экономического кризиса. Несмотря на то что тогдашний президент Джимми Картер[30] был фермером из Джорджии, его финансовая политика обернулась для страны серьезными трудностями, и это не могло не отразиться на процентных ставках. К весне 1979 года ставка по кредитам достигла пятнадцати процентов. Два года спустя она выросла до двадцати с половиной процентов (это, кстати, стало одной из причин, почему Картер не остался на второй срок). Многие предприниматели и простые граждане стремились найти способ надежного вложения капиталов, и такой способ, конечно, нашелся. Наиболее надежными считались облигации на предъявителя[31], популярность которых уступала только наличным. Продавались они с фиксированной процентной ставкой, неизменной на протяжении всего периода действия облигации, и успевали окупиться дважды в течение года. Владельцу такой облигации достаточно было лишь отстричь купон,

отправить его в компанию-эмитент и получить прибыль, составляющую от шести до восьми процентов.

Существовала, однако, одна проблема. В отличие от акционерных сертификатов, такие облигации не являлись именными и выдавались на предъявителя, то есть на самой облигации не было проставлено имя владельца. А это, в свою очередь, означало, что такие облигации невозможно было восстановить в случае кражи. И приостановить выплаты по ним или объявить их недействительными тоже было нельзя. С тем же успехом можно было потерять стодолларовую бумажку или купюру в сто тысяч – когда-то существовали и такие. Именно по этой причине в 1982 году выпуск подобных облигаций был запрещен специальным решением правительства.

Но это так, к слову. В семьдесят девятом облигации на предъявителя все еще были в большом ходу, и люди со всей Джорджии обращались в банк Элсуорта по двум причинам. Первая из них была проста – безопасное хранение, поскольку хранилище «Сута-банка» было неприступным для воров и грабителей. Дважды в год те, кто хранил свои облигации в депозитарии, появлялись в банке, предъявляли клиентскую квитанцию, отрезали несколько купонов и направляли их для оплаты в компанию-эмитент, после чего облигации снова запирались в номерную сейфовую ячейку. Вскоре, однако, процентные ставки по кредитам добрались до двадцати процентов, и появилась другая возможность. Теперь держатели облигаций на предъявителя обращались в банк и оформляли кредит – обычно на сумму, составляющую около девяноста процентов от номинала облигаций, а сам кредит клали на ссудно-сберегательный счет, где ставки были на пункт-два выше, чем на обычные вклады. Таким образом, получалось что-то около шестнадцати процентов. Разница в восемь-девять пунктов и составляла чистый доход вкладчиков. По тем временам это было немало, поэтому к середине 1979 года подобный способ не только сохранить, но и преумножить капитал стал пользоваться бешеной популярностью. По моим оценкам, в ночь торнадо в хранилище «Сута-банка» скопилось на шесть с лишним миллионов облигаций на предъявителя, большинство из которых являлись залогом по выданным кредитам.

Как и положено, все облигации хранились в номерных ящиках у дальней стены хранилища.

Почему так произошло? Да всего лишь потому, что простые люди не доверяли государству (особенно когда речь шла о двузначных процентах), к тому же американские парни по-прежнему торчали в далеком Вьетнаме.

Отдать вам наши денежки, чтобы вы растратили их неведомо на что? Хрена-с-два!.. Молодежь Джорджии все чаще устраивала демонстрации с флагами Конфедерации, выкрикивая лозунг «Рейгана в президенты!» и другие слова, написать которые я здесь не могу.

У сложившейся системы был, однако, один существенный недостаток. Программа защиты вкладчиков Федеральной корпорации страхования банковских вкладов не распространялась на ценные бумаги, служащие залогом по кредиту. Не страховала ФКСВ и ценности, помещенные в банковские депозитные сейфы, но на это мало кто обращал внимание. Клиентам «Сута-банка», приезжавшим из самых разных мест от Флориды до Алабамы, хватало одного взгляда на дверь хранилища – поцарапанную, но непобежденную, чтобы убедиться: лучше хранить деньги здесь, чем под матрасом. Тем не менее, стремясь привлечь как можно больше новых клиентов и успокоить старых, Элсуорт сам застраховал содержимое депозитария. С его стороны это было только логично и естественно: никаких проблем подобное решение не сулило.

Кроме одной...

В тот вечер братья как раз запирали хранилище и входные двери, когда на восточном горизонте где-то в районе Суты появились темные грозовые тучи и засверкали далекие молнии. Уильям и Джек даже поднялись на третий этаж и некоторое время смотрели в окно, наблюдая, как хлещут землю яркие электрические разряды.

Элсуорт, которому они пытались позвонить, на звонки по телефону не отвечал, и Уильям сказал:

– Надо бы проведать, как там папа.

– Давай ты. Меня ждут... – Джек посмотрел на часы. – Через двадцать минут начинается игра. – И, не прибавив ни слова, он вскочил в свой седан и помчался на север, к побережью и ресторану, в задней комнате которого каждую среду шла большая игра в покер. Правда, тот роковой день был понедельником, но в последние несколько месяцев средой был для Джека едва ли не каждый день недели.

Уильям тоже сел в машину и отправился домой. Ехал он не быстро, потому что уже начался ливень. Наконец обсаженная пекановыми деревьями подъездная дорожка осталась позади, и Уильям припарковал машину во дворе. К этому времени ливень перешел в град – каждая градина размером с мячик для бейсбола, не меньше, – и вся домашняя птица, напуганная непогодой, сидела в амбаре. Там же стоял и Большой Бубба. В доме никого не было, нигде не было видно и небольшого пикапа, на котором обычно разъезжал Элсуорт. Услышав переданное по радио

сообщение о торнадо, который приближался к Брансуику, Уильям поехал обратно, чтобы переждать непогоду в банке. Он думал, что и отец, наверное, тоже вернулся в банк, но, подойдя к двери, увидел, что стекло в ней разбито и какой-то мужчина в черной лыжной маске роется в ящиках кассовых аппаратов.

Элсуорт пережил мировую войну, депрессию и несколько попыток ограбления, поэтому он постоянно носил с собой армейский «кольт» сорок пятого калибра. По такому же пистолету он купил и каждому из своих сыновей, как только им исполнилось шестнадцать. Элсуорт справедливо считал, что вместимость пистолетного магазина больше, чем у револьвера, к тому же ствол такого калибра должен был показаться достаточно убедительным аргументом любому, самому отчаянному грабителю.

Обращаться с оружием братья умели с детства. Стреляли оба отлично, поэтому когда после университета Джек и Уильям поступили на работу в отцовский банк, они договорились держать оружие под рукой каждый раз, когда окажутся внутри банка или где-то поблизости от него. Уильям носил свой «кольт» в портфеле. Увидев взломанные кассовые аппараты, он бесшумно достал оружие, приставил ствол к голове злоумышленника и... и Джеймс Браун Гилберт не только поднял руки вверх, но и сознался во всех преступлениях, которые он собирался совершить.

По стечению обстоятельств именно в этот момент город накрыл торнадо. На улице разверзся настоящий ад. За считанные минуты набравший силу ветер добрался и до здания, в котором размещался «Сута-банк». Толкая перед собой грабителя, Уильям едва успел спрятаться в хранилище, когда бешено вращающийся воздушный смерч сорвал металлическую крышу вместе с обрешеткой и стропилами. Дверь Уильям закрыл, и, пока снаружи раздавался грохот рушащегося мира, оба мужчины сидели в полной темноте. Часть крыши – в том числе несколько самых тяжелых бревен – упала прямо перед хранилищем, остальное торнадо разбросал по окрестным улицам и двинулся дальше.

Только на следующее утро спасатели обнаружили надежно запертых в банковском хранилище Уильяма Макфарленда и Джеймса Брауна Гилберта, список правонарушений которого составил без малого три страницы машинописного текста. Разобрав завал из бревен и перекрученных металлических листов, они освободили обоих – правда, ненадолго.

Вскоре после этого в банке появился сияющий Джек, который провел ночь за покерным столом и сумел выиграть немалую сумму. Примчались репортеры – они как раз успели запечатлеть и Джеймса Брауна Гилберта, которого в наручниках сажали в полицейскую машину, и Уильяма, которого

одобрительно похлопывал по плечу полицейский сержант. Спустя несколько часов оба снимка появились в газетах под заголовком «СЫН «КОРОЛЯ СУТЫ» СПАСАЕТ БАНК!».

Знаете, как проходит мирская слава? Быстро. Порой – очень быстро.

Несмотря на то что торнадо вверх Брансуик в настоящий хаос, отсутствие Элсуорта было замечено очень скоро. В конце концов, он был слишком заметной фигурой, чтобы затеряться где-то среди гор мусора, в который превратилась большая часть города. На телефонные звонки Элсуорт не отвечал еще накануне, поэтому Уильям снова поехал домой, надеясь напасть на следы отца. Джек остался, чтобы открыть банк и провести первичную инвентаризацию и учет повреждений, которые получило здание. Несмотря на рухнувшую крышу, внутренние помещения банка сохранились довольно неплохо. Вклады были застрахованы ФКСВ, ценности и облигации по-прежнему хранились в депозитарии хранилища. Фактически пострадали только крыша и кое-какая мебель, поэтому Джек арендовал большой шатер наподобие циркового и, распорядившись установить его на парковке, объявил, что «Сута-банк» продолжает обслуживание клиентов, несмотря на «неблагоприятные», как он выразился, погодные условия.

Следует ли говорить, что подобный шаг добавил популярности и банку, и Джеку лично? Ни о чем подобном никому даже слышать не приходилось.

Уильям между тем добрался до дома. Свет в окнах не горел (что было неудивительно – после торнадо электроснабжение оказалось нарушенным чуть не во всем городе), но в амбаре стоял отцовский пикап, а на площадке перед задним крыльцом – темно-вишневый «Линкольн Таун Кар» с мягким верхом белого цвета. Эта приметная машина принадлежала Перри Кеннеру, который был поверенным банка с первых дней его существования. Кроме того, он был вторым крупнейшим пайщиком и близким другом Элсуорта. Занимался он главным образом распоряжениями и директивами Федеральной корпорации по страхованию вкладов (что было непросто), а также контролировал выпуск банковских ценных бумаг. Свидетели утверждали, что двое мужчин были по-настоящему дружны. Частенько они назначали деловые встречи, которые не имели прямого отношения к бизнесу, зато имели отношение к конным прогулкам, рыбалке и хорошим сигарам.

Судя по количеству листвы и веток на крыше «Линкольна», он появился здесь не сегодня утром. Капот, на который Уильям положил руку, тоже был холодным. Значит, отец и Перри где-то в доме, подумал Уильям.

Но почему тогда в нем так тихо?

Он поднялся на крыльцо и толкнул заднюю дверь.

– Папа?

Нет ответа.

– Пап?!

Единственным звуком был перезвон «китайских колокольчиков»^[32], показавшийся Уильяму непривычно тихим. Обернувшись, он увидел, что ветер запутал веревочки, на которых висели блестящие металлические трубки. Внутрь идти почему-то не хотелось, и он потратил несколько минут, чтобы развязать затянутые непогодой узлы.

Наконец Уильям вступил в кухню, немного постоял там, потом прошел в коридор и снова окликнул отца. Почти сразу он обратил внимание, что парадная дверь дома распахнута настежь и ветер набросал в коридор и гостиную немало веток, листья и другого мусора. Воды на полу тоже хватало – очевидно, дверь была открыта всю ночь.

Прикрыв входную дверь, Уильям попытался убрать лужу, но заметил, что дверь отцовского кабинета тоже открыта и оттуда бежит в коридор небольшой ручей. Кое-как вытерев коридор, он опустился на колени, чтобы заняться лужей в кабинете, но она была какой-то странной, словно кто-то выплеснул в нее пару бутылок кока-колы. Выйдя на улицу, чтобы выплеснуть собранную воду, Уильям увидел, что дело не в коле. Вода в ведре была красной.

Своего отца Уильям Макфарленд нашел в кабинете. Он лежал на столе лицом вниз, убитый выстрелом в голову. Напротив лежал Перри Кеннер – его посиневшая рука все еще сжимала пистолет. По столешнице было разбросано несколько листов бумаги – это оказалось завещание Эллсуорта. Очевидно, он и адвокат работали над ним вчера вечером, когда между ними разразилась ссора.

Уильям был сражен свалившимся на него горем, но это оказалось не последним испытанием. За креслом отца лежало на полу еще одно тело. Перевернув его, Уильям увидел, что это была его жена Сюзанна. Пистолет адвоката прикончил и ее.

Уильям и Джек похоронили отца и Сюзанну рядом с Сарой Бет в Святилище, на заросшем мягкой травой холме. Оба небольших надгробия были обращены на восток – навстречу восходящему солнцу.

Уильям, однако, хорошо понимал, что ни торнадо, ни убийства не должны помешать работе банка. Мир может проваливаться в тартарары, не раз говаривал им обоим Эллсуорт, но настоящий надежный банк должен открываться ровно в девять, несмотря ни на что. И, загнав свое горе

поглубже, Уильям сделал то, что непременно сделал бы его отец, – вызвал аудиторов, отчет которых должен был успокоить клиентов. Аудиторы прибыли через два дня и сразу приступили к работе. Еще через три дня «Сута-банк» был закрыт и опечатан. А еще через две недели Уильяма разбудил резкий свет фонаря, направленный прямо в глаза. Полиция подняла его с кровати, где он спал вместе со своим трехлетним сыном, надела на него наручники и доставила в тюрьму. Уже на следующее утро местные газеты вышли с заголовками «Сын «короля Суты» похищает миллионы!». Миллионов было семь – семь миллионов долларов в облигациях на предъявителя, которые невозможно ни проследить, ни аннулировать.

Преступление, которое якобы совершил Уильям, относилось к юрисдикции федеральных властей, поэтому окружной прокурор довольно скоро перевел его из местной каталажки в федеральную тюрьму округа Фултон в Атланте, где ему пришлось дожидаться суда. Последняя воля Элсуорта Макфарленда гласила, что все его имущество должно быть разделено между его сыновьями поровну, однако управление банком и лесозаготовительной компанией он оставлял в руках первенца. И пока Уильям рассматривал небо в клеточку, Джек стал единоличным управляющим обоими отцовскими предприятиями.

В течение нескольких следующих месяцев Джеймс Макфарленд сделал две вещи. Во-первых, он публично осудил брата и отрекся от него. Во-вторых, он закатал рукава и принялся учиться управлять банком. Пропась между братьями росла с каждым днем и вскоре достигла размеров Гранд-Каньона, а поскольку, благодаря газетам и телевидению, подробно освещавшим ход следствия, репутация Уильяма оказалась основательно подмочена, никто и не подумал позаботиться о его сыне, которому на тот момент было всего лишь три с половиной года. В городе считали, что так проявляется высшая справедливость, и в доказательство своих суждений вспоминали то место из Священного Писания, где говорилось, что Бог наказывает детей за грехи отцов до третьего и четвертого колена. Должно быть для того, чтобы эти грехи ненароком не остались безнаказанными, трехлетний малыш очень скоро оказался в приюте.

Но судьба младенца была, разумеется, далеко не главным вопросом повестки дня. Куда больше вкладчиков банка интересовало, целы ли их облигации. Появившееся в прессе сообщение об исчезновении ценных бумаг вызвало настоящую бурю. На следующий день после опубликования этой сногшибательной новости перед банком даже собралась толпа,

собиравшаяся линчевать Уильяма Макфарленда, но, на свое счастье, он в это время находился уже в федеральной тюрьме Атланты. Джека Макфарленда никто ни в чем не обвинял. Толпа выбрала жертву, и теперь за все должен был ответить Уильям.

Тем временем исчезновение облигаций на внушительную сумму привело к тому, что регулятор объявил банк проблемным – ввиду дефицита средств для выполнения обязательств. Какое-то время спустя Джек даже получил распоряжение надзорного органа, согласно которому он должен был либо в срочном порядке найти где-то несколько миллионов, либо закрыть банк. Получив этот документ, Джек подробно ознакомился с результатами аудиторской проверки и текущим балансом (особое внимание он обратил на то, что большая часть пропавших облигаций служила залогом по выданным кредитам) и попытался прикинуть, какие у него есть варианты.

Вариант первый заключался в том, чтобы устранившись от проблем вкладчиков, просто-напросто закрыть банк. Поступи он так, и со стороны действующего законодательства к нему не было бы никаких претензий. Конечно, после такого шага Джек вряд ли смог бы ходить в церковь, но это он пережил бы с легкостью. Главное, он не был банкротом – на счетах еще кое-что оставалось.

Второй вариант был сложнее. Джек мог сам профинансировать банк, но откуда взять столько денег? И все же он выбрал второй вариант, удивив большинство жителей Брансуика, да и всей Южной Джорджии. Отправившись в Атланту, Джек нашел банк, открывший ему десятиmillionную кредитную линию под залог лесозаготовительной компании и земли, на которой она располагалась. После этого он лично встретился с каждым держателем облигаций и не только официально простил им задолженность перед банком, если таковая имелась, но и пообещал выплатить разницу из собственного кармана. Например, тому, кто получил в банке кредит в девяносто тысяч долларов под залог облигаций на сумму сто тысяч, Джек прощал весь долг и вдобавок обязался выплатить десять тысяч из своих денег. Или, точнее, не из своих, а из тех, которые были обещаны ему в качестве кредита в банке ссудно-сберегательной ассоциации. Прослышав об этом неслыханном аттракционе щедрости, горожане говорили: «Хорошо, что хоть один сын Элсуорта унаследовал отцовский характер, иначе мы бы вовсе без штанов остались!»

Слухи о честном банкире разлетелись быстро, и вскоре возле банка стали появляться автомобили с номерами других штатов. Да и в городе

отношение к Джеку переменилось. Те же самые люди, которые считали его мотом и заядлым картежником, теперь при встрече с ним почтительно снимали шляпы.

А в голове у Джека действительно были мозги, и неплохие, просто раньше это не бросалось в глаза. Правда, ему потребовалось очень много и тяжело работать, чтобы обратить случившееся в свою пользу, однако с этим делом он справился на «отлично». Всего через два года количество средств на депозитах удвоилось. Банк зарабатывал деньги с фантастической скоростью, и даже если бы у Джека был печатный станок, он вряд ли смог бы печатать их быстрее. В течение целых двадцати пяти лет каждый следующий год был для «Сута-банка» лучше, чем предыдущий. Официальные кривые роста устремлялись вверх со скоростью космической ракеты, и жители Брансуика довольно быстро начали произносить имя Джека и слово «мэр» в одном предложении. Некоторые шли дальше и пророчествовали – «будущий губернатор». Сам Джек, однако, никаких политических амбиций не питал и с неослабевающим усердием продолжал делать добро из зла, причиненного его братом.

* * *

Через полгода после исчезновения облигаций на семь миллионов долларов Уильям Макфарленд был предан суду по обвинению в ограблении собственного банка. На свидетельское возвышение один за другим выходили обездоленные вкладчики из Брансуика, округа Глинн, с островов Сент-Саймонс и Си, а также несколько служащих «Сута-банка», включая его нового директора. Шесть кассиров, положив руку на Библию четырехдюймовой толщины («И да поможет мне Бог!»), клялись, что вечером накануне ограбления облигации находились в хранилище. Четверо сотрудников полиции и двое дознавателей в штатском под присягой показали, что, когда на следующее утро после торнадо они обследовали хранилище, облигаций там не было. Потом взял слово окружной прокурор, изложивший дело так, что ни у кого не осталось ни тени сомнения: единственными, кто в момент предполагаемого ограбления находился близ банка и имел возможность проникнуть в хранилище, были Уильям Макфарленд и его новый приятель Джеймс Браун Гилберт. Единственным, кто, кроме Уильяма, знал открывавшую дверь сейфа комбинацию, был Джек, но его алиби опровергнуть было очень сложно. Сразу шестеро уважаемых граждан, среди которых оказалось два церковных старосты (выходить на глазах у десятков своих прихожан на свидетельское место и

рассказывать, чем они занимались в задней комнате ресторана, им не особенно хотелось, но что поделаться!), показали под присягой, что в тот день Джек Макфарленд до утра просидел с ними за карточным столом.

Наконец судья вызвал Джеймса Брауна Гилберта. Он говорил много, но не сообщил ничего нового, к тому же и у судьи, и у присяжных сложилось отчетливое ощущение, что у него в голове не хватает каких-то очень важных винтиков. Когда Джеймс Браун заявил – мол, он ни о каких бомбах не слышал и не знает, присяжные нахмурились и посмотрели сначала на него, а потом на Уильяма. Упоминания о «бомбах» хватило, чтобы основательно их разозлить.

Принятое присяжными решение было простым и незамысловатым, как рельс. Для начала они признали преступление совершенным по предварительному сговору. По их мнению, в хранилище побывал Уильям и только Уильям, значит, он и похитил облигации, так как исчезли они сразу после того, как он оттуда вышел. Никто, кроме него, не мог рассчитывать, что кража сойдет ему с рук. Никто, кроме Уильяма, не мог открыть хранилище (присяжные совершенно искренне полагали, что во время торнадо прочие потенциальные грабители и воры сидели по погребам и подвалам, прилежно молясь Богу), а коли так, значит, он открыл и украл. Туповатый Джеймс Браун понадобился Уильяму только для того, чтобы было на кого свалить вину. Точка.

Суд был коротким, а приговор – суровым: сорок семь лет в тюрьме и компенсация ущерба в двойном размере.

Когда судья зачитал это решение, собравшиеся в зале суда устроили овацию. Доля Уильяма в «Сута-банке» подлежала распределению между остальными пайщиками, однако это покрывало лишь половину его долга перед банком. Кроме того, дело было в конце семидесятых, когда базовая ставка по кредитам стремилась к 20 процентам. В стране ощущалась острая нехватка наличных, поэтому найти покупателя, готового выложить за Суту несколько миллионов, было нелегко. Чтобы покрыть остаток долга, Уильяму пришлось продать половину своей доли Джеку, который, будучи, в свою очередь, связан необходимостью выплачивать десятиmillionный кредит, заплатил ему по семьдесят пять центов за каждый доллар. В итоге Джек стал собственником шестидесяти одного процента акций банка и трех четвертей акций лесозаготовительной компании.

Любопытно, что пропавшие облигации исчезли бесследно.

Чтобы как следует об этом подумать, у Уильяма было без малого сорок семь лет.

Он тоже был далеко не глуп и прекрасно понимал, в каком тяжелом

оказался положении. Увы, сделать он ничего не мог. То есть почти ничего. Отца и жену он потерял, а никаких родственников (Джек не в счет), которые могли бы вырастить и воспитать его малолетнего сына, у него не было. Город по-прежнему требовал, чтобы голову Уильяма Макфарленда принесли ему на блюде, поэтому облегчить судьбу мальчика он мог только одним способом. Ему нужно было сделать так, чтобы жители Брансуика позабыли, что отец ребенка – преступник, отбывающий почти полувековой срок. И, сидя в тюремной камере в Атланте, Уильям Макфарленд принял, как он говорил, «второе непростое решение в своей жизни» – подписал документ, согласно которому право опеки над трехлетним малышом переходило штату Джорджия. Кроме того, Уильям настоял, чтобы личное дело мальчика было навсегда отправлено в архив без права выдачи кому бы то ни было без решения суда.

Когда с формальностями было покончено, Уильям девятнадцать дней лежал на своей тюремной койке, наотрез отказываясь от еды и питья. В конце концов его отвезли в тюремную больницу, чтобы поставить капельницу с питательным раствором, но Уильям сражался с врачами до тех пор, пока от слабости не потерял сознание. Только благодаря этому он не умер от истощения – ему все-таки поставили капельницу и накормили с помощью зонда.

Через два дня он пришел в себя. После сильных успокоительных инъекций в голове плавал густой туман, но Уильям сумел пошевелить пальцами. Открыв глаза, он увидел над собой потолок, а не Бога и архангелов. Это окончательно убедило его, что он по-прежнему жив и по-прежнему в аду.

Другие заключенные скоро прознали, что их сосед – бывший «золотой мальчик», ступивший на скользкую дорожку, и отреагировали соответствующим образом. Из Уильяма Макфарленда он на некоторое время превратился в «Ви-ил-ли», причем это детское имя произносилось с нарочитой растяжкой, пародирующей сюсюканье гувернантки.

Спустя пять не самых легких месяцев тюремного заключения Уильяма неожиданно навестил Джек. Это была их первая встреча после суда. Охранники привели Уилли и усадили на привинченный к полу железный стул. В помещении для свиданий было холодно, бетонные стены сочились сыростью, столы и стулья были выкрашены в тусклый шаровый цвет. На толстом слое краски были выцарапаны самые разнообразные нецензурные выражения, какие только существуют на свете – от трехбуквенных сочетаний до стихов в четыре или даже шесть строф. Охранники за толстым стеклянным окном смотрели бейсбол и ели поджаренные свиные

шкварки.

– Уильям... – начал Джек, нервно потирая ладони. – Кое-что случилось...

Уильям наклонился вперед. Слова брата долетали до него, как сквозь толстый слой ваты.

– Твой мальчик... Кто-то узнал, чей он сын, и... В общем...

Уильям слушал брата, слегка наклонив голову – точно собака, которая разглядывает что-то непонятное. Некоторое время он словно пытался осмыслить услышанное, и Джек положил на стол письмо.

– Они подбросили вот это.

Напечатанное на машинке письмо гласило:

«ПОЛОЖИ ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА В НЕМАРКИРОВАННЫХ СТОДОЛЛАРОВЫХ КУПЮРАХ В НЕПРОМОКАЕМЫЙ ПАКЕТ И ОСТАВЬ ЗАВТРА В ПОЛНОЧЬ НА МЕТОДИСТСКОМ КЛАДБИЩЕ НА МОГИЛЕ КЛИФФОРДА УИЛЛОУЗА. НИКАКИХ КОПОВ, ИНАЧЕ МЫ ПРИШЛЕМ ТЕБЕ ТВОЕГО СЫНА В ЯЩИКЕ ИЗ ТВОИХ СОБСТВЕННЫХ ДОСОК».

К этому времени Уильям владел только одной четвертой частью земельного участка в Суте. Эти шесть с половиной тысяч акров оценивались в семь с лишним миллионов долларов. Пять минут спустя он продал их брату за четыре миллиона. Теперь у него осталось только то, что не понадобилось Джеку: отцовский дом, в котором они росли и где была убита его жена, и Холм Дюбиньона.

Используя свои связи в банковском мире, Джек в течение нескольких часов обналичил необходимую сумму, переписал серийные номера купюр, набил ими две клеенчатые сумки и оставил на указанной могиле. Чтобы защитить себя и подстраховаться на случай нечестной игры, Джек уложил деньги в сумки и отвез их на кладбище в присутствии шерифа и одного из городских нотариусов. Как и было сказано в письме, они положили четыре миллиона на могильную плиту, а сами вернулись на парковку и сидели там в машине с включенным двигателем.

Но похитители так и не появились.

Час спустя все трое отправились на поиски мальчика, но никого не нашли. Деньги с могилы таинственным образом исчезли.

На следующий день кто-то подбросил на крыльцо суда сожженный чуть не до углей труп ребенка. Еще через день один из тюремных охранников просунул сквозь решетку камеры Уильяма газетную статью с

ужасной новостью. Власти Джорджии совершили подлинный акт милосердия, ненадолго выпустив Уильяма из тюрьмы, чтобы он мог похоронить сына. Сначала его отвезли в морг и дали пятнадцать минут, чтобы он мог попрощаться со своим единственным ребенком. Потом его под охраной доставили на Бычье болото и переправили на остров. Там Уильям собственноручно выкопал небольшую могилу размером два на четыре на шесть футов рядом с тем местом, где были похоронены его жена и мать. Два часа спустя его уже везли обратно в Атланту – отбывать оставшиеся сорок шесть с половиной лет.

Снова оказавшись в тюрьме, Уильям как будто окаменел. Он не плакал, не проклинал судьбу и вообще мало на что реагировал. Вялый, точно сомнамбула, он сидел на койке и, повинувшись тюремному распорядку, писал несмылаемыми чернилами свое имя на воротниках тюремных штанов и рубашек.

В течение следующих двух лет Уильям не жил, а существовал. Он читал книги, изучал пособия по разведению орхидей да изредка заговаривал в столовой с парой проворных рук в белых хлопчатобумажных перчатках, которые подавали ему через раздаточное окно поднос с обедом. Руки в окошке принадлежали женщине, которую Уильям даже не видел; о том, что это именно женщина, он узнал, когда она впервые ему ответила.

Лицом к лицу они встретились лишь еще один год спустя, когда по причинам, выяснить которые мне так и не удалось, губернатор Джорджии подписал полное помилование и Уильяма выпустили из тюрьмы. У него не было ни отца, ни жены, ни ребенка, ни денег, зато теперь он был свободен.

«...Учитывая семейную трагедию, уже отбытый срок, а также некоторые вновь открывшиеся обстоятельства дела, неизвестные следствию на момент суда...» – было написано в губернаторском помиловании. Довольно расплывчатая формулировка, не так ли? И что это за «вновь открывшиеся обстоятельства»?.. Я очень старался прояснить этот вопрос, но не преуспел. Оставалось только расспросить самого губернатора, но к тому времени он давно умер, и мне так и не удалось ничего узнать ни о новых уликах, ни о новых свидетелях.

Уильям Макфарленд прошел по шоссе почти милю, когда его нагнал запыленный «Мустанг». Машина остановилась, и из окошка высунулась рука в белой перчатке. Он хорошо знал эту руку, но впервые увидел лицо женщины, которой она принадлежала.

Лорна Санчес была сногшибательно красивой мексиканкой, похожей одновременно и на Мэделин Стоу[33], и на Элизабет Тейлор. До того, как встретиться с дядей Уилли, она дважды побывала замужем и работала

официанткой и уборщицей на полставки в столовой Фултонской окружной тюрьмы, так что когда дядя говорит, что познакомился со своей будущей женой, когда отбывал срок, это чистая правда. В первые шесть месяцев его заключения они почти не встречались, но за последующие два с половиной года узнали друг друга довольно хорошо, хотя ни разу не виделись лицом к лицу. Тетя утверждает, что дядя Уилли покорил ее своим обаянием, вежливостью и особой манерой выговаривать слова. Дядя говорит, что она очаровала его своими макаронами с куриным фаршем и мелко покрошенным яйцом («трубы с мусором» на тюремном жаргоне). Если это так, значит, тетя Лорна очаровала не только его, а еще две сотни мужчин.

– Ты можешь сесть в машину, – сказала ему Лорна, – но при одном условии: ты должен пообещать, что впредь будешь говорить мне одну только правду каждый раз, когда откроешь рот. Начиная с этой секунды и до самого конца...

Дядя закинул за спину свой тощий вещевой мешок и, присев на корточки рядом с дверцей «Мустанга», сказал серьезно:

– Мой отец говорил мне, что по большому счету единственное, что у меня есть, и единственное, чем я могу по-настоящему владеть, – это мое слово. – Он оглянулся на здание тюрьмы и закончил: – И до сих пор я свое слово держал.

Дядя обещал ей бедность, трудности и постоянные сплетни, от которых не спрятаться и не убежать. Лорну это устроило, они поженились и стали жить в доме, в котором дядя провел свои детские годы. Впервые ступив в его прихожую, Лорна сразу заметила темное пятно на полу и спросила, что это такое.

– Это долгая история, но началась она не здесь, – ответил дядя. В тот же день он отвез свою жену в Святилище, усадил на грубую деревянную скамью и, прислонившись к могильному камню Эллсуорта, начал свой рассказ – действительно с самого начала.

Через год обоим стало ясно, что Лорна, скорее всего, бесплодна. Им потребовалось немало усилий, чтобы преодолеть многочисленные бюрократические рогатки, но в конце концов они все же сумели зарегистрироваться как «семейный детский дом».

После проведенных мною исследований – и после того, как я привел свои открытия в некое подобие системы, записав их в виде краткого исторического очерка, у меня осталось немало вопросов. Кто на самом деле похитил облигации из хранилища и где они сейчас? Зачем Уильяму Уокеру Макфарленду могло понадобиться грабить банк, в котором он сам был совладельцем? И если он все-таки на это решился, то ради чего? Кроме

того, на суде коронер показал под присягой, что на руках Перри Кеннера не было обнаружено никаких следов пороха. Между тем, если бы адвокат действительно стрелял в Элсуорта и Сюзанну из револьвера, у него на коже почти наверняка остался бы пороховой нагар. Кто же мог убить банкира и его невестку? И кто тогда застрелил самого Кеннера?

Ну и наконец, кто похитил Уильяма Макфарленда-младшего и как? Как о его местонахождении вообще стало известно посторонним, если личное дело ребенка было засекречено по просьбе отца? Почему, взяв деньги, похитители все-таки расправились с мальчиком, и как могло случиться, что за двадцать с лишним лет ни одна из купюр, номера которых переписал Джек Макфарленд, так и не попала в оборот?

Ах да, чуть не забыл... Мне по-прежнему очень хотелось узнать, какие такие «новые обстоятельства» заставили губернатора Джорджии помиловать Уильяма Уокера Макфарленда...

Глава 9

Я принял душ и побрился, не зажигая света, но в комнате под крышей амбара было не слишком много места, а Томми всегда спала чутко. Я как раз закончил бритье и прыснул на лицо лосьоном, когда она завопилась на кровати и села, протирая глаза. Несмотря на то что накануне Томми легла рано, выглядела она изможденной и усталой.

– Мне нравится этот запах, – сообщила она и потянулась.

– Несмотря на оголтелую рекламу, «Олд спайс» действительно неплох. – Я кивнул и еще несколько раз шлепнул себя по щекам. – Для моей кожи он, во всяком случае, подходит.

Зажав в зубах резинку, Томми закинула руки назад и, захватив волосы на затылке, дважды повернула, превращая их в «конский хвост». Щелк – она надела резинку и, все еще полусонная, побрела к раковине, чтобы почистить зубы. Отправив в рот пригоршню таблеток, Томми вернулась к кровати, где без всякого предупреждения скинула ночную рубашку, оставшись в чем мать родила.

Признаться, к такому я не был готов.

Должно быть, челюсть у меня основательно отвисла, поскольку, развернувшись в направлении шкафа, где я держал гладильную доску и утюг, Томми окинула меня удивленным взглядом. Секунды через две до нее дошло, в чем дело. Остановившись, она прикрыла глаза и пробормотала:

– Извини. Старые привычки... живучи.

Стараясь не смотреть на нее, я поскорее схватил ключи от машины, натянул бейсболку и сунул ноги в шлепанцы. За дверью я, однако, ненадолго задержался.

– Ночью был дождь, и вода наверняка поднялась. Хочу съездить на остров Гибсон, проверить насчет окуней. Поедешь со мной?

Зашлепали по полу босые ноги, и Томми высунула из-за двери голову.

– Поеду.

– Тетя Лорна и дядя Уилли, наверное, тоже захотят...

– Ну и отлично.

Я улыбнулся и надвинул бейсболку на самый нос.

– Не знаю, как там было принято у вас в Лос-Анджелесе, но здесь на рыбалку лучше надеть что-нибудь с длинными рукавами – и от солнца спасет, и от moskitov тоже. Они, наверное, тоже по тебе соскучились.

Томми кивнула и потерла лицо, пытаясь расстаться с остатками сна.
– Наверное... Подождите меня, я быстро.

* * *

В дядином доме был только один телефон – старый аппарат с выгоревшим корпусом и пожелтевшим, мутным диском, который висел в кухне на стене. Клиенты нередко звонили дяде в самую рань, поэтому когда телефон разразился дребезжащим звонком, я без колебаний снял трубку.

– Алло?

В телефоне было хорошо слышно, как где-то попискивает факс, потом приглушенно загремели вилки и ложки в жестяном бачке, и кто-то робко постучал по трубке.

Я добавил в кофе порошковые сливки.

– Алло! Кто это? Ну говорите же!..

По трубке снова постучали, и я резко выпрямился.

– Майки, это ты?!

Снова несколько ударов или щелчков – на этот раз более отчетливых, словно он стучал по пластиковой трубке кончиком карандаша.

Я, разумеется, ничего не понял. Азбукой Морзе я не владел; малыш, скорее всего, тоже.

– погоди, погоди!.. – поспешно сказал я. – Давай так: один удар – значит «да», два – «нет». Ну, понял?

Последовала пауза, потом – одиночный удар.

Я глотнул кофе и едва не обжег язык.

– У тебя все в порядке?

Один удар.

– Ты хочешь со мной поговорить?

Удар.

– Это может подождать до вечера?

Последовала долгая пауза, потом – удар.

– Я приеду, как только освобожусь. Обещаю.

Я повесил трубку и повернулся к окну, где над верхушками далеких деревьев только-только зажглись бледные лучи солнца. В тени под кухонным окном расхаживал один из петухов тети Лорны, а на простирающемся дальше пастбище, под заходящей бледной луной, паслись четыре коровы, да три или четыре индейки пробирались вереницей вдоль тонущей в тумане изгороди.

Дядя, который читал за столом газету, негромко откашлялся и

шевелил бровями, возвращая меня к действительности.

– Это наш мальчишка звонил, – ответил я на его невысказанный вопрос, показывая кружкой в направлении телефона. – Он сказал, что хочет со мной поговорить. То есть не сказал... – Я покачал головой. – Он просто стучал по телефону. Один раз – «да», два – «нет». – Я допил остатки кофе и, поднявшись, ополоснул кружку в раковине, а потом шагнул к кухонной двери. Отворив ее, я обернулся к дяде.

– Да, кстати, вчера в больнице я встретил одну твою знакомую.

– Вот как? – Он слегка приподнял брови, но даже не повернулся в мою сторону.

Я улыбнулся.

– Ее зовут Мэнди Паркер, и она работает в офисе окружного прокурора. – Я ждал какой-то реакции, но ее не последовало, и я добавил: – Она показала мне одну твою старую фотографию – ту, на которой у тебя волосы всклокочены, а на стене позади висит большая деревянная линейка. – Я снова улыбнулся. – Мэнди сказала, что мальчика направят в приемную семью через день или два. У нее как раз есть подходящая кандидатура...

Дядя посмотрел на Лорну, и они оба повернулись ко мне. С преувеличенной аккуратностью сложив утреннюю газету, дядя спросил:

– Ты не против?

– Почему ты *меня* спрашиваешь? Раньше мое разрешение тебе не требовалось.

– Потому что этот раз – особенный.

– И что в нем такого особенного?

Он откинулся на спинку стула, отложил газету и взял в руки шляпу. Вертя ее в руках, дядя уставился в кухонное окно – совсем как недавно я.

– Двадцать семь лет, пять месяцев и шесть дней тому назад мой трехлетний сын оказался в схожем положении. Он остался совершенно один, а вокруг были чужие люди, которых он никогда раньше не видел. Он ждал, что кто-то придет и спасет его, но... – Дядя надел шляпу и, взяв салфетку, тщательно вытер уголки губ. – Ни один ребенок в мире не должен испытывать подобное. Никогда. – На его лице отчетливо проступили глубокие морщины. Обычно они появлялись, только когда дядя щурился на ярком солнце, но сейчас солнца не было и в помине. – Лорна и я... мы подумали, что пока вы будете выяснять, кто он и откуда, малышу нужно жить в нормальной... обстановке.

Тетя Лорна наклонилась к нему и взяла за руку, а я кивнул и вышел на крыльцо, затворив за собой сетчатую дверь. Оглянувшись, я увидел за

кухонным столом человека, который на протяжении всей своей взрослой жизни удерживал на плечах всю тяжесть мира. Когда-то мне казалось, что это просто такое выражение, но когда я стал старше и научился видеть лес за деревьями, я понял, что эта тяжесть не каждому под силу.

«Нет, сэр, я ничуть не возражаю», – мысленно ответил я на заданный мне вопрос.

Мы уже ехали по подъездной дороге к шоссе, когда мое внимание привлекли проложенные вдоль него рельсы, ослепительно сверкавшие на солнце, которое наконец-то поднялось достаточно высоко. На мгновение я даже притормозил – мне почудился призрак «Серебряного метеора», несущийся по этим рельсам то ли из прошлого в будущее, то ли наоборот – из будущего в прошлое. Потом я подумал о молодом Тиллмане Эллсуорте Макфарленде, который высадился в этих местах с мешком самых простых инструментов и надеждой в сердце. Быть может, история, которую я пытался распутать, началась именно тогда?.. И все же притормозить меня заставил не призрак поезда, не скрип колес «Викки» по гравию, не хлопанье крыльев пронесшейся над нами утиной стайки и даже не голос моего настоящего отца, который я никак не мог вспомнить. Я отпустил газ, когда услышал смех Томми – еще один звук, которого мне так не хватало последние девять лет. Многие считали ее потрясающе красивой женщиной и были совершенно правы, но смех Томми был по-настоящему прекрасен.

Глава 10

Охранника в больничном коридоре больше не было, хотя его кресло стояло на прежнем месте. Когда я появился в детском отделении, у двери палаты Майки как раз остановился санитар, толкавший перед собой тележку с многочисленными коробочками и баночками. В них лежали выписанные пациентам таблетки, а поверх лекарств лежала свежая газета, раскрытая на спортивной странице. Кивнув в ее сторону, я спросил:

– Смольц вчера играл?

Санитар покачал головой.

– Нет. Вместо него выпустили какого-то нового хмыря, который сделал только пару хитов [34], зато в шестом иннинге Чиппер выбил круговую пробежку. В общем, наши выиграли с перевесом в пять очков.

– Чиппер молоток. Рано или поздно он точно попадет в Куперстаун [35].

Санитар с энтузиазмом кивнул.

– А то как же!..

Этот легкий треп поднял мне настроение, и я толкнул дверь палаты в уверенности, что сегодняшний день будет удачным, однако в комнате никого не было. Постель была аккуратно заправлена, а мальчишка исчез. Я растерянно огляделся по сторонам, ища каких-нибудь знаков, которые указывали бы, что он все еще здесь и просто ушел на процедуры, потом снова повернулся к санитару, который по-прежнему мешкал в коридоре.

– А где Ма... мальчик?

Тот покачал головой.

– Его выписали. Еще утром.

Так вот зачем он мне звонил!..

– Не в курсе, куда его отправили?

Санитар пожал плечами.

– Откуда мне знать.

– Он ничего не оставлял? Никакой записки?

– Не в курсе. Спроси лучше у доктора.

– Спасибо.

Вернувшись немного назад по коридору, я оказался напротив сестринского поста, где сидела пожилая женщина, лицо которой было мне знакомо. Кажется, она меня тоже узнала.

– Я насчет мальчишки из триста шестнадцатой... – проговорил я. –
Куда он подевался?
Она махнула рукой в направлении лифтов.
– Доктор отправил его домой.
– Домой?!
Она кивнула.
– Не скажете, куда именно?
– Вы его родственник?
Я покачал головой.
– Нет, я из газеты. Я пишу статью о...
Женщина снова взмахнула рукой.
– Извините, ничем не могу вам помочь.
Спустившись на первый этаж, я позвонил Мэнди Паркер.
– Здравствуйте, Мэнди, это Чейз Уокер...
– Я так и думала, что вы позвоните. Вы в больнице?
– Да. Где мальчик?
– В интернате.
– О господи!.. И когда его туда отправили?
– Сегодня утром.
Я глубоко вздохнул.
– Спасибо. Я вам еще позвоню.

* * *

К шести годам я успел пожить в полудюжине приемных семей и интернатов. Можно было подумать, что какая-то высшая сила твердо решила не давать мне засиживаться на одном месте слишком долго. Не успею я, бывало, освоиться на новом месте, как появлялся некий человек, который сажал меня в машину и перевозил куда-то еще. Не поймите меня неправильно – приюты и интернаты нужны, но уж больно они похожи на чистилище, где ребенку приходится страдать, искупая даже не собственную вину, а грехи родителей. Кому нужны эти страдания и зачем растягивать их на годы? Почему не решить вопрос сразу и на этом успокоиться?

По моим наблюдениям, жизнь ребенка, волей случая оказавшегося в интернате или патронажной семье, определяется двумя противоположными установками или, если угодно, идеями. С одной стороны, он знает, что родители бросили его, вышвырнули на улицу как что-то ненужное, потому что, если бы он был им *нужен*, они никогда бы не поступили с ним

подобным образом. С другой стороны, каждый брошенный ребенок продолжает надеяться, порой – вопреки всему, что его папа и мама одумаются и бросятся на поиски. Он свято верит: в один прекрасный день они непременно появятся на пороге казенного дортуара и заберут его к себе – заберут *домой* !

Именно по этой причине сироты приучаются спать, так сказать, вполглаза. Это нужно для того, чтобы родители знали: ты ждал их, верил, готовился к встрече, надеялся. Проблема только в том, что в шесть лет маленькому человечку крепкий сон необходим даже больше, чем еда. Я на собственном опыте знаю, как это трудно – бороться с собой, чтобы, не дай бог, не заснуть, не пропустить момент, когда в коридоре зазвучат торопливые, смутно знакомые шаги.

Приехав в интернат округа Глинн, я предъявил дежурной свое газетное удостоверение и сказал:

– Мне нужно видеть мальчика, которого привезли сегодня утром из Регионального медицинского центра Юго-Восточной Джорджии. У вас он, вероятно, зарегистрирован под именем Джон Доу № 117.

Дежурная заглянула в толстую тетрадь, напоминавшую амбарную книгу, потом показала рукой куда-то себе за спину.

– Второй коридор направо, третья комната налево.

– Спасибо.

Верхняя филенка в указанной двери треснула, из щели лился моргающий флуоресцентный свет. Негромко постучавшись, я вошел. Комната была совсем маленькой, не больше чулана для швабр и ведер. Когда-то ее стены были выкрашены дешевой серой краской, которая со временем стала зеленоватой, точно плесень. Никаких книг, никакого телевизора, никакого радио. Даже окна – и того не было. Единственное цветное пятно находилось непосредственно у входа – это был расчерченный неровными красными стрелками план пожарной эвакуации. Воздух в комнате казался сырым и затхлым. Стоило мне было сделать один вдох, как на меня нахлынули воспоминания, от которых мне уже давно хотелось избавиться.

Майки сидел, склонившись над своим блокнотом, за небольшим столиком возле кровати. У его левого локтя стояла старая лампа с зеленым абажуром на ножке из позеленевшей латуни. Одет он был в новенькие джинсы, шлепанцы и футболку, которая была ему явно велика.

Когда я вошел, мальчик слегка приподнял голову, но это была его единственная реакция.

– Привет, Майки. – Я сел на кровать и еще раз огляделся. – Я был в

больнице, и мне сказали, что ты переехал на новое место.

Он огляделся с таким видом, словно я говорил какие-то банальности (так, по сути, и было).

– Как самочувствие?

Как раз в этот момент мимо двери, которую я оставил открытой, прошел уборщик, толкавший перед собой решетчатую тележку наподобие тех, какие бывают в универсамах. Тележка была набита пустыми бутылками из-под газировки. Увидев тележку, Майки некоторое время напряженно о чем-то думал, потом соскользнул со стула и вышел в коридор. Некоторое время он шагал следом за уборщиком, шаркая по протертому линолеуму своими резиновыми тапочками. Когда уборщик, оставив тележку в коридоре, зашел в туалет, мальчик быстро опустился рядом с ней на колени.

Похоже, за три дня пребывания в больнице его немного подлечили. Во всяком случае, на его футболке пятен сукровицы я не заметил. Новые очки тоже сидели у него на носу довольно ловко и не сваливались от каждого движения. Вот мальчик наклонился, читая названия на бутылочных этикетках, потом показал на что-то пальцем, но, подойдя к нему, я не увидел ничего интересного, если не считать примерно полутора глотков напитка, оставшегося в бутылке. Я пожал плечами, и Майки снова – чуть более настойчиво – ткнул пальцем в бутылку.

На мгновение мне показалось, будто мы играем в шарады. Я даже развел руки в стороны, как иногда делал, когда рассказывал знакомым о рыбалке, потом сдвинул ладони почти вплотную. «Большое слово или маленькое?»

Он покачал головой с таким видом, словно хотел сказать, что у него нет времени на глупости, и в третий раз ткнул пальцем в бутылку.

Я снова всмотрелся, но ничего путного мне в голову не пришло. Подняв палец, я спросил:

– Что ты имеешь в виду – первое слово или первую букву? С чего начинается твоя загадка, а?..

Майки страдальчески закатил глаза и открыл блокнот. Меньше чем за секунду он нарисовал на нем бутылку из-под газировки и поднес к моему лицу. Я сунул руку в карман и достал два четвертака.

– Ты хочешь газировки? Какой?

Он покачал головой, щелкнул карандашом по бумаге, словно хотел сказать «смотри внимательнее!», потом нарисовал рядом с бутылкой что-то еще. Когда Майки снова развернул блокнот ко мне, я увидел доставочный грузовичок с подъемной дверью из металлических полос на боковой

стороне кузова. Такие грузовики обычно перевозят ящики с пивом и колой.

– Не понимаю. – Я покачал головой.

Мальчишка заглянул в приоткрытую дверцу туалета и, убедившись, что уборщик заперся в кабинке, вытащил из тележки пустую бутылку. Протянув ее мне, он показал пальцем на то место, где на стекле можно было прочесть название фирмы-бутилировщика.

– «Розливо компанией «Братья Джессап» в Джессапе», – прочитал я вслух. – Ты это хотел мне показать?

Мальчик кивнул.

Я взял бутылку в руки, повертел.

– Это имеет какое-то отношение к тебе?

Майки снова показал на бутылку, потом открыл свой блокнот на странице, где был поясной портрет мужчины.

Только теперь я сумел сложить два и два.

– Бо работает у братьев Джессап? Он водит такой грузовик?

Майки быстро оглянулся сначала через одно, потом через другое плечо и молнией метнулся обратно в свою комнату.

Наконец что-то начало проясняться!

Когда я вернулся в комнату вслед за Майки, он как раз пытался взобраться на кровать, но его нога скользила по покрывалу, так что он только стаскивал его на себя. Опустившись на колени, я выставил перед собой сцепленные ладони, как если бы собирался помочь ему сесть в седло. Мальчик замер в нерешительности, и я ободряюще кивнул.

– Наступай, не бойся. Я знаю, что делаю.

Осторожно, словно мои руки казались ему чем-то вроде разверстой львиной пасти, Майки поставил ногу на живую ступеньку, и я плавно поднял его на кровать. Подложив ему под спину пару подушек, я спросил, показывая в направлении коридора:

– Ну так как насчет газировки?

Мальчуган отрицательно качнул головой.

– Точно не хочешь? – Я снова показал ему четвертаки. – Я угощаю.

На этот раз он кивнул.

– Кока-колу или пепси?

Он снова покачал головой и, не глядя, быстро черкнул что-то в блокноте. Показал. «Маунтин дью», – прочитал я и улыбнулся.

– Надо же, мой любимый напиток!

В торговом автомате я купил две бутылочки «Маунтин дью» и два «Мунпая». Майки съел свое печенье очень быстро, умудрившись не уронить ни крошки на постель. Я же, сидя на стуле, засыпал крошками

чуть не весь пол. Когда от печенья осталось лишь воспоминание, я поднялся и направился к двери. Увидев, что я ухожу, мальчик тотчас отнял ото рта бутылку с «Маунтин дью» и взглянул на меня с напряженным вниманием, которое сказало мне больше, чем любая улыбка.

– Мне нужно кое-что уточнить у администрации, – сказал я. – Потом я съезжу к себе на работу, не то редактор сожрет меня живьем. Надеюсь, с тобой все будет в порядке?

Не самые умные слова, согласен, но что поделать?!

Майки допил «Маунтин дью» и бесшумно поставил пустую бутылку на тумбочку рядом с кроватью. Именно в этот момент мне вдруг подумалось, как мы с ним похожи... и дело было совсем не в том, что нам нравился один и тот же напиток.

Я выдавил улыбку.

– Я вернусь завтра. Обязательно. Может быть, принесу с собой шашки. Ты играешь в шашки?

Крошечная мордашка Майки выразила крайнее отвращение.

– Не любишь шашки? А как насчет карт? Сыграем с тобой в «дурачка» или в «очко».

Мальчик снова склонился над своим блокнотом. Секунды две его рука стремительно летала над бумагой, потом он развернул блокнот и показал мне рисунок, на котором были изображены шахматный король и королева.

– Ты умеешь играть в шахматы? – удивился я.

Он быстро кивнул.

– И хорошо играешь?

Еще кивок.

Я почесал в затылке.

– Я-то в шахматах не силен. По правде говоря, я совсем не умею в них играть.

Майки на мгновение задумался, потом уголки его губ слегка приподнялись. Думаю, я правильно истолковал выражение его лица.

– О'кей, шахматы так шахматы. До завтра.

Я уже собирался выйти из палаты, когда мальчик постучал карандашом по спинке кровати. Я обернулся. Он показывал мне страничку блокнота, на которой было написано крупно:

«ПОКА, ЧЕЙЗ!»

– Пока.

Когда я это сказал, его правая рука поднялась вверх, чтобы поправить сползшие на кончик носа очки, а вместе с очками приподнялся и правый уголок его губ. Это *точно* была улыбка – Майки пытался улыбаться!

Я шел по коридору, и мои резиновые шлепанцы громко скрипели по линолеуму и били меня по пяткам. Эхо моих шагов летело впереди меня, но мысленно я все время возвращался назад, видя перед собой Майки, его убогую комнатку без окон, шаткий столик и страницы блокнота, на которых словно сами собой возникали удивительные рисунки и слова. Оглядываясь по сторонам в поисках кабинета администрации, я невольно покачал головой. Похоже, ситуация стала еще хуже, чем была, и виноват в этом был я. Я совершил ошибку, подав Майки надежду, а этого нельзя было делать ни в коем случае.

Потому что ложная надежда гораздо хуже, чем вообще никакой.

* * *

Мэнди Паркер взяла трубку уже на втором звонке.

– Офис окружного прокурора, – сказала она деловым тоном. – Чем я могу вам помочь?

– Мэнди... Это Чейз Уокер. У меня появилась кое-какая информация, которая может помочь напасть на след родителей мальчика. У вас найдется для меня пара минут?

– Конечно. Мне как раз нужно отвезти в суд кое-какие бумаги. Давайте встретимся там в «Старбаксе» минут через пятнадцать-двадцать, о'кей? Мне срочно нужна хорошая инъекция кофеина.

Когда я приехал в кафе, Мэнди еще не было, и я успел заказать нам два двойных латте. Минуты через две она появилась. Сегодня Мэнди была в сером деловом костюме, в туфлях на высоком каблуке и даже в колготках, правда – очень тонких. Когда я поднялся ей навстречу, мне пришлось смотреть на нее снизу вверх – в туфлях Мэнди оказалась чуть не на целый дюйм выше меня.

– Вы часто бываете и в суде? – спросил я вместо приветствия. Впрочем, мне казалось, что это не будет серьезным нарушением этикета, ведь мы уже поздоровались, когда разговаривали по телефону.

– Время от времени – вожу документы или присутствую на слушаниях. Ну, что там у вас?

Я рассказал о своей поездке в приют и о том, как долго я отгадывал загадку с бутылкой. Мэнди внимательно слушала. Отпив кофе, она пристально посмотрела на меня и спросила:

– И что вы собираетесь делать?

– Съездить на фирму братьев Джессап и разыскать кого-то, кто знает этого Бо.

– Хотите, я поеду с вами? – предложила она.
Я хотел.

Глава 11

Мои детские скитания из одного дома в другой в конце концов привели меня в Огасту – в интернат для мальчиков, где вдоль стен стояли обшарпанные банкетки, валялись вонючие носки и стояло огромное количество башмаков одинакового вида и размера. Помнится, однажды я проснулся от запаха свежескошенной травы и треска мотокосилок. Выглянув в окно своей комнаты, я долго смотрел, как мужчины в зеленых комбинезонах и желтых защитных наушниках разъезжают по газонам на своих красных машинах. Вот только между мной и этими газонами стоял довольно высокий забор из проволочной сетки.

После этого я редкий день не представлял, как я перемахну через этот восьмифутовый забор и уеду на красной косилке домой. Этот план казался мне вполне реальным: на пути к его осуществлению я видел только две проблемы. Первая заключалась в том, что – как сказали мне другие мальчики – я еще слишком мал и не смогу завести мотор косилки, но я был уверен: дайте мне только перебраться через этот забор, и я что-нибудь придумаю. Вторая проблема была посложнее...

Как-то утром в интернате появился высокий мужчина в джинсах и клетчатой рубашке, который сказал, что возьмет меня к себе. В нем не было ничего особенного, и я было уже решил, что обещанный дом станет всего лишь еще одной остановкой на трамвайных путях моей жизни. Довольно скоро я, однако, обнаружил, что этот высокий и худой человек совсем не похож на других мужчин, с которыми мне приходилось сталкиваться до сих пор. У него были грязные ботинки, штанины вытертых до белизны джинсов обмахрились внизу, ковбойка тоже выглядела довольно заслуженной. Больше всего меня поразили его очки с поднимающимися и опускающимися стеклами. Я знал, что такие надевают на игру некоторые бейсболисты, но чтобы их носил обычный человек? Его бейсболка тоже была старой, выгоревшей на солнце, но я не сразу ее заметил, потому что в помещении он держал ее в руках. Руки у него были сильные и жилистые, а на левом безымянном пальце он носил золотое кольцо. Из-под ковбойки выглядывала белая футболка. Волосы на голове мужчины были подстрижены довольно необычно: сзади и с боков все было очень коротко, так что просвечивала кожа, и только на макушке оставался пучок сравнительно длинных волос, которые при желании можно было

зачесывать на лоб или на затылок. Но главное его отличие от других мужчин было не во внешности. Те сразу начинали с того, что говорили мне, что я должен делать и как. Мой новый знакомый говорил мало, зато он *слушал* – слушал *меня*, – и это было настолько необычно, что поначалу я даже немного испугался этого чудака.

Да, чуть не забыл! Когда он пожимал мне руку, я подумал, что от него пахнет лошадыми, и это тоже было странно.

Наконец формальности были закончены, мы сели в его грузовичок, и он спросил:

– Есть хочешь?

Я кивнул.

– Как насчет «Кристалла»? [\[36\]](#)

Я пожал плечами.

– Ладно... – Он включил указатель поворота и стал задом выезжать со стоянки. – Съездим в «Кристалл», а если тебе там не понравится, переберемся куда-нибудь в другое место.

Я посмотрел в зеркало заднего вида, увидел клубы серого дыма и почувствовал запах, который, как я впоследствии узнал, был запахом горелого моторного масла.

Мужчина повернулся ко мне и поднял стекла на своих смешных очках.

– Ты не против?

В течение считанных минут он сделал сразу две вещи, которых не делал до него ни один другой человек: он спросил меня, что мне нравится и чего я хочу. И главное – он слушал, что я ему отвечу.

В «Кристалле» мы съели целую кучу отличных гамбургеров, а потом заехали в круглосуточный магазин, чтобы купить что-нибудь на десерт. Оставив машину с работающим двигателем у обочины, мой новый знакомый нырнул в магазин и через пару минут вернулся с двумя коричневыми бутылочками и какими-то круглыми штуками, которые напомнили мне завернутые в целлофан хоккейные шайбы. Вскрыв одну бутылку, мужчина протянул ее мне.

– Это «Йо-Хо». Похоже на молочный шоколадный коктейль, только лучше. – И он отпил большой глоток из своей бутылки, потом вскрыл одну «шайбу» и откусил такой здоровый кусище, что он едва помещался у него во рту. Говорить мой новый знакомый теперь не мог, но знаками показал мне, чтобы я последовал его примеру.

Я попробовал вскрыть упаковку, которая тут же лопнула. На пол кабины посыпались крошки, я бросился их ловить, но только пролил на сиденье шоколадный напиток. Глядя на расплывающееся по обшивке пятно

и на усыпанный крошками пол салона, я невольно втянул голову в плечи.

Я ждал затрецины и немедленного разворота в обратном направлении. Такое уже бывало. На моих глазах одна пара забирала из приюта маленькую девочку, так они даже с парковки толком не выехали – сразу вернулись и высадили ее перед дверью. А потом укатили.

Но мужчина ничего такого не сделал. Он только откусил от своего печенья еще кусок и сказал:

– Это называется «Мунпай» – «Лунный пирог». Уж не знаю почему... – Он усмехнулся. – Наверное, если есть их слишком много, морда станет такой же круглой, как луна в полнолуние.

Мы ехали по шоссе три или четыре часа, пока не свернули под указатель «Брансуик». Здесь мужчина посмотрел на меня.

– Хочешь, покажу тебе местные достопримечательности?

Я кивнул.

– Пить хочешь?

Я кивнул, но сразу же покачал головой.

Он немного подумал.

– Может, тебе нужно по-маленькому?

Я кивнул несколько раз подряд.

– Ну а потом, когда ты сольешь балласт? Наверняка ведь снова пить захочется!..

Я улыбнулся и посмотрел на обертку от «Мунпая» на полу.

Он остановился на площадке для грузовиков, где был туалет. Пока я делал свои дела, мой новый знакомый купил в ларьке еще две бутылки «Йо-Хо» и еще два «Лунных пирога». Наконец мы сели обратно в кабину и поехали дальше. Я за обе щеки уплетал печенье, а он показывал мне городок, которому предстояло стать моим домом.

Мы проехали мимо похоронного зала. Должно быть, в нем как раз шло прощание, потому что мой новый знакомый снял бейсболку. Потом показался кинотеатр.

– ...Он называется «Фокс». Сейчас им владеют два брата – Рональд ведет всю документацию, а Руперт продает билеты. Рон парень головастый, а вот Руперт... у него не все дома.

Я нахмурился. Тогда я не знал этого выражения.

– Руп, он... Когда он был маленьким, его лягнула лошадь. Сильно лягнула, копытом по голове... – Мужчина покрутил пальцем в районе собственного уха. – Вот его мозги и перевернулись. Зато он силен, как буйвол, и все время улыбается. Другого такого улыбчивого парня я еще никогда не видел.

Дальше по улице стояло довольно красивое здание, на фасаде которого висела вывеска «Смит и Смит». Увидев ее, мужчина натянул бейсболку на самый нос.

– Адвокаты, – пояснил он и, покачав головой, сплюнул в окошко. – Братья Смиты умерли много лет назад, теперь фирмой владеют два настоящих поросенка – проку от них чуть, только и умеют, что пыль в глаза пускать.

Я посмотрел на здание, где за широким распахнутым окном развалился в кресле толстый мужчина в белой рубашке, прижимавший к уху телефонную трубку.

– Это у них называется работать, – сообщил мой новый знакомый доверительным тоном. – Позвонить, справиться о здоровье, наговорить другой приятной ерунды... – Мы миновали дом, и он снова сдвинул бейсболку на затылок. – Не исключено, что как раз сейчас этот тип звонит моему брату.

Я вопросительно взглянул на него.

– Да-да, у меня есть брат. Его зовут Джек, и он на год меня старше. Правда, он меня не признаёт, но мы все равно родственники, как ни крути. – Он коротко хохотнул. – Джек совершенно искренне считает, что солнце встает и садится только ради него одного. К сожалению, большинство местных жителей с ним согласны... – Мой новый знакомый показал на здание непривычной архитектуры, немного похожее на старинный замок. – Джек владеет этим банком, но люди вон там... – он показал на высокую белую церковь на противоположной стороне улицы, – утверждают, что у него зимой снега не выпросишь. – Теперь он говорил так, словно обращался не только ко мне, но и к себе самому: – Когда-то я работал в этом банке, а по воскресеньям ходил в эту церковь... Вон как жизнь-то повернулась!

Должно быть, мое лицо отразило крайнюю степень недоумения, поскольку он посмотрел на меня и кивнул.

– Да... мой братец научил меня несколькими полезными вещами. Во-первых, я узнал, что злодеями не становятся за одну ночь, а во-вторых... – Он ненадолго замолчал и снова опустил стеклышки своих очков. – А во-вторых, я убедился: чтобы желать кому-то зла, большого ума не нужно. – Мой знакомый снова усмехнулся, но как-то невесело. – В общем, нужно прощать своих врагов – это здорово сбивает их с толку.

Тут он рассмеялся – громко и непринужденно, совсем иначе, чем раньше, и я подумал, что так может смеяться только человек, который делает это достаточно часто.

– Ну, может, есть и еще одна вещь, – добавил он, показывая на себя пальцем. – Никогда не суди о человеке по его родственникам. Хочешь взглянуть, где он живет? Джек, я имею в виду?..

Я пожал плечами, и мы, свернув на ближайшем перекрестке, поехали по дамбе. Там я впервые почувствовал запах болот.

Какое-то время спустя мы подъехали к воротам в высокой стене, ограждавшей закрытый поселок. Мой спутник махнул рукой охраннику в будке, ворота отворились, и мы въехали на территорию.

– Благодаря вот этой наклейке, – сказал он, показывая пальцем на верхний угол лобового стекла, – я могу проехать куда захочу. Эти люди доверяют мне своих лошадей, но, по правде говоря, они рады видеть меня не больше, чем скунса, который забрел на лужайку перед их домом.

Мы проехали большой загородный клуб, и я услышал справа какой-то странный звук.

Еще примерно через милю впереди показался большой дом в несколько этажей, фасад которого был развернут на восток. Он стоял на холме и от этого казался еще больше.

– Вот здесь он и живет – Джек, я имею в виду. – Мой новый знакомый показал на дом. – Сейчас он женат на женщине, которая... В общем, я как-то с ней виделся, но не могу сказать, что мы хорошо знакомы. – Он покачал головой. – Говорят, у этой бабы язык без костей... В общем, они слопали ужин прежде, чем прочли молитву.

Этого я снова не понял.

– Я хотел сказать... Одним словом, она переехала к нему, пожила немного, а потом они поженились. Насколько я знаю, она – вторая женщина, которой это удалось. Вторая, но, наверное, не последняя.

Я кивнул, хотя по-прежнему не понимал всего. А главное – я не понимал, зачем он мне все это рассказывает.

Потом мы развернулись и покатали назад, к въездным воротам. У клуба я снова услышал странный шипящий звук; на этот раз он доносился слева, но я по-прежнему не мог понять, что это может быть такое. Мой новый знакомый заметил мое замешательство. Несколько секунд он разглядывал меня, потом прищелкнул языком с таким видом, словно что-то обо мне понял. Слегка притормозив, он свернул налево – в какую-то улочку, которая заканчивалась тупиком. Там он припарковался у подножия поросшей травой песчаной дюны, которая была даже выше, чем крыша грузовичка, и распахнул дверцу. Цепляясь за траву, мы вскарабкались на вершину дюны и остановились. Я поднял голову и почувствовал, как в один миг раздвинулись границы мира, который я знал.

Собственно говоря, этот странный человек в грубых ботинках с самого начала старался сделать мой мир как можно шире, но я понял это только сейчас, когда стоял на вершине дюны, а у моих ног сверкал и раскачивался океан и волны с шумом накатывались на берег. Какое-то время спустя мой новый знакомый сел, снял башмаки и носки (один с дыркой на пятке, другой – с дыркой на мыске) и протянул мне руку.

– Ты поймешь, что это такое, только когда зайдешь в воду.

Мы спустились по противоположному скату дюны и зашли в воду по колено. Волны разбивались о мои ноги, и я ясно чувствовал их невероятную мощь. Этого ощущения мне никогда не забыть. От него буквально захватывало дух.

Мой спутник тоже стоял, погружившись в глубокую задумчивость. Наконец он наклонился, зачерпнул ладонью воды и поднес к губам. Прополоскав рот, он выплюнул воду длинной струей и повернулся ко мне.

– Попробуй, это тебе не повредит. Только не глотай, разве что совсем немного.

Я тоже зачерпнул воды. Она была горьковато-соленой на вкус, и в ней ощущались пузырьки воздуха и песок. Потом я попытался сплюнуть, как он, но вместо струи у меня получились сплошные брызги.

Он рассмеялся.

– Мне она тоже не особенно нравится. Но иногда... иногда просто нужно напомнить себе этот вкус.

Так мы стояли, незаметно зайдя в воду почти по бедра. Его джинсы промокли насквозь, но он, казалось, этого не замечал. И его нисколько не волновало, что моя одежда тоже промокла. Мы смотрели в сверкающую синюю даль, пока у нас не заболели глаза. Потом он показал мне на стремительные черные тучи, которые появились из-за горизонта и теперь неслись по небу слева направо, поднимаясь все выше. Тучи были большими и маленькими и казались мохнатыми, словно собаки или кошки, а среди них сверкали далекие белые молнии.

– Будет сильный ливень. Такой, что в нашем болоте все лягушки перетонут, – сказал он.

Словно подтверждая его слова, над нашими головами раздался могучий удар грома, но он не испугался, только посмотрел вверх.

В отличие от него, я вздрогнул и обернулся в сторону берега, который оказался неожиданно далеко.

– Не бойся. Это просто Бог передвигает мебель у себя в раю.

Я неуверенно улыбнулся.

– К тому же, – добавил он, глядя куда-то в потемневший океан и

обращаясь явно не ко мне, – тому, кто умер, уже ничего не страшно.

Ну а потом мы бежали по мелководью назад, карабкались на дюну и продирались сквозь траву. Мы были уже почти в самом низу, когда с неба упали первые капли дождя – редкие, но очень крупные. Нам оставалось только забраться в кабину, когда мой новый знакомый вдруг остановился, снял бейсболку и, запрокинув голову, широко раскрыл рот. Капли воды дрожали на его коже, стекали по лицу, смачивали язык. Наконец он распахнул дверцу кабины с моей стороны.

– Бесплатная вода. Никогда не упускай случая напиться, понял?

Мы сидели в кабине и сушились, а снаружи низвергались с небес настоящие водопады. Более сильного дождя я никогда еще не видел. «Дворники» не справлялись с потоками, стекавшими по лобовому стеклу, да и в любом случае смотреть там было не на что: видимость упала настолько, что мы едва различали переднюю часть автомобильного капота.

Улыбнувшись, мой спутник откинул голову на подголовник. Ему приходилось почти кричать, чтобы перекрыть стук дождевых капель по крыше:

– Льет так, словно корова помочилась с высокой скалы!

Очередная молния вспыхнула совсем близко. Удар грома эхом отозвался в кабине, и я, подскочив на сиденье, с силой вцепился в дверную ручку.

– Ага!.. – Он по-доброму усмехнулся. – Иногда, когда гром ударит достаточно близко, я тоже чувствую себя так, словно мне в зад нюхательного табаку напихали.

Я был не совсем уверен, что он имеет в виду, но раздавшийся сразу за этими словами негромкий смех сказал мне все, что я хотел узнать.

А еще через несколько минут дождь неожиданно ослабел и закончился. Тучи улетели прочь и выглянуло солнце, которое миглом высушило асфальт – лишь кое-где над дорогой еще клубился пар. Мой спутник включил мотор, и мы тронулись в обратный путь. Проехав клуб и ворота с будкой охранника, мы снова выехали на дамбу, а еще минут через двадцать свернули с шоссе на подъездную дорожку, которую я с тех пор видел бесчисленное количество раз. Она была в основном грунтовой, лишь кое-где подсыпанной гравием и обсаженной по обеим сторонам могучими пекановыми деревьями, с веток которых свисали гирлянды испанского мха. Где-то в листве громко стрекотали крупные белки с очень темным, почти черным мехом, а за деревьями раскинулось пастбище, на котором паслось несколько крупных коров с огромными рогами. Ярко-зеленая, как мякоть спелого авокадо, овсяница слегка покачивалась под ветром, напоминая

шелковистый ковер, тянувшийся от шоссе до самого горизонта.

Внезапно я заметил на нижних ветвях деревьев пять или шесть довольно крупных птиц с длинными хвостами, которые расцветкой крыльев и грудки напоминали радугу.

– Это павлины. Лорна их разводит, – пояснил мой спутник. – Ей они нравятся, но, на мой взгляд, шуму от них больше, чем от десятка баб, которые субботним вечером собрались почесать языки на веранде.

Ближе к концу подъездной дороги рытвины стали глубже, и мы поехали медленнее. Неожиданно мой новый знакомый вовсе остановил машину и, выйдя на середину дороги, подобрал что-то с земли. Вернувшись к машине с моей стороны, он показал мне раскрытую ладонь, на которой лежал pekanовый орех. Раньше я никогда не видел этих орехов в скорлупе и думал, что они так и растут на деревьях очищенными и упакованными в целлофановые пакетики. Своими сильными руками мой спутник без труда раздавил орех и протянул мне ядрышко.

Оно было большим и очень вкусным.

Двухэтажный дом, к которому мы подъехали, был выкрашен белой краской. Первый этаж обрамляла высокая веранда, под которой могла поместиться достаточно крупная собака. Заслышав шум мотора, на крыльцо вышла высокая стройная женщина с длинными черными волосами, которые доставали ей до поясницы. Увидев меня, она спустилась со ступенек и, опустившись на колени, поцеловала меня в щеку. Я очень хорошо это помню, потому что над верхней губой у нее был легкий пушок – почему-то светлый, хотя ее волосы и брови были иссиня-черными.

– Привет, – сказала она и посмотрела на моего спутника, а потом снова на меня. – Меня зовут Лорна.

И, взяв меня за руку, она повела меня на кухню. Обеденный стол оказался сплошь завален отрезными рекламными купонами, предлагавшими скидки на товар, и карточками тотализатора. Лорна, решительно сдвинув в сторону бумажный мусор, усадила меня на стул. Взяв из буфета большую тарелку, она подошла к электрокашеварке и, вооружившись ложкой на длинной ручке, стала накладывать на нее картофельное пюре, грудинку, тушеный горох и поджаренный хлеб. Ставя тарелку передо мной, Лорна сказала:

– Мы не знали точно, что ты любишь, поэтому, когда я спросила Лайама, что приготовить, он ответил – мол, ему кажется, ты должен любить то же, что и он. – Она постучала вилкой по своей тарелке (куда меньшего размера, чем моя). – То есть вот это...

Я в растерянности переводил взгляд с нее на моего спутника и

обратно.

– Лайам?..

– Это я так его называю. Остальные зовут его просто Уилли.

При этих словах Уилли-Лайам, вошедший в кухню следом за мной, улыбнулся, но лицо его как-то болезненно напряглось, а в глазах блеснули слезы. Как-то странно взглянув на меня, он сел к столу, вытянул перед собой руки, и мы с Лорной взяли за них – я за одну, она за другую. Я все ждал, когда же он начнет читать молитву, но Уилли молчал. Пальцы его дрожали, слезы капали с носа в тарелку; кажется, даже плечи его пару раз дернулись, словно он сдерживал рыдание. Наконец Лорна негромко произнесла:

– Аминь.

Уилли шумно вздохнул и, выпустив наши руки, полез в задний карман джинсов. Достав носовой платок, он вытер лицо и спрятал платок обратно.

Еще никогда мне не доводилось видеть, чтобы взрослый мужчина плакал.

После ужина Лорна подставила к раковине маленькую скамеечку. Я встал на нее с полотенцем в руках и вытирал посуду, которую она мыла. Закончив с посудой, мы вышли на веранду и сели в качалки, а Уилли задержался, доставая что-то из нижнего отдела холодильника. Наконец он тоже вышел на улицу с тремя стаканами шоколадного пудинга «Джелло». Сняв крышки, Уилли раздал нам десерт. Некоторое время мы качались в качалках и ели пудинг, и Уилли показал мне, как продавливать его сквозь зубы, чтобы они стали коричневыми и страшными, как у мертвеца.

– Это нехорошо, Лайам, – сказала Лорна. – Не надо учить его таким вещам.

В ответ он рассмеялся своим глубоким смехом, который уже начинал мне нравиться, а потом сильно запрокинул голову назад, чтобы было удобнее вылизывать стакан изнутри.

Это был замечательный вечер.

Когда настало время ложиться спать, меня отвели наверх и показали мне мою комнату, которая располагалась в передней части дома – через коридор напротив их спальни. В комнате стояла небольшая кровать и комод с зеркалом. Потолка не было: потолочный вентилятор крепился прямо к стропилам, а выше виднелся испод жестяной крыши.

Спать мне не хотелось, но меня уложили, подоткнули одеяло и погасили свет, оставив дверь полуоткрытой. Должно быть, Уилли поговорил с моими прошлыми приемными родителями или с кем-то в приюте, иначе откуда бы он узнал, что мы, сироты и найденыши, спим

мало и плохо. Днем мы еще как-то держимся, но ночью нам бывает особенно тяжело: темнота и тишина – время воспоминаний и вопросов, на которые нет ответов.

Услышав, как внизу хлопнула входная дверь, я выскользнул из постели и подкрался к окну. В свете луны я хорошо видел Уилли, который вышел во двор, подобрал с земли шланг и вставил в него наконечник-разбрызгиватель. Потом он включил воду и направил шланг вверх – как раз на тот угол дома, где находилась моя комната. Вода из разбрызгивателя взлетала вверх по высокой дуге и десятками, сотнями капель падала на жестяную крышу моей комнаты. Под их монотонный, мерный перестук я очень быстро уснул, а проснулся только десять часов спустя.

Я спал как мертвый и впервые за долгое, долгое время не видел никаких снов.

Глава 12

Остаток дня я провел в редакции в своем рабочем кабинете. Рассеянно поглядывая в окно на здание суда, я работал со своими источниками, не отнимая от уха телефонной трубки и время от времени делая пометки в блокноте. К ужину я собрал достаточно материала для колонки. Ред проглядел мои записи, сделал два или три исправления и кивнул.

– Иди работай. И не забудь: на будущей неделе мне нужно продолжение.

На следующее утро я снова встал еще до рассвета. Бесшумно выскользнув из комнаты над амбаром, где спала Томми, я пересек двор и вошел в кухню, где дядя и тетя Лорна пили кофе. Дядя был одет, как он обычно одевался на работу, на тете были домашние тапочки и старый халат. Перед ней лежала раскрытая чековая книжка, в которую она клеивала контрольные марки, предварительно лизнув их обратную сторону кончиком языка. Дядя ел рулет с корицей, щедро засыпая крошками свежую газету. Увидев меня, он затолкал остатки рулета в рот и, развернув газету на сто восемьдесят градусов, протянул мне, выразительно подняв брови.

НЕМОЙ РЕБЕНОК: ЧУДО И ТАЙНА

Четыре дня назад рядом с железнодорожным переездом на шоссе 99 местная пожарная служба обнаружила искусанного муравьями мальчика лет восьми, одетого только в обрезанные джинсы. В настоящее время мальчик известен властям как Джон Доу № 117. Накануне та же пожарная служба выезжала на переезд по вызову машиниста товарного поезда, протаранившего застрявшую на рельсах зеленую «Импалу» 1972 года выпуска. В результате столкновения погибла неизвестная женщина.

Власти не считают происшествие самоубийством, поскольку никаких следов записки обнаружить не удалось. В то же время у следствия есть основания полагать, что мальчик, которого на следующий день нашли на шоссе, находился в салоне машины непосредственно перед катастрофой и был выброшен (или выпрыгнул) оттуда за считанные секунды до того, как водитель направил автомобиль на рельсы.

В больнице, куда доставила мальчика пожарная служба, на его теле обнаружили многочисленные следы, которые свидетельствуют о том, что безымянный малыш, которому сейчас не больше десяти лет, на

протяжении долгого времени подвергался жестокому обращению. Лечащий врач заявил нашему корреспонденту следующее:

«Самой главной особенностью поступившего в нашу больницу ребенка является то, что он не может говорить».

Следует, однако, заметить, что мальчик с успехом компенсирует свою неспособность к вербальному общению с помощью блокнота, в котором он точно и весьма достоверно изображает различные предметы и людей, проделывая это со скоростью и сноровкой профессионального мультимпликатора. Одна из медсестер сказала, что мальчик – настоящий вундеркинд. «Ничего подобного я в жизни не видела, – добавила она. – Этот ребенок рисует, как да Винчи».

Служба шерифа, которая ведет это дело под надзором окружной прокуратуры, уверена, что погибшая в автокатастрофе женщина не была матерью мальчика. Выяснить ее личность пока не удалось, однако расследование в этом направлении продолжается.

Как сообщила газете представительница офиса окружного прокурора мисс Мэнди Паркер, попытки установить имя и место рождения мальчика по общенациональным базам данных пока не принесли результата. «Это означает, что о его исчезновении никто не заявлял, – сказала она в беседе с нашим корреспондентом, – что само по себе говорит о многом. Большинство родителей обычно замечают, если ребенок отсутствует дома в течение пяти дней или дольше».

Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, Департамент охраны детства совместно с окружной прокуратурой обратились к властям штата с просьбой как можно скорее поместить Джона Доу № 117 в соответствующее патронажное учреждение. Эта мера вкупе с возможным решением суда о лишении родителей мальчика родительских прав, которого также добиваются вышеупомянутые инстанции, представляются не только совершенно правильными, но и необходимыми, поскольку тело ребенка сплошь покрыто шрамами от ударов и сигаретных ожогов. Это – неопровержимые свидетельства жестокого обращения, объектом которого восьмилетний малыш оставался на протяжении достаточно длительного времени. Насилие, которому он подвергался, несомненно, подействовало и на его память. Джон Доу № 117 не помнит своего имени, не знает, откуда он родом, и не может назвать имен своих родителей или воспитателей – если этим словом можно назвать тех, кто подвергал его регулярным жестоким пыткам и издевательствам. На вопрос, как его обычно называли окружающие, мальчик написал в блокноте только одно слово – «сопляк».

Комплексное медицинское обследование, проведенное квалифицированными врачами, обнаружило у мальчика травматическое повреждение трахеи, что также может являться причиной его немоты. Как считает его лечащий врач, в будущем эта травма может помешать мальчику заговорить вновь. Один из сотрудников местной полиции заявил корреспонденту газеты на условиях полной анонимности: «Кто-то, несомненно, избивал парнишку, и не один, не два раза, а постоянно, на протяжении длительного периода времени. Если мы когда-нибудь поймаем этого ублюдка, его можно только пожалеть, потому что в тюрьме к таким относятся без снисхождения».

В конце статьи Ред поместил примечание, в котором обещал, что газета будет и дальше пристально следить за историей мальчика и что новые материалы по этому делу редакция опубликует на следующей неделе.

Глава 13

Шоссе 25/341 начинается на северной окраине Брансуика, проходит через Стерлинг, а потом устремляется к Джессапу. Вся дорога от одного города до другого занимает от силы тридцать минут. Никакого особого движения на шоссе обычно не бывает, если не считать лесовозов, курсирующих между Сутой и побережьем.

Когда дядя Джек получил контроль над банком и лесозаготовками, он построил на северной окраине Суты еще один дом – если только этот архитектурный кошмар можно назвать домом. Я ни разу там не был, но мне рассказывали, что в нем не то десять, не то пятнадцать спален, а общая площадь жилых комнат на всех этажах такова, что там можно без труда разместить небольшое африканское племя со всеми барабанами, асегаями и котлами для приготовления белых путешественников. Верхом дядя Джек почти не ездил, однако это не мешало ему держать при доме полтора десятка племенных лошадей, среди которых был и жеребец-чемпион, обладатель «Тройной короны»[\[37\]](#). Лошади размещались в специально построенной конюшне, в которой даже денники были оборудованы кондиционерами.

На светофоре в Стерлинге я немного притормозил, а когда зажегся зеленый, снова разогнал «Викки» до шестидесяти. Мэнди не возражала. К сожалению, в машине с крышей типа «бикини» разговаривать совершенно невозможно – особенно если ехать достаточно быстро, – поэтому большую часть пути мы молчали.

Когда минут через десять мы поравнялись с Сутой, я едва удержался от того, чтобы не выругаться. После целого года сплошной вырубki участок слева от шоссе казался выжженным напалмом. Потом в полумиле от дороги промелькнуло монструозное строение, которое дядя Джек с гордостью величал «домом». Вокруг него тоже не осталось ни одного дерева – только кучи веток и других древесных отходов, предназначенных для сжигания. Дом дяди Джека торчал между ними, словно огромный гнилой зуб.

– Странно, – заметила Мэнди. – Построить дом в таком живописном лесу, а потом вырубить все деревья на несколько миль вокруг...

Я кивнул, соглашаясь, но ничего не сказал. Все равно история, которую я мог бы ей поведать, была слишком длинной.

Фирма «Братья Джессап» оказалась совсем крошечной и занимала длинный сарай-склад с площадкой для погрузки доставочных грузовиков на самой окраине города. Площадка была огорожена забором из металлической сетки, поверх которой была натянута спиральная колючая проволока. Вдоль стены склада стояло несколько грязных, неухоженных грузовиков. В одном из торцов сарая разместился и офис – мы определили это по остаткам вывески. Когда-то на нем было написано название фирмы, но теперь от него осталось только «...я Джесс...». На воротах висела табличка: «Осторожно! Злой хозяин!»

Ворота были закрыты, но цепь, замыкавшая металлические рамы с натянутой на них сеткой, болталась свободно. Я осторожно толкнул ворота бампером «Викки», и они отворились с протяжным скрипом.

Припарковавшись напротив дверей офиса, я вышел из машины и постучал, но никто не отозвался. Тогда я заглянул за угол, где находились открытые погрузочные ворота, и громко свистнул. Никакого движения. Вернувшись к машине, я дважды нажал на клаксон – и вновь безрезультатно.

– Похоже, никого нет, – сказала Мэнди.

– Сомневаюсь. – Я огляделся по сторонам и покачал головой. – Сейчас кто-нибудь да проснется...

Я оказался прав. Примерно через две минуты из ворот склада появился небритый седой мужчина. Щурясь на ярком солнце, он на ходу вытирал испачканные машинным маслом руки обрывком оранжевой тряпки. Выглядел мужчина лет на семьдесят, хотя на самом деле ему вряд ли было больше пятидесяти. Синий рабочий полукомбинезон и светло-синяя рубашка, над карманом которой был приклеен тканевый бейдж с именем, болтались на нем, как на вешалке. Мне этот человек немного напомнил мужчину, которого Майки рисовал в своем блокноте, но потом я подумал, что все люди в форме похожи друг на друга.

– Здравствуйте, мистер Раскин, – сказал я, прочитав надпись на бейдже, и помахал рукой.

– Раскин – это имя, – ответил механик, продолжая вытирать руки. – А фамилия – Скиннер. Мама звала меня Рас. А мои дети вообще никак меня не зовут.

Я протянул руку.

– У меня детей нет, свою мать я не знал, так что зовите меня Чейз.

Мы обменялись рукопожатием. Когда-то у Раскина, должно быть, были сильные руки, но сейчас они ослабели и исхудали, кожа болталась, и даже застарелые мозоли сделались мягкими.

– Чем могу помочь, Чейз?

Сначала я собирался соврать, но потом подумал, что честность, что ни говори, *всегда* лучшая политика. Что бы там ни говорили некоторые.

– Я ищу одного человека, который, как мне сказали, когда-то здесь работал. Или работает до сих пор. Единственное, что я знаю, – это то, что его звали... зовут Бо или что-то в этом роде и что он, возможно, жил в снятом с колес трейлере.

Раскин прищурился.

– Вы из полиции?

– Нет, сэр.

– Представитель шерифа?

– Нет.

– Хреново. Нет, правда – жаль, что вы не полицейский. Этот субчик должен мне деньги – если, конечно, мы говорим об одном и том же человеке. – Он поднял руку примерно на уровень моего уха. – Вот такого роста, да? Коротышка?

Я пожал плечами.

– К сожалению, я точно не знаю.

– У него еще вся спина была в татуировках.

– Я видел только его... портрет. Да и то от пояса и выше.

– Не очень-то много вы знаете, Чейз.

Я потряс головой и улыбнулся.

– Ваша правда, мистер Скиннер. Дело в том, что я хотел сделать одолжение одному человеку... и это все, что он мне сообщил.

– Чем вы вообще занимаетесь, Чейз? – Раскин ткнул пальцем мне в грудь.

– Я журналист. Работаю в «Брансуик дейли».

– Неужто вы собираетесь писать о Бо статью?

– Нет, сэр. Я только предполагаю, что он, возможно, знал одного маленького мальчика, с которым я познакомился буквально на днях.

Раскин кивнул.

– Я ни разу не видел мальчишку, хотя Бо о нем часто упоминал. Если, конечно, речь идет о том же самом ребенке... – Он перевернул кверху дном пятигаллонный бачок, небрежно обмахнул его своей оранжевой тряпкой и сел, прислонившись спиной к стене склада, где была хоть какая-то тень. Повесив тряпку на плечо, Раскин посмотрел куда-то в сторону ворот. Или, может быть, *за* них.

– Бо был пьяницей. И баба, с которой он жил, тоже закладывала дай боже. На мой взгляд, они друг другу совершенно не подходили, но это их

дело. Бо работал здесь совсем недолго, может быть, год или даже месяцев десять. Не очень надежный был парень, часто опаздывал на работу, а то и вовсе не являлся, но... – Раскин поднял вверх старческие ладони. – Золотые руки. Мог починить все что угодно. В двигателях и прочей механике Бо, во всяком случае, разбирался отлично.

– Вы не знаете, где он может быть сейчас?

– Знаю. – Раскин кивнул без тени сомнения. – В тюрьме.

Это меня не удивило. Больше того – обрадовало.

– В какой именно?

– А вот этого не скажу. Скорее всего, где-то во Флориде – в ее северной части, в «отростке»[\[38\]](#). Только его уже давно посадили.

– Спасибо, сэр. – Я повернулся и шагнул к машине, но снова остановился. – А вы, случайно, не знаете, где жил Бо?

Раскин кивнул.

– Конечно, знаю. – Он показал на грунтовку, проходившую за складом: – Езжайте по этой дороге примерно милю, пока не увидите трейлер. Там больше ничего и нет, так что не пропустите.

– Это был трейлер Бо? Его собственный или?..

– Нет. – Раскин покачал головой. – Хозяин разрешал ему там жить для... – он на секунду задумался, – для охраны. Ну или типа того.

– Вы не против, если я на него взгляну?

– Валяйте.

Мы попрощались с Раскином и поехали по разбитой грунтовой дороге. Вскоре впереди действительно показался прицепной трейлер, бывший когда-то белым. Ядовитый плющ уже заплел покосившиеся перила крыльца, а пуэрария затянула стены и вскарабкалась на крышу. Во дворе, заросшем густой травой высотой в целый фут, валялись опрокинутый угольный мангал, три гипсовых фламинго, детский велосипед без покрышек и бесколесный задок какого-то древнего автомобиля. Все пространство двора усеивали расплющенные банки из-под пива, отдаленно похожие на раковины на морском дне. Справа от трейлера, в тени могучего дуба, стояли на чурбаках три старых автомобиля: у каждого не хватало, по крайней мере, одного колеса, одной-двух дверец и всех стекол. Передние окна трейлера тоже были выбиты, а входная дверь висела на одной петле.

– Скверно, – сказала Мэнди.

Я только покачал головой.

– Представляете, каково ребенку было жить в таком... в такой обстановке?

– Нет. Не представляю. – Она говорила совсем тихо, словно эти слова,

произнесенные в полный голос, могли причинить ей боль.

Сдвинув в сторону входную дверь, я вошел в трейлер. Скрип единственной петли вспугнул целую стаю кошек, которые в панике бросились в разные стороны. Только теперь я почувствовал выедающий глаза запах кошачьей мочи – должно быть, зверьки давно облюбовали комнаты и покидали их не часто.

Комнат в трейлере было две: спальня и гостиная. Кроме них имелись кухонный закуток и душевая кабинка, причем все было загажено, и не только кошками, так что сжечь трейлер было, наверное, гораздо проще, чем привести в порядок. Если не считать детского велосипеда перед крыльцом, никаких признаков того, что здесь жил или хотя бы бывал ребенок, я не обнаружил.

Мэнди, брезгливо морщась и закрывая нос и рот платком, следовала за мной.

В гостиной на ободранном диване сидел котенок и жалобно смотрел на нас, словно умоляя взять его с собой, но когда я машинально протянул к нему руку, он выгнул спину и зашипел, а потом метнулся куда-то в угол.

Оглянувшись на Мэнди, я спросил:

– Ну как, вы еще держитесь?

Она кивнула, но мне показалось – помощницу окружного прокурора вот-вот стошнит.

Стоя посреди гостиной, я еще раз огляделся по сторонам и проговорил, обращаясь больше к себе, чем к Мэнди:

– Если бы вы были ребенком, которого сжигает постоянное, неутолимое желание рисовать и которого регулярно били по рукам, чтобы он ничего не трогал, где бы вы разместили свои рисунки, чтобы никто их не видел?

Мэнди тоже заозиралась.

– Хороший вопрос.

Разойдясь в разные концы трейлера, мы постарались думать как малыш, которому не хочется в очередной раз оказаться избитым. Довольно скоро я сообразил, где, скорее всего, следует искать рисунки Майки. В угол спальни был задвинут довольно большой пятиногий стол, рядом на полу стояла настольная лампа. Но зачем кому-то понадобилось ставить ее на пол?

Я сходил в машину за фонариком и, опустившись на четвереньки, осветил столешницу снизу. Несмотря на окружающие вонь и грязь, я вдруг почувствовал себя так, словно созерцаю Сикстинскую капеллу. Вся нижняя поверхность стола была покрыта рисунками, изображавшими вещи,

которые мальчик видел, или иллюстрировавшими его мысли и чувства: вот мужчина с банкой пива, вот плачущая женщина, а вот кошка, преследующая мышь... Все это было здесь, на нижней стороне старой столешницы.

* * *

Вернувшись на шоссе 341, мы от души наслаждались свежим воздухом и запахами земли и травы. На светофоре в Эверетте мы свернули, пересекли железнодорожные пути и через пару миль уже катили вдоль северной границы Суты. За окном промелькнули ворота, ведущие на территорию. Ворота оказались открыты – это было необычно, но, учитывая количество лесовозов, которые ежедневно проезжали через них в обоих направлениях, не удивляло.

– Вы не торопитесь? – спросил я Мэнди.

– Сегодня мне больше не нужно быть в суде, – обтекаемо ответила она. – А что вы задумали?

– Давайте на «ты», о'кей? Вы не против? – предложил я, и Мэнди неуверенно кивнула.

– Хорошо, но что?..

– Увидите.

Я развернулся, проехал ярдов пятьсот в обратном направлении и свернул в ворота, над которыми висела устрашающая надпись: «Частное владение. Посторонним вход воспрещен. Стреляем без предупреждения!»

– Вы... ты видел этот знак? – спросила Мэнди.

Я кивнул.

– Отец дяди Уилли приобрел эту землю лет семьдесят назад, – пояснил я. – Дядя и его брат Джек владели здесь всем от железнодорожных путей до Талманна на юге, до Стерлинга на востоке и до Эверетта на западе.

Мэнди ненадолго задумалась.

– Это очень большой земельный участок, – сказала она наконец, и я снова кивнул. Мне по-прежнему не давала покоя мысль о том, что дядя может окончательно потерять Суту и, что было куда важнее, – потерять Святилище. И хуже всего было, пожалуй, то, что досталось бы оно не кому-нибудь, а дяде Джеку – человеку, который никогда не любил Святилище, даже несмотря на то что там находились могилы его отца и матери. По большому счету он его просто не заслуживал. Я прекрасно знал, что сделает дядя Джек, когда наложит лапу на Холм Дюбиньона. Первым делом он распорядится лишить его всей красоты, вырубив деревья и

осушив озеро, потом перенесет могилы на городское кладбище, а землю продаст застройщикам, которые используют участок для размещения новых закрытых поселков, гольф-клубов и загородных вилл. Святилище для него – ничто, всего лишь товар, который можно выгодно продать, подумал я и, как всегда в таких случаях, почувствовал закипающий во мне гнев.

На этот раз мне удалось с ним справиться – делать это я научился уже давно. Когда гнев вспыхивает ослепительно и ярко, когда он обжигает, не давая рационально мыслить и грозя превратить мою душу в пепел, я напоминаю себе, что жизнь вообще устроена несправедливо и что никто никогда не обещал мне, что будет по-другому. И это часто помогает, но ненавидеть дядю Джека я все равно не перестаю. Я ненавижу его всегда, ненавижу просто потому, что он хочет отнять у дяди то, чем он по-настоящему дорожит. То, что для него важнее всего на свете. То единственное, что у него еще осталось.

Некоторые вещи – священны. И не важно, у кого сколько денег.

Мы проехали под высоковольтной линией, которая соединяла побережье и центральную Джорджию и пересекала Суту по прямой. Дорога тоже шла более или менее прямо, сильно отклоняясь к западу только в том месте, где она огибала Бычье болото. Грунтовка была разбита здесь сильнее всего, но «Викки» прекрасно справлялась с ухабами и рытвинами: как и я, в этих местах она чувствовала себя как дома. Тем не менее я старался ехать не слишком быстро, чтобы шум ветра, треплющего мягкий верх, не мешал мне рассказывать Мэнди об истории Суты. Я рассказал ей о том, как Элсуорт рискнул последними деньгами, чтобы осушить Бычье болото, как он сколотил состояние, как заготавливал древесину, которая пользовалась спросом и в стране, и за рубежом, и как на месте каждого срубленного дерева он сажал два. Судя по выражению лица Мэнди, мой рассказ ей нравился. Серьезная, деловая помощница окружного прокурора даже откинулась на спинку сиденья, забросив ногу на дверцу.

Ближе к центру участка дорога пошла правее, повторяя очертания западного берега Бычьего болота. Слева стоял еще нетронутый сосновый лес, над которым возвышалось несколько особенно высоких вершин. Мили через полторы грунтовка снова вильнула влево, через озеро, так что Холм Дюбиньона оказался от нас по правую руку.

Много лет назад, когда Элсуорт начинал осушать свой участок, ему понадобилась дорога, которая пересекала бы Бычье болото от одного берега до другого. Проще всего было проложить ее по насыпи, однако

трудность как раз в том и заключалась, что дорога не должна была мешать свободному оттоку воды, а строить свайный мост обошлось бы слишком дорого. Элсуорт долго ломал голову над этой проблемой, стараясь найти выход из положения. Ему нужна была достаточно дешевая и прочная конструкция, по которой можно было бы ездить и которая в то же время свободно пропускала бы воду.

Ему потребовалось несколько дней, но в конце концов он все-таки придумал, что делать. Вдоль западной границы Суты проходила железнодорожная линия, на неиспользуемом участке которой стояли три старых грузовых полувагона. Когда-то, когда дорога была однопутной, этот участок длиной две с половиной мили служил для разъезда встречных поездов. Впоследствии появился второй путь, а разъезд стали использовать в качестве отстойника для старых вагонов. Те три вагона, о которых идет речь, были цельнометаллическими и стояли там достаточно давно, успев основательно проржаветь. Их-то и решил «позаимствовать» Элсуорт. Сначала он углубил дно болота, потом перевез туда вагоны и, сняв с бортов всю обшивку, опустил их в воду, поставив один позади другого. С помощью электросварки и газовой горелки Элсуорт прочно скрепил вагоны между собой, а металлическую обшивку бортов использовал, чтобы накрыть их сверху. Поверх металла он насыпал несколько слоев глины, песка и щебенки, так что вагонов не стало видно. Таким образом, желанный мост был построен, а обошелся он в какую-то смешную сумму – фактически не намного дороже обычных земляных работ.

Гениальная идея Элсуорта продолжает работать и сейчас, семьдесят лет спустя. Вода свободно протекает сквозь стальные каркасы вагонов, а поверху ездят телеги, легковушки и грузовики-лесовозы.

Остановившись на мосту из вагонов, мы некоторое время смотрели, как медленно и плавно скользит под нами болотная вода. По обеим сторонам моста высились огромные кипарисы и краснели болотные ирисы, которые только-только начинали расцветать. После дождя уровень воды поднялся, и в ней кишела рыба.

Миновав мост, мы проехали поляну, посреди которой стояла Старая Скипидарня – обветшавшая хижина, в которой в сезон ночевали сборщики живицы. Дальше вдоль дороги тянулись живописные площадки для пикников и рощицы молодых деревьев. Остров Гибсон мы проехали насквозь, пересекли канал и двинулись в объезд дядинового пастбища. Почему-то все коровы собрались сейчас именно на ближнем к нам краю, а от дома доносились скрипучие крики тетиных павлинов.

Услышав этот звук, Мэнди, которая молчала довольно долго,

встрепенулась.

– Неужели павлины? – спросила она.

– Да. Тетя Лорна их разводит – они ей очень нравятся.

– Я думала, павлины живут только в зоопарках.

Я выехал на пригорок, откуда открывался вид на дом, и улыбнулся:

– Что ж, в таком случае – добро пожаловать в зоопарк Макфарлендов!

Она тоже улыбнулась.

– Надеюсь, это безопасно? Сегодня мне что-то не хочется, чтобы меня застрелили без предупреждения.

Я рассмеялся.

– Здесь живут дядя и тетя Лорна. А вон и мой второй дом. – Я показал на амбар, в окне которого горел свет. – Как я уже говорил, я иногда ночью здесь, если мне почему-то не хочется ехать на яхту.

В паре сотен ярдов перед нами на дорогу вышел индюк Боб. Распустив хвост и выпятив грудь, он обошел по широкой дуге кормившегося в траве павлина, потом тяжело вспорхнул на ограду и сердито забулькал.

Мэнди с любопытством следила за ним, потом обвела рукой горизонт.

– Скажи, а слонов или жирафов у вас тут нет?

– Пока нет, но идея неплохая. Я обязательно расскажу о ней дяде Уилли.

Солнце опустилось совсем низко, и я принялся. Судя по разливавшимся в воздухе запахам, тетя Лорна готовила на ужин тушеное мясо с овощами. Только сейчас я почувствовал, что здорово проголодался.

– Поужинаешь с нами? – предложил я.

– Не откажусь.

– Ты ешь мясо?

Она улыбнулась.

– Да, но только вареное или жареное.

Когда мы вошли, тетя Лорна стояла у плиты, помешивая картофельное пюре большой деревянной ложкой. Увидев Мэнди, она поспешно сняла фартук и, вытирая руки полотенцем, двинулась нам навстречу. Я представил женщин друг другу, и тетя Лорна кивнула.

– Лайам мне говорил о вас.

– Лайам? – удивилась Мэнди.

– Ах, извините... – Тетя Лорна показала на заднее крыльцо, на которое как раз поднимался дядя. – Это мой супруг. В миру его зовут Уилли.

Войдя в кухню, дядя повесил шляпу на специальный крюк за дверью, расцеловал тетю и обменялся рукопожатием с Мэнди.

– Рад вас видеть, мисс Паркер. Вы, наверное, голодны как волк?

– Что-то вроде того. – Она улыбнулась.

– Тогда мойте руки – и за стол. Чейз, покажи, где у нас что.

Пока Мэнди и дядя мыли руки и приводили себя в порядок, я накрыл на стол. Не успели мы сесть за ужин, как в кухне появилась Томми. Я сразу понял, что она куда-то собралась: Томми приняла душ, а также надела плотные джинсы и кроссовки.

– Добрый вечер всем, кого не видела, – поздоровалась она.

Дядя поднялся навстречу и чмокнул ее в щеку.

– Привет, малышка. – Он на мгновение приложил ладонь к щеке Томми, потом снова сел.

– Познакомься, это мисс Мэнди Паркер, – сказал я.

Она с готовностью протянула руку.

– А я – Томми Макфарленд.

Тетя Лорна встала из-за стола, чтобы достать из буфета еще одну тарелку, но Томми ее остановила.

– Спасибо, тетя, я не хочу есть. Я зашла только для того, чтобы спросить... – Тут она заметила только что вынутый из духовки лимонный пирог, который лежал на буфете в торговнице. – Впрочем, от пирога не откажусь. – Подняв стеклянную крышку, Томми стала отрезать себе небольшой кусочек.

– Ай!

Она порезала палец, и кровь закапала на буфет. Схватив бумажное полотенце, я бросился на выручку, но Томми решительно перехватила мою руку здоровой рукой.

– Я сама... – Выхватив у меня полотенце, она замотала им палец. Кровотечение почти сразу прекратилось, и я полез в ящик буфета, где у тети Лорны лежали всякие полезные мелочи. Отыскав упаковку пластырей, я достал один и отлепил от конца полоски защитную бумагу, но Томми снова не дала мне заклеить ее порез.

– Дай лучше я. Честное слово, я умею правильно накладывать пластырь, – с улыбкой сказала она, стараясь, чтобы ее не услышали за столом.

Я отмахнулся.

– Я тоже не тупой, сумею заклеить крошечную царапину.

– Иди лучше ешь, пока не остыло. – Томми попятилась от меня и спрятала раненую руку за спину.

– Скажите, Томми, вы ведь росли вместе с Чейзом? – неожиданно спросила из-за стола Мэнди.

Томми все же завладела пластырем и аккуратным движением обернула

его вокруг пальца.

– Да, – кивнула она. – Чейз даже был моим кавалером на школьном выпускном... – Томми рассмеялась. – Вы даже не представляете, как он тогда выглядел. Смех на палке! Никто из девчонок ни за что не соглашался с ним пойти, так что мне волей-неволей пришлось его пожалеть.

Мэнди рассмеялась, а я швырнул в Томми салфеткой.

– Ну и занимайся сама своим пальцем!

– А вы здесь живете? – задала следующий вопрос Мэнди.

Томми тщательно вытерла с буфета капли крови и под села к столу, держа в руках свой пирог.

– Вроде того, – сообщила она с набитым ртом. – То есть сейчас я живу в комнате над амбаром, но вообще-то я приехала издалека.

– Вы здесь работаете? – снова спросила Мэнди, как я понял – исключительно из вежливости, чтобы поддержать разговор. Я, однако, предвидел этот вопрос и поспешил вмешаться. Прежде чем Томми успела открыть рот, я быстро сказал:

– Томми – киноактриса.

– Правда?! – удивилась Мэнди. – Вы не шутите?

– Правда, – подтвердила Томми. – Только я...

– Томми десять лет жила в Лос-Анджелесе, – снова перебил я. – Сейчас она приехала в отпуск, которого давно заслуживает.

– А в каких фильмах вы снимались? – не успокаивалась Мэнди. – Может, я вас где-то видела?..

– Это вряд ли. – Томми покачала головой. – В начале карьеры я снималась в основном в рекламе, в том числе – в рекламе нижнего белья, но в последние восемь лет я работала на студии, которая делает фильмы для взрослых.

Мэнди слегка наклонила голову набок, словно ждала, пока слова «фильмы для взрослых» улягутся в сознании.

– Вот как... – проговорила она наконец.

Томми улыбнулась.

– Когда я была маленькой, дядя Уилли и тетя Лорна приняли меня в свою семью и даже выделили мне целую комнату. – Она обвела взглядом закопченные стены кухни. – Поэтому, когда мне захотелось вернуться домой, мое сердце привело меня сюда.

Дядя тоже улыбнулся и утвердительно кивнул.

– Я вижу, вы взяли к себе немало детей, – заметила Мэнди, глядя на него.

Прежде чем ответить, дядя с преувеличенной тщательностью помешал

пюре у себя в тарелке. Наконец он поднял голову.

– Много лет назад я потерял сына. Его похитили и... убили. В тюрьме у меня было много времени подумать о моем мальчике. Я представлял, как страшно и одиноко ему было в его последние часы и как сильно ему хотелось, чтобы папа пришел и спас его. – В глазах дяди заблестели сдерживаемые слезы. – Вот почему, когда меня выпустили, я решил... мы с Лорной решили, что впредь наш дом будет всегда открыт для любого ребенка, который нуждается в помощи. Вне зависимости от его прошлого или от состояния здоровья, – добавил он твердо. – Когда мы прочли в газете вот о нем... – Тут дядя показал на меня, – о том, как его то и дело перекидывают из приюта в приют, из интерната в интернат, мы решили взять его к себе. И с тех пор нам никак не удастся от него отделаться, – закончил он.

– Спасибо, дядя, – сказал я самым едким тоном. – Посуду будешь мыть сам.

Пока остальные хихикали над моей шуткой, Томми незаметно постучала меня по коленке и шепнула:

– Слушай, можно взять на часок твою «Викки»?

– Конечно.

Доев пирог, Томми попрощалась, и мы вместе вышли из дома. Уже стемнело, солнце давно зашло, и на небо поднялась луна. Подойдя к машине, я забрал с заднего сиденья кейс Мэнди и свой блокнот.

– Ну вот, можешь ехать.

Томми взяла меня под руку и, привстав на цыпочки, шепнула мне прямо в ухо:

– А она хорошенькая!

– Она – помощница окружного прокурора, – возразил я. – Ей поручили дело мальчика, о котором я должен написать статью. Кто знает, может быть, в этом кейсе она носит пистолет.

– И все равно она хорошенькая.

Я покачал головой.

– В последнее время у меня немного барахлит сцепление, так что будь осторожнее.

Томми кивнула, ловко закрутила волосы в «конский хвост» и, сев за руль, медленно поехала по подъездной дорожке по направлению к шоссе. Проводив взглядом задние огни «Викки», я вернулся в кухню.

Мэнди стояла у раковины в фартуке Лорны; ее руки были по локоть в мыльной пене. Дядя за столом спокойно допивал кофе. Увидев меня, он кивнул.

– Сейчас она закончит, и ты можешь отвезти ее домой, Чейз.

Мэнди аккуратно сполоснула тарелку и поставила в сушку.

– Если судья Такстон примет решение в нашу пользу, – сказала она дяде, – это можно будет устроить уже завтра, во второй половине дня.

Чтобы отвезти Мэнди домой, я позаимствовал дядин катафалк. Сидя на переднем сиденье, Мэнди критически оглядывала салон. Наконец она хмыкнула.

– Я всегда думала, что моя первая поездка в одной из таких машин станет и последней.

– Ну... – Объезжая очередную рытвину, я съехал с обочины и, в считанных дюймах разминувшись со стволом дерева, вернулся с травы на грунтовку. – Это ты просто не видела, как я ее вожу.

– Твой дядя... он действительно ездит на этом старье?

– Да. Это у него юмор такой.

– Ничего себе юмор! Над чем же он смеется?

– Главным образом – над своим прошлым. Беспокоиться о том, что думают о нем люди, дядя перестал уже много лет назад.

Глава 14

В двух кварталах от Мэйн-стрит, недалеко от причалов, где пахнет креветками, рыбой и слышны крики чаек, находится «Килройз» – старый магазин армейских товаров, который обслуживает главным образом туристов. Наполовину музей, наполовину торговое предприятие, «Килройз» обставлен точь-в-точь как полевой командный пункт времен Второй мировой войны. Особенный колорит ему придают несколько «Виллисов» и настоящий танк «Шерман» перед входом, а также с полдюжины радиостанций разных моделей и свисающие с потолка камуфляжные сети. Продается здесь буквально все, начиная от противоосколочных бронежилетов, снарядных гильз и немецкого шерстяного белья и заканчивая полными комплектами доспехов для рыцарей и их лошадей. Торгуют здесь также сувенирами и коллекционными фигурками. То, что мне было нужно, я увидел в оконной витрине, поэтому я зашел внутрь и уже через пять минут снова сидел за рулем с покупкой.

Я ехал к Майки, но, когда я добрался до приюта, мальчика в комнате не оказалось. Оставив завернутый в плотную бумагу подарок на кровати, я вышел в коридор. С игровой площадки за зданием доносились детские крики, и я направился к ведущим наружу двойным дверям. У самого выхода я столкнулся с уборщиком, которого уже видел в прошлый свой визит.

– Его там нет, – сказал он в ответ на мой вопрос и, облокотившись на швабру, махнул рукой в направлении столовой. – Этот мальчуган... он немой. Ему трудно общаться с другими детьми.

Я поблагодарил и, забрав из комнаты сверток, направился в столовую. Майки действительно был там. Он сидел за столиком совершенно один и, надвинув на глаза синюю бейсболку дяди Уилли, собирал довольно сложную головоломку, состоящую из пяти тысяч фрагментов – каждый размером с четвертак или меньше.

Я положил сверток на стол и сел напротив. Мальчик поднял голову, и я улыбнулся.

– Давай открывай.

Майки некоторое время разглядывал то сверток, то меня, и я поощрительно кивнул. Некоторое время он сидел неподвижно, потом

отложил фрагмент головоломки и нерешительно подцепил ногтем полоску упаковочной ленты. Отрываясь от бумаги, клейкая лента громко затрещала, и Майки снова ненадолго замер, но потом стал действовать более уверенно. Слой за слоем он развернул бумагу, потом – пузырчатый полиэтилен. Наконец у него в руках оказалась лакированная деревянная коробка. Открыв удерживающую крышку защелку, мальчуган заглянул внутрь. Я увидел, как изумленно раскрылись его глаза, когда в свете флуоресцентных ламп заблестели полированными боками металлические фигурки.

Одну за другой Майки извлекал их из коробки и внимательно разглядывал. Первой появилась фигурка, напоминающая кирпичную замковую башню, потом – какое-то существо с лошадиной головой, за ними – король с королевой. Внезапно Майки закрыл коробку и, сорвавшись с места, бросился к питьевому фонтанчику в углу. Сорвав со стены бумажное полотенце, он вернулся к столу, тщательно протер каждую фигурку и принялся расставлять их на клетчатой крышке коробки. Наконец все было готово, и Майки вопросительно посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

– Я ведь уже говорил – я совсем не умею в шахматы!

Майки слегка шевельнул бровью и двинул свою пешку на одну клетку вперед. Подобрал под себя ноги, он вытянул через стол руку, двинул мою пешку навстречу своей и снова взглянул на меня. Поняв, что от меня требуется, я стал копировать его действия, лихорадочно пытаюсь вспомнить все, что мне было известно о шахматах. Мне даже удалось сделать два-три самостоятельных хода, прежде чем – минуты через две – Майки поставил мне мат. Когда его ладья «съела» моего короля, он положил фигурку на доску на бок и дважды приподнял брови. Я взглянул на его край стола, где выстроилась бóльшая часть моей шахматной «армии», и вздохнул.

– Ты хороший учитель.

Майки схватил свой блокнот, не глядя написал там несколько слов и развернул страницу ко мне.

«А ты продул!»

Я рассмеялся.

– Продул, согласен.

В столовой было пусто. Только из кухни доносился негромкий звон посуды да в дверях изредка мелькала какая-то женщина в рабочем халате, но в обеденном зале мы были одни, и я подумал, что Майки начинает привыкать к моему обществу. Кроме того, мальчуган был не чужд духа соревновательности, любил выигрывать, и это тоже должно было ему помочь.

После того как он в пятый раз поставил мне мат, я спросил:

– Как твоя спина? Заживает?

На столе передо мной лежала одинокая пешка – единственная, которую мне удалось «съесть». Майки потянулся к ней, поставил ее вертикально, потом откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Я уже знал, что, несмотря на немоту, как я надеялся – временную, он умеет неплохо «говорить» с помощью языка тела и жестов. Чтобы понять, что он хотел сказать, нужно было только научиться слушать.

– Можно тебя кое о чем спросить?

Он пожал плечами.

Я обвел взглядом столовую.

– Тебе здесь нравится?

Он посмотрел на меня так, словно я был слабоумным.

– О'кей, плохой вопрос. Глупый. – Я немного помолчал, подбирая слова. – Ладно, скажем иначе... Если бы у тебя был выбор, остаться здесь или отправиться в приемную семью, что бы ты выбрал?

Он снова взялся за блокнот. Писал Майки по-прежнему не глядя, используя левую руку в качестве направляющей для правой.

«Смотря какая семья», – прочитал я.

Вполне разумный ответ, подумалось мне. Взрослый. Взвешенный. Большинство сирот на его месте ухватились бы за возможность попасть в приемную семью обеими руками.

– Ты помнишь дядю Уилли?

Он кивнул, коснувшись бейсболки кончиками пальцев.

– Ты согласишься переехать к нему, пока власти будут разыскивать твоих родителей?

Мальчуган показал на меня, и я кивнул.

– Я больше там не живу, но я часто навещаю дядю. Насколько я знаю, он собирается поселить тебя в моей бывшей комнате.

Майки показал на шахматную доску.

– Она твоя. Ты можешь взять ее с собой.

Снова вооружившись бумажным полотенцем, мальчуган еще раз протер каждую фигурку и стал укладывать их обратно в коробку, где для каждой имелось свое собственное выложенное фетром гнездо. Щелкнув замочком, он сунул коробку и блокнот под мышку с таким видом, словно готов был ехать к дяде прямо сейчас. В столовой по-прежнему было тихо, и только его пятки под столом выбивали частую дробь.

Глава 15

Я сидел на носу своей яхты и любовался волнующейся под ветром травой. Когда-то «Вдохновение» было морским судном, но во время захвата курьера, перевозившего на нем наркотики, спецназ проделал в его бортах столько дырок, что оно едва не пошло ко дну. Несмотря на это, вернуть яхте первоначальные мореходные качества было вполне возможно, но для этого требовался хороший ремонт, а у меня не было столько денег.

Да, порой огонь автоматических винтовок крушит не только полированное дерево обшивки, но и кое-какие иллюзии.

Впрочем, для плавания по рекам и протокам «Вдохновение» вполне годилось, не говоря уже о том, чтобы спокойно стоять на якоре, служа домом для человека, которому нужно где-то ночевать. Во всяком случае, на воде яхта держалась.

Заделать дырки от пуль было сравнительно легко. Куда труднее (и дороже) было восстановить судовые механизмы. Тем не менее на это я денег не пожалел, так что теперь и двигатель, и все остальное работало как часы, хотя внешний вид «Вдохновения» по-прежнему оставлял желать лучшего.

Именно об этом я размышлял, глядя, как опускается за горизонт солнце и над болотами сгущаются сумерки, когда услышал, как кто-то окликает меня с берега. Поглядев в ту сторону, я увидел Мэнди Паркер, которая размахивала над головой какими-то бумагами.

– Подожди минуточку, я сейчас! – крикнул я в ответ. Через минуту я уже греб к берегу, гадая, как она меня нашла. Должно быть, эта мысль отразилась на моем лице, поскольку, как только я причалил к зарослям униолы, Мэнди сказала:

– Дядя Уилли и «Гугл-карты» – вот и весь секрет.

– Не зря тебя взяли на работу в офис прокурора, – заметил я.

Мэнди рассмеялась. Ее каблуки тонули в мягкой почве, из-за чего ей приходилось стоять буквально на цыпочках.

– Теперь я вижу: ты не шутил, когда сказал, что живешь на воде. – Она протянула мне зажатую в руке папку. – Судья вынесла положительное решение. Мальчик может переезжать уже завтра.

– Ты уже сообщила дяде Уилли?

– Только что ему звонила. Он сказал, что завтра утром первым делом

приготовит комнату. – Мэнди немного помолчала. – Я подумала, вдруг ты захочешь поехать за мальчиком вместе со мной.

– Конечно, захочу. Спасибо.

Мэнди оглядела пустынный пейзаж, особо отметив отсутствие соседей, затем снова повернулась ко мне.

– Не представляю, как ты здесь живешь! Ведь это же с ума можно сойти от одиночества!

– Поехали, я тебе покажу.

Она с сомнением воззрилась на челнок.

– Что?! Вот в этом?!

– Ну да. Впрочем, если вас в прокуратуре обучают ходить по воде...

Мэнди смело шагнула в лодку и, сев лицом ко мне, сказала:

– Если мы опрокинемся и я намочу мой новый костюм, я...

– Что?

Она посмотрела на воду вокруг, на быстро удаляющийся берег и крепче вцепилась в борта.

– ...Пришлю тебе счет из химчистки – вот что!

К счастью, все обошлось. Меньше чем через минуту мы причалили к яхте, и я помог Мэнди подняться на борт.

Только стоя на носу яхты, она сумела в полной мере оценить красоту пейзажа.

– Да-а... – проговорила Мэнди уже совсем другим голосом, в котором не было и тени насмешки. – Ради такого можно мириться с любыми неудобствами!

Солнце опустилось уже совсем низко, и его отраженный от поверхности воды свет стал из насыщенно-янтарного багряно-красно-лиловым с оранжево-желтыми переливами. Торчащие из воды травы потемнели и стали темно-синими, как подступающая ночь.

Сев в кресло, Мэнди сбросила с ног туфли и покачала головой.

– Давненько я не выезжала из города, – добавила она.

– Ты не голодна? – спросил я.

В задумчивости Мэнди провела пальцами по заделанным пулевым отверстиям в рубке. Судя по всему, они не произвели на нее большого впечатления, хотя, возможно, она не знала, что это такое.

– А разве здесь можно готовить?

– Ну, кое-какие ограничения, конечно, имеются, но пожарить рыбу можно в любой момент. Была бы рыба...

– Что ж, рыба так рыба. В жизни надо попробовать все.

В это время суток стаи барабуллек поднимались вверх по реке, и сейчас

вода буквально кипела от множества рыбешек. Можно было подумать, что здесь происходит какой-то массовый заплыв или рыбы гонки. Огромные стаи мальков – втрое, вчетверо шире и длиннее яхты, кормились возле травы, то есть – вполне в пределах досягаемости.

Медлить я не стал. Достав накидную сеть-«парашют», я аккуратно свернул шнур, отцепил одно грузило, чтобы она лучше разворачивалась, и, примерившись, метнул ее с кормы. Дав сети погрузиться, я потянул за шнур и вытащил ее на яхту. В сетке бултыхалась рыба мелочь размером с палец – десятка четыре или больше. Под удивленным взглядом Мэнди я вытряхнул улов на палубу и наклонился, чтобы выбрать подходящих по размеру живцов.

– Похоже, ты проделываешь это не в первый раз, – заметила она.

Я опустил десяток рыбешек в болтавшийся за бортом бидон для наживки, а остальных столкнул обратно в воду. Вынув из креплений два удилица, я насадил живцов на крючки, подцепив острием под верхний плавник, и переставил поплавки на глубину около шести футов. Перейдя на нос, я забросил лесы в воду. Течение тут же подхватило их и потянуло, так что поплавки заплесали на небольших волнах.

Не прошло и нескольких секунд, как оба поплавок исчезли под водой. Я резко подсек, потом передал одно удилице Мэнди.

– О'кей, – сказал я. – Наматывай потихоньку.

Чтобы дать Мэнди больше места, я отошел к борту, оставив ее на носу. Во время этого маневра я на пару секунд выпустил Мэнди из виду. В свое время точно так же поступал со мной дядя. Он нарочно оставлял меня с рыбиной один на один, чтобы я научился принимать правильные решения и обрел уверенность. Но на сей раз мои благие намерения привели к довольно неожиданным результатам.

Копируя мои действия, Мэнди стала быстро наматывать леску на катушку. Она подтаскивала рыбу к яхте, а рыба, в свою очередь, тянула в противоположную сторону. Как выяснилось довольно скоро, я не учел, что ее добыча была намного крупнее, чем моя, и сопротивлялась сильнее, к тому же Мэнди была без туфель, и ее ноги в нейлоновых колготках скользили по палубе, не давая ей упереться как следует. Пытаясь сорваться с крючка, рыба металась и дергалась и тащила Мэнди за собой к воде.

Как и большинство неопытных рыбаков в подобных ситуациях, Мэнди растерялась. Отпустить катушку и стравить лесу она не догадалась, а выпускать удилице из рук не хотела. Я не успел ничего предпринять – через считанные мгновения она уже достигла леерного ограждения, перевалилась через него и исчезла за бортом, подняв фонтан брызг.

Услышав всплеск, я подумал: «Господи, только не это!» Я действовал почти автоматически: вставив удилице в крепление, я отпустил стопор, позволив катушке свободно разматываться, а сам бросился на нос. Перегнувшись через борт, я увидел, что Мэнди барахтается в воде совсем рядом с яхтой, изо всех сил стараясь удержаться на плаву.

– Держись! – Наклонившись как можно ниже, я протянул ей руку. Мэнди крепко ухватилась за нее, и я, преодолевая течение, потащил ее к корме, где в воду уходила небольшая лестница. Когда прилив достигал максимума, глубина под днищем яхты составляла футов двенадцать-четырнадцать, но сейчас там было не больше шести-восьми футов. А если учесть, что устричные колонии поднимались порой фута на три над дном, то Мэнди, пытаясь нащупать опору под ногами, могла довольно серьезно пораниться: острые края раковин были способны рассечь мясо буквально до кости.

В какой-то момент я заметил, что Мэнди ухитрилась запутаться в леске, поэтому каждый раз, когда рыба на другом конце совершала очередной мощный рывок, прокурорша ненадолго погружалась с головой. Но лестница была уже совсем рядом, Мэнди потянулась к ней, ухватилась за ступеньку и вскарабкалась на палубу. Вода ручьем текла с ее волос и одежды, а глаза все еще были расширены от страха.

Схватив полотенце, я усадил ее в кресло и поспешил убедиться, что она не изрезала себе ноги. Не обнаружив никаких следов крови ни на голених, ни на ступнях, я выпрямился и отступил чуть-чуть назад. Я был уверен, что Мэнди не преминет высказать все, что она думает обо мне и о рыбалке.

Она действительно открыла рот и... засмеялась. Кроме того, Мэнди по-прежнему сжимала в руке сломанное удилице. Я ошибся – она вовсе не запуталась в леске. Несмотря на неожиданное падение в воду, Мэнди продолжала удерживать пойманную рыбу.

Смеялась она минуты три, так что под конец у нее на глазах даже показались слезы. Наконец Мэнди успокоилась и протянула мне удилице со словами:

– Надеюсь, моя рыба окажется достаточно большой.

Леска все еще была туго натянута, но к этому времени добыча успела основательно выдохнуться. Я без труда подтянул ее к берегу, подвел подсачек и вытащил на палубу. Это был очень крупный красный горбыль дюймов тридцати длиной, а весил он, должно быть, фунтов восемь-девять. Не рыбакам эти цифры, наверное, ничего не скажут, но специалисты знают, что восьмифунтовый горбыль сопротивляется как тридцатифунтовый

лосось.

Потом я вытащил свою рыбу и положил рядом с первой. Мэнди к этому времени окончательно отдышалась, убрала с лица намокшие волосы и стерла со щек размокшую косметику. Окинув критическим взглядом нашу добычу, она заметила с невинным видом:

– Моя больше. – Наклонившись, Мэнди измерила обеих рыбин пальцами и добавила, не скрывая своего торжества: – В два раза!

Я кивнул и, пустив горбылей в сетчатый садок за бортом, открыл люк и повел Мэнди вниз.

– Вот душ, – сказал я, показывая кабинку в углу. – Только будь осторожнее – вода нагревается очень сильно. Вот в этом шкафчике найдется халат и пара спортивных костюмов твоего размера. – Я покачал головой и добавил самым серьезным тоном: – Это очень хорошо, что твоя рыба вдвое больше, иначе... иначе я чувствовал бы себя крайне неловко.

Пока Мэнди мылась и приводила себя в порядок, я достал из садка нашу добычу и зажег газовый гриль. К тому моменту, когда минут через десять Мэнди появилась из люка, я успел приготовить кукурузную мамалыгу с сыром, нарезать помидоры и почти закончил поджаривать рыбу.

Обоняние привело ее прямо на нос. Стоя напротив меня, Мэнди с одобрением оглядела результаты моей работы.

– Ты и впрямь умеешь готовить, – заметила она.

Я покосился на устроенный мною второпях беспорядок и вручил ей тарелку.

– Это все дядя Уилли... Его влияние и его уроки.

– Уникальный человек, этот твой дядя Уилли. Единственный в своем роде, – сказала Мэнди без тени насмешки, и я кивнул.

– Честно говоря, мне не хочется даже думать, что где-то может быть второй такой человек. Двух дядей Уилли мир просто не выдержит.

Мэнди с интересом покосилась на решетку гриля, где поджаривались два куска рыбного филе.

– И который из них мой? – осведомилась она.

– Тот, что поменьше, естественно.

– Ах вот как? Уезжай-ка из города, парень, пока не поздно!.. – И она бросила в меня хлебной коркой.

Я со смехом увернулся, потом достал второе складное кресло, и мы сели, забросив босые ноги на леер и держа тарелки на коленях. Некоторое время мы молча ели, глядя как кувыркаются в потоках ветра чайки – аметистово-розовые в лучах заходящего солнца. Потом со стороны океана

появилось небольшое – голов десять – стадо морских свиной[39], которые, сверкая похожими на дельфины плавниками, двигались вверх по течению вслед за косяками барабулек.

Мэнди поглядела на мою правую ногу.

– Откуда у тебя этот шрам?

Я машинально провел кончиком пальца по тонкой белой полоске, которая начиналась на ступне и поднималась по внутренней стороне подъема.

– Наступил на стекло. Мне тогда было года три.

– Ничего себе! – Мэнди покачала головой.

– Когда я был маленьким, мне хотелось, чтобы он поскорее исчез, но теперь... – Я покачал головой. – Если бы не он, я мог бы подумать... подумать, что мне все это приснилось.

– Что приснилось?

– Встреча с родным отцом. А шрам – вещественное доказательство того, что это было на самом деле, что я это не придумал и не увидел во сне. Для меня это очень важно.

– Как это было? – спросила Мэнди, и я рассказал все, что сохранила моя память. Когда я закончил, она долго молчала. Наконец Мэнди спросила, показывая на воду за бортом: – Скажи, а рыба здесь всегда хорошо ловится?

– Здесь – не всегда. Под яхтой дно ровное, да и глубина сравнительно небольшая, но вон там, дальше... – Я показал рукой. – Там дно круто обрывается вниз, так что даже во время отлива глубина в этом месте составляет больше четырнадцати футов. На бровке постоянно держится крупная рыба – там она кормится, к тому же там безопаснее.

– Откуда ты все это знаешь?

– Все, что мне известно о рыбах и их повадках, я узнал от дяди.

– Он действительно хороший рыбак?

Я пожал плечами.

– Иногда мне кажется, что он сам когда-то был рыбой.

– Странно... – протянула Мэнди. – Абсолютное большинство мужчин, с которыми я работаю, практически никогда не говорят о том, какую роль в их жизни сыграл отец, дед, дядя или старший брат. А если они о них и вспоминают, то как-то... не слишком хорошо. У меня даже сложилось впечатление, что все мужчины постоянно стараются превзойти друг друга или доказать, что всего в жизни они добились исключительно благодаря собственным усилиям.

– Ну, у нас с дядей тоже не все бывало гладко.

– Возможно, но, несмотря на это, ты рассказываешь о нем с уважением, хотя... хотя он, несомненно, не всегда бывал прав. До сих пор ты проводишь с ним много времени, и тебе, похоже, это нравится.

Я кивнул.

– Когда я был ребенком, у дяди был небольшой катер или, лучше сказать, лодка с дохленьким пятисильным подвесным моторчиком. Сидеть в ней следовало очень прямо – стоило только немного наклониться в сторону, как она тут же начинала черпать бортом. Однажды мы вместе поехали в ней на рыбалку. Дядя разбудил меня задолго до рассвета, привез сюда, сунул в руки печенье, с ног до головы обмазал кремом от загара, насадил на мой крючок червяка и... и научил меня терпению. С тех пор мы поймали немало больших и маленьких рыб, но я до сих пор помню тот наш поход.

– Вместе... – повторила Мэнди задумчиво. – Должно быть это и есть ключевое слово. – Она покачала головой. – На работе я постоянно сталкиваюсь с мужчинами, которым безразличны окружающие. А расплачиваться за это приходится их сыновьям.

Я искоса взглянул на нее. Мне было не совсем понятно, как мы так быстро перешли от легкой болтовни к обсуждению мировых проблем.

– У тебя сегодня был тяжелый день? – наконец спросил я.

Она долго не отвечала, гоняя по тарелке остатки мамалыги.

– Извини, – ответила наконец Мэнди. – Наверное, для младших сотрудников окружной прокуратуры должно существовать что-то вроде декомпрессионной камеры, куда они могли бы забираться в конце рабочего дня.

– Кстати, как получилось, что дело этого мальчишки передали тебе?

– Я сама просила поручить его мне.

– Гм-м... Значит, ты у нас – добрая самаритянка? Флоренс Найтингейл?[\[40\]](#)

Она улыбнулась.

– Нет. Просто я случайно увидела, как он сидит в «Скорой помощи», – почти голый, весь израненный и очень одинокий, и мне захотелось узнать, у кого поднялась рука... кто сотворил с ним такое. И почему. А еще мне захотелось сделать так, чтобы эти подонки до конца своих дней рассматривали небо сквозь тюремную решетку.

– То есть ты решила отомстить?

Она покачала головой.

– Дело не в этом. Есть такая штука – справедливость. Это не месть, это другое...

– Тебя научили этому в юридическом колледже?

– Нет, на игровой площадке в начальной школе.

– Как это? Впрочем, можешь не рассказывать, если не хочешь, – спохватился я.

– Отчего же не рассказать?.. – Мэнди пожала плечами. – Я тогда была в четвертом классе. На большой перемене мы играли во дворе на снаряде для лазанья – называется «джунгли»... Ну, ты наверняка знаешь – эта штука немного похожа на геодезический купол. Я как раз висела на одной из перекладин, когда наш классный хулиган подбежал ко мне, сдернул с меня трусики и убежал с ними. Весь остаток дня я думала только о том, как бы с ним посчитаться. В классе он сидел позади меня, и вот, спустя пару недель, я вдруг поняла, что оценки у него почти такие же, как у меня...

Я улыбнулся.

– Похоже, со зрением у этого парня был полный порядок.

Она кивнула.

– В конце учебного года нам нужно было писать стандартные тесты, от которых зависело, переведут тебя в следующий класс или нет. В общем, я пошла к учительнице и попросила разрешения написать тесты заранее, так как я якобы должна была уехать из города. Учительница пошла мне навстречу. За день до общего экзамена я успешно ответила на все вопросы и перешла в следующий класс. Ну а когда пришли результаты тестов этого парня... В общем, пришлось ему остаться в четвертом еще на год.

– Ловко. – Я откинулся на спинку кресла. – Впредь постараюсь не попадаться тебе в суде.

Мэнди отмахнулась.

– Разумеется, я злилась на этого ублюдка, но я поступила справедливо. Он сам потопил свой собственный корабль – надо было лучше учиться, а не ломать глаза, заглядывая мне через плечо. – Она немного помолчала и закончила: – С тех пор каждый раз, когда при мне обижают слабых, я вспоминаю школьный двор и думаю о том, что каждый хулиган в конце концов непременно получит по заслугам.

– Что ж, будем надеяться, что это универсальный закон и что он работает во всех случаях, – сказал я. – Кстати, о хулиганах... Тебе не удалось напасть на след этого Бо?

– Думаю, я его нашла, хотя кое-что нужно еще проверить. Если это тот, кого мы ищем, то... Короче говоря, он действительно сидит в тюрьме, как сказал нам тот парень из «Братьев Джессап». Завтра я собираюсь навестить мистера Бо и задать ему несколько вопросов. – Мэнди взглянула на меня. – Поедешь со мной?

Она могла бы и не спрашивать.

– Конечно, – быстро сказал я. – Но только если ты пообещаешь не рассказывать дяде Уилли о нашем сегодняшнем приключении. Думаю, он будет очень недоволен, если узнает, что тебе пришлось испуститься по моему недосмотру.

* * *

Когда Мэнди объявила Майки, что он может переехать к дяде, мальчишка, казалось, нисколько не удивился. Между тем множество людей приложили немало усилий, чтобы это стало возможным, и Майки, насколько я мог судить, это знал. Подобная реакция с его стороны могла говорить только об одном: в своей коротенькой жизни он уже побывал в нескольких приемных семьях, но каждый раз это кончалось одинаково, поэтому очередной переезд не пробуждал в мальчугане никаких особенных надежд. Я знал это точно, потому что сам в свое время прошел через нечто подобное.

Прежде чем дядя и тетя Лорна взяли меня к себе, я уже попадал в приемные семьи. В первые разы, оказавшись в новом доме, я наивно раскрывал душу перед людьми, которые, как я надеялся, станут для меня не приемными, а настоящими родителями, но меня только били или ставили в угол. Этим людям нужно было государственное пособие, которое выплачивалось на ребенка, – и ничего больше. Кормить-то меня кормили, но этим их так называемая «родительская забота» и исчерпывалась.

Пару раз обжегшись, я поуменел и стал вести себя сдержаннее, запретив себе надеяться. Почему? Да потому что человеку, который ни на что не надеется, трудно причинить боль. Встречая каждого новых «родителей» с распростертыми объятиями, ты довольно скоро узнаешь, что они так же холодны и равнодушны, как предыдущие, и невольно тоже учишься быть безразличным и холодным, чтобы следующее разочарование не могло тебя ранить.

Так или примерно так звучат лживые доводы, которые ты твердишь себе снова и снова, пока тебя везут в дом новых потенциальных опекунов.

Майки тоже лгал. Я понял это, когда сидел на своей яхте и любовался закатом. Его сдержанность, как и у меня когда-то, была просто маской, защитной окраской существа, которое слишком часто страдало из-за того, что позволяло себе надеяться. Вместе с тем я не исключал, что где-то до сих пор живут люди, которым Майки по-настоящему дорог. Возможно, они банально не могли его прокормить (а такие варианты встречаются гораздо

чаще, чем принято думать), возможно, существовали какие-то другие важные причины, и все-таки кто-то по нему скучал, тосковал, любил его. Я чувствовал это, нет – знал наверняка, потому что на самом деле нет и не может быть ребенка, который не нужен абсолютно никому.

Я до сих пор помню первое лето, которое я провел в доме дяди и тети Лорны. На мой день рождения, который решено было отпраздновать 31 июля, дядя подарил мне две вещи: наручные водонепроницаемые часы «Таймекс», которые к тому же светились в темноте, и обещание взять меня на рыбалку.

На следующее утро мы встали очень рано. Дядя опрыскал себя и меня средством от moskitov, и мы отправились в путь, когда на моих новеньких часах была одна минута шестого. Я нес небольшой рюкзак с завтраком, а дядя – наши удочки и небольшой электрический фонарик. Вместе мы пересекли пастбище и углубились в Суту. Луны в тот день не было, или она уже зашла, в лесу царила кромешная тьма, и я даже спросил, не лучше ли нам дождаться, пока станет хоть чуточку светлее.

В ответ дядя только покачал головой и, не сказав ни слова, двинулся дальше в чащу. Я мог бы принять подобную реакцию за уже ставшее мне привычным равнодушие, которое взрослые часто проявляют по отношению к детским страхам, если бы дядя не сделал одну вещь, которую я, наверное, не забуду никогда: он включил свой фонарик, но вместо того, чтобы светить на дорогу перед собой, развернул фонарик назад, чтобы я видел, куда иду.

Так мы прошагали милью или две, огибая кипарисовые пни, непроходимые заросли колючих кустарников и наполненные водой бочаги. Примерно на половине пути я потянул его за штанину. Дядя обернулся ко мне, и я спросил, как он видит что-то в такой темноте.

Он посмотрел вперед и пожал плечами.

– Мне вовсе не обязательно что-то видеть, – сказал он.

– Почему?

Дядя улыбнулся и, наклонившись, сказал тихо-тихо – сказал на́ ухо, словно открывая свой главный секрет:

– Потому что я знаю, куда иду.

Выпрямившись, он уже собирался идти дальше, но я снова его остановил.

– Но... разве ты не боишься?

– Боюсь?.. – Дядя снова пожал плечами. – Чего мне бояться?..

– Ну... – Я поглядел в непроглядную темноту по сторонам тропинки. – Даже не знаю... Чего-нибудь такого...

Он опустил передо мной на колени и, показав удочками в глубь

болота, сказал, слегка выделив голосом первое слово:

– Здесь ничто не может тебе повредить.

– Откуда ты знаешь?

– Я в этих местах вырос.

– А... змеи?

– Змеи здесь действительно водятся, только знаешь, что я тебе скажу?

Любая змея боится тебя гораздо больше, чем ты ее.

– А пауки?

– Да, пауки здесь тоже встречаются, но они совсем маленькие и их легко раздавить.

– А как насчет чудовищ?

– Кого ты имеешь в виду? Ведьм? Водяных?оборотней-ругару?

Я кивнул.

– Послушай... рано или поздно ты все равно это узнаешь, так почему бы не сейчас?.. – Дядя крепко взял меня за плечи обеими руками и привлек к себе; от него приятно пахло кофе и репеллентом. – Единственное чудовище, которого следует по-настоящему опасаться, каждое утро смотрит на тебя из зеркала в ванной комнате, но и его можно укротить и приручить... С ним даже можно подружиться, и тогда ты легко преодолеешь любые другие опасности, которые ждут тебя в жизни. Ну как, понял?..

– Да, сэр.

К тому времени, когда мы добрались до места, где стояла его моторка (только мотор был снят), я окончательно убедился, что дядя обладает рентгеновским зрением.

Погрузившись в лодку, мы на веслах вышли в озеро и вскоре миновали Святилище. К этому времени уже начало понемногу светать. Вода в озере была сплошь усыпана крошечными розовыми лепестками цветущей лагерстремии, и, каждый раз, когда дядя вынимал весло из воды, они налипали на блестящую мокрую лопасть, чтобы тут же оказаться смытыми обратно.

К половине одиннадцатого мы поймали с полсотни солнечныхников и десяток ушастых окуней. Наш сетчатый садок на кольцах растянулся во всю длину и тащился за лодкой, как связка сарделек.

Мы рыбачили до 11:37. Потом дядя открыл рюкзак и достал наш завтрак: бутерброды с арахисовым маслом и желе и печенье «Орео» на десерт. Лодку мы привязали к торчащему из воды стволу кипариса, чтобы нас не снесло: в последнее время прошло немало дождей, отток воды увеличился, и течение было довольно сильным, к тому же мы находились

близ устья ручья или канала, который соединял озеро с Алтамахой. Местами на поверхности даже появлялись небольшие водовороты, и дядя сказал, что это бывает в местах, где течение натывается на песчаное дно и образует низовые водные потоки.

– Берегись этих водоворотов, – добавил дядя с полным ртом. – Если наткнешься на такой во время купания, старайся держать голову над водой. Они, правда, не особенно сильные, но... В общем, утонуть ты не утонешь, но если все-таки окажешься под водой, водоворот помешает тебе выплыть на поверхность достаточно быстро. Вынырнуть-то ты вынырнешь, но прежде успеешь десять раз пожалеть, что вообще полез в воду...

Я посмотрел на водоворот, который возник у самого борта лодки. Казалось, это какая-то очень большая рыба ходит на глубине и ждет, чтобы кто-то из нас свалился в воду. Наконец я спросил:

– А ты на сколько можешь задержать дыхание?

– Точно не знаю. Наверное, на минуту или около того. – Он тоже взглянул на кружившуюся совсем рядом воду и добавил, возвращаясь к предыдущей теме: – Ну а если ты все-таки окажешься в одном из таких водоворотов, главное – не бойся: они исчезают так же быстро, как появляются. Не трать силы и не сопротивляйся, дай течению увлечь тебя вниз. Как только ты опустишься на дно, поток сразу ослабеет и отпустит тебя. Тогда не зевай – отталкивайся посильнее ногами и всплывай. – Дядя вздохнул. – Когда-то давно, когда все было немного иначе, мы с моим братом Джеком ныряли в такие водовороты просто для развлечения.

Когда мы доели наши бутерброды, дядя неожиданно сказал:

– Дай-ка мне взглянуть на твою удочку.

Я протянул ему удилице. На моих глазах дядя отрезал поплавок и крючок, заменив их специальной спиннинговой снастью с вращающейся приманкой на конце. Улыбнувшись, он поплевал на снасть и сказал:

– После полудня вода нагревается на солнышке, а рыба становится ленивой и сонной, поэтому нам с тобой нужно ее разбудить. Вот эта штука... – держа удилице на весу, дядя поиграл сверкающей блесной, – выглядит достаточно соблазнительно, ни одна рыба такую не пропустит. Уж не знаю, то ли она возбуждает рыбий аппетит, то ли они просто злятся, что их потревожили, однако хищники бросаются на нее как сумасшедшие.

И он был прав. Уже третий заброс принес нам довольно крупного окуня.

Пока я закидывал блесну в четвертый раз, дядя показал мне на торчащие из воды огромные кипарисовые пни. Их было десять или двенадцать – огромных, наполовину сгнивших, черных от старости. Я и не

знал, что кипарисы бывают такими большими.

– Видишь вон те пни? Много лет назад, когда мой отец только купил этот участок, он срубил эти деревья, очистил от сучков, связал в плот и сплавил по реке до Брансуика. На тамошней лесопилке их превратили в доски и продали. С тех пор древесина из наших мест продается по всему миру. Отец не раз говорил мне, что балки Бруклинского моста тоже родом из этого болота.

– А что такое Бруклинский мост?

– Это такой большой мост в Нью-Йорке.

Я опустил руку в воду, чтобы проверить втягивающую силу небольшого водоворотика, который медленно смещался вдоль борта лодки.

– Куда течет вся эта вода?

– По каналу она попадает в реку, а оттуда – в Атлантический океан. – Дядя сглотнул и уставился куда-то вдаль, быть может – на далекий, скрытый за деревьями горизонт. – И, если ты настоящий мужчина, ты сможешь доплыть отсюда до любого уголка мира, – добавил он.

– Правда?

– Конечно, правда! Впрочем, когда ты доберешься до океана, тебе может понадобиться лодка побольше, но... На самом деле единственное, что может тебе помешать, – это твой собственный страх.

– А ты когда-нибудь это делал?

– Что именно?

– Доплывал отсюда до океана?

Он снова окинул взглядом пространство.

– Да... много раз.

К этому времени мы уже отвязали лодку, и течение потащило нас с хорошей скоростью. Взяв весло, дядя вставил его в специальную уключину на корме и, используя как руль, направил нашу лодку к топкому глинистому берегу, где, наполовину высунувшись из воды, валялся обрубок древесного сука толщиной с руку. Он давно почернел и напитался водой, но выглядел еще достаточно прочным. Дядя привязал его к фалиню и швырнул с кормы в воду. Намокшая деревяшка сразу погрузилась в воду, и он удовлетворенно кивнул.

– Мы уже в ручье, – пояснил дядя. – Течение несет нас слишком быстро, а это полено нас малость притормозит. – Он улыбнулся. – Здесь должна хорошо брать крупная рыба. Было бы обидно упустить такой случай.

Я снова взглянул на водовороты вокруг, на бревно, которое мы тащили за собой, и почему-то почувствовал себя не слишком уютно. Вроде все

было нормально, но меня пробрала какая-то дрожь. Не знаю, может быть, это было предчувствие?

В 15:07 (я не забывал посматривать на свои новенькие часы) мы обогнули очередную излучину, за которой увидели огромную сосну, упавшую поперек ручья. Если бы мы шли пешком, сосна стала бы для нас удобным мостом, чтобы перебраться с одного берега на другой, но сейчас она перегородила русло, мешая нам плыть дальше.

Дядя снова вставил весло в кормовую уключину.

– Наклонись вперед как можно ниже, – предупредил он. – И не высовывай руки. Я скажу, когда можно будет снова выпрямиться. Понял?

Я кивнул и наклонился вперед, но забыл убрать удочку, которая торчала над бортом. Орудяя веслом как рулем, дядя уже почти провел нас под сосной, когда крючок моей блесны зацепился за кору. Увидев, что катушка на моей удочке начала быстро разматываться, я машинально вскочил и потянулся к ней.

– Не вставай, Чейз! – крикнул дядя. – Я ее держу!

Но было уже поздно. От моего резкого движения лодка, стоявшая в этот момент наискось к течению, сильно накренилась, и внутрь хлынула вода.

В следующее мгновение лодка перевернулась, и мы оба оказались в ручье. Течение подхватило меня, как щепочку, закружило и потянуло на дно, но не успел я толком испугаться, как державшая меня сила ослабла. Я взглянул вверх и увидел просвечивающее сквозь буро-коричневую воду солнце. Оттолкнувшись ногами от дна, я устремился к нему точно Супермен.

Дядя сказал правду – это было здорово!

Наверное, на этом все бы и закончилось, если бы не течение, которое отнесло меня к скоплению полузатонувших поломанных деревьев. На первый взгляд эта груда скользких, перепутанных ветвей походила на подводную бобровую плотину, но впоследствии я узнал, что это был самый обыкновенный залом, которые часто встречаются на реках, где сплавляют лес. Все эти деревья остались здесь, наткнувшись на корни огромного, с начисто выгнившей сердцевинной кипарисового пня, которые проросли в воду и торчали там наподобие щупалец гигантского осьминога. Некоторые были толстыми, некоторые – тонкими, однако все они глубоко ушли в речное дно и оставались достаточно прочными. В них-то и застревают проплывавшие по реке сломанные или отмершие ветки и стволы упавших в воду деревьев.

Течением меня занесло в самую гущу кипарисовых корней и гнилых,

черных ветвей, которые мертвой хваткой вцепились в мою одежду, не давая подняться на поверхность. В довершение всего моя левая нога застряла в развилке толстого корня. В панике я рванулся, но застрял еще сильнее. Я хотел закричать, позвать на помощь, но только наглотался воды. Из последних сил я ухватился за торчащий над головой корень и попытался подтянуться на руках, но добился только того, что моя голова оказалась в дупле кипарисового пня. Теперь мои нос и рот были над поверхностью, но сверху на меня обрушивался настоящий водопад, образовавшийся внутри пня после того, как вода в реке поднялась выше обычного уровня. Правда, я помнил, что расщепленная верхушка пня возвышалась над водой футов на десять, но где-то в его боковой стенке была трещина или щель – в нее-то и вливалась падавшая мне на голову вода.

К счастью, между струей водопада и внутренней поверхностью пня оставалось немного свободного пространства, и я сумел вдохнуть затхлого, пахнущего гнилью воздуха. Вдохнул и тут же закашлялся – все-таки я успел изрядно нахлебаться. Течение продолжало куда-то меня тянуть, и мне пришлось покрепче уцепиться за пень.

Именно в этот момент я почувствовал, что дядя пытается освободить мою ногу, но она крепко сидела в развилке корня и к тому же здорово болела. Впрочем, в данный момент меня больше беспокоило, как бы не сорваться – снова оказаться под водой мне не улыбалось, и я держался за скользкое дерево буквально из последних сил. Только потом я сообразил, что можно встать враспор, упершись в пень рукой и спиной. Так я и сделал, и мне сразу стало полегче. Я даже рискнул сделать еще один вдох, а потом опустил голову на левую руку, так что фосфоресцирующий циферблат моих новеньких часов оказался прямо перед моими глазами. Часы шли, и я непроизвольно следил взглядом, как бежит по кругу острая секундная стрелка.

Тем временем дядя не прекращал попыток высвободить мою ногу. Сначала он попытался растащить или сломать корни и ветки, в которых застряла моя нога. Минуты через полторы мои руки начали дрожать от напряжения, а нога онемела, но дядя все еще возился где-то подо мной. Через две с половиной минуты (совершенно машинально я отметил время по часам) я понял, что понемногу сползаю в воду. На третьей минуте водопад снова начал поливать меня сверху, но я провалился уже слишком глубоко и не мог уклониться. Воздуха не хватало, я задыхался – и в конце концов просто отпустил руки, перестав цепляться за скользкое, гнилое дерево.

На какое-то время я, наверное, потерял сознание, потому что дальше я

ничего не помню. Когда я пришел в себя, то понял, что лежу на берегу, на траве, а рядом сидит дядя. Он чихал, кашлял и плевался совсем как его старенький подвесной мотор, а его лицо и губы были какого-то странного синюшного оттенка. Глаза дяди налились кровью, дыхание было тяжелым и частым, но он улыбался.

Опустив взгляд, я взглянул на свою ногу, но она была на месте – мне удалось даже пошевелить пальцами. Убедившись, что у меня ничего не сломано, я снова вытянулся на траве и заплакал.

Сквозь слезы я почувствовал, что дядя обнял меня за плечи и прижал к себе. Сердце у него стучало как сумасшедшее, к тому же он никак не мог отдышаться.

– Дядя... – Я потянул его за мокрый рукав и заплакал еще сильнее. – Дядя Уилли... Ты же мог... мог умереть!..

Он попытался усмехнуться, но только выплюнул очередную порцию мутной воды.

– Не мог, – проговорил он наконец. – Один раз я уже был мертв, а дважды не умирают.

– Но... но ты оставался под водой больше трех минут!

– Правда?

Я показал ему на циферблат часов и кивнул.

– Что ж... – Рукавом рубахи он вытер выступившую в уголках губ пену. Рубашка у него была изодрана буквально в клочья – очевидно, он цеплялся ею за подводные корни и сучки. – Для меня это определенно рекорд.

За время моих скитаний по приемным семьям и интернатам я не раз сталкивался с мужчинами, которые должны были стать моими воспитателями и опекунами. Они были очень разными – эти люди, но у них была одна общая черта: все они много обещали и нарушали слово еще до того, как я успевал поверить в обещанное. В конце концов я научился обращать на них и на их слова не больше внимания, чем на прилипший к подошве комочек жевательной резинки.

До сегодняшнего дня.

– Но... почему?

Дядя снова прижал меня к себе, так что его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего, потом отвел в сторону упавшие мне на глаза волосы и вытер мои слезы согнутым грязным пальцем. Я видел – он изо всех сил старается улыбаться, но его дыхание все еще было затрудненным и хриплым. В конце концов дядя снова откашлялся и сплюнул. В его глазах промелькнуло какое-то странное выражение, и на мгновение я увидел

перед собой сломленного и несчастного человека, которому очень одиноко жить в этом мире. Совсем как мне.

Наконец он сказал:

– Потому что у меня нет никого дороже тебя, Чейз.

И вот тогда, в объятиях этого странного человека, который неловко, но крепко прижимал меня к своей груди, я впервые позволил себе надеяться, что мой настоящий отец никогда не объявится.

Глава 16

В каюте моей яхты обычно слышны лишь плеск воды за бортом, скрип снастей, в которых гуляет ветер, да изредка – далекий гул автомобильных моторов. Большую часть времени вокруг моего дома на воде стоит полная тишина, поэтому, как только я услышал, что в пять часов утра кто-то карабкается на борт, я тут же проснулся и, не зажигая света, снял с полки «ремингтон-870». Убедившись, что дробовик заряжен, я присел возле дверцы двигательного отсека, откуда мне был отлично виден ведущий с палубы люк. Пару секунд спустя по стеклу люка скользнула тень. Чья-то рука нащупала задвижку, сдвинула в сторону, и люк открылся. В проеме появилась длинная нога, нащупывавшая ступеньку. Потом появилась вторая нога, и я, стараясь действовать как можно тише, снял ружье с предохранителя. Даже в темноте мне была хорошо видна пара белых кроссовок, которые осторожно спускались по лестнице. Наконец ночной гость ступил на пол каюты, и я вскинул ружье, целясь фута на четыре выше кроссовок.

– Чейз! Ты тут? – раздался в темноте знакомый шепот, и я почувствовал, как от слабости у меня подогнулись колени, а на лбу выступила испарина. Ч-черт!.. Я включил свет и увидел Томми, которая, щурясь, стояла прямо напротив меня. Опустив ружье, я поставил его на предохранитель и произнес слегка дрожащим голосом:

– Слушай, что ты тут делаешь?.. Я же тебя чуть не застрелил!

– Что ж, – проговорила она, снимая с головы капюшон толстовки. – Даже такая смерть лучше, чем от Альцгеймера.

– Что ты тут делаешь? – повторил я, тщетно пытаюсь унять дрожь в руках. Только теперь я заметил, как тепло она одета; на дворе стоял июнь, поэтому даже по ночам температура не опускалась ниже семидесяти пяти[41]. –И, кстати, неужели тебе не жарко?..

Не отвечая, Томми оглядывалась по сторонам.

– Однажды я снималась на похожей яхте, – заявила она наконец. – Только та была, конечно, гораздо шикарнее. Она принадлежала одному модному пластическому хирургу из Беверли-Хиллс: все диваны были кожаные, стены – из красного дерева, душевая комната – из мрамора...

Я покачал головой и убрал ружье на место.

– Слишком много информации.

Томми пожала плечами.

– Это было в другой жизни, в другой реальности. Я ей больше не принадлежу и рада этому. – Она сняла с шеи что-то вроде тонкого шнурка и скомкала в руке. Потянув меня за руку, Томми усадила меня на кровать и опустилась рядом.

– Я хочу, чтобы ты сохранил это для меня, – проговорила она и, накрыв своей ладонью мою, сунула шнурок мне в руку.

– Что это? – На шнурке, который она сняла с шеи, висел небольшой блестящий ключ с очень сложными бороздками. Несколько секунд я смотрел на него, потом перевел взгляд на Томми. – Что ты задумала?

Вместо ответа она крепче прижалась ко мне. Ее сердце билось слишком часто, по лицу стекал пот, однако она и не подумала снять свою толстовку из толстого трикотажа.

– Не сейчас, – проговорила наконец Томми и, взяв у меня шнурок, решительным движением надела его мне на шею. Он был достаточно длинным, так что ключ болтался чуть ниже моей груди, и я невольно подумал, что в начальной школе точно так же, на шнурках, носили ключи от дома некоторые из наших одноклассников, чьи родители работали до позднего вечера.

Томми похлопала по ключу раскрытой ладонью.

– Ну вот и отлично, – сказала она. – Хоть какое-то украшение для твоей цыплячьей груди.

– Спасибо, я тоже тебя люблю.

Она неожиданно вскочила, бросилась к лестнице и в мгновение ока вскарабкалась обратно на палубу. Наверху Томми задержалась, чтобы снова заглянуть в люк.

– Ну, что сидишь? Давай за мной!

– Я никуда не пойду, пока ты не объяснишь, что это за ключ и... и от чего он. Вдруг я теперь соучастник какого-нибудь жуткого преступления?

Она звонко рассмеялась и ушла на нос яхты как раз в тот момент, когда над горизонтом появилось солнце.

– Объясню, – услышал я ее голос. – Потом. Скоро...

Я тоже поднялся на палубу и встал рядом с ней.

– А что мне делать до тех пор?

Томми взглянула на меня, пожала плечами и снова стала смотреть на бескрайнюю равнину болот, медленно окрашивавшуюся в нежно-зеленый и лимонно-желтый цвета.

– Просто сохрани этот ключ для меня... – Ее глаза странно заблестели, наполнились влагой, а голос упал до шепота. – Сделай это для меня, Чейз.

Это очень важно.

Томми отнюдь не всегда делилась со мной своими замыслами и своими секретами, и я хорошо знал – сколько бы я ее ни расспрашивал, она ничего не скажет, если не захочет.

Тем временем Томми достала из кармана толстовки «Мунпай», вскрыла прозрачную упаковку и стала жевать, роняя крошки на палубу.

– Завтрак чемпионов? – ухмыльнулся я.

Она махнула рукой в направлении берега, где рядом с «Салли» была припаркована моя «Викки».

– Нашла на переднем сиденье. – Томми проглотила последний кусочек, сунула пустую упаковку обратно в карман и стала спускаться в мою байдарку, которую использовала, чтобы добраться до яхты. Уже взявшись за весло, она подняла голову.

– Ладно, пожалуй, поеду назад. Я обещала, что уеду всего на часок.

– Еще увидимся, – отозвался я. – Я сегодня все равно собирался к дяде, только не знаю когда.

Томми кивнула, развернула байдарку и в несколько гребков достигла берега. Там она привязала лодку к причалу, села за руль и уехала.

* * *

В тот день я приехал в редакцию около семи утра, то есть довольно рано. Обычно я появляюсь на рабочем месте не раньше десяти. Нет, дело не в том, что я не могу написать статью рано утром – я могу, просто Ред все равно ее не напечатает, так что, как правило, я даю себе время проснуться и только потом принимаюсь за работу. Но в тот день, повторюсь, я появился в редакции намного раньше обычного. Времени у меня было вагон, поэтому я сделал несколько телефонных звонков, отправил несколько имейлов и вступил в интернет-клуб для начинающих шахматистов. Одна из опций позволяла новичкам наблюдать в реальном времени за онлайн-овыми шахматными поединками между более опытными участниками клуба, так что я сначала посмотрел, как какой-то парень из Лиссабона в пух и прах разгромил чувака в Штатах, а потом долго наблюдал, как некий австралиец с трудом свел вничью партию со школьницей из Англии. Оба поединка заставили меня задуматься, не слишком ли много времени я тратил на развлечения, пока учился в колледже.

Мне, впрочем, понадобилось не так уж много времени, чтобы запомнить, как ходят фигуры, узнать, как правильно класть доску, расчерченную на шестьдесят четыре квадрата (если сидишь лицом к доске,

квадрат в левом нижнем углу должен быть черным) и усвоить азы шахматной тактики. В шахматах один противник играет белыми, другой – черными, причем каждая «армия» состоит из восьми пешек, двух ладей, двух слонов, пары коней, короля и ферзя (не «королевы»!). В отличие от шашек, где все фишки ходят одинаково, в шахматах каждая фигура движется строго в соответствии с правилами: некоторые ходят только параллельно сторонам доски, некоторые – только по диагонали, а некоторые могут даже перепрыгивать через другие фигуры. Ну и наконец я убедился, что когда твой соперник произносит слово «мат», это очень и очень плохо.

Выключая компьютер, я отнюдь не льстил себе надеждой, будто отныне я смогу соперничать с Майки. Я даже не запомнил все правила, которые оказались на редкость запутанными, однако общее представление о шахматах я получил, и это заставило меня преисполниться уважением к мальчишке. Да, он не может разговаривать, но это не означает, что он глуп. Скорее, наоборот: парнишка – настоящий самородок, а вот мы...

В восемь часов на парковке возле суда я встретился с Мэнди. Ехать нам было сравнительно недалеко: тюрьма в Беннерсвилле находилась милях в девяноста от Брансуика, поэтому мы отправились в ее служебной «Тойоте». Как только мы оказались на шоссе, Мэнди достала из кейса какой-то сверток и положила мне на колени.

– Это тебе.

Взвесив сверток в руках, я прикинул, что там может быть. Популярная книга в бумажной обложке? Развернув подарочную бумагу, я действительно обнаружил внутри экземпляр «Рыбалки для чайников».

Мэнди тем временем включила поворотник и поменяла полосу.

– Я подумала, что тебе это может пригодиться.

Я раскрыл книгу и прочел на титульном листе: «Рыбалка – удовольствие, журналистика – работа. Не забывай об этом, Чейз!»

– Спасибо. – Я улыбнулся и положил книгу на приборную доску. – В следующий раз я десять раз подумаю, прежде чем приглашать тебя на рыбалку.

Беннерсвилльскую тюрьму со всех сторон окружал двадцатичетырехфутовый забор из толстой сетки, поверх которого тянулись спирали колючей проволоки. По углам стояли караульные вышки, с которых зорко наблюдали за происходящим внизу вооруженные часовые. Всем своим видом тюрьма словно говорила – лучше сюда не попадать.

У ворот Мэнди предъявила свое удостоверение. Некоторое время мы ждали, пока охранник сверится со списком посетителей. Наконец он

протянул нам пропуск, который полагалось поместить под лобовое стекло, и махнул рукой в направлении большого кирпичного здания слева от въезда. В здании было пять этажей, по периметру крыши также шло ограждение из сетки и колючей проволоки, и я подумал, что там, возможно, находится баскетбольная площадка или «загон» для прогулок заключенных.

Оставив машину на стоянке, мы вошли в здание. Здесь нас встретил дежурный надзиратель, который провел нас по короткому коридору и передал своему коллеге, а тот – еще паре охранников, которые проверили нас ручным металлодетектором и осмотрели кейс Мэнди. Наконец нас ввели в комнату, разделенную надвое толстым стеклом. За стеклом сидел на стуле унылого вида мужчина. Он так низко опустил голову, что я не видел его лица и не мог сказать, похож ли он на человека с рисунка Майки.

Мэнди опустилась на один из стульев, стоявших с нашей стороны, положила кейс на стол и, включив микрофоны, знаком велела заключенному сделать то же самое, но он даже не пошевелился.

– Ваше имя – Рубен Мэйнард? – спросила она в микрофон.

Парень за стеклом поднял голову, посмотрел на Мэнди, на меня, потом снова перевел взгляд на нее. Его руки, скованные наручниками, неподвижно лежали на коленях, на груди оранжевого комбинезона четко выделялся номер 74835. Некоторое время он разглядывал то лицо Мэнди, то ее грудь, потом почесал у себя в паху. Наконец он нехотя кивнул.

– Зовите меня Бо.

Если эта пантомима и подействовала на Мэнди, она никак этого не показала. Вынув из кейса увеличенную фотографию Майки, она прижала ее к стеклу.

– Вы когда-нибудь видели этого ребенка?

Бо посмотрел на снимок и отрицательно покачал головой. Мэнди слегка приподняла брови, потом снова открыла кейс и вынула цифровую видеокамеру. Включив запись, она направила объектив на Бо, потом передала камеру мне.

– Чтобы у нас не было никакого недопонимания, – проговорила она, – я задам вопрос еще раз. Вот этот ребенок... – Она поднесла фотографию к камере, и объектив автоматически сфокусировался на изображении. Секунд через пять Мэнди снова прижала снимок к стеклу. – Вы когда-нибудь видели этого мальчика?

Бо сплюнул себе под ноги.

– Нет.

– Странно... – Мэнди слегка откинулась назад. – Потому что когда я задала тот же вопрос мальчику, он сказал, что жил с вами в трейлере

неподалеку от склада фирмы «Братья Джессап».

Бо усмехнулся.

– Лжете. Мальчишка не умеет говорить!

Она скрестила руки на груди.

– Откуда вам это известно, если, по вашим словам, вы никогда его не видели?

Бо нахмурился, его взгляд заметался из стороны в сторону. Он лихорадочно пытался что-то придумать, но Мэнди не дала ему такой возможности. Из кейса появились пассатижи – самые обычные пассатижи, которые можно купить в любом магазине инструментов.

– Узнаете? – Он поднесла пассатижи к стеклу.

Бо заерзал на сиденье. Несколько раз он обернулся через плечо – на дверь в дальней стене комнаты. Мэнди не сдавалась – держа в одной руке пассатижи, другой она снова прижала к стеклу фотографию Майки.

– Вы когда-нибудь пытали мальчика с помощью этих пассатийей?

По лицу Бо заструились крупные капли пота. Он еще раз обернулся через плечо и пробормотал:

– Позовите моего адвоката. Я требую адвоката! Сейчас же!

Мэнди убрала снимок и пассатижи.

– Да, Мэйнард, адвокат вам понадобится. – Из кейса появилась папка с надписью «Беннерсвилльская тюрьма. Рубен Мэйнард. № 74835». Раскрыв ее перед собой, Мэнди притворилась, будто внимательно читает.

Бо, похоже, испугался.

– Эй, послушайте!.. – проговорил он. – Мне осталось всего семь месяцев, и я хочу досидеть свой срок спокойно, чтобы...

– ...Чтобы мучить еще какого-нибудь несчастного ребенка? – Мэнди снова откинулась на спинку стула. – Не выйдет, Мэйнард. Вы отсидите и эти семь месяцев, и... гораздо больше. – Поднявшись, она убрала папку обратно в кейс и задвинула стул под стол. – До свидания, Мэйнард. – Она сделала вид, что уходит. Я на всякий случай продолжал снимать, не зная, можно ли выключить камеру или еще нет.

– Эй, как вас там!.. Пойдите! – Бо резко выпрямился, гремя наручниками по столу. – Да пойдите же!!!

Мэнди остановилась и обернулась, выжидательно приподняв брови.

Бо сложил ладони перед собой, словно умоляя о милосердии.

– Может быть, я действительно... того... крутовато с ним... – Мимоходом взглянув на меня, он сообразил, что сделал признание на камеру, и сглотнул. – Но это не я... не я увез его оттуда. Из трейлера, я хочу сказать... И я не знаю, где украшение этой старухи. Честное слово – не

знаю!

Я впервые слышал о каком-то украшении, но если судить по выражению побледневшего лица Бо, он сказал нам правду. Мэнди превосходно справилась со своей задачей. Нужно будет запомнить, подумал я, никогда не садиться играть с ней в покер. Блефовать она умеет лучше многих.

Мэнди тем временем снова села и, сложив руки на столе, вопросительно взглянула на Бо. Тот несколько раз подобострастно кивнул и попытался что-то сказать, но язык ему не повиновался. Глядя на него, я невольно подумал, что парню, похоже, срочно необходимо выпить. Ни виски, ни бренди ему, разумеется, никто предлагать не собирался, но по звонку Мэнди охранник принес жестяную кружку с водой. Он поставил ее на стол, и Бо, схватив кружку обеими руками, стал пить с жадностью человека, который неделю скитался по пустыне. Наконец он заговорил:

– Я тогда работал ночным механиком в полицейском гараже округа Фултон... Обслуживал тачки легавых. Здорово, да?..

– Не отклоняйся от темы, Мэйнард, – проговорила Мэнди в микрофон.

– Я и не уклоняюсь... Именно тогда я познакомился с этой девчонкой, с Соней. Ничего особенного в ней не было, но... – Он посмотрел на меня, потом снова перевел взгляд на Мэнди. – В общем, мы стали иногда проводить время вместе. Как-то она проболталась, она работает в этом... в доме для престарелых... ну, в одном из приютов для одиноких стариков, которые уже не могут сами себя обслуживать. Соня говорила, что старики очень любят рассказывать про всякие вещи... Ну, про изумруды, бриллианты и прочие дорогие украшения, которые они носили, когда были моложе. – Бо пожал плечами. – Мы с Соней жили вместе уже несколько месяцев, когда она показала мне кое-что из этих украшений. Она говорила – их все равно не хватятся, потому что старики даже не помнят, что у них было. Мне это понравилось. А что?.. Легкие деньги, никакой тебе опасности. Мы даже сняли квартиру за городом, чтобы жить там – типа Бонни и Клайда. – Он снова пожал плечами. – Соня продолжала обрабатывать стариков в приюте – проверяла тумбочки, шарила под матрасами, иногда даже осторожно расспрашивала, мол, есть ли у вас какие-нибудь ценности и не хотите ли вы сдать их в приютскую камеру хранения. Ну а я тем временем лазил по домам, где эти старики жили раньше.

Ну а потом Соня где-то подобрала этого сопляка. Своих детей она не могла иметь из-за пьянки, а тут, видишь ли, материнский инстинкт у нее разыграл! Она притащила его к нам и стала вешать мне лапшу на уши,

дескать, мы теперь настоящая семья и все такое. Ну, мне-то нужна была только баба для секса, но я ничего не сказал. Соня меня в общем устраивала, к тому же мы еще не закончили со стариками, поэтому я и позволил ей болтать что вздумается. Думал, пройдет у нее эта блажь, но ей, блин, захотелось жить как все! Не успел я оглянуться, как она уже подала документы на усыновление этого сопляка. До сих пор не пойму, на кой хрен он ей сдался? Он же даже говорить не умел! Я так и звал его – Сопляк... Мне и в самом деле было на него наплевать, пока... В общем, Соня узнала, что одна старуха в приюте привязалась к мальчишке, а у этой старухи было и золотишко, и камушек размером с большой леденец. Уж не знаю, как все было, но Соня использовала парня, чтобы чухнуть у старухи ее самый большой брюлик и еще кое-что. Она так быстро все провернула, что я сам опомнился, только когда мы уже мчались из города в краденной машине. Тогда-то Соня и стала примерять на себя старухины фамильные драгоценности... – Бо немного помолчал и продолжил: – Сначала я чуть было не выкинул эту тварь из машины, но потом передумал, а наверное, зря... В общем, добрались мы до побережья, бросили машину и около года жили припеваючи. Могли бы и дольше, да только эта сучка пропила и потратила все наши деньги. Сколько бы их ни было, ей всегда не хватало, поэтому мне и пришлось устроиться к «Братьям Джессап».

– Когда вы поступили к ним на работу? – спросила Мэнди.

– Два, может быть – три года назад.

Мэнди открыла папку с делом Рубена и достала оттуда полицейскую фотографию какой-то женщины лет сорока с небольшим.

– Это она? – спросила Мэнди, прижимая снимок к стеклу.

Бо кивнул.

– Да, это Соня. – Он хрипло расхохотался. – Если вы когда-нибудь ее встретите, скажите, пусть вернет мою чертову «Импалу».

Мэнди достала из кейса еще один снимок. Прежде чем показать его Бо, она бросила на фото беглый взгляд. На снимке был запечатлен обгоревший труп за рулем машины, у которой расплавились даже покрышки. Пальцы водителя все еще сжимали металлический обод руля, но кожа, волосы и большая часть одежды – все сгорело, превратившись в угли.

– Я ей скажу, – пообещала она, поднося снимок к стеклу. – Только вряд ли она меня услышит.

Бо слегка наклонил голову, разглядывая снимок. Наконец он выругался.

– Не надо было мне связываться с этой сукой... – Он снова сплюнул на

пол. – Пропала моя машина! А я, между прочим, купил ее совершенно законно.

Мэнди встала и, сложив документы обратно в кейс, направилась к двери.

– Думаю, мы с вами еще увидимся, – бросила она на ходу.

Бо вскочил.

– Но я правда не знаю, что она сделала со старухинными драгоценностями! – заорал он, барабаня кулаками по стеклу. – И скажите чертову сопляку, чтобы вернул мне мою бейсбольную карточку! Не давайте этому паршивцу вас дурачить, он ворюга еще тот! Почище нас, вместе взятых!

Несколько минут спустя мы вышли на улицу – на солнечный свет и чистый воздух, и я вдохнул поглубже. Сам того не замечая, во время разговора с Бо я старался дышать через раз, словно боялся подцепить от него какую-нибудь заразу. Когда пять минут спустя мы покинули территорию тюрьмы и выехали на шоссе, я сказал Мэнди:

– Придется мне впредь быть с тобой поосторожнее.

Она посмотрела в зеркальце заднего вида и слизнула с верхних передних зубов следы помады.

– Что-что?

– Ты страшна в гневе.

Улыбнувшись, Мэнди передвинула повыше ручку регулировки кондиционера.

– Мне, конечно, лестно это слышать, но на самом деле Бо всего мира примерно одинаковы. Нужно только задать им правильный вопрос, вывести из равновесия, припугнуть – и они заговорят. Мэйнард ничем не лучше остальных. Как и все, он живет по принципу: если уж мне суждено утонуть, я непременно прихвачу кого-нибудь с собой.

– Думаешь, он сказал правду?

– Думаю, в главном он не солгал, но мы все тщательно проверим. Как ты думаешь, твой редактор разрешит тебе провести журналистское расследование в Атланте?

– Дело не в том, разрешит он или не разрешит, а в том, будут ли там в это время играть «Краснокожие». И если будут, смогу ли я включить стоимость билетов в отчет об издержках.

Она рассмеялась, потом подняла вверх палец и очень серьезно произнесла:

– Еще одно, Чейз...

– Что?

– Мальчик должен будет поехать с нами.

Я улыбнулся.

– На свете найдется немного вещей вкуснее десятидолларового хот-дога на стадионе «Тернер-филд»[\[42\]](#). Каждый мальчишка должен попробовать его хотя бы раз в жизни.

– Неужели ты не в состоянии думать ни о чем, кроме бейсбола?

– Нет, если «Краснокожие» участвуют в борьбе за первенство лиги.

Включив круиз-контроль, Мэнди задумчиво постучала пальцами по рулю.

– Чтобы вывезти мальчика за границы округа, мне придется получить судебное разрешение, но, думаю, судья на это пойдет.

– И кто у нас судья?

– Мисс Такстон.

Я покачал головой.

– Тогда лучше не упоминай, что я тоже поеду.

Мэнди рассмеялась.

– Твое дело я видела, так что можешь ничего не объяснять. – Она взглянула на меня с внезапным подозрением. – Кстати, давно хотела спросить – с какого перепуга ты проводишь столько времени в центре города, в заброшенных и старых зданиях?

– Может быть, я просто изучаю архитектуру.

– А зачем?

– Это действительно вопрос.

– Не хочешь раскрывать карты?

– Без необходимости – нет.

– Слушай, может быть, я и выросла в другом городе, но я живу в Брансуике достаточно давно, и у меня есть уши. Нужно быть глухим, слепым и вдобавок круглым идиотом, чтобы не узнать этой истории во всех подробностях.

– Согласен. История, о которой ты говоришь, является частью истории этого городка.

– Только не рассказывай, будто веришь слухам.

– Верю. – Я кивнул, а Мэнди нахмурилась.

– Да брось! Нет, в самом деле?.. После стольких лет, после современного масштабного строительства... Неужели ты считаешь, что оно уцелело? При условии, конечно, что оно вообще существовало...

– Оно *существует*, и я рассчитываю его найти.

– Даже несмотря на то что уровень грунтовых вод находится в считанных футах у нас под ногами?

- Даже несмотря на это.
- Она снова покачала головой:
- Ну и ну!.. В таком случае ты – единственный, кто еще не бросил это безнадежное занятие.
- Я улыбнулся.
- Мне не впервой сражаться в одиночестве.
- Знаешь, если бы я вела твое дело, я бы нанесла на карту все твои маршруты, все места, в которых ты бываешь, чтобы «изучать архитектуру»... Одного этого за глаза хватит, чтобы заподозрить: на самом деле ты просто собрался ограбить «Сута-банк».
- Думаю, мой дядя Джек пришел к таким же выводам. Именно поэтому он скупил всю недвижимость вокруг банка как минимум на три квартала. И именно поэтому он добился для меня судебного запрета приближаться к его банку ближе, чем на пятьдесят футов.
- Мэнди озадаченно нахмурилась.
- Что-то я не вижу в этом никакого особенного смысла.
- Его там нет... на первый взгляд. Но если ты закопал в некоем известном тебе месте нечто ценное и теперь стремишься создать вокруг своего клада защитный барьер, чтобы исключить разного рода непредвиденные случаи, тогда... тогда вся картина выглядит несколько по-иному. Согласна?
- Похоже на бред параноика. Может, ты веришь и в теорию мирового заговора?
- Я верю в истину, но именно в нее людям бывает труднее всего поверить.
- Она кивнула.
- Неплохой аргумент. Если дела действительно обстоят так, как ты говоришь, в таком случае тебе предстоит немало потрудиться. Но... ведь с тех пор прошло столько лет! Если бы у Джека Макфарленда действительно было рыльце в пушку, за это время он бы наверняка прокололся! Какой прок от облигаций, если не можешь обратить их в деньги? Если бы он попытался продать их или обналить иным способом, они бы обязательно всплыли, а раз этого не было... Не означает ли это, что он тут ни при чем?
- Он и не собирался продавать эти облигации.
- Не собирался? Но человек не станет красть деньги, зная, что никогда не сможет их потратить!
- Я думаю, что его главной целью были вовсе не деньги.
- Что же тогда?
- Подумай сама. Ради чего люди рискуют свободой, а иногда и

жизнью?

– Главным образом ради денег.

Я покачал головой. Мэнди могла закончить на «отлично» свой юридический колледж, могла быть лучшим прокурором на планете, но даже тогда она не сумела бы с ходу постичь то, что я постигал всю жизнь.

– Денег у него хватало.

– Тогда ради чего?

– Ради той единственной вещи, которой у него не было.

Мэнди задумалась.

– Неужели ты думаешь – он провернул все это исключительно затем, чтобы подставить собственного брата?

– Насколько мне известно, одним из первых человеческих грехов после, собственно, грехопадения было убийство одного брата другим.

– К чему ты клонишь?

– Попробуй все-таки догадаться, иначе я буду думать, будто в офис окружного прокурора тебя взяли только затем, чтобы возить в суд бумажки. Этот городишко обвинил Уильяма Макфарленда в двойном убийстве, хотя убиты были его отец и его жена, а также в краже облигаций на несколько миллионов, хотя их так и не нашли и ни одна из облигаций за много лет так нигде и не всплыла. Как ты думаешь, почему именно его?.. Да потому что городу нужно было найти виноватого, а свалить оба преступления на дядю Уилли было проще всего. Наконец, если бы он действительно их присвоил... Тебе не кажется, что в этом случае он жил бы не так бедно, как сейчас?

– Хорошо, предположим, Джек Макфарленд подстроил все это для того, чтобы... для чего?

– Он хотел прибрать к рукам Суту. Двадцать шесть тысяч акров девственного леса! По сравнению с этим даже банк – ерунда, мелочь. Сута способна дать прибыли больше, чем десять, двадцать таких банков! Знаешь, я никогда не скрывал, что считаю Джека Макфарленда убийцей и вором, но я не говорил, что он глуп.

– Почему ты думаешь, что он убил и украл?

– Потому что я хорошо его знаю. Кстати, уж ты-то должна понимать лучше, чем кто бы то ни было, что внешность зачастую бывает обманчивой.

– Вот тут ты прав на все сто. Если моя нынешняя работа чему-то меня и научила, так это тому, что люди очень ловко умеют скрывать, каковы они на самом деле... Но вернемся к дяде Уилли... Он должен был отсидеть в тюрьме без малого пятьдесят лет, а отсидел всего три года. Никто так и не

смог удовлетворительно объяснить это неожиданное помилование. Многие жители Брансуика и окрестностей были крайне раздосадованы тем, что он не понес заслуженного наказания. А некоторые не могут успокоиться даже до сих пор. Теперь давай на минутку представим, что подвал, подземный тоннель или лаз, который ты ищешь, на самом деле существует. Допустим, ты его найдешь. Какую пользу это принесет тебе и твоему дяде Уилли?

– Существование такого тоннеля будет служить доказательством того, что у дяди Джека тоже была возможность проникнуть в хранилище.

– Ну и что? Точно такая же возможность была и у его брата.

– Да, но до сих пор вором считали только дядю Уильяма.

– Хорошо, допустим, Джек Макфарленд знал о тайном ходе и воспользовался им, но для чего? Каким мотивом он руководствовался? – Она вздохнула. – Тебе не кажется, что мы вернулись к тому, с чего начали? Замкнутый круг какой-то!

– Я хожу по этому кругу уже много лет.

– Я в курсе. Насколько мне известно, тебя уже дважды задерживали близ «Сута-банка». Полиция пыталась выяснить, с какой целью ты обследуешь ближайшие к нему здания...

– А сколько раз меня *не* задерживали!.. – ухмыльнулся я.

Мэнди закатила глаза.

– Будем считать, что я этого не слышала. Так вот, возвращаясь к казусу Чейза Макфарленда... В последний раз судья Такстон собиралась держать тебя под замком до тех пор, пока она не решит, что с тобой делать. Увы... – Мэнди пожалала плечами. – Ничего нельзя было предпринять, поскольку украсть что-либо ценное из полуразрушенных, пустых домов очень трудно.

– Да, дядя Джек это умеет!

– Что именно?

– Разрушать и опустошать.

– Он утверждает, что планирует начать реконструкцию этого исторического квартала, чтобы превратить его в музей под открытым небом.

– Да, дядя Джек готов сделать все, чтобы сохранить историю нашего городка для потомков. Если ты веришь в это, у меня как раз есть подходящий мост^[43], который я готов тебе продать.

– Я вижу, ты не очень-то его любишь.

– А за что я должен его любить?

– Начнем с того, что Джек Макфарленд – один из самых уважаемых и влиятельных бизнесменов Южной Джорджии. Кроме того, он – староста своего прихода и... и так далее, и так далее...

Некоторое время я молча разглядывал Мэнди.

– Скажи, у тебя есть парень?

– Господи, а это-то тут при чем?!

– Если ты будешь разговаривать с каждым парнем, с которым встречаешься, так, как сейчас со мной, на второе свидание он тебя, скорее всего, не пригласит.

– Извини, Чейз. Должно быть, я слишком часто бываю на судебных заседаниях. Иногда меня действительно заносит, но... Если серьезно...

– Видишь? Вот опять!..

– Я не шучу, Чейз.

Я взглянул на нее уголком глаза.

– Ты, я вижу, не привыкла доверять людям.

Она глубоко вздохнула.

– В моей работе это скорее достоинство, чем недостаток.

– А в жизни?

– Да, моя недоверчивость уже приносила мне неприятности, – призналась она. – И все-таки... Глядя на карту или сделанную с воздуха фотографию квартала, в котором ты так любишь прогуливаться, я бы точно решила, что ты нацелился на банк.

Мэнди не собиралась сдаваться, и я невольно ее зауважал. То, что казалось мне упрямством, вполне могло оказаться одним из проявлений сильного характера.

– Почему обязательно банк?

– Ну а сам-то ты поверил бы, если бы тебе сказали, что кто-то сумел каким-то образом пробраться в древний, всеми забытый подвал времен испанского владычества, пробурить два фута крепчайшего бетона и попасть в старое хранилище, откуда и похитил на семь миллионов облигаций? Большинство из них к тому же хранилось в индивидуальных сейфовых ячейках, открыть которые можно только с помощью двух ключей, причем один из этих ключей постоянно находится у клиента.

– Я вижу, ты основательно подготовилась.

– Меня учили этому в юридическом колледже.

– В том же самом колледже, в котором тебя научили не доверять людям?

– Нет. Это, скорее, издержки моей нынешней работы.

– Ты что, недавно рассталась с парнем?

Она рассмеялась и тряхнула головой.

– Даже если старый подвал до сих пор существует... Откуда ты знаешь, может быть, его давно затопило грунтовыми водами?

Я знал, что́ на это возразить, но не собирался открывать все карты сразу. Сначала мне нужно было выяснить как можно больше, поэтому я сказал:

– Может, затопило, а может быть, и нет.

– Если старый подвал сохранился, зачем было строить новое, высокотехнологичное хранилище, которое видит каждый, кто приходит в банк?

– Этого я не знаю. Меня интересует только, как попасть в старое хранилище.

– Но что ты там ищешь? Ты же не думаешь, что Джек Макфарленд настолько глуп, чтобы хранить там что-то ценное?

– Это зависит от того, что считать ценным. – Я посмотрел на Мэнди поверх своих солнечных очков.

– Эге! Похоже, здесь есть еще какой-то секрет!

– Да, есть... Но я пока не готов о нем написать.

* * *

Я многого не знаю о себе, о своей жизни. Я не знаю своего настоящего имени, не знаю, откуда я родом, кем были мои родители и почему, в конце концов, они бросили меня на улице. Наконец, я очень мало знаю о человеке, который меня вырастил, и только одно мне известно наверняка: всю свою жизнь я провел в глубоком ущелье между ненавистью и надеждой, и единственным, кто спустился за мной туда, был дядя.

И этого мне вполне достаточно.

Глава 17

После нашего с дядей водного приключения мы вернулись домой и пару часов чистили пойманную рыбу. Большую часть мы разложили по пакетам и убрали в морозильник, а сами поехали в город за покупками – в доме закончились кукурузная мука и хрен: совершенно необходимые вещи, если хочешь правильно поджарить рыбу и приготовить коктейльный соус. Возвращаясь по шоссе номер 99, мы заметили впереди синие вспышки проблесковых огней, а подъехав ближе, увидели пять пожарных машин, шесть машин дорожной полиции, а также четыре машины полиции штата, которые неровным кругом выстроились на старом фермерском поле у старого колодца.

В городе дядю, мягко говоря, недолюбливали, однако он все равно остановился и спросил у патрульного, который регулировал движение на шоссе, что стряслось.

– Скверное дело, – отозвался патрульный, махнув рукой в сторону стоящих на поле машин. – Мальчишка свалился в колодец и застрял. Пожарные привезли оборудование, но так и не смогли его достать – там слишком узко.

Дядя бросил взгляд на суетящихся вокруг колодца людей, посмотрел на меня, потом включил поворотник и съехал с шоссе. Остановившись возле спецмашин, мы вышли и протолкались сквозь толпу профессионалов к самому колодцу. Здесь картина стала мне окончательно ясна. Большинство фермеров в округе Глинн, да и в соседних тоже, поят скот грунтовыми водами, которые подходят совсем близко к поверхности. Именно по этой причине настоящих колодцев, рассчитанных на получение фильтрованной воды, в окрестностях Брансуика почти нет. Те, что есть, можно пересчитать по пальцам, и это был как раз один из них. Его сложенные из ракушечника стенки уходили вниз футов на пятьдесят и были дополнительно укреплены распорками из железных труб.

Мальчишка спустился в колодец по трубам – точно так же он карабкался бы по лестницам горки для лазанья. Проблемы начались, когда он добрался почти до самого дна. В какой-то момент его рука или нога соскользнула, парень оступился, выронил фонарик и полетел в колодец вниз головой. Он наверняка бы упал в воду, но внизу шахта была совсем узкой, и мальчишка просто застрял в переплетении труб. Сейчас он висел

там – по-прежнему головой вниз, в почти бессознательном состоянии, и не мог обвязаться веревкой, которую сбросили ему сверху. Спуститься же к нему никто из полицейских и пожарных просто не мог: все они были парни крупные (а в спецкостюмах и того крупнее), поэтому в тесной шахте им было просто не повернуться. Кроме того, никто из них не знал, сможет ли конструкция из труб выдержать вес взрослого мужчины – за многие годы они проржавели и в любой момент могли обрушиться мальчишке на голову. Нужен был кто-то сравнительно маленький и легкий – человек, который сумел бы спуститься по трубам и обвязать пострадавшего веревкой. И сделать это нужно было как можно скорее.

К тому моменту, когда я это понял, многие пожарные уже смотрели на меня. И полицейские тоже. Один из них присел передо мной на корточки и объяснил – спокойно и просто, – что именно от меня требуется. Под конец он сказал:

– Мы дадим тебе фонарь и наденем спасательный пояс, так что если что-то пойдет не так, мы тебя просто вытащим, о'кей? – Он смерил меня взглядом. – Как думаешь, сынок, у тебя получится?

По-видимому, один из полицейских или пожарных уже пытался проделать что-то подобное: только сейчас я заметил перемазанного глиной и ржавчиной мужчину, который сидел на краю колодца в одних трусах. На мой взгляд, он был не намного крупнее меня, но и ему не удалось вытащить мальчишку. Значит, понял я, полицейский не шутит...

Я обвел взглядом обращенные ко мне встревоженные лица полицейских и пожарных и кивнул. Вообще-то сегодня я уже пережил одно опасное приключение, но нам пока везло, и я не видел причин, почему сейчас должно быть иначе.

– Я согласен... – сказал я и показал на дядю: – Но только при условии, что мою веревку будет держать он.

* * *

Поздним вечером, уже после того, как дядя Уилли и тетя Лорна легли и погасили свет в своей спальне, я потихонечку встал, подсел к столу и стал писать письмо своему отцу. (Сейчас мне даже кажется, что именно с этого письма началась моя журналистская карьера.) Я писал:

«Дорогой папа!

Сегодня я чуть не утонул. Мы ловили рыбу, когда я нечаянно перевернул лодку и упал в воду. Под водой я зацепился ногой за развилку

корня, и дядя Уилли нырнул и не дышал целые три минуты, пытаясь меня освободить. И у него получилось! Наверное, это было непросто, а может быть, даже опасно. Когда он вынырнул, лицо у него было очень красное, а потом вдруг стало совсем синее, к тому же он очень сильно кашлял и выплевывал воду. Я даже думаю, что из-за меня дядя Уилли чуть не погиб.

А ближе к вечеру, тоже сегодня, случилась еще одна штука. Один мальчик упал в колодец и застрял там вниз головой – сломал руку и едва не задохнулся, а пожарные не могли его достать, потому что в колодце было очень узко. Пришлось мне лезть за ним. Полицейские говорят, что мне теперь обязательно дадут медаль, а корреспондент из газеты обещал, что мою фотографию напечатают завтра на первой странице. Они думали, что я очень смелый, но на самом деле я боялся. Я спустился в колодец только потому, что веревку, которой меня обвязали, держал дядя Уилли.

Но это еще не все, что произошло с тех пор, как я попал в семью Макфарлендов.

Во-первых, в первый день, когда дядя Уилли привез меня из интерната, тетя Лорна испекла для меня сразу два пирога, потому что я никак не мог решить, какие мне нравятся больше – шоколадные или с ванилью. Кроме того, до этого меня часто передавали из приюта в приют, от одних ненастоящих родителей к другим. Мальчишки в интернате даже дразнили меня «отбросом», потому что я никому не нужен! Наверное, человек, у которого нет дома, действительно похож на старые газеты, которые ветер носит по улицам, но теперь у меня все по-другому. Дядя Уилли и тетя Лорна выделили мне отдельную комнату и даже помогли выкрасить стены в тот цвет, который мне больше нравится. За первые три месяца мы перекрашивали комнату уже трижды, представляешь?! И они ни разу не ворчали из-за того, что я передумал насчет цвета. Потом у меня прохудились ботинки, и дядя Уилли купил мне новые. А на Рождество они возили меня во Флориду, в «Дисней Уорлд», и я целых семь раз катался там на пиратском аттракционе! Когда мне захотелось велосипед, дядя Уилли стал вдвое больше работать, чтобы купить мне самую лучшую машину – «Швинн маг скремблер» с барабанными тормозами «Бендикс» и очень красивыми «грязевыми» шинами с большими грунтозацепами. Правда, несколько месяцев спустя его у меня украли, но дядя не стал ругаться. Вместо этого он снова стал работать больше. Вскоре дядя заработал столько денег, что смог удвоить то, что я успел скопить, и мы купили мне новый велосипед.

В общем, за все время, что я живу у дяди и тети Лорны, я еще ни разу

ни в чем не нуждался.

Я часто думаю, вдруг я – ошибка? Вдруг Бог создал меня случайно и я действительно «отброс» – нечто ненужное, никуда не годное – такое, что выбрасывают без всякого сожаления? Наверное, эти мысли отражаются у меня на лице, потому что каждый раз, когда я об этом думаю, дядя Уилли кладет руку мне на плечо, и тогда у меня в животе сразу становится тепло и немного щекотно. Дядя Уилли говорит, что это – надежда. Я сначала думал, что у меня снова глисты (один раз, в интернате, у меня уже были глисты), но потом засомневался. Я до сих пор не знаю, что это так щекочет, но мне это нравится. Наверное, все дело в том, что, когда дядя кладет руку мне на плечо, мне сразу начинает казаться, что со мной все в порядке, что никакая я не ошибка. Что Бог создал меня не напрасно. Руки у дяди Уилли большие, мозолистые, они часто бывают пыльными и пахнут лошадиными какашками, но это ничего. Это вовсе не плохо. Да, еще у него на руках часто появляются ссадины и царапины, но дядя говорит – это оттого, что его инструменты совсем сточились и часто соскальзывают.

Нет, папа, на самом деле не все так здорово, как может показаться. Не буду обманывать – иногда я по-прежнему плачу по ночам. Я зарываюсь поглубже в подушку, чтобы дядя не слышал, но у него очень хороший слух, хотя он и старей. Услышав, что я плачу, он поднимается ко мне в комнату и садится рядом. Он просто сидит и молчит, но когда я смотрю на него, то вижу у него в глазах слезы. Я еще никогда не видел, чтобы взрослые плакали, как мальчишки, но дядя плачет. И из носа у него тоже течет, совсем как у меня. Наверное, именно поэтому он постоянно держит в заднем кармане чистый носовой платок. Утешать он не очень-то умеет – во всяком случае, дядя делает это не так, как другие приемные родители и не как воспитательницы в приютах. Когда я плачу, дядя начинает рассказывать мне о своем отце, о том, как они жили, вспоминает всякие смешные случаи и истории. Он – хороший рассказчик, и его истории тоже хорошие и добрые, и я сразу успокаиваюсь и начинаю слушать, чтобы ничего не пропустить. Когда дядя устает рассказывать, мы вместе спускаемся в кухню и едим мороженое или желе. О том, что я плакал, он никому не рассказывает, даже тете Лорне, и я этому очень рад, потому что по-прежнему уверен: плачут только девочки.

Когда я только попал к дяде и тете Лорне, я часто сидел по ночам у окна своей комнаты и смотрел на дорожку, потому что я думал – ты вот-вот приедешь и заберешь меня к себе. Я видел, как по шоссе проносятся фары автомобилей, и думал: вот сейчас и на нашей

подъездной дорожке сверкнут яркие огни и я увижу тебя за рулем твоей большой блестящей машины. Но все автомобили проносились мимо; ни один из них так и не свернул к дому, и, в конце концов, я решил написать тебе это письмо просто, чтобы сказать: Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ СМОТРЕТЬ ПО НОЧАМ НА ПОДЪЕЗДНУЮ ДОРОЖКУ.

*Твой любящий сын,
Чейз Уокер ».*

Утром я положил свое письмо в конверт, написал на нем «Папе Чейза Уокера», попросил тетю Лорну помочь мне наклеить марку, а потом отнес в почтовый ящик и поднял флажок вверх. В течение еще какого-то времени я наблюдал за почтовым ящиком из окна своей комнаты. Я хотел убедиться, что почтальон возьмет письмо.

Он его взял.

Глава 18

Навестив в тюрьме Бо, мы с Мэнди поехали в интернат Майки. Дежурная за стойкой смотрела по телевизору какое-то реалити-шоу, поэтому просто махнула нам рукой с зажатым в кулаке пакетом картофельных чипсов. В столовой шла уборка, в воздухе пахло чистящим средством и скверными шоколадными кексами, но в коридоре, где находилась комната Майки, никого не было. Желтое ведро уборщика было сухим и стояло вместе со шваброй в небольшой нише в углу, где, судя по потерностям на стене, оно и хранилось.

Отворив дверь комнаты Майки, я увидел то, о чем предупреждала меня тетя Лорна: мальчишка обыгрывал дядю в шахматы. Доска лежала на кровати; сам Майки сидел на покрывале по-турецки, а дядя оседлал колченогий металлический стул, повернутый спинкой вперед. Руки дядя сложил на спинке и опирался на них подбородком; лицо его выражало глубокую задумчивость. Заметив, что он прикусил нижнюю губу, я утвердился в правильности своей первоначальной догадки: дядя проигрывал. Действительно, большая часть его фигур уже лежала на кровати в ногах Майки, тогда как мальчишка потерял всего одну-две пешки. Остальные его фигуры выстроились полукругом вокруг зажатого в угол дядиного короля.

Когда я вошел, дядя сдвинул бейсболку на затылок и проговорил, не глядя на меня:

– Хорошо, что ты появился, потому что меня сейчас опять «съедят».

– Ничем не могу помочь, – отозвался я. – Майки выиграл у меня не меньше пятнадцати раз подряд, так что...

Дядя сокрушенно покачал головой.

– Значит, зря я возил тебя в школу и покупал тебе всякие умные книжки... Как я погляжу, ты так и не выучился ничему путному.

Мэнди тоже вошла в комнату и встала так, чтобы видеть не только мальчика, но и дядю. С того самого момента, когда мы вернулись в город, она задумчиво молчала и только озабоченно покусывала ноготь на правой руке. Увидев, что дядя косится в ее сторону, Мэнди поманила его пальцем, давая понять, что хочет перекинуться с ним парой слов в коридоре.

Тяжело вздохнув, дядя отодвинулся от кровати и поднялся.

– Садись на мое место, – сказал он мне, показывая на стул. – Вряд ли у

тебя что-то получится, но... По крайней мере, на этот раз слопают тебя, а не меня.

– Спасибо, что веришь в мои силы. – Я щелчком сбил у него с головы бейсболку, так что стали видны блестящая лысина на макушке и примятые волосы по бокам. В ответ дядя только пожал плечами и, подобрав упавший на пол головной убор, вышел вслед за Мэнди в коридор. Почти сразу они о чем-то заговорили, и я напряг слух, пытаюсь услышать хоть что-то, пока мальчишка сосредоточился на игре, но не разобрал ни слова. Сквозь щель между дверью и косяком мне было видно только, как Мэнди оживленно жестикулирует и как дядя вертит в руках бейсболку.

– ...Я только хотела быть уверенной: вы знаете, что делаете! – донеслось до меня.

– Да, мэм.

– У вас, разумеется, есть определенный опыт, но с тех пор прошло довольно много времени...

– Совершенно верно, мэм.

– ...Возможно, его родители еще объявятся. Не исключено, что вам они не понравятся, но вы ничего сделать не сможете – вам *придется* отдать ребенка законным опекунам.

– Я понимаю, мэм.

– Еще одно, мистер Макфарленд... – Мэнди понизила голос, и я понял: то, что она собиралась сказать, ей не нравится, но другого выхода она не видит. – В округе не меньше пяти тысяч сирот, а поскольку мальчику уже больше восьми лет, его шансы попасть куда-то, кроме очередного интерната, составляют процентов тридцать. Когда ему исполнится десять – притом вовсе не исключено, что ему *уже* десять, просто мы об этом не знаем, – его шансы на усыновление будут равны нулю и оставшиеся до восемнадцатилетия годы он проведет, кочуя из одного интерната в другой.

– Вы совершенно правы, мэм, – очень тихо ответил дядя.

– Что вы заладили – мэм да мэм?! – неожиданно разозлилась Мэнди. – Или вы вообще не слушаете, что я вам говорю?

– Слушаю, мэм.

Мэнди тряхнула головой и подбоченилась.

– Вот что я вам скажу, мистер Макфарленд!.. Я восхищаюсь вами и тем, что вы делаете... хотите сделать. Я ни секунды не сомневаюсь, что и вы, и ваша жена – очень хорошие люди, к тому же этот мальчуган заслуживает, чтобы ему дали шанс. С Чейзом он, кажется, уже подружился, но...

– Видите ли, мисс Паркер... – неожиданно проговорил дядя, и Мэнди

прервала себя на полуслове.

– Что?

– Ваш кейс, в котором вы возите всякие важные бумаги, выглядит, конечно, очень представительно, но галлон воды в нем не унесешь.

– И что это значит?

– Я понимаю, что вы делаете и почему, и очень вам за это благодарен. Будь я на вашем месте, я бы поступил точно так же. Вы, конечно, правы: мне... нам всем может очень не понравиться, если будущее этого мальчика вдруг окажется не таким, как мы успели себе навообразить. А оно действительно может оказаться *совсем* не таким, как нам бы хотелось, и тогда всем нам будет очень и очень больно, но... мне, знаете ли, не впервой гулять в грозу. – Сквозь щель я видел, как дядя повернул голову и бросил быстрый взгляд в сторону Майки. – И я считаю: именно из-за того, что мы знаем, как могут повернуться события, мы обязаны попробовать. – Он с присвистом втянул сквозь зубы воздух и, решительным жестом надев бейсболку, потянул козырек, надвинув ее на самые брови. – Не беспокойтесь, я знаю, на что иду и чем рискую. И пусть каждый из нас занимается тем, что он умеет.

Мэнди неожиданно улыбнулась и, скрестив руки на груди, поглядела в мою сторону. Щель между дверью и косяком была достаточно узкой, но наши взгляды встретились.

– Хорошо, сэр, мистер Макфарленд, – сказала она и кивнула. – Да будет так.

Глава 19

Дядя, одетый в фартук, на котором игривым шрифтом было начертано «Я – твой пирог с вишенкой», чистил кукурузные початки от листьев, а тетя Лорна обдирала с них желтые нити пестиков. Фартук она подарила мужу на двадцатилетие свадьбы, и я смеялся каждый раз, когда дядя надевал его на себя. Томми, сидя на ступеньках крыльца, нервно играла крашеным локоном, а я сражался с отростками конфедератского жасмина, проросшими сквозь перила веранды. Высвободив их гибкие лозы, я обвил ростки вокруг опорного столба и закрепил. Все это я проделывал, не отрывая взгляда от телефона – как, впрочем, и все остальные. Скажу больше: еще недавно никто из нас не стал бы заниматься пустяками в ожидании некоего важного события, но сегодня все было иначе. Мы здорово нервничали, и обуздывать свое нетерпение нам помогала, пожалуй, только мысль, что каким бы неказистым и бедноватым ни был наш дом и какими бы несовершенными ни были мы сами, то, что мы собирались предложить мальчугану, было почти наверняка лучше того, что он имел раньше.

Покончив с кукурузой, дядя поднялся и, просунув большие пальцы под завязки фартука, поглядел на пыльный вихрь, который, запорошив спины коров, двигался наискосок через пастбище. Сняв шляпу, дядя отряхнул поля тыльной стороной ладони.

– В такую сушь деревьям следовало бы давать взятки собакам, – изрек он глубокомысленно, но на шутку никто не отреагировал. Ожидание затягивалось.

Был уже почти полдень, когда Мэнди наконец позвонила. На время судебного разбирательства ее назначили государственным опекуном-представителем Майки, и сейчас она *официально* уведомила нас о том, что поедет в интернат вместе с нами, чтобы надзирать за формальной передачей находящегося под патронатом округа несовершеннолетнего в приемную семью.

Вторую половину дня мы собирались посвятить уборке дома и украшению моей бывшей комнаты, но звонок Мэнди означал, что у нас осталось не больше тридцати минут. Подъехала она даже чуть раньше, правда – ненамного. Остаться дома никто из нас не захотел, поэтому мы впятером погрузились в принадлежащий тете Лорне «Тахо» и отправились

в Брансуик. Никто из нас не знал точно, чего нам следует ожидать, поэтому по дороге никто особенно не разговаривал.

Пока Мэнди и дядя подписывали какие-то бумаги в интернатской канцелярии, я поднялся к Майки. Дверь в его комнату была приоткрыта, а сам мальчуган сидел на кровати, подогнув под себя одну ногу и вытянув другую, и смотрел в окно. Одного взгляда на эту одинокую фигурку мне хватило, чтобы ощутить наше сходство. Когда-то я точно так же смотрел в окно и ждал.

К счастью, Томми, которая отправилась со мной, сразу увидела, что я в очередной раз заблудился в собственном *вчера*, и решительно взяла меня под руку.

– А ну, идем! – скомандовала она, подталкивая меня в комнату.

Через десять минут мы уже выруливали со стоянки возле интерната. Майки сидел между мной и Томми. Почему-то мне казалось, что процедура передачи ребенка-сироты новым родителям должна была быть несколько более продолжительной. Мысленно я представлял себе некую торжественную церемонию, включающую, в частности, явление архангела с трубой размером с Апеннинский полуостров, рев которой возвестил бы миру о том, что судьба еще одного ребенка вот-вот переменится к лучшему. Мечты, мечты... В конце концов, чтобы подбросить младенца на ступеньки приюта, нужно всего две секунды; по сравнению с этим наше десятиминутное посещение интерната выглядело куда как респектабельно.

Пока мы ехали через исторический центр Брансуика, в салоне было тихо. Никто не знал, с чего начать, поэтому все молчали. Единственным, что нарушало тишину, были приглушенный стук разбалансированной шины на правом переднем колесе да мелкое дребезжание завалившегося за подкрылок камушка.

Что ж, пусть начинает дядя...

Минуту спустя мы проехали кофейню «Криспи крим», значок на крыше которой горел красным. Значит, только что поспела свежая партия горячих пончиков.

В диснеевском мультике «Книга джунглей» есть персонаж – змей по имени Каа, обладающий, как все питоны, способностью к гипнозу. Каждый раз, когда ему хотелось кого-то загипнотизировать, он принимался распевать свою идиотскую песенку и дико вращать глазами, подавляя волю жертвы. Особенно любил Каа гипнотизировать потерявшегося в лесу малыша Маугли.

Каждый раз, когда дядя видел «Криспи крим», лицо у него становилось точь-в-точь как у этого самого Маугли.

Вот и сейчас он резко вывернул руль и, двигаясь чуть ли не поперек своей полосы, развернулся в обратном направлении, несмотря на наличие сплошной разделительной линии. Нас на заднем сиденье ощутило мотнуло.

– Лайам! – придушенно воскликнула тетя Лорна, которую бросило на дверцу.

Дядя Уилли показал на вывеску и пожал плечами.

– Извините, ребята, ничего не могу с собой поделатъ!

Томми рассмеялась, я же только покачал головой. Дядя тем временем затормозил на парковке возле кофейни и повернулся к мальчику.

– Ты любишь пончики «Криспи крим»? – спросил он.

Майки пожал плечами, и в глазах дяди появился тигриный блеск.

– Что ты хочешь этим сказать? Неужели ты в *самом деле* не знаешь, что это такое?

Мальчик посмотрел на вывеску и снова пожал плечами.

– Это необходимо исправить, и в самые кратчайшие сроки! – решительно заявил дядя. – Идем. – С этими словами он распахнул дверцу и спрыгнул на землю, потом обошел машину и помог выбраться Майки. Крепко держа его за руку, дядя направился прямо ко входу.

Когда мы вошли внутрь, дядя уже заканчивал свою импровизированную лекцию о производстве пончиков, подтвержденную несколькими наглядными примерами. Лекция явно имела успех; в глазах Майки разгорелись яркие огни, что только подхлестнуло дядю, который полез за бумажником.

Из кофейни мы вышли с двумя огромными коробками: в одной лежало две дюжины горячих пончиков, в другой – свежая шоколадная выпечка. С трудом удерживая коробки под мышками, я спросил у Томми:

– Как думаешь, не маловато взяли?

Она только ухмыльнулась в ответ.

В машине дядя вручил Майки глазированный пончик и сказал:

– На, попробуй. И не вздумай говорить, что в мире есть вещи вкуснее!

Мальчишка тут же вгрызся в пончик, который держал обеими руками, и дядя одобрительно заухал.

– Ну, правда же, здорово?

Майки затолкал в рот остатки пончика и покосился на коробку. Дядя верно понял намек и вручил ему еще два: в сахарной пудре и в шоколадной крошке. Мальчишка проглотил то, что было у него во рту, откусил от одного пончика, потом – от другого, отчего его щеки раздулись как у бурундука. Дядя продолжал смотреть на Майки, ожидая, что тот хоть как-то выразит свое одобрение и восхищение, и был весьма удовлетворен,

когда мальчик расправился с обоими пончиками едва ли не быстрее, чем с первым. Застегивая на животе ремень безопасности, дядя обернулся к Лорне и бросил на нее торжествующий взгляд.

– Ну что, видала?!

За то время, которое понадобилось нам, чтобы проехать три квартала, Майки слопал еще два пончика и начал поглядывать на коробку с выпечкой.

Но вот город остался позади, теперь мы ехали мимо кладбища, где были или будут похоронены большинство жителей Брансуика. Года два назад я писал об одном семействе, которое жило в городе на протяжении уже четырех поколений; именно этим людям и принадлежало кладбище. С главой семьи и двумя его старшими сыновьями я встретился для интервью на одном из кладбищенских участков, представлявшем собой обширный луг, над которым распространялись непрекращающийся стрекот мотокосилок и жужжание бензиновых триммеров. Когда я спросил, не нарушает ли этот шум покой усопших, мне ответили, что летом рабочим-косильщикам приходится работать практически без выходных, чтобы только не дать траве вырастать слишком высоко.

Когда-то очень давно, когда я учился в старшей школе и был совсем глуп, я был абсолютно убежден, что Бог создал субботу исключительно для рыбалки. Нередко я пенял дяде, как много часов уходит у меня на то, чтобы косить траву на пастбище на его старом тракторе, и как часто из-за этого я пропускаю самый высокий прилив – лучшее время для рыбалки. Своих взглядов я продолжал придерживаться и в колледже, а поскольку даже самые умные книги не в силах излечить от глупости, домой я вернулся, по-прежнему считая косьбу пустой тратой времени. Неудивительно, что в моей статье о кладбище эта точка зрения также нашла свое отражение.

Дядя статью прочитал и оставил на кухонном столе. Пару строк он подчеркнул красным, а на полях написал: «Выкраси зад белой краской и бегай наперегонки с оленями». В переводе на нормальный английский это означало: «Хватит спорить, делай, что тебе сказано». Он был, разумеется, прав, как бывал прав всегда, когда речь шла о тяжелой работе, которой дядя на своем веку переделал немало. Но вы даже не представляете, как порой бывает трудно объяснить выпускнику колледжа самые простые истины!

* * *

Мы только что миновали кладбище, когда впереди показалась длинная вереница машин, двигавшихся по встречной полосе с включенными

фарами. Завидев огни, дядя свернул на обочину, включил аварийные сигналы, и мы все высыпали наружу. Повсюду вокруг нас останавливались и включали «аварийки» другие автомобили. Сняв бейсболку и держа ее в руках, дядя встал возле машины, и мы последовали его примеру. Процессия в сопровождении нескольких полицейских на мотоциклах медленно проследовала мимо и в полумиле позади нас свернула в ворота кладбища.

Все это время Майки не стоял спокойно. Он смотрел то на машины, то на нас, то снова на машины; в одной руке мальчик сжимал надкушенный пончик, а в другой – свой неизменный блокнот. Увидев, что мы с дядей убрали руки за спины, он сделал то же самое (бросив быстрый взгляд в сторону Мэнди и Томми, я заметил, что они изо всех сил стараются не рассмеяться в голос). Ни я, ни дядя усопшего не знали, но большинству брансуикцев он, по-видимому, был хорошо знаком, поскольку колонна машин растянулась на добрую милю. Наконец последние из них проехали, мы вернулись в «Тахо» и продолжили движение по шоссе.

Глядя на мальчика в зеркало заднего вида, дядя сказал, обращаясь, впрочем, не к нему самому, а к его отражению:

– В наших краях... – Он на мгновение выпустил руль и развел руки в стороны, словно хотел обхватить весь штат Джорджия. – В наших краях это что-то вроде традиции – почтить память усопшего, даже если ты его не знал.

Мальчик словно только и ждал этого объяснения. Кивнув, он быстро доел пончик.

Какое-то время спустя мы свернули на нашу подъездную дорожку и поехали медленнее, лавируя между рытвинами и ухабами. На первом от шоссе пекановом дереве висел старый деревянный щит, который дядя сделал своими руками лет двадцать назад. За годы нижняя доска успела сгнить, но смысл надписи от этого почти не пострадал: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. КАЖДЫЙ, КТО НАРУШИТ ГРАНИЦУ УЧАСТКА, БУДЕТ ЗАСТРЕЛЕН БЕЗ...»

Майки прочитал надпись, и его лицо тревожно вытянулось – не сильно, но довольно заметно. Должно быть, дядя тоже понял, что подобный знак способен подпортить мальчугану первое впечатление от нового дома, поскольку обернулся и успокаивающе мотнул головой:

– К тебе это не относится, малыш, – объяснил он. – Когда-то давно люди из города частенько являлись сюда, чтобы задавать мне дурацкие вопросы. Они тогда здорово на меня злились, но... это было давно, – повторил дядя. – В общем, не обращай внимания, о'кей?

Майки завозился на сиденье, словно пытаясь непроизвольно вжаться в

спинку, но все-таки кивнул, а тетя Лорна потихоньку ткнула дядю пальцем в ребра.

– Я давно тебе говорю – сними ты это дурацкое объявление! – сказала она. – Теперь мальчик подумает, будто мы – банда опасных психов.

Дядя кивнул и ответил негромко:

– Да... выпустить кошку из мешка куда легче, чем запихнуть ее обратно.

Томми громко рассмеялась.

– Не могу с тобой не согласиться!

Наконец мы подъехали к дому. Мэнди открыла пассажирскую дверцу, и Майки выбрался наружу. Стоя возле переднего колеса машины, он держал в одной руке блокнот, а в другой – шахматную доску, но глаза его метались из стороны в сторону, разглядывая новый, незнакомый мир. На его лице отражались одновременно и страх, и волнение, и сдержанный восторг.

* * *

В футболе^[44] один из игроков защиты называется «стронг сэйфти». Это нечто среднее между чистым защитником и лайнбекером – игроком задней линии. Лайнбекеры обязаны останавливать рвущегося к зачетному полю противника, в задачу защитников входит перехват длинного паса. Стронг сэйфти делает и то и другое. Обычно они занимают позицию на так называемой «сильной стороне», ярдах в пяти от тайт-энда противника. Когда центральной игрок отбрасывает мяч квортербеку, стронг сэйфти должен «прочитать» или, вернее, угадать множество самых разных вещей: как поступит квортербек, что сделают линейные, как отпасует тайт-энд, как вынесет мяч раннинбек. Тренеры часто говорят, что у хорошего сэйфти голова должна поворачиваться как на шарнире – на все триста шестьдесят градусов – и что они должны иметь глаза на затылке. Главный враг стронг сэйфти – ресивер нападения, который обычно стремится оказаться на свободном месте как раз в его зоне. Иногда ресивер просто отвлекает внимание, иногда действительно ждет пас, а иногда даже блокирует других игроков. Именно в этом последнем случае стронг сэйфти должен быть особенно внимателен. В момент розыгрыша мяча ресивер мчится прямо навстречу стронг сэйфти, словно у того на шлеме нарисована невидимая мишень. В свою очередь, сэйфти, сосредоточившись на игре прямо перед собой, может не заметить ресивера, который приближается к нему немного сбоку, на что ресивер и рассчитывает. Подобный маневр называется

«блоком с незрячей стороны» и может привести к проигрышу нескольких ярдов, поэтому в футболе очень ценятся *хорошие* сэйфти, способные ощутить приближение ресивера, даже не видя его. Все великие игроки обладают этим чувством, которое, на мой взгляд, является прямым продолжением инстинкта выживания.

Сейчас, глядя на замершего на подъездной дорожке Майки, я невольно подумал, что, если мальчишка наберет еще фунтов сто пятьдесят, из него может получиться просто отличный стронг сэйфти.

Дядя тем временем достал из багажника простую дорожную сумку. Мы все смотрели, как он подошел к мальчику и протянул ему руку. Майки посмотрел на нее, на нас и нерешительно просунул свою руку в дядину. Вместе они поднялись по ступенькам и вошли в кухню, где тетя Лорна накрыла стол. Сама тетя вошла в дом следом за ними, а мы с Томми и Мэнди так и стояли перед крыльцом, слушая, как тетя Лорна набивает стаканы кубиками льда из пластиковых поддонов. Так прошло несколько минут, наконец на веранде снова появились дядя и мальчишка. Не сказав нам ни слова, они спустились с крыльца, прошли через амбар к изгороди, за которой паслись коровы, и свернули к зарослям мускатного винограда, за которыми поблескивала стеклянная крыша оранжереи.

– Зачем он его туда повел? – негромко спросила меня Мэнди.

– Как зачем? – Я улыбнулся. – Разумеется, чтобы прочитать ему лекцию об орхидеях...

Глава 20

Когда мы вошли, в оранжерее горели все лампы, а Майки сидел на переделанном барном табурете. Ноги его не доставали до земли фута на два. Дядя стоял рядом и, показывая мальчику на свои орхидеи, подробно рассказывал о каждой – сколько ей лет, как давно у него этот сорт, где растут такие цветы в дикой природе, а главное – как они растут. Даже я не знал, сколько именно орхидей было у дяди в оранжерее. На мой взгляд – не меньше двух сотен.

– В мире существует около тридцати тысяч видов этих цветов, – говорил дядя. – Обычно их называют растениями, но это не совсем правильно, потому что они растут не в земле. Большинство орхидей можно отыскать на стволах деревьев и в других, еще более неожиданных местах. Чтобы расти, им нужна не земля, а древесная кора. Еще им постоянно нужна вода, но ее не должно быть ни слишком много, ни слишком мало, потому что в первом случае корни орхидей начинают гнить, а во втором – высыхать. Свет тоже необходим, но прямые солнечные лучи могут обжечь листья. Тень хороша, но она не должна быть слишком густой. Еще орхидеям нужны удобрения – так называется еда для растений, а также кислород, которым они дышат. Если все это есть, орхидеи могут расти буквально везде – хоть на стволе дерева, хоть на крыше дома. Обычно считается, что эти цветы очень капризные и хрупкие, но в подходящих условиях они растут, что твои сорняки – не выведешь.

Тут дядя шагнул к дальней стене оранжереи и, вооружившись куском шпагата, бережно подвязал росток, который слишком далеко отклонился от своей бамбуковой подпорки.

– В общем, все, что им нужно, – это здравый смысл и мера во всем, – сказал он и, вернувшись к мальчику, оперся о рабочий стол. – Орхидеи считаются тропическими растениями, но и жара, и холод погубят их очень быстро. Для нормального развития им нужны умеренные температуры, тогда они начинают цвести очень красивыми цветами. – Он наклонился к Майки. – Некоторые из них даже пахнут... шоколадом, ежевикой, фиалками, лимоном – чем хочешь.

Опустив руку, дядя повернул находившийся под столом кран, соединенный со множеством пластиковых трубочек, которые, словно разветвленный лабиринт, разбегались по всей оранжерее. Из трубок

торчали трубочки потоньше, на них, в свою очередь, были надеты совсем тонкие резиновые трубки-капилляры, которые дядя проложил рядом с корнями орхидей. Когда кран был открыт, вода из трубочек брызгала прямо на корни.

– Кто бы что тебе ни говорил, главное – это все-таки вода, – сказал дядя. – Чем выше температура, тем больше нужно воды. Температура ниже – и воды нужно меньше.

Выпрямившись, дядя отошел к двери, куда он перенес распустившиеся растения, и теперь стоял в окружении каскадов пурпурных, красных, розовых, белых и даже светло-голубых цветов всех форм и размеров.

– Каждый, кто разводит орхидеи, – сказал дядя, – должен уметь заботиться об их корнях. Если сумеешь найти для них такое место, где они будут чувствовать себя в безопасности, а главное – станешь давать им ровно столько воды, сколько необходимо... – он провел кончиком пальца по стеблю, на котором покачивалось не то два, не то три десятка крупных белых цветов с розоватыми сердцевинами, – тогда однажды они обрадуют тебя пышным и дружным цветением. Ведь цвести – это их главная и единственная работа. Допустим, какая-то птица в тропическом лесу съест семечко, а потом покакает им с высоты, когда будет пролетать над бескрайними зелеными джунглями. Такое семечко может попасть в трещину коры какого-нибудь дерева на высоте трехсот с лишним футов от земли, но если там будет достаточно воды, оно прорастет. Оно выпустит корни, даст росток и в конце концов расцветет десятками прекрасных цветков, которые еще больше украсят наш мир.

Вернувшись к рабочему столу, дядя опустил на скамью рядом с Майки.

– А сейчас нам нужно сделать еще одну вещь, сынок. Мы не знаем, как тебя зовут, да и сам ты не знаешь своего настоящего имени, но это не страшно. Вот что мы сделаем... мы сами придумаем тебе имя. Согласен?

Мальчуган слегка наклонил голову набок.

– «Эй, ты!» и даже «Эй, мальчик!» вряд ли подходят, – продолжал дядя. – Как звали тебя взрослые раньше?

Майки открыл свой блокнот и что-то быстро написал.

– Сопляк? *Так* они тебя называли?!. И тебе это имя нравится?

Мальчик посмотрел в блокнот и покачал головой.

– Вот и мне не нравится, – согласился дядя. – Такое имя больше подходит человеку, у которого постоянно течет из носа... – Он достал из кармана ручку и пристроил блокнот на рабочем столе между собой и мальчиком. – Ну а у тебя есть какие-нибудь идеи?.. – Дядя немного

подождал, пока мальчик что-нибудь напишет в блокноте. Тот немного подумал, потом его рука с карандашом пришла в движение. Дядя заглянул в блокнот и одобрительно кивнул. – Майкл – хорошее имя. Был такой архангел – Михаил. Самый главный. А тебе это имя нравится?

Мальчик бросил быстрый взгляд в мою сторону (в конце концов, я первый начал называть его Майки) и слегка пожал плечами.

Дядя снова посмотрел на страницу и слегка приподнял ручку, продолжая, впрочем, держать ее в паре дюймов от бумаги.

– А как насчет...

Мальчик написал еще что-то. Дядя снова кивнул.

– Тоже неплохо.

Майки посмотрел на дядю, еще раз обернулся на меня, потом постучал дядю по груди кончиком карандаша.

– Гхм... – Дядя сдвинул бейсболку на затылок, потом встал на колени рядом с табуретом мальчика. – Ну-у... Уильям действительно неплохое имя, – проговорил он. – Так назвал меня мой отец, но... – Дядя попытался рассмеяться, но я видел, что это неестественный смех. На самом деле он пребывал в затруднении. – ...Но когда мы с ним оставались вдвоем, – он заговорщически понизил голос до шепота, – мой отец звал меня просто Бадди.

Мальчик снова написал что-то в блокноте, критически оглядел результат, потом показал написанное дяде.

Тот кивнул.

– Значит, решено. Будем звать тебя Бадди.

И дядя, скрипнув суставами, тяжело поднялся. По его шее сбегала струйка пота. Майки-Бадди еще раз заглянул в блокнот и соскочил с табурета, а мне вдруг показалось, что он вырос дюйма на два.

– Привет, Бадди! – сказала рядом со мной Мэнди, и мальчик повернулся к ней.

Томми, которая за весь вечер не произнесла и двух слов, опустила на корточки и, вытянув вперед руки, слегка изогнула бровь. Когда она заговорила, я с удивлением заметил, что она заикается, чего с ней никогда не бывало.

– Б-бадди... Отличное имя. Оно мне всег-гда... нравилось.

В тот день, когда дядя прочел лекцию об орхидеях *мне*, погода была жаркой, а влажный воздух оранжереи казался особенно плотным из-за густого, сладкого запаха множества цветов, похожего одновременно и на аромат сирени, и на запах только что собранной свежей лесной малины. Я отчетливо помню, что, когда он закончил, я, как мог, глубоко вдохнул этот

сказочный запах. В следующую секунду я вдруг почувствовал, что сладкий, как вино, воздух каким-то образом просочился в мою плоть и кровь, до краев наполнил меня изнутри, так что мне даже показалось – теперь я запросто могу не дышать целую неделю.

Мальчуган огляделся по сторонам, покосился на нас, потом закрыл глаза и глубоко вдохнул, в одно мгновение раздувшись, как аэростат.

Глава 21

Когда первое лето подошло к концу, дядя и Лорна записали меня в третий класс брансуикской школы. За годы скитаний по приемным семьям и интернатам мне не раз приходилось сталкиваться с задирами и хулиганами, которым больше всего на свете нравилось обижать тех, кто был младше и слабее. Но на сей раз обстоятельства были несколько иными. Мой новый персональный враг был сыном сварщика и жил на том же Девяносто девятом шоссе, но дальше от города, а это означало, что домой этот парень часто возвращался в школьном автобусе вместе со мной.

Начал он со словесных выпадов, пытаясь вывести меня из равновесия. «Эй, сиротка, приютский выкормыш! – кричал он. – Что случилось со старым Макфарлендом? Твоя дядя Уилли его застрелил, или что?» «А где деньги? – вопрошал он, когда я не реагировал. – Вы распихали их по стеклянным банкам и зарыли на заднем дворе, да?»

Парня звали Руперт (Руперт-Шуруперт и так далее). Думаю, с таким имечком ему очень хотелось отвлечь внимание от собственной персоны, но мне от этого было не легче. Я, как мог, старался не поддаваться на провокации, но он воспринял мое молчание как слабость и начал сначала щипать меня исподтишка, но потом осмелел и стал отвечать мне подзатыльниками. Водитель школьного автобуса прекрасно это видела, но, наверное, она тоже считала дядю Уилли убийцей, поскольку не сделала ничего, чтобы приструнить хулигана. Пару раз она, правда, прикрикнула на Руперта, но щипки и подзатыльники продолжались.

Автобус ездил только по шоссе, поэтому я сходил с него на повороте на нашу подъездную дорожку, откуда до дома было буквально рукой подать. Остановка Руперта была следующей. Что дела мои плохи, я понял, когда Руперт подделал записку от родителей, согласно которой водитель автобуса должна была высаживать его вместе со мной – почти за милю от его собственного дома. Ситуация очень быстро становилась невыносимой, и в один прекрасный день грянул кризис.

В тот день Руперт, как бывало уже не раз, сошел с автобуса вместе со мной. Не успели дверцы закрыться, как он буквально набросился на меня – должно быть, хотел показать оставшимся в автобусе парням, какой он крутой. Руперт сбил меня с ног подножкой, повалил в грязь, сорвал с меня рюкзак и принялся пинать меня ногами в бок. Когда он, запыхавшись, слегка

ослабил натиск, я вскочил и со всех ног бросился к дому. Взбежав на веранду, я чуть не оторвал ручку входной двери, но она оказалась заперта.

Заперта! Насколько я знал, в дядином доме входные двери не запирались никогда. Однажды я спросил, неужели он не боится воров, и дядя ответил: «Пусть приходят. Все, что стоило бы украсть, у меня уже давно отняли».

За моей спиной раздавался топот Руперта, и я бросился к заднему крыльцу – к сетчатой двери, ведущей в кухню. Но и там тоже было закрыто! В отчаянии я замолотил кулаками по косяку, потом прижался лицом к сетке. В шести дюймах от двери стоял дядя и, скрестив на груди руки, смотрел на меня.

– Открой! – завопил я. – Впусти!!!

Пару секунд спустя я разглядел и тетю Лорну. Она стояла у раковины и старалась не смотреть в мою сторону.

– Дядя! Впусти меня!! Пожалуйста!!!

Он покачал головой:

– Нет, Чейз. Ты должен научиться побеждать... Или хотя бы просто сражаться. – Дядя увидел выбежавшего из-за угла дома Руперта и добавил: – Вот идет твой враг. Повернись. Встреть его как полагается.

А Руперт уже карабкался по ступенькам крыльца. В руке его болтался мой ранец.

– Эй, цыпленочек! Цып-цып-цып! Пора садиться за домашнее задание!

Он тряс ранцем перед моим лицом и выкрикивал свои глупые оскорбления, подпрыгивая, как индюк.

От обиды и бессилия я заплакал. Обернувшись к двери, я снова позвал дядю, но он только покачал головой.

Поняв, что выбора у меня нет, я снова повернулся к Руперту. Вытер нос и глаза рукавом и шагнул ему навстречу. Отступать мне было некуда, но и вперед мне идти не хотелось. Можно было бы попытаться ответить оскорблением на оскорбление (например – назвать парня Шурупертом или даже *Трупертом*), но я чувствовал, что слова мне не помогут. Нужно было на что-то решаться. Скрипнув от отчаяния зубами, я бросился вперед, стараясь разогнаться как можно сильнее. Когда нас разделял всего шаг, я слегка пригнулся, прыгнул и уже в полете нанес удар.

Руперт выронил мой ранец и отлетел назад, приземлившись на дорожку перед крыльцом. Он был фунтов на сорок тяжелее и дюймов на шесть выше меня, поэтому, зная, что не должен дать ему встать, я оседлал его и принялся лупить кулаками сначала в живот, а потом по лицу. Пару раз я врезал ему довольно ощутимо, но этого мне казалось мало. Вскочив, я

дождался, пока Руперт поднимется на четвереньки, и, хорошенько прицелившись, изо всех сил залепил ему в глаз. В глаз я, правда, не попал: удар угодил в переносицу, и из носа Руперта брызнула кровь. Этого оказалось достаточно: мой враг бросился наутек, плача и зовя маму. В тот день я его больше не видел.

Когда Руперт скрылся из виду, дядя вышел из кухни и, усадив меня на ступеньки, обнял за плечи.

– Ты сердишься на меня, Чейз?

Я кивнул, и он прижал меня крепче.

– Я хочу сказать тебе одну вещь...

Повернувшись, я посмотрел на него.

– Какую?

– Мне бы не хотелось, чтобы ты дрался со всеми подряд – хотя бы потому, что рано или поздно ты обязательно наткнешься на кого-то, кто будет больше и сильнее... – Он кивком указал на мои ноги. – Самое лучшее, что дал тебе Бог, – это быстрые ноги, поэтому не надо стыдиться использовать их в случае необходимости... – Дядя покачал головой и добавил: – Нет, Бог вовсе не шутил, когда сказал, что нужно подставить другую щеку, но... – он сплюнул в траву, – но это вовсе не значит, что ты должен превратить себя в коврик для ног.

В общем, в тот день я получил тяжелый урок. Тяжелый, но очень полезный. Один из лучших.

На следующий день Руперт явился в школу с синяками под обоими глазами, один из которых к тому же заплыл и почти не открывался. Но когда после уроков мы снова ехали вместе в автобусе, он не сказал мне ни слова.

И сошел он не на моей, а на своей остановке.

Глава 22

Тетя Лорна взбила подушки на кровати Майки (который теперь стал Бадди) и убрала в стенной шкаф его немногочисленную одежду. Мэнди и Томми в это время прибирались в кухне – мыли и вытирали оставшуюся от обеда посуду и ставили ее в буфет. Дядя и мальчик о чем-то разговаривали на веранде, но почти сразу вернулись. Они как раз входили в дверь, когда Томми, которая до этого оживленно болтала с Мэнди о каких-то пустяках, в очередной раз погрузила руку в мыльную воду в раковине. Неожиданно она вскрикнула и очень быстро отдернула руку. Повернувшись к нам спиной, Томми оторвала бумажное полотенце и намотала на один из пальцев, однако уже через пару секунд на бумаге проступило большое красное пятно. Стараясь обратить все в шутку, Томми подняла порезанный палец повыше и пробормотала: «Хьюстон, у нас проблема...»[\[45\]](#), после чего оторвала еще один кусок бумаги – подлиннее. Первый она очень аккуратно положила в мусорное ведро, постаравшись закопать поглубже в отходы. Тетя Лорна, которая уже спустилась вниз, достала из буфета аптечку и вытащила оттуда несколько бактерицидных пластырей, лейкопластырь на катушке, а также несколько марлевых салфеток. Дядя молча наблюдал за происходящим и не вмешивался, но Майки вдруг шагнул к Томми и слегка потянул за рукав.

Обернувшись к мальчугану, Томми через силу улыбнулась.

– Это ерунда, Бадди, – сказала она. – Пустяк. Я не заметила в воде нож и порезалась. Он был слишком острым... – И она попыталась рассмеяться, но тотчас прикусила губу.

Майки снова потянул ее за рубашку и вытянул шею, пытаясь разглядеть рану, но Томми убрала руку подальше и, держа ее над раковиной, потуже затянула на ране полотенце.

– Лучше я сама, – проговорила она. – Я справлюсь, вот увидишь.

Мальчик попятился. При этом он опустил голову как человек, которому кажется, будто он сделал что-то не то, и Томми это заметила. Проворно опустившись перед ним на корточки, она заглянула ему в глаза.

– Ты молодец, – сказала Томми серьезно. – Спасибо, что хотел позаботиться обо мне. Я не сомневаюсь – ты в таких вещах разбираешься, но... У меня недавно были вши, и я не хотела бы тебя заразить.

Дядя наконец-то сдвинулся с места. Потрепав Майки по волосам, он

сказал:

– Ладно, сядьте все, я сейчас сам все сделаю. – С этими словами дядя вскрыл упаковку марлевых салфеток и свинтил колпачок с тюбика антибактериальной мази.

– Я сама! – упрямо повторила Томми сквозь зубы.

Дядя только головой покачал.

– Конечно, сама, – сказал он и выдавил немного мази на палец ее здоровой руки, а когда она смазала порез, протянул Томми салфетку, чтобы сделать повязку. – Боюсь, такой порез лучше зашить, – заметил он, пока Томми туго бинтовала палец.

Томми, несомненно, понимала, что без помощи ей не обойтись, однако принимала она ее неохотно и на дядю смотрела с неодобрением. Когда она закончила, дядя приобнял ее за плечи и слегка прижал к себе, слегка коснувшись головой ее волос, как делают близкие люди. Томми покачала головой.

– Думаешь, раз ты старый, мои вошки к тебе не перепрыгнут?

В ответ дядя только ухмыльнулся.

– Не думаю, но... Для человека, который умер, любые болезни – пустяк.

* * *

После того как Майки принял душ, дядя смазал ему спину той же мазью, которую он давал Томми, и уложил в постель. Тетя Лорна купила мальчику красно-синюю, как костюм Человека-паука, пижаму, которая ему, похоже, понравилась. Правда, рукава футболки доставали ему до локтей, а штанины болтались ниже колен, но тетя Лорна только улыбнулась:

– Я думаю, ты очень скоро вырастешь, и они будут тебе как раз впору.

Потом дядя погасил свет и, не закрывая двери, достал из кармана большой медный колокольчик. Держа его в руках, он присел рядом с Майки на краешек кровати и серьезно сказал:

– Это колокольчик для коров. В наших краях такие вешают им на шею, чтобы можно было легко их найти, если они забредут куда-нибудь не туда. – С этими словами дядя слегка качнул колокольчик, который отозвался неожиданно гулким, низким звуком. – Но, я думаю, он сгодится и в качестве сигнала. Если среди ночи тебе вдруг понадобится я или тетя Лорна – сразу звони. – Он поставил колокольчик на ночной столик в изголовье кровати. – Договорились?

Майки кивнул, но я заметил, что его глаза были широко открыты. Судя

по всему, спать ему ни капельки не хотелось.

Следующие полчаса я, Томми, Мэнди, дядя и тетя Лорна просидели в гостиной, негромко разговаривая о том о сем в надежде, что возбуждение сегодняшнего дня уляжется и Майки, который, несомненно, очень устал, заснет. Увы, когда я на цыпочках вышел в коридор и заглянул к нему в комнату, то увидел, что мальчик по-прежнему не спит.

Вернувшись в гостиную, я сказал об этом дяде, и он кивнул.

– Примем меры. – С этими словами, дядя вышел из комнаты. Скоро внизу негромко хлопнула входная дверь, и я улыбнулся.

– Куда он пошел? – спросила меня Мэнди.

– Разве ты не знала, что дядя – великий шаман и умеет вызывать дождь? – пошутил я. – Правда, маленький, локальный, но тем не менее – самый настоящий дождь!

Минуты через две мы услышали, как капли воды забарабанили по жестяной крыше и козырьку крыльца. Мерный рокот дождя нарастал, становился громче, и я подсознательно поймал себя на том, что пытаюсь уловить далекие раскаты грома.

Какое-то время спустя дядя вернулся в гостиную и сел на прежнее место. Его башмаки и джинсы ниже колен потемнели от воды.

– Что это было? – снова спросила Мэнди, глядя по очереди на каждого из нас.

Томми, которая сидела на диване, подобрав под себя ноги, улыбнулась.

– Дядя не умеет петь колыбельные, но в изобретательности ему отказать трудно.

Еще минут через пять я снова потихоньку прокрался в коридор, чтобы заглянуть в комнату Майки. Выглядел он как малыш, уснувший в коляске, после того как мамаша три часа подряд возила его по универмагу: одна нога высунулась из-под одеяла, из уголка полураскрытого рта сбегала на подушку тонкая струйка слюны. Подойдя поближе, чтобы поправить одеяло, я увидел, что мальчишка спит, крепко прижимая к себе блокнот и... коровий колокольчик.

На следующее утро Майки встал очень рано и сразу спустился в кухню, где я в одиночестве допивал кофе. Все еще полусонный, он неверной, шаркающей походкой пересек комнату и сел за стол, положив перед собой неизменный блокнот. Я придвинул к нему коробку с овсяными хлопьями «Чириоуз» и поставил глубокую тарелку. Майки насыпал в тарелку хлопьев, добавил пшеничных отрубей с изюмом и залил молоком. Поднявшись, он достал из буфета ложку, размешал и стал есть. Я продолжал молча пить кофе, но Майки это нисколько не смущало. Похоже,

он и в самом деле начал ко мне привыкать.

Глава 23

Приближалось Рождество – мое первое Рождество, которое я встречал с дядей и тетей Лорной. Детям вообще свойственно мечтать, и я тоже мечтал – мечтал о том, что мой отец, от которого к этому времени остался только звучащий в памяти голос, появится на пороге нашего дома, как святой Николай, – с мешком подарков, доброй улыбкой, а главное – с намерением забрать меня к себе насовсем. Дядя как-то сказал, что объявления о поиске моих родителей регулярно печатались в газетах от Шарлотта до Майами, и я несколько не сомневался, что одна такая газета наверняка попала в руки моему отцу и теперь он непременно за мной приедет. Я просто *знал*, что иначе и быть не может. Мой отец на то и отец, чтобы разыскивать меня денно и ночью.

В рождественский сочельник, незадолго до ужина, в дверь действительно постучали. Я в это время был в кухне: стоя на стуле, я помогал тете Лорне резать морковь и сладкий картофель для праздничного ужина. Услышав, что кто-то стучит в дверь, я мигом соскочил со стула и молнией метнулся ко входу, по дороге едва не сбив с ног дядю, который тоже шел открывать. Рывком распахнув дверь, я увидел на пороге какую-то довольно пожилую женщину, которая, держа в руках картонную папку, как-то неестественно улыбалась. На груди у нее висели очки на цепочке.

Открыв сетчатую дверь, я попытался заглянуть женщине за спину.

– Где он?!

На ее лице отразилось замешательство. Слегка наклонившись, женщина протянула руку, словно хотела обменяться со мной рукопожатием.

– Здравствуй, мальчик... Ты, наверное, Чейз?

– Где он?! – повторил я. – Он прячется? – Выбежав на ступеньки крыльца, я поднес к губам сложенные рупором руки и закричал что было силы: – Па-а-па!!!

Никто не откликнулся, и я закричал еще громче:

– Па-а-а-па! Я здесь!!!

– Мистер Макфарленд дома?

– Я – Уильям Макфарленд, – представился дядя, появляясь на пороге.

– Здравствуйте. Я приехала...

Что говорила женщина дальше, я не слышал. Сбежав с крыльца, я помчался за дом в поисках отцовского грузовика, потому что твердо знал:

папа не может приехать за мной в долбаном желтом «Бьюике»!

Когда я вернулся к крыльцу и поднялся на верхнюю ступеньку, чтобы лучше видеть подъездную дорожку, дядя и незнакомая женщина все еще разговаривали. Я расслышал слова «истечение срока», но тогда меня несколько не заинтересовало, что и куда будет «истекать». Минут через пять дядя и гостя попрощались. Женщина уселась в свою желтую подводную лодку, захлопнула дверцу и уехала, а дядя опустился на крыльцо и похлопал ладонью по доскам рядом с собой – мол, садись сюда.

Только опустившись на ступеньки, я заметил картонную папку, которую оставила женщина. Она лежала между нами, и на мгновение мне показалось, что от нее исходит некая неясная угроза.

– Вот что, Чейз, – начал дядя, кладя руку мне на плечо. – Помнишь, я рассказывал тебе о газетных объявлениях?

– Да, сэр. – Я, насколько мог, вытянул шею, чтобы перила не мешали мне наблюдать за подъездной дорожкой.

– В общем... – Дядя почесал в затылке. – В общем, если в течение определенного времени на них никто не откликнется, тогда... тогда твоими родителями становится, гм-м... государство. Власти штата, если точнее.

– Как же так?! Ведь это...

– Ну, с формальной точки зрения это означает...

Но я знал, что это означает со *всех* точек зрения, и не хотел слышать никаких объяснений. Сорвавшись с места, я сбежал с крыльца, перемахнул через пастбищную ограду и помчался к шоссе напрямик. Добравшись до другой стороны пастбища, я уселся на верхнюю перекладину изгороди и, поворачиваясь из стороны в сторону, точно флюгер, стал смотреть то на запад, то на восток, но вечернее шоссе было пустынным, к тому же с наступлением темноты стало холодать. Этот холод с легкостью проникал под мои домашние одежды, превращая стекавшие по спине струйки пота в сосульки и стискивая мое сердце ледяными пальцами.

Минут через пятнадцать из темноты появился дядя. Подойдя ко мне, он облокотился на перекладину изгороди и тоже стал смотреть на шоссе. Он что-то держал в руках. Присмотревшись, я увидел, что это – обычная стеклянная банка с крышкой, в которой было пробито несколько отверстий. Дядя долго стоял, вертя банку в руках. Внутри ее вспыхивал огонек – это был светляк, который то почти совсем потухал, то разгорался вновь. Жук зажигал свой фонарик каждые пять или шесть секунд, и я невольно засмотрелся на этот живой огонь. Наконец дядя сказал:

– Ученые считают, что способность светиться развилась у этих крошек естественным путем и что на это ушли миллионы лет... – Он покачал

головой. – Ерунда, по-моему!.. С чего бы какому-то жуку вдруг понадобилось светиться в темноте? Ни одно животное не может светиться. – Дядя показал на небо. – Звезды – другое дело. Они светятся, потому что такими их создал Бог. Я не знаю, зачем Ему это понадобилось, но я абсолютно уверен, что Он сделал это не случайно. Звезды – это тебе не какой-то пустяк, который Бог мог бы сотворить просто от нечего делать.

Дядя повернулся ко мне, и изумление божественным чудом сменилось на его лице глубокой серьезностью, а затем – абсолютной убежденностью в своей правоте.

– Нет, Чейз, я не верю в случайности. – Он слегка приподнял свою банку и показал мне. – И эти жуки, и звезды появились не просто так.

Но у меня в груди все еще ныло и болело, и поблескивавшие в звездном свете дорожки слез на моем лице выдавали только присутствие боли, а отнюдь не ее интенсивность и глубину.

Дядя легонько постучал согнутым пальцем по моей груди со стороны сердца.

– И ты тоже появился не случайно, Чейз. Каждый раз, когда разум говорит тебе, что Бог, возможно, совершил большую ошибку, когда создал тебя, вспомни о том, почему – по какой такой причине – у светлячков вдруг начала светиться задница.

Эти слова неожиданно рассмешили меня. Под ребрами защекотало, в животе стало горячо, и через минуту я уже хохотал во все горло, не замечая, как вместе со смехом уходит куда-то боль. Теперь-то я знаю, что дядя умеет это лучше всех на свете: он дарит тебе свой смех, а взамен забирает твою боль.

Пока я смеялся, дядя немного отошел от изгороди и принялся размахивать руками. Не сразу я заметил, что в воздухе над самой его головой пляшут, мечутся желтовато-зеленые и оранжевые звезды. То одна, то другая вдруг ярко вспыхивали и, описав в воздухе сложную кривую или вытянутую спираль, снова гасли, но на их месте тут же вспыхивали новые. Дядя следовал за ними, он бежал то в одну, то в другую сторону, взмахивал руками, потом свинчивал с банки крышку и что-то клал внутрь. Меньше чем через пять минут он вернулся, неся с собой кусочек звездного неба. Не говоря ни слова, он протянул мне банку, в которой мерцал и переливался мой собственный кусочек Млечного Пути.

Бережно взяв банку обеими руками, я поставил ее на столб изгороди и снова уселся на верхнюю перекладину, глядя, как сквозь сияние живых звезд просвечивает повисший над самым горизонтом ковш Большой Медведицы.

Дядя долго молчал. Как и я, он смотрел на шоссе, на вспыхнувший вдалеке одинокий прожектор товарного поезда, который каждый вечер ровно в четверть двенадцатого шел мимо нашего дома в Брансуикский порт. Протяжно и тоскливо загудел тепловоз, послышался слитный рокот колес. Наконец дядя пошевелился, достал из-за пояса джинсов картонную папку и чиркнул спичкой о столб. Вспыхнул крошечный оранжевый огонек. Дядя поднес его к уголку папки и, когда картон занялся, повернул ее так, чтобы пламя скорей разгорелось. Некоторое время мы смотрели, как огонь пожирает вложенные в нее документы. Дядина рука лежала у меня на плече, и я чувствовал, как тают последние осколки льда в моем сердце.

Когда держать папку в руках стало слишком горячо, дядя бросил ее на траву. Огонь догорел, бумага на глазах превращалась в пепел, в котором лишь кое-где поблескивали горячие искры.

Прошло еще несколько минут – или несколько веков, – и дядя снова пошевелился. Развернув меня лицом к себе, он положил свои большие руки мне на колени и посмотрел прямо в глаза.

– Чейз... с формальной точки зрения это не значит равным счетом ничего.

Огонь окончательно догорел, и легкий бриз подхватил невесомый, уже едва теплый пепел, закружил и унес вдаль.

– Абсолютно ничего!

В ту ночь я долго лежал без сна, глядя, как мои звезды парят и вспыхивают в банке, освещая комнату своим призрачным светом. Прежде чем потушить электричество, дядя как следует укутал меня одеялом – в доме было довольно холодно, и он постарался сделать это как можно тщательнее. Когда я начал чувствовать себя точно гусеница в коконе, он отвел с моего лба упавшие на глаза волосы и сказал:

– Я ни секунды не сомневаюсь, что, если бы твой отец прочитал эти объявления и мог на них откликнуться, он бы непременно это сделал. И пускай формально ты теперь находишься под опекой штата, я считаю, что твой отец еще может объявиться, что бы ни говорили и ни делали власти. – Он слегка постучал пальцем по крышке волшебной банки, и светляки внутри вспыхнули ярче. – Если Бог в состоянии сделать так, что у каких-то несчастных жуков начинает светиться задница, значит, в этой жизни возможно все. Вот так-то, Чейз...

Глава 24

Чтобы помочь Майки освоиться на новом месте, я решил, что пробуду в доме еще немного. Я даже обещал дяде, что возьму мальчика с собой на работу – если, конечно, он захочет. Майки как раз доедал овсянку, когда в кухню, протирая глаза, вошла Томми. Достав из холодильника картонку с апельсиновым соком, она налила себе полный стакан и села за стол рядом со мной. Подмигнув Майки, Томми положила голову мне на плечо.

– Мне понравилась Мэнди, – сообщила она, не глядя на меня, потом выпрямилась и закинула ногу на ногу. Лицо у нее покраснелось словно от жара, да и глаза поблескивали как-то неестественно. Машинально я положил ладонь ей на лоб. Томми сразу отстранилась, но я успел почувствовать, какая горячая у нее кожа.

– Как ты себя чувствуешь?

В ответ Томми небрежно пожала плечами.

– Сегодня мне нужно в город, и я хотела взять тебя с собой. Как насчет того, чтобы вместе пообедать?

– Ты не ответила на мой вопрос, и не надо делать вид, будто ты меня не слышала.

– Так ты пообедаешь со мной, или мне пригласить на свидание Человека-паука?

Майки, который внимательно прислушивался к нашему разговору, посмотрел на меня и вопросительно приподнял брови. По-видимому, ему тоже хотелось узнать, что я отвечу.

– Ты любишь жареное мясо? – спросил я его. – Бифштексы, барбекю и прочее?

Майки перевел взгляд на Томми. Она чуть заметно кивнула, потом нацарапала на салфетке несколько слов и передала ему. Майки прочел записку, кивнул в ответ и, придвинув салфетку ко мне, постучал по ней кончиком пальца.

Что там было написано, я знал, даже не читая. Мы с Томми обедали в «Свином рае» с тех самых пор, когда начали сами возить друг друга в школу и научились ценить вкус зажаренной на рашпере свинины.

Допив кофе, я спросил Майки:

– Ты когда-нибудь бывал в «Свином рае»?

Он перевел взгляд на салфетку и снова постучал по ней пальцем.

– О’кей, о’кей, я понял.

Мальчик откинулся на спинку стула и вздохнул, словно строгий учитель, которому удалось добиться правильного ответа от самого тупого ученика в классе. Томми хихикнула и подмигнула ему еще раз, и мальчик горделиво выпрямился: если бы самооценку можно было измерять как рост, я сказал бы, что за эти минуты Майки прибавил не меньше двух дюймов.

Мы уже направлялись к выходу, когда в кухне откуда ни возьмись появился дядя.

– Эй, вы куда собрались?

Майки поднял голову и повернулся к нему.

– У меня есть кое-какая работа, и я думал – ты мне поможешь, – сообщил дядя.

Мальчик загадочно посмотрел на меня. С одной стороны, он спрашивал разрешения остаться, а с другой – ему хотелось знать, возьму ли я его в «Свиной рай» в следующий раз (так, во всяком случае, я истолковал его вопросительный взгляд).

– О’кей. – Я улыбнулся. – Помоги дяде, а в ресторан съездим завтра.

Дядя положил руку на плечо Майки и посмотрел на нас с Томми.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Пусть эти двое поговорят о своих взрослых делах, а «Свиной рай» никуда не убежит.

* * *

Ресторан, в который мы направлялись, находился на северной стороне дамбы, которая соединяет Брансуик и Сент-Саймонс. Он был широко известен своей отборной свининой, зажаренной на рашпере или прямо на углях, и французской картошкой фри в сухарях. Приехав на место, мы заняли уютный полукабинет в глубине. Томми сидела лицом к залу и не сняла темных очков даже после того, как официантка принесла чай со льдом.

– Сняла бы ты свои очки, – заметил я, слегка наклоняясь вперед. – Здесь не так уж светло.

– Гм-гм... – неопределенно отозвалась Томми, и я решил оставить ее в покое.

Только после того, как мы сделали заказ, я заметил пятерых молодых мужчин в белых рубашках, которые, сидя за столиком почти в центре зала, о чем-то шептались, то и дело поглядывая в нашу сторону. Время от времени то один, то другой разражались громким, издевательским смехом.

Пару минут спустя самый рослый и громоздкий из них поднялся и, подойдя к нам, без приглашения уселся на скамью рядом с Томми, слегка задев ее плечом. Вместо того чтобы представиться, он бросил на стол несколько своих визиток. Держался парень уверенно, но, когда он заговорил, голос его выдал. Он явно нервничал, но я не сразу догадался – почему.

– Мы тут с друзьями поспорили... – начал он. – На кругленькую сумму. По уговору я должен подойти к вам, сказать, что видел почти все ваши фильмы, и предложить сняться еще в одном... вместе со мной.

Сдвинув очки на кончик носа, Томми слегка повернулась к нахалу, демонстративно задержав взгляд на его руке, на которой блестело обручальное кольцо. Несмотря на то что она была в теплой толстовке, со стороны могло показаться, будто она мерзнет, да и темные тени у нее под глазами обозначились резче.

– Когда-то давно я могла бы принять подобные слова за комплимент, – медленно, почти лениво проговорила Томми. Смотрела она на меня, но обращалась к парню, который так и норовил теснее прижаться к ее плечу. – И это только лишний раз доказывает, как низко я себя ценила и как плохо о себе думала. – Кончиком ногтя Томми указала на обручальное кольцо. – Ступай домой к своей Нэнси или как ее там, а диски с моими фильмами – сожги.

– Ух ты!.. – делано восхитился парень и, бросив взгляд на своих товарищей, которые одобрительно захохотали, снова повернулся к Томми. – Поговори со мной еще немного, детка. Я люблю непристойности... – С этими словами он опустил руку на бедро Томми.

Не дрогнув, она поднесла к глазам одну из его визиток и в свою очередь посмотрела на столик, где корчились от смеха его приятели.

– Вот что я тебе скажу, Роберт... У тебя... у вас, ребята, много денег?

– А то как же! – Парень швырнул на стол кошелек с зажимом, в котором была довольно толстая пачка купюр. На верхней красовался портрет Томаса Джефферсона[46].

– Отлично. – Томми поглядела на парковку за окном. – А машина у тебя есть?

– Разумеется.

Она положила руку ему на плечо.

– Что ж, пойдём. Ты будешь первым, а остальные как хотят. – Она сдвинула очки на лоб и повернулась ко мне. – Не беспокойся, я быстро.

Роберт сиял так, словно только что выиграл первый приз в лотерею. Поднявшись, он неуклюже взмахнул рукой, пропуская Томми вперед – пародия на настоящего южанина-джентльмена. Она тоже встала и, взяв со

стола ключи от моей машины, протянула мне очки:

– Подержи...

– Слушай, Томми, ты уверена...

Она отмахнулась.

– Я знаю, что делаю.

Зажав в кулаке ключ от зажигания, так что он на целый дюйм выступал между ее указательным и средним пальцами, Томми улыбнулась заученно-широкой улыбкой и... резким движением вонзила ключ в шею Роберта чуть ниже «адамова яблока». Задохнувшись, парень машинально схватился за горло и не сумел увернуться от последовавшего удара коленом. Держась одной рукой за шею, а другой – за пах, Роберт согнулся пополам и повалился на пол. Четверо его товарищей вскочили, опрокидывая стулья, но Томми, по-ковбойски усевшись верхом на поверженного врага, обеими руками схватила его за яйца и сжала, глубоко погрузив в мягкую ткань брюк длинные ногти больших пальцев. К этому времени официантки подняли крик, но визг Роберта звучал еще громче – и на тон выше.

Когда бедняга ненадолго замолчал, чтобы набрать воздуха для следующего вопля, Томми наклонилась к нему и произнесла отдельно и громко – так чтобы слышали люди за ближайшими столиками:

– Да, говнюк, я снялась в двух сотнях фильмов, и теперь я жалею... о каждом... из... них. Мне наплевать, какие из них ты смотрел, о чем ты при этом мечтал и чем занимался, но если и есть на свете кто-то, кто был бы хуже меня, это – ты!!!

При этих последних словах Томми с силой потянула промежность врага на себя, отчего Роберта начало гейзеробразно тошнить.

– Может быть, хоть это заставит вас задуматься, – сквозь стиснутые зубы продолжала Томми, обращаясь к приятелям Роберта (сам Роберт, я думаю, вряд ли что-нибудь соображал). – Вы считали меня продажной дрянью, но сами вы еще отвратительнее, – добавила она, и я вдруг понял, что Томми с трудом сдерживает слезы – слезы, которым она уже много лет не позволяла пролиться. – Вы больны, и ваша болезнь еще хуже, чем моя. – Томми вскинула голову и повернулась к окну. Теперь она говорила так, словно обращалась к болотам, к океану, к солнечному голубому небу. – Я не ангел, но вы – просто грязь! – повторила она и, встав во весь рост, обвела глазами зал, словно только сейчас осознав, сколько человек смотрят на нее с изумлением и чуть ли не со страхом. Ловко пнув ногой успешного подняться на колени Роберта (отчего тот, поскользнувшись в собственной блевотине, снова свалился), Томми вернулась к нашему столу. Взяв со

столешницы очки, она надела их на себя и, сев на прежнее место, привалилась спиной к стене, закрыв глаза. Дыхание ее было тяжелым и частым, побелевшее лицо блестело от пота, а губы, наоборот, запеклись и приобрели тревожный сероватый оттенок.

Роберт тем временем не без труда отлепился от пола и на четвереньках вернулся к своему столу. Там уже стояли двое поваров с длинными ножами, которые вежливо осведомились у его приятелей, уйдут ли они сами или им помочь. Ворча вполголоса, шутники удалились и уволокли Роберта, а еще через минуту официантка принесла нам наш заказ.

– За счет заведения, – пояснила она, ставя тарелки на стол.

Прошло довольно много времени, прежде чем я сумел наконец сопоставить все, что выкрикивала Томми, пока колотила Роберта, с ее странной худобой, с ее постоянным ознобом, с темными кругами под глазами и герпетическими корочками на губах. Сейчас все встало на свои места, однако мое открытие меня ничуть не обрадовало. Я не знал даже, что ей сказать, да и нужно ли что-то говорить? Никаких подходящих слов у меня не было, оставалось только смотреть на нее и молчать.

Между тем остальные посетители ресторана нет-нет да и поглядывали в нашу сторону. Под этими многочисленными взглядами нам было не слишком уютно – казалось, будто нас здесь едва терпят, поэтому Томми подозвала официантку и попросила упаковать наш заказ в коробки, чтобы мы могли забрать еду с собой. Через пару минут мы уже сидели в «Викки», но только когда мы добрались до Сент-Саймонс и, петляя по улочкам, подъехали к маяку, первые слезы выкатились из-под моих очков и упали на грудь, расплываясь на белой футболке серыми пятнами.

Томми сидела, откинувшись на спинку сиденья как человек, который очень устал. Ее дыхание было неглубоким, но мерным. Увидев, что я плачу, она повернулась ко мне и вытерла мою щеку тыльной стороной ладони.

– Эй! – проговорила она, легко коснувшись моего подбородка. – Все люди умирают... рано или поздно. А я... я только... – Она покачала головой и не стала продолжать.

Мы вышли из машины и, обогнув маяк, оказались на дорожке, которая тянулась вдоль подпорной стены в том месте, где Алтамаха впадала в океан. На волнах плясали солнечные блики, а ярдах в тридцати от нас лучеперые каранксы с разгона атаковали поднявшийся к самой поверхности косяк кефалей. Сев на парковую скамейку, мы долго смотрели, как под ударами плавников и хвостов бурлит и покрывается розовой пеной темная океанская вода. Наконец я спросил:

– Как... как тебя угораздило?

Томми рассмеялась и, откинувшись на спинку скамьи, положила голову мне на плечо.

– Ты хочешь, чтобы я сказала правду или?.. – Она вгляделась в мое лицо и кивнула. – Ладно, попробуем начать с правды... – Она сложила руки на груди, и я впервые услышал влажное сипение и приглушенные хрипы, сопровождавшие каждый ее вдох и выдох. – На самом деле все очень просто. Если спишь не с теми парнями и колешь не те наркотики не теми иглами, добром это не кончается... В конце концов ты неизбежно получаешь то, что заслуживаешь. Да я, кажется, уже это говорила...

– Говорила – не говорила... – Я покачал головой. – Не важно, что ты говорила. В конце концов, мало ли кто с кем спит?!.. Мне и в голову не могло прийти, что ты... что у тебя...

– Я собиралась тебе все рассказать, но...

– И когда ты собиралась?

Томми рассмеялась, но совсем невесело.

– Сегодня. Для этого я и пригласила тебя в ресторан. Не могла же я предвидеть, что... что нам помешают.

Прошло еще довольно много времени, прежде чем я набрался мужества спросить:

– А что, собственно, с тобой такое?

Последовала еще одна долгая пауза, наконец она сказала:

– Да все вместе. Три разновидности вируса ВИЧ плюс гепатиты А, В и С. Ну и еще кое-что по мелочи... ВИЧ и гепатит – самое главное.

– И давно ты... заболела?

Томми рассмеялась.

– Так давно, что уже должна была несколько раз умереть.

– А что говорят врачи? Может быть, есть какой-то способ...

Она покачала головой.

– Я слишком долго мешкала.

– Но ведь сейчас ты здесь, с нами, и мы могли бы...

– Нет, Чейз. Вирус, или, точнее – вирусы, которые находятся внутри меня, слишком сильны. В какой-то степени они даже мешают друг другу, но если начать лечить что-то одно, остальные станут развиваться быстрее, и тогда... А мне бы не хотелось ускорить конец. Несмотря ни на что.

– Но я думал...

– Тс-с... – Она прижала палец к моим губам.

– Но почему ты так поступила?

– Когда я только приехала в Лос-Анджелес, мне показалось, будто я нашла место, где меня будут ценить и уважать. Конечно, в таком уважении

есть что-то неправильное, можно даже сказать – извращенное, и все же там мне не нужно было скрывать мое... не нужно было прятаться, скрывать, какова я на самом деле.

– Но...

Томми обняла меня обеими руками за шею и закинула ноги мне на колени.

– Людям с изъяном очень неудобно среди нормальных людей, – негромко проговорила она. – Вот они и ищут таких, как они. Когда одна ущербная душа находит другую такую же душу, они начинают... сосуществовать. Там, в Лос-Анджелесе нас было много, и мы... и каждый из нас старался в меру сил облегчить чужую боль, заполнить зияющую дыру в душе ближнего. Там я обрела семью, настоящую семью... вот только, чтобы она не распалась, приходилось снова и снова колоть себе сильнодействующие препараты.

Еще одна слезинка сбежала по моей щеке.

– Постарайся меня понять, Чейз... – Томми задумчиво провела кончиками пальцев по набухшим венам у себя на руке. – На самом деле то, что со мной случилось, это... это дар. Дар и благословение свыше.

Я покачал головой.

– Только не для меня.

– Я больше не буду убегать, Чейз. С меня хватит. – Она повернулась и посмотрела куда-то в сторону северной оконечности острова. – И он больше не сможет сделать мне больно. Девушки, которую ты когда-то знал, больше нет. Я рассталась с ней много лет назад на съемках фильма, название которого я уже не помню и не хочу помнить. Мне приходилось делать вещи, которые... – Она решительно тряхнула головой. – Нет, не хочу вспоминать, не хочу снова становиться той, кем я была. Прежней Томми больше нет.

– Мне следовало приехать и забрать тебя. Я бы сделал это, если бы знал, клянусь!

Томми поцеловала меня в мокрую от слез щеку.

– Я знаю.

– Тогда почему ты не...

Томми долго не отвечала. Наконец она взяла мое лицо в ладони, повернула к себе.

– Наверное, мне следовало это сделать, но... Я вернулась домой к тебе, Чейз. И ради тебя. Мне бы не хотелось уйти, испытывая сожаления и угрызения совести. Уйти, не повидавшись с тобой.

Отражавшееся от воды солнце сверкало и до боли резало глаза.

Томми соскочила на землю и потянула меня за руку.
– А теперь покатай меня немного на твоей машине!..

Глава 25

Томми всегда управлялась с цифрами ловчее меня. Еще когда мы учились в начальной школе, она заканчивала шестидесятисекундный математический тест раньше остальных учеников. Начиная с четвертого класса Томми изучала алгебру по особой «продвинутой» программе, а в старшей школе получила отличную оценку, сдав выпускной экзамен по программе колледжа. Порой мне даже казалось, что числа для нее были чем-то вроде фрагментов трехмерной головоломки, которую она складывала с завидной легкостью, тогда как для меня написанные на бумаге цифры были сродни китайским иероглифам, которые следовало сначала расшифровать и только потом производить над ними простейшие операции вроде сложения и вычитания.

Даже в обычной жизни математические способности Томми проявлялись достаточно часто и порой – с весьма неожиданной стороны. В юности я обожал читать в газетах материалы о бейсболе: об игроках, об их удачах и неудачах и о достижениях команд, но если меня увлекал драматизм спортивных баталий, то Томми извлекала из тех же самых спортивных страничек информацию совершенно иного рода. Не затрудняя себя записями и специальными подсчетами, она с ходу могла назвать среднее число удачных подач и «законных» пробежек для каждого питчера, количество одно-, двух- и трехбазовых хитов, средний коэффициент результативности отбивания, а также статистику выигранных и проигранных матчей. Любопытно, что все эти вещи Томми никогда не забывала и могла по первой же просьбе выдать нужную справку.

Кажется, именно это и называется математическим складом ума.

Бывало, за завтраком я во всех душераздирающих подробностях пересказывал истории о том, как лучший игрок футбольной лиги выронил пас и не сделал тачдаун, или как одна бейсбольная команда, проигрывая весь матч, вырвала победу в девятом иннинге благодаря заработавшему круговую пробежку отбивающему, или кто выиграл Олимпийские игры в беге на сто метров. Томми, сидя по-турецки с миской овсянки на коленях, внимательно слушала и, когда я замолкал, чтобы набрать в грудь воздуха, хладнокровно сообщала, сколько раз воспетый мною ресивер ронял мячи в предыдущих матчах, сколько мячей отправил за линию фолла бэттер, прежде чем обеспечил своей команде круговую пробежку, и сколько сотых

и десятых долей секунды проиграли победителю Олимпиады занявшие второе, третье и четвертое места спортсмены. Сравниться с ее фотографической памятью могло, пожалуй, только то глубокое удовлетворение, которое испытывала Томми, когда сообщала нам всю эту информацию. Способность запоминать бесчисленные цифры и выдавать их по первому требованию дарила ей не меньше радости, чем приносили мне полные драматической борьбы события, о которых я читал или которые наблюдал на футбольных или бейсбольных полях.

Частенько по вечерам, когда дядя и тетя Лорна смотрели по телевизору какую-нибудь спортивную передачу, мы с Томми выключали звук и начинали сами комментировать происходящее на экране. Я был ведущим, а Томми – моим помощником, комментатором-аналитиком: я описывал действие, когда же в игре возникала пауза, Томми тут же вступала со своими статистическими выкладками. Скажу без ложной скромности: никогда дядя не веселился больше, чем когда выслушивал наши глубокомысленные сентенции.

* * *

Для многих мальчишек стадион «Тёрнер-филд» в Атланте значит даже больше, чем Диснейленд. Для меня и для дяди он, во всяком случае, был главным местом на земле. Когда-то давно он назывался «Стадион округа Фултон», но это ничего не значило – главное, что именно там «Краснокожие из Атланты» играли с 1966 года. Правда, играли – это, пожалуй, сильно сказано. По выражению дяди, тогда они не играли, а просто «сосали лапу», и взялись за ум только в 1991 году.

Произошло это вскоре после того, как вся Джорджия единодушно потребовала отставки Бобби Сокса – тогдашнего тренера «Краснокожих», который продал «Филадельфии» Дейла Мерфи. Впрочем, Бобби вскоре заслужил не только прощение, но и всеобщее восхищение, поскольку именно он привлек в Атланту таких блистательных игроков, как Том Глэвейн, Стив Эйвери и Джон Шмольц, которые обеспечили своим прежним командам не менее пятидесяти побед в ответственных матчах. С их появлением игра «Краснокожих» пошла в гору, и вся страна узнала имена Дэйва Джастиса, Рона Ганта, Франсиско Кабреры, Марка Лемке, Грегга Ольсена, Сида Брима и Терри Пендлтона – блестящего бэттера, который неожиданно для всех стал самым ценным игроком Лиги. Правда, в девяносто первом «Краснокожие» начали сезон не слишком удачно, однако в последние три месяца команда выиграла пятьдесят пять из восьмидесяти

трех игр, а в финальной серии из девяти матчей победила в восьми, обойдя на финише лос-анджелесских «Хитрецов». Обыграв «Пиратов» в семи играх розыгрыша кубка Национальной лиги, «Краснокожие» оказались в большом национальном финале, где им предстояло сразиться с «Близнецами из Миннесоты».

Это противостояние спортивный канал ИСПН назвал одним из самых интересных и захватывающих финалов мировой серии. И действительно, в пяти из семи игр преимущество одной или другой команды зависело от одной-единственной пробежки. Все десять иннингов последней, седьмой игры мы смотрели по телевизору. В этом матче «Краснокожие» уступили, и мы целую неделю пребывали в трауре.

А потом случилось памятное многим «чудо 1992 года». «Сезон Золушки», как прозвали этот год спортивные издания и комментаторы.

В финале Национальной серии «Краснокожие» снова играли с «Пиратами», три игры они выиграли и три проиграли. Решающая, седьмая встреча должна была состояться в Атланте. В случае победы «Краснокожие» снова оказывались в финале мировой серии. В случае поражения... Что ж, про себя я решил, что если наши проиграют, я стану ходить в черном и целый месяц не буду есть мороженого.

Каким-то образом дяде удалось достать четыре билета на седьмую игру Национальной серии. Я до сих пор не знаю, как это у него получилось. Уже на стадионе я случайно услышал, как какой-то парень, сидевший рядом со мной, сказал кому-то по мобильнику, что за два билета ему пришлось отдать две тысячи восемьсот баксов. Мы, разумеется, расспрашивали дядю, но он так и не признался, каким образом к нему попали билеты, – он только заверил нас, что добыл их совершенно законным путем и при этом не заплатил ни цента. Последнее обстоятельство было немаловажным – если бы дядя отдал за них хотя бы долларов сто, тетя Лорна закопала бы его в землю по самые уши.

И вот ранним утром 14 октября 1992 года я встал перед зеркалом и, улыбаясь, как Чеширский кот, натянул на себя всю одежду с цветами и символикой «Краснокожих», какая только у меня была. О том, чтобы идти в этот день в школу, не могло быть и речи, и это было только началом праздника. Сев в машину, мы поехали в Атланту через Суту, чтобы заехать в дом дяди Джека и захватить Томми, но она, к моему огромному изумлению, вышла к нам в мятых джинсах, белой футболке с длинными рукавами и какой-то бесформенной шапочке, которая не имела никакого отношения ни к «Краснокожим», ни к бейсболу вообще.

Это могло бы стать первой подкачкой – знаком, по которому я мог бы

догадаться, как жилось Томми в доме отца, но тогда я был слишком увлечен предстоящим событием и ни о чем таком не задумался.

На стадион «Тёрнер-филд» мы приехали задолго до начала игры, купили программку и сразу пошли к сетке – смотреть, как разминаются игроки. Лишь минут за десять до свистка мы вернулись на свои места, которые находились на сороковом ряду – как раз между первой базой и «домом» (фокус здесь в том, что нам было прекрасно видно домашнюю базу и все, что там происходило[47]). В тот день я пил колу, ел хот-доги, корн-доги, попкорн, соленые крендельки, мороженое – словом, все, что продавали разносчики, поднимавшиеся по лестницам и пандусам с подносами на голове. К середине первого иннинга у меня уже были роскошные «усы» из горчицы, а в моей крови скопилось столько сахара, адреналина и кофеина, что я не сидел в кресле, а парил в паре дюймов над ним. Ощущение было незабываемым, думаю, с этим не сравнится ни один наркотик.

Только к четвертому иннингу я понял, что Томми ничего не ест. Сначала я подумал, что она слишком увлечена или, лучше сказать, ошеломлена тем, что происходило на поле, и поэтому ей не до еды, однако по мере того, как игра приближалась к завершению (а я – к тому, чтобы выпрыгнуть из собственных штанов), Томми все больше напоминала черепаху, которая целиком спряталась в свой панцирь.

Не сразу до меня дошло, что в величайший вечер в истории нашей любимой команды Томми не назвала ни одной цифры, не вспомнила никакой статистики. Нет, она не сердилась и не злилась; если ее спрашивали – Томми обязательно отвечала, но в большинстве случаев я просто не знал, как задать вопрос, чтобы получить нужные сведения.

И в перерыве перед седьмым иннингом Томми даже не пела вместе со всеми.

К концу девятого иннинга «Пираты» взяли два очка на подаче своего лучшего питчера Дуга Драбека. Я взглянул на табло и только покачал головой. «Пираты» были в трех аутах от того, чтобы попасть в финал мировой серии, а мы – в трех аутах от того, чтобы отправиться домой.

Но не успел я расстроиться по-настоящему, как ситуация изменилась. Первый бэттер «Краснокожих» Терри Пендлтон заработал двойной хит. Дэвид Джастис добежал до очередной базы благодаря ошибке инфилда обороны. После этого Драбек четыре раза подряд подал неточно, и бэттер «Краснокожих», заработав бейз-он-болл, отправился на «прогулку» до первой базы, благодаря чему игроки на остальных базах сдвинулись вперед.

Теперь проблемы стояли уже перед «Пиратами», и их менеджер Джим Лейланд заменил Драбека резервным питчером Стэном Белиндой. Сначала Белинда тоже ошибся: Рон Гант перебежал на следующую базу, но потом «Пираты» сумели собраться и добились двух аутов.

В предыдущем иннинге я купил и съел второе за вечер мороженое на палочке. К тому моменту, когда на площадку вышел Франсиско Кабрера – довольно заурядный кетчер третьей очереди, – я уже грыз палочку, которая понемногу превращалась в пучок острых щепок. Всякую надежду я уже утратил, в чем впоследствии не раз раскаивался, поскольку именно Кабрера отбил две из трех подач Белинды, отправив мяч далеко в левый аутфилд и дав Джастису возможность заработать очко.

Счет стал равным. Сид Брим продвигался к третьей базе, и я был почти уверен, что нас ждут дополнительные иннинги, но тут случилась поразительная вещь.

Брим был высоким, немного нескладным на вид, но довольно крепким парнем, который, как говорил дядя, мог бы целыми днями бегать и не уставать, но только где-нибудь в тенечке. Я был с ним полностью согласен, однако и мне, и другим болельщикам «Краснокожих» пришлось в тот день переменить свое мнение.

Брим как раз обогнул третью базу и рвался к «дому», когда левый аутфилдер «Пиратов» Барри Бондз, ставший впоследствии самым ценным игроком Национальной лиги, поймал отбитый Кабрерой мяч. Стадион дружно ахнул, а Брим всем телом подался вперед и прыгнул, стараясь дотянуться до заветного квадрата. Каждый человек на трибунах от всей души желал Бриму поскорее оказаться на базе, но пущенный рукою Бондза мяч летел быстро, как молния. Сид Брим и мяч достигли цели – каждый своей – почти одновременно. Кетчер «Пиратов» Майк Лавальер поймал мяч и даже успел замахнуться, пытаясь осалить противника, но Брим опередил его на доли секунды. Поднимая тучи пыли, он буквально *въехал* на площадку домашней базы на животе. Впоследствии эта техника стала известна всему миру как «накат».

Когда это случилось, диктор стадиона вскочил в ложе прессы и прокричал в микрофон:

– Левый аутфилдер ловит мяч! Бросок! Но Брим быстрее!.. Он как лев бросается вперед... Есть касание! Игрок «Краснокожих» добывает для своей команды решающее очко! Судья показывает, что касание базы засчитано. «Краснокожие» одерживают победу в этом матче! «Краснокожие» побеждают! **«КРАСНОКОЖИЕ» ПОБЕЖДАЮТ!!!**

После этих слов на трибунах началось самое настоящее

столпотворение. Люди вскакивали на ноги, обнимали и целовали друг друга, бросали в воздух бейсболки, шарфы и пакеты с попкорном. Игроки «Краснокожих» выбежали со скамьи запасных, окружили все еще лежавшего на домашней базе Сида, а потом устроили на поле кучу-малу. Мы с дядей тоже орали и вопили во все горло, болельщики прорвали сетчатое ограждение и высыпали на поле, а в небе с грохотом взрывались фейерверки и петарды. За всю свою жизнь я еще ни разу не видел столько счастливых людей разом.

И только Томми не радовалась. Когда, сорвав горло, я поискал ее глазами, то увидел, что она куда-то ушла. Появилась она только минут через двадцать и преспокойно объяснила, что в туалете была очередь.

Только на пути домой я успокоился настолько, что оказался в состоянии прислушаться к той части своего рассудка, которая обычно задавала вопросы. Вопросов на этот раз было два. Кто, будучи в здравом уме, *пойдет в туалет*, когда любимая команда вот-вот вырвет победу у сильного противника, размышлял я. А кроме того, *что* Томми делала туалете, если с того самого момента, когда мы забрали ее возле дома дяди Джека, она ничего не ела и не пила?

Обернувшись через плечо, я некоторое время рассматривал Томми, безучастно сидевшую на заднем сиденье. В салоне было темно, но его время от времени освещали уличные фонари и фары встречных машин. Тогда темнота отступала, и я снова видел перед собой лицо маленькой девочки, которая ночью, в грозу, прибежала к нам из Суты в одной ночной рубашке.

Глава 26

Насидевшись на набережной, мы с Томми поехали на север и, миновав пост охраны на въезде в закрытый поселок, перебрались на остров Си. Обогнув территорию частного загородного клуба, мы оказались напротив одного из домов дяди Джека. Там Томми попросила меня остановиться.

– Подожди немного, я сейчас вернусь, – пообещала она.

Прислонившись к капоту, я смотрел, как она отперла входную дверь и, не обращая внимания на протесты уборщицы, которую я не знал, взбежала наверх. Вернулась Томми и впрямь минуты через три. Под мышкой она держала брезентовую дорожную сумку, а на лице ее играла шальная улыбка. Отмахнувшись от не желавшей успокаиваться уборщицы, Томми запрыгнула в кабину.

– Поехали.

Я был уверен, что на выезде нас обязательно остановят, и не ошибся. Шлагбаум на посту безопасности был опущен, а возле него стоял здоровенный охранник. Остановив нас взмахом руки, он шагнул вперед.

– Будьте добры, сэр, выйдите из машины, – велел он мне.

Я повиновался, и охранник, обойдя «Викки», обратился к Томми:

– Теперь вы, леди...

– У вас что, других дел нет? – отозвалась Томми, не двигаясь с места.

Охранник распахнул дверцу и поднял руку, собираясь схватить ее за плечо.

– Хозяева сейчас будут здесь, и полиция тоже. Как мне сказали, вас собираются задержать за незаконное проникновение и попытку кражи.

– Вот как? – Томми улыбнулась и, покачав головой, помахала перед носом охранника своим водительским удостоверением и связкой ключей. – Хотелось бы мне посмотреть, как у них получится арестовать за незаконное проникновение в мой собственный дом? И что я могла украсть из дома, где все и так – мое?

– Что вы имеете в виду, мэм?

– Вот что... – Она протянула ему водительское удостоверение, где было написано ее имя и указан адрес – тот самый дом, в котором мы побывали несколько минут назад.

– В таком случае, мэм, прошу прощения.

Томми повернулась ко мне.

– Садись в машину, Чейз.

Я забрался в салон. Охранник вернул Томми удостоверение и отступил в сторону.

– И передайте моему отцу, – сказала ему Томми, – что в доме еще остались кое-какие мои вещи и что на днях я за ними заеду.

– Хорошо, мэм, мисс Макфарленд.

– Открывайте шлагбаум.

Охранник нажал кнопку на пульте, я дал газ, и мы тронулись с места. Когда пост охраны остался далеко позади, я сказал:

– Хотелось бы мне знать, что ты задумала... Не хочешь рассказать?

Томми рассмеялась.

– Пока нет, но обязательно расскажу. Скоро. А сейчас давай съездим к моему старому дому.

– Ты хочешь сказать...

– Да, к тому, который в Суте.

– У тебя и от него есть ключ?

Томми ухмыльнулась.

– Да, что-то вроде ключа...

Дядя Джек переехал из Суты в новый особняк на острове Си вскоре после отъезда Томми в Калифорнию. Насколько мне было известно, с тех пор старый дом стоял пустым. Дядя Джек держал там только своих лошадей, число которых за эти годы сократилось до одного старого жеребца породы американский сэддлбред. Звали его Маленький Бубба; он приходился сыном Большому Буббе, и сейчас ему было, наверное, лет двадцать. Несмотря на кличку, Маленький Бубба был далеко не мал: его рост до плеча равнялся восемнадцати ладоням[48], а живого веса в нем было не меньше тысячи двухсот фунтов[49]. В последнее время он находился на свободном выпасе на лугу возле особняка, откуда он смотрел на проезжающие по шоссе автомобили и, должно быть, грезил о тех временах, когда Томми и я усаживались ему на спину и отправлялись на прогулку по лесным тропам Суты. Почему дядя Джек не продал его, как остальных лошадей, я не знал, но, похоже, это имело какое-то отношение к дяде.

Подъехав к особняку, я осторожно толкнул бампером «Викки» кованые железные ворота, и они распахнулись, громко скрипя и осыпая капот ржавчиной. Трава на газоне вдоль подъездной дорожки вымахала почти до пояса (собственно говоря, это была уже не трава, а сплошные сорняки), а сам дом давно нуждался в ремонте или хотя бы в слое свежей краски. Старая краска возле окон и вентиляционных отверстий под свесом крыши

давно потрескалась и отстала и теперь свешивалась длинными неопрятными полосами. Входная дверь намокла и разбухла внизу, и я прикинул, что открыть ее будет трудновато.

– У тебя есть фонарик? – спросила Томми.

Я достал из консоли между сиденьями небольшой фонарик и протянул ей.

– Годится?

Не отвечая, Томми засунула фонарь в задний карман джинсов и долго стояла, молча глядя на дом. Не оборачиваясь ко мне, она спросила:

– Ты помнишь моего брата?

История Питера была еще одной тайной семейства Макфарленд. Сам я с ним не встречался, да и Томми никогда мне о нем не рассказывала. Единственное, что я знал о Питере, – это то, что он был старше Томми и погиб, случайно выстрелив себе в голову из отцовского пистолета. В свое время я, конечно, пытался расспрашивать о нем кое-кого из взрослых, но никто не смог рассказать мне ничего конкретного: все, к кому я ни обращался, только пожимали плечами.

Томми показала на грязное подвальное окошко:

– Он умер вон там, в этой комнате.

При этом она не столько обращалась ко мне, сколько разговаривала или, точнее, рассуждала сама с собой. Как только я это понял, у меня сразу стали появляться все новые и новые вопросы, но я попытался обуздать профессиональное любопытство. Что ни говори, а сейчас был не самый подходящий момент, чтобы играть в журналиста.

Тем временем Томми подошла к крыльцу и подобрала с земли половинку кирпича, отвалившуюся от низкого квадратного столба, на котором стоял чудом уцелевший цветочный вазон из потрескавшейся обожженной глины. Поднявшись по ступенькам, Томми заглянула в пыльное стекло входной двери и, не говоря ни слова, взмахнула кирпичом. От удара стекло треснуло и провалилось внутрь, Томми просунула в дыру руку и отперла замок. Вопреки моим ожиданиям разбухшая дверь открылась сравнительно легко, Томми шагнула в прихожую, и я поспешил ее догнать.

Когда я вошел, Томми стояла, сложив на груди руки, и разглядывала почерневшие от плесени стены. Дышать ее спорами было небезопасно, и Томми действительно подняла воротник толстовки повыше, закрывая рот. Наконец она сдвинулась с места и, обойдя массивную дубовую лестницу на второй этаж, открыла какую-то дверь. Включив фонарик, Томми стала спускаться в подвал.

Здесь тоже пахло плесенью и грибами. Водоотливной насос давно не работал, и на бетонном полу стояли лужи вонючей воды. У подножия подвальной лестницы Томми задержалась. Луч ее фонарика метался по стенам, и мне показалось, что я слышу тихие шорохи, словно какие-то твари в панике разбежались, спасаясь от света.

Стеллажи для вина были полнехоньки. Здесь было, наверное, не меньше двухсот бутылок, а может, и больше. Все они были аккуратно уложены на стеллажи с наклонными полками, отчего их пробки насквозь пропитались вином.

Томми со вздохом опустилась на нижнюю ступеньку. Луч фонаря продолжал блуждать по комнате, пока не остановился на большом кожаном кресле с лопнувшей подушкой. Большая часть набивки либо сгнила, либо была сгрызена и растащена крысами, которых в подвале наверняка хватало.

– Раньше Джек часто спускался сюда и часами дегустировал свои вина, – неожиданно сказала Томми, и меня в очередной раз покорило, что она назвала отца просто по имени. – Пит был старше меня почти на пять лет. Он рос тихим, неуверенным в себе мальчиком, к тому же у него были серьезные проблемы со здоровьем. Астма или что-то вроде этого... Джек заставлял его ходить с ним и массировать ему ноги, пока сам он наслаждался выдержанным каберне или пино нуар. Но это было еще не все... Примерно после третьего или четвертого бокала Джек запирает дверь в подвал и какое-то время оставался с Питером наедине. Я не знала, что происходит, пока мне не исполнилось восемь. Именно тогда Джек впервые привел в подвал нас обоих... а ведь у меня тогда даже месячные еще не начались!

Она негромко скрипнула зубами и тряхнула головой, стараясь смахнуть с ресниц слезы.

– Когда Питер ему надоел, он принялся за меня. Это продолжалось почти год – целый год Джек приводил в подвал нас обоих и... Мы с Питом никогда не говорили об этом. Никогда! Однажды вечером Джек, как обычно, привел нас в подвал, и пока... пока он был со мной, Пит вытащил у него из кармана пистолет. Он хотел выстрелить в него, но Джек в последний момент перехватил его руку и... – Томми снова покачала головой. – Полиция сочла это несчастным случаем. Местная община, деловые круги, церковь – все жалели Джека. В газете даже появилась статья под заголовком «ЕЩЕ ОДНА ТРАГЕДИЯ В СЕМЬЕ ИЗВЕСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ». В статье говорилось о том, как много потерь пришлось пережить Джеку. – Она вздохнула. – У лжи – глубокие корни.

Томми немного помолчала, потом повернулась ко мне и добавила:

– Все это случилось в ту ночь, когда я прибежала к вам из Суты...

Выбравшись из подвала, мы прошли через кухню на черное крыльцо. Бассейн на заднем дворе зарос похожими на зеленую паклю водорослями, кафель выше уровня воды почти весь отвалился, а сквозь трещины в каменных плитах, которыми была вымощена площадка возле бассейна, проросла трава. Томми, впрочем, смотрела не на бассейн, а на конюшню, где в одном из стойл виднелась голова Маленького Буббы. Конь смотрел на нас, и Томми тронула меня за плечо.

– Сходи проверь, как там у него дела, а я сейчас вернусь.

– Может, мне пойти с тобой? – предложил я, и она слабо улыбнулась.

– Нет, не нужно. Я справлюсь.

Обогнув бассейн, я пересек лужайку и подошел к коню. Дверца стойла была открыта[50], но Маленький Бубба не вышел мне навстречу. Он только негромко заржал и несколько раз коснулся моего лица отвислыми влажными губами, словно целовал после долгой разлуки.

– Ну, как дела, старик? Как поживаешь? Не скучно тебе тут одному? – спрашивал я, внимательно разглядывая коня. Против ожидания, Бубба выглядел довольно ухоженным: его недавно вычистили и подстригли гриву и хвост, а на ногах я заметил новенькие подковы. Похоже, дядя неплохо о нем заботился.

Отыскав в соседнем пустующем стойле грабли, я вытащил наружу старую подстилку и засыпал пол свежими опилками, а в кормушку добавил овса. Я как раз заканчивал чистить самозаполняющуюся поилку, когда снаружи заработал мотор «Викки». Потрепав на прощание Буббу по холке, я вышел из стойла и увидел, как Томми выбралась из кабины и встала рядом с машиной, глядя на дом. Проследив за ее взглядом, я увидел вырывавшиеся из кухонного окна клубы дыма. Дым густел, поднимался все выше, а еще несколько секунд спустя такой же дым повалил и из вентиляционных отверстий под крышей.

Томми сложила руки на груди и с удовлетворенным видом оглянулась на меня. Ее напряженно приподнятые худые плечи чуть заметно расслабились и стали не такими угловатыми.

– Твоя работа?

Она кивнула.

– Почему-то мне кажется – твой отец не обрадуется, когда узнает, что ты натворила.

Томми рассмеялась.

– Не обрадуется – это еще мягко сказано!

В следующее мгновение дом сотряс сильный взрыв, от которого

вылетели стекла и сорвало с петель раздвижные двери кухни. Град сверкающих стеклянных осколков обрушился на площадку возле бассейна. В воздухе, словно бумеранги, пронеслись рейки раздробленных жалюзи.

Позади нас раздался топот копыт. Обернувшись, я увидел, что Маленький Бубба, напуганный грохотом, поскакал в направлении луга. И тут же где-то в глубине дома прозвучал еще один, куда более мощный взрыв, полностью разрушивший одну из боковых стен. В дыму показались языки пламени, жадно лизавшие бревна и сломанные, размочаленные доски. Не прошло и десяти секунд, как огромный особняк превратился в гигантский костер.

Томми продолжала смотреть на пожар, но лицо ее не выдавало никаких эмоций. Выглядела она совершенно спокойной, чего нельзя было сказать обо мне. Бросив несколько взглядов в сторону шоссе, я спросил:

– Слушай, не пора нам убираться отсюда?

– А зачем?

– Твой отец... Если он застанет нас здесь...

Томми повернулась и, забравшись в салон, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

– Это не его дом.

Заслышав далекий вой пожарных сирен, я поскорее включил передачу и, объехав конюшню сзади, направил машину по старой лесовозной дороге. Вскоре мы уже были в лесу. Оказавшись под прикрытием деревьев, мы остановились и некоторое время смотрели, как поднимаются в небо языки пламени. Ветер раздувал огонь и нес в нашу сторону пепел и горячую сажу, которая сыпалась на капот, на листья, на траву вокруг нас. Скрюченные от жара хлопья упали Томми на плечо, и она смахнула их рукой. На наших глазах второй этаж горящего особняка провалился внутрь, и к небу взвился столб горячих искр.

– Мне уже давно хотелось это сделать.

Пожарные сирены завывали совсем близко. Я включил полный привод и, лавируя между деревьями, медленно поехал глубже в чащу. Какое-то время мы двигались параллельно главной дороге, потом пересекли Бычье болото и еще долго бесцельно колесили по окрестностям Суты, пока в Южной Джорджии не наступила ночь. К тому моменту, когда я свернул с шоссе на нашу подъездную дорожку, Томми крепко спала.

* * *

Загнав «Викки» в амбар, я на руках отнес Томми на второй этаж и

уложил в постель. Я как раз укутывал ее одеялом, удивляясь про себя, какой горячей кажется ее кожа, когда она, так и не открыв глаз, положила ладонь мне на затылок и, заставив меня наклониться, нежно поцеловала в лоб.

– Я люблю тебя, Чейз Уокер.

Томми и раньше говорила мне нечто подобное, но таких интонаций я еще никогда от нее не слышал. Впрочем, мое замешательство длилось недолго – сердце подсказало мне, что́ значат эти слова на самом деле. Выключив свет, я плотно закрыл дверь в комнату и, стараясь ступать как можно тише, спустился вниз. Выйдя из амбара, я, однако, пошел не к дому, а свернул к пастбищу. Ночное небо казалось светлым от множества звезд, которые сверкали и переливались как крошечные ограненные алмазы, в каждом из которых задержался свет ушедшего дня, и только в моей душе царил непроглядный мрак. Добравшись до изгороди, я понял, что больше не могу сдерживаться. Закрыв лицо ладонями, я упал на колени и зарыдал.

Прошло какое-то время, и я почувствовал, как на плечо мне легла дядина рука.

Я кое-как вытер глаза. Всего в паре футов от меня кружились над подсохшей коровьей лепешкой какие-то насекомые.

– Почему? Почему ты мне ничего не сказал?

Дядя посмотрел на окно комнаты, где спала Томми.

– Она знала, что тебе будет очень больно, и хотела, чтобы ты узнал обо всем от нее.

– А как же врачи? Врачи и все те новые лекарства, о которых постоянно твердят по радио и по телевизору? Неужели ничего нельзя сделать?

Он покачал головой.

– Когда я за ней прилетел, врачи сказали, что она давно должна была бы умереть. С точки зрения современной медицины то, что Томми до сих пор жива, объяснить невозможно. Ее иммунитет... его у Томми просто нет. Ее может убить простенький насморк, который мы с тобой даже не заметим.

– Но не можем же мы просто сидеть сложа руки!.. Подумай, может быть, что-то все-таки можно... Ведь сейчас мы просто ждем, пока она... умрет.

– Она взрослая женщина, Чейз, и сама принимает решения. – Отвернувшись, дядя торопливо вытер глаза рукавом, потом снял бейсболку и принялся вертеть ее в руках. – И нам надо научиться принимать ее решения. Ты пойми, вопрос вовсе не в том, когда она... когда это

произойдет, а в том, что́ нам делать, как вести себя, пока не настанет конец.

– Черт... хреново. Как же это все хреново!

– Послушай, Чейз... – Тон, которым говорил дядя, тронул меня до глубины души. – Там, наверху, спит маленькая, напуганная девочка, и сейчас мы ей очень нужны. Нужны даже больше, чем раньше.

* * *

Настала суббота. Когда лучи раннего утреннего солнца осветили комнату и упали на лицо Томми, я уже не спал. Впрочем, этой ночью я так и не заснул по-настоящему – слишком уж много мыслей роилось в моей голове.

Прошел час, за ним – другой... Наконец веки Томми затрепетали, и она открыла глаза. Первые несколько минут никто из нас не произносил ни слова. Наконец Томми выпростала из-под одеяла руку и ощупью нашла мою ладонь.

– Наверное, мне следовало сразу тебе сказать.

Не сразу мне удалось поймать ее взгляд.

– Нам всем следовало сделать много всего...

Она села на кровати, покачнулась.

– Помоги мне дойти до ванной, ладно?

Поддерживая Томми под мышки, я подвел ее к раковине и, пока она обеими руками держала щетку, выдавил на нее немного зубной пасты. Потом я опустил крышку унитаза, чтобы Томми могла чистить зубы сидя. Когда она сплюнула в раковину, пена была в основном красного цвета.

– Если бы моя жизнь по-прежнему была фильмом, эту ее часть наверняка выбросили бы при монтаже, – заметила Томми, разглядывая себя в зеркале. – Мы были временными героями в бесконечной мыльной опере, – добавила она. – Актерский состав все время меняется, но сюжет – очень редко. Почти никогда.

Поднявшись, она обняла меня за шею, словно собираясь с силами и пытаясь взять себя в руки. Она повисла на мне всей тяжестью, и я уже собирался отнести ее обратно в постель, когда Томми вдруг сказала одну вещь, задуматься о которой мне помешали мой собственный эгоизм и слепая жалость.

– Знаешь, ты вовсе не единственный человек с пустотой в сердце. С девчонками это тоже случается, просто эту пустоту мы и вы заполняем по-разному.

Она вытерла глаза, потом взяла мое лицо в ладони и попыталась

улыбнуться.

– Все-таки в моем положении есть свои плюсы, – сказала Томми. – Как бы я ни старалась, я все равно не смогу расползнуться, а значит – теперь я могу есть все что захочу и сколько захочу. Например, сейчас мне хочется шоколада...

* * *

Иногда мне снится, что я снова застрял в кипарисовом пне. Мутная вода заливает меня с головой, я задыхаюсь, мои легкие пылают от недостатка воздуха, но дяди все нет и нет, и ни одна машина не сворачивает с шоссе на нашу подъездную дорожку. За мгновение до того, как окончательно провалиться во мрак небытия, я просыпаюсь и долго лежу, тяжело дыша и обливаясь потом, не в силах разжать пальцы, сжимающие деревянное изголовье кровати. Страх понемногу отступает, и я начинаю замечать, что вода больше не грозит захлестнуть, утащить меня на дно и что врывающийся мне в горло ночной воздух свеж и приятен. До самого утра я лежу и просто дышу, наполняя легкие живительным кислородом, и все-таки он уже не так сладок, как тот самый первый вдох, который я делаю, едва вынырнув из воды на поверхность.

Сейчас я прижался лбом ко лбу Томми и увидел черную воду, которая заливала ее с головой, почувствовал, как уходит у нее из-под ног последняя опора, и она начинает соскальзывать вниз, где нет ничего, кроме черноты.

Наконец она пришла в себя настолько, что смогла – с моей помощью – спуститься с лестницы. Через двор я вел ее под руку, чувствуя, с какой осторожностью она движется, как тщательно выверяет каждый следующий шаг.

– Иногда, – сказала по этому поводу Томми, – мне кажется, будто я иду по битому стеклу.

Я не ответил.

Когда мы вошли в кухню, дядя, тетя Лорна и Майки уже сидели за столом. Мальчишка ел овсянку и, почти не задумываясь, двигал фигуры на шахматной доске, стоявшей на столе между ним и дядей. В шахматах я по-прежнему разбирался не лучше, чем в квантовой физике, но даже мне было ясно, что дядины дела плохи.

Поздоровавшись, мы сели к столу, и тетя Лорна, вооружившись парой стеганых прихваток, достала из духовки только что испеченный фунтовый торт[51].

– Мэнди звонила, – сообщил дядя, ненадолго отвлекшись от доски. –

Сказала, что ей нужно заскочить к нам сегодня утром. По делу государственной важности.

Я кивнул. Позади меня тетя Лорна воткнула в торт десять разноцветных тонких свечей и взяла его, чтобы поставить на стол.

– Сдаюсь, – быстро сказал дядя, убирая со стола шахматную доску, и тетя поставила блюдо с тортом перед Майки. Он удивленно вскинул на нее взгляд, и тетя улыбнулась. Достав из кармана фартука спички, она стала одну за другой зажигать свечи.

– Поскольку мы не знаем точно, когда у тебя день рождения, – говорила она, – мы с дядей решили отметить его сегодня, то есть первого августа. С днем рождения, Бадди! – добавила она, целуя его в лоб.

Майки в растерянности выпрямился на стуле. Взгляд его перебежал с торта на нас и обратно.

– С днем рождения тебя-я!.. – запел дядя, и мы подхватили знакомый с детства мотив: – С днем рождения, с днем рождения!..

Свечи понемногу разгорались, освещая лицо Майки, который, казалось, пришел в еще большее замешательство. Мы допели нашу немудреную песенку и стали ждать, чтобы он задул свечи. Мальчик не шевелился, и я догадался, в чем может быть дело.

– Теперь ты должен их задуть, – подсказал я шепотом.

– Только сначала загадай желание, – добавила Томми.

Майки зажмурился, глубоко вдохнул, от чего его худенькие ребра разошлись в стороны, как мехи баяна, и выдохнул – медленно, но сильно. Когда он открыл глаза, над погашенными свечами поднималось десять сизых дымков.

Тетя Лорна вонзила в торт нож, отрезала большой кусок и, положив на отдельную тарелку, поставила перед мальчиком, а я невольно подумал, что самым замечательным было вовсе не то, что Майки ухитрился задуть все свечи разом, и даже не то, что все это время он держал дядю за руку. Самым замечательным была улыбка, появившаяся на лице мальчугана. Должно быть, по привычке Майки старался ее спрятать, но как только он забывал контролировать себя, улыбка расцветала вновь.

И это была настоящая *детская* улыбка. Ничего прекраснее я в жизни не видел.

Глава 27

В то лето, когда мы закончили среднюю школу и должны были пойти в старшую, в городе проходила двухнедельная окружная ярмарка. Благодаря этому событию на дядю Уилли пролился настоящий дождь зеленых бумажек: целыми днями он только и делал, что ковал лошадей для приехавших на родео кандидатов в ковбои или очищал от навоза стойла, в которых содержался привезенный на аукцион скот.

Мне ярмарка тоже подарила немало приятных минут. Я рос в пригороде Брансуика – «на выселках», как тогда говорили. В город я приезжал только в школу, поэтому в моей жизни было не так уж много интересного: даже рождение теленка у одной из дядиных коров казалось мне великим событием. Ярмарка с ее дешевыми чудесами будоражила меня, возбуждая любопытство, которое в одном конкретном случае оказалось полностью удовлетворено. Помните эпизод из «Паутины Шарлотты»[\[52\]](#), когда крыса Темплтон пробирается на ярмарку и наедается так, что ее потом полкниги тошнит? Со мной тоже произошло нечто похожее, хотя рассказывать и даже вспоминать об этом приключении мне не слишком приятно.

Все началось в пятницу вечером, когда я привел «Викки» в образцовый порядок и вместе с Томми поехал на ярмарку. Я не знал, что моя подружка уже тогда пыталась бороться со своими собственными демонами, поэтому, когда она предложила попробовать «капельку виски», возражать я не стал. Всего за пять долларов мы купили бутылку кукурузного самогона – редкостной дряни, как я понял впоследствии, но тогда нас это вряд ли могло остановить. В то лето мы запоем слушали по радио песню Дона Маклина «Прощай, американская девчонка»[\[53\]](#) и считали своим долгом распевать «То будет день, когда я умру...», пить дешевое виски и хлебную водку и ждать наступления «мрачных времен».

Поначалу все было как будто неплохо. Мы катались на карусели, пытались сбить бейсбольным мячом кегли, гасили свечи из водяного пистолета, ели сахарную вату, хот-доги и острые мексиканские чипсы. Голова у меня кружилась все сильнее, но я чувствовал себя совсем взрослым и не обращал на это особого внимания. Под конец нам захотелось прокатиться на чертовом колесе, и это меня доконало. Парень, управлявший колесом, то останавливал его, давая сойти тем, кто уже

накатался, то снова запускал, отчего меня начало мутить. Кроме того, я совершенно разучился владеть языком и губами; Томми, судя по ее невнятной речи, – тоже. Тем не менее, оказавшись на самом верху, мы допили все, что оставалось в бутылке, – и тут механик в очередной раз остановил колесо.

Это стало последней каплей.

Не обращая внимания на Томми, которая наблюдала за мной со смесью беспокойства и болезненного любопытства, я схватился обеими руками за поперечину защитного ограждения и, перегнувшись через него, от души забрызгал содержимым желудка шесть или восемь кабинок, подвешенных к ободу колеса под нами. Надо сказать, что до этого дня я не пил ничего крепче лимонада, поэтому происходящее стало для меня полной неожиданностью, я растерялся и не знал, как себя вести. У Томми, которая пару минут спустя последовала моему примеру, тоже не было никакого опыта подобного рода: ей даже не пришлось в голову перегнуться через ограждение, поэтому ее вырвало прямо на пол и частично мне на ноги.

К этому времени механик, управлявший чертовым колесом, начал что-то подозревать, да и люди, сидевшие в других кабинках, подняли крик. По какой-то причине это показалось нам с Томми безумно смешным: минут пять мы хохотали как безумные, потом нас снова тошнило, так что, когда наша кабинка наконец опустилась вниз, небольшая бетонная площадка у основания чертова колеса остро нуждалась в том, чтобы кто-то прошелся по ней с канистрой солянки и горелкой.

Что было потом, я помню не слишком отчетливо. Кажется, нам все же удалось добраться до больших полотняных павильонов ярмарки. Там мы нашли укромный уголок и отключились.

Разбудила меня острая боль в голове. Ощущение было такое, словно мне в затылок вогнали топор. Солнце уже встало и немилосердно жгло наши лица, к тому же кто-то пару раз пнул меня по ноге. С трудом открыв глаза, я увидел дядю.

– Ну, хорошо повеселились? – спросил он.

Я зажмурился, но солнце снялось с места и, приблизившись к моему лицу почти вплотную, обжигало сетчатку даже сквозь опущенные веки. Я попытался кивнуть, но подступившая к горлу тошнота заставила меня замереть. С трудом подняв руку, чтобы заслониться от беспощадного дневного света, я прошептал:

– Пожалуйста, не трогай меня... у меня перед глазами все кружится...

Но разжалобить дядю мне не удалось.

– Раз вы оба намерены вести аристократический образ жизни, я вряд

ли смогу вам это запретить. Да и уговоры, наверное, не помогут... В конце концов, вы уже достаточно взрослые, чтобы принимать самостоятельные решения, – заметил он, качая головой и приносясь к исходящим от нас разнообразным запахам. – Но если вам по силам целую ночь валять дурака, значит, вы вполне в состоянии проработать весь день как порядочные люди. Ну-ка, поднимайтесь!..

Голос у него был таким, что я понял: повторять дядя не будет.

Не без труда я вскарабкался на ноги. Разумеется, меня снова затошнило, но желудок был уже пуст. Рвотные спазмы, однако, были такой силы, что я не удержался и упал на колени, угодив обеими руками в большую кучу конского навоза. Поглядев вниз, я только головой затряс от отвращения.

– Не понимаю, что тебе не нравится, – пожал плечами дядя. – Ты спал на этой куче всю ночь и как будто нормально выспался, только испачкался немножко. У тебя даже в волосах дерьмо.

После этого дядя отвел нас обоих к стойлам и вручил грабли и тачку.

– Принимайтесь за работу, – скомандовал он. – Вы должны вычистить все стойла. Отдохнете, когда закончите.

Я бросил унылый взгляд на длинный ряд загонов для лошадей и коров. Их было не меньше сотни. Именно в этот момент я пообещал себе, что впредь постараюсь не делать откровенных глупостей.

За все время, пока дядя меня отчитывал, Томми не произнесла ни слова. Судя по всему, она еще не отошла. Ее лицо и подбородок были покрыты засохшей рвотой, грязные волосы прилипли к щекам, взгляд покрасневших глаз был бессмысленным и мутным. Как только дядя ушел, Томми прилегла в теньке и снова отключилась, а я семь часов кряду выковыривал навоз из соломенной подстилки и, погрузив в тачку, отвозил к мусорным контейнерам.

И все эти семь часов в моей голове продолжал звучать голос Дона Маклина, который тосковал по хорошим новостям.

Была уже вторая половина дня, когда я отважился сходить и посмотреть, чем занят дядя. Он как раз подковывал укрючную лошадь^[54]: зажав между коленями ее заднюю ногу, он слегка подпилит рашпилем переднюю роговую стенку, а потом принялся расчищать стрелку деревянным ножом. Пот ручьями стекал по его лбу, на предплечье краснела свежая ссадина, и весь он был сплошь покрыт грязью и пылью. Заметив меня, дядя лишь слегка приподнял голову и, не сказав ни слова, вернулся к работе.

Я как раз собирался произнести пространную покаянную речь,

которую составлял большую часть дня, когда к конюшням подошли двое незнакомых парней, каждый из которых держал в руках плотный бумажный пакет со спрятанной внутри бутылкой пива. Первый – высокий, темноволосый, с массивными золотыми часами на руке – всмотрелся в лицо дяди и слегка толкнул своего приятеля в плечо.

– Погляди-ка! – воскликнул он. – Знаешь этого типа? Это же самый известный в округе вор и убийца!

Дядя бросил на него быстрый взгляд, но в его лице не дрогнул ни один мускул. Парни тем временем приблизились еще на несколько шагов и заговорили нарочито громкими голосами, привлекая всеобщее внимание:

– Эй, скорее сюда! Смотрите все! Вот подходящее наказание для такого, как он! Лучше даже, чем порка у позорного столба, верно? Нет, вы только поглядите на этого грязного клоуна! Во всем Брансуике... да что там – во всей Джорджии не сыщешь второго такого клоуна-убийцу!

При этих словах я почувствовал, как мой мозг заволакивает горячий туман. Ощущение было почти таким же, как вчера вечером, только на этот раз виски было ни при чем.

– Поглядите-ка на него получше! – Парни сбили с дяди шляпу и некоторое время играли ею в футбол, а потом втоптали в самую большую кучу конского дерьма. Пока один вбивал ее каблуками поглубже, второй паясничал и кривлялся, пародируя циркового конферансье. В течение нескольких секунд вокруг собралась небольшая толпа.

– Подходите, джентльмены, подходите, но только по одному! Один пинок – совершенно бесплатно! Вам предоставляется прекрасная возможность восстановить справедливость. Каждый, кто потерял свои сбережения, наследственные капиталы или последнюю рубашку в результате нашумевшего ограбления «Сута-банка», может от души пнуть этого человека. Вот увидите, вы сразу почувствуете себя лучше!

Выкрикнув эти слова, парень повернулся и выплеснул пиво прямо на морду лошади. Должно быть, пена и алкоголь попали ей прямо в глаза. Испуганная лошадь попятилась и встала на дыбы, оборвав поводья, которыми она была привязана к дядиному прицепу. В следующее мгновение она принялась лягаться. Обе задние ноги ударили дядю в грудь, словно пушечное ядро. От удара он отлетел назад и ударился о стену конюшни. Когда я подбежал к нему, глаза его были закрыты, а из уголка губ стекала на подбородок струйка крови. Рубашка на груди тоже покраснела и топорщилась, приподнятая сломанным ребром, проткнувшим кожу, из-за чего дядя едва мог дышать.

Люди вокруг закричали, кто-то громко звал врача, который, к счастью,

оказался поблизости (впоследствии он сказал нам, что у дяди сломано семь ребер), но парень с пивом не унимался. Шагнув вперед, он больно ткнул меня пальцем в грудь.

– Тебе повезло, что ты не его родной сын, – сказал он, обдав меня густым запахом пива. – Был у него сынок, да нашлись добрые люди, которые поджарили его до хрустящей корочки и подбросили на ступени суда. Нет, ни один нормальный человек не захочет, чтобы его родной отец был таким дерьмом! – И, плюнув дяде в лицо, он преспокойно направился к автомату, торговавшему сладкой ватой.

Голова у меня по-прежнему раскалывалась от боли, во рту было сухо, как в Сахаре, но я все же сумел понять то, чему только что стал свидетелем. Раньше мне и в голову не приходило, что жители Брансуика до сих пор винят дядю во всем, что произошло когда-то в городе и в округе Глинн – и ненавидят его за это. Теперь я воочию увидел, что их ненависть не только не остыла, но даже стала сильнее. Почему – этого я никак не мог взять в толк. Похоже, кто-то когда-то намеренно искажил факты до такой степени, что люди потеряли способность смотреть на вещи здраво.

А ведь мне казалось – только глупец может обвинять дядю в тех давних преступлениях. Я был уверен – то, что очевидно мне, должно было быть совершенно ясно и всем остальным. Если бы дядя действительно был грабителем и убийцей, разве жил бы он сейчас на те гроши, которые зарабатывал, выгребая навоз и подковывая чужих лошадей? В конце концов, то давнее ограбление «Сута-банка» обошлось ему слишком дорого – из-за него дядя лишился карьеры и наследства, потерял жену и сына. Неужели все это стоило тех несчастных шести или семи миллионов в облигациях, которые и реализовать-то нельзя, говорил я себе. Еще недавно эти аргументы казались мне совершенно неопровержимыми, но сейчас, увидев перед собой столько людей, объединенных общей ненавистью, я заколебался. Быть может, это со мной что-то не так? Может быть, это я ошибаюсь, а все остальные – правы? Мне очень хотелось задать эти вопросы парням с ярмарки, но у меня просто не было такой возможности.

Когда прилетел вызванный врачом вертолет, чтобы отвезти дядю в больницу, мы с Томми отправились с ним. Операция длилась два с лишним часа и закончилась вполне успешно, однако прошло целых два месяца, прежде чем дядя сумел встать на ноги, чтобы дойти хотя бы до оранжереи, и еще месяц, прежде чем он начал задумываться о том, чтобы вернуться к работе. Все это время я, как мог, заменял его, работая после школы на уборке навоза. Тетя Лорна тоже использовала каждую возможность, чтобы остаться на вторую смену в закускойной на стоянке для дальнобойщиков,

где она тогда работала.

И все же была еще одна вещь, которая на протяжении многих лет не давала мне покоя и над которой я ломал голову больше, чем над чем-либо еще. За все годы я так и не смог привыкнуть к тому, что дядя никогда не сердится и не выходит из себя. Я, во всяком случае, ни разу не видел его по-настоящему сердитым. Казалось, что все зло, с которым он сталкивался, не задерживается в его сердце, свободно вытекая наружу через дыру, оставленную смертью жены и сына.

Я, конечно, не специалист, не эксперт-психолог, но одно я знаю твердо: отрицательные эмоции сродни алкоголю. Если выпить слишком много виски, настанет момент, когда выпитое извергнется обратно. То же самое относится и к гневу. Можно считать себя терпеливым, снисходительным, смиренным, но ни один человек – даже дядя – не способен ни подавить свой гнев полностью, ни спрятать его достаточно глубоко. Придет день, когда подспудная ярость вырвется наружу, точно раскаленная лава из жерла вулкана, – вырвется, чтобы разметать клочья растерзанной души по всем уголкам земли. Было время, когда мне хотелось своими глазами увидеть подобное извержение, но теперь... теперь не знаю.

Наверное, я просто боюсь того, что может тогда произойти с дядей.

Глава 28

Я никогда специально не интересовался ни ВИЧ, ни СПИДом и имел о них довольно смутное представление. Каждый раз, когда я слышал эти слова, передо мной возникали фотографии исхудавших лысых мужчин с выпученными глазами, которые умирали медленной, мучительной смертью в стерильных больничных палатах. А еще был уверен, что этой болезнью болеют только мужчины-гомосексуалисты, а вовсе не маленькие девочки из Южной Джорджии, которые любят рыбачить, кататься на карусели и смотреть бейсбольные матчи.

Я ошибался и теперь должен был расплачиваться за свое невежество.

Приехав на работу пораньше, я ввел в поисковое окно «Гугла» аббревиатуру «ВИЧ» и занялся самообразованием. Часа через два я взялся за телефон и позвонил в Калифорнию – врачу, разместившему в Сети несколько материалов об этом страшном вирусе. В отличие от статей большинства специалистов доктор Майерс – так его звали – писал простым и доступным языком, понятным даже такому невежде, как я.

Секретарша врача взяла трубку на втором звонке, и я, представившись журналистом, попросил позвать к телефону доктора Майерса. Он оказался на приеме, но через минуту или две секретарше удалось установить соединение через компьютер, и я сказал:

– Здравствуйте, я – специальный корреспондент «Брансуик дейли» Чейз Уокер из Южной Джорджии. Дело в том, что в последнее время в нашем городе участились случаи заболевания ВИЧ, и в этой связи мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– Спрашивайте, – ответил доктор Майерс. – Только заранее прошу простить меня, если я буду краток. Я как раз веду прием пациентов, у которых может оказаться гораздо меньше времени, чем у вас.

– В таком случае начну с главного. Можно ли победить ВИЧ-инфекцию?

– На ранних стадиях лечение часто проходит успешно. Запущенные случаи, к сожалению, пока неизлечимы. По крайней мере, такие факты науке неизвестны. Впрочем, с помощью лекарств врачам иногда удается уничтожить вирус в крови больного, у которого в таком случае появляется реальный шанс дожить до старости. Некоторые мои пациенты больны уже по десять-пятнадцать лет, но с чисто медицинской точки зрения они

здоровее меня.

– То есть ВИЧ – это вовсе не смертный приговор?

– Скажем так: это заболевание по-прежнему опасно, но не в такой степени, как в восьмидесятых. Раньше единственным известным лекарством от ВИЧ был зидовудин. Применяя его в больших дозах, врачи могли продлить жизнь пациента всего на пару лет. Кроме того, зидовудин давал не слишком приятные побочные эффекты. Со временем науке удалось точно установить, что вирус внедряется в клетку и поражает ДНК, в результате чего происходит ее обратная транскрипция. Проще говоря, дальнейший синтез ДНК происходит на основании информации, содержащейся в одноцепочечной РНК вируса, что в конечном итоге приводит к перерождению клеток и разрушению всей иммунной системы. Дело осложняется тем, что этот процесс развивается не последовательно, а лавинообразно... Помните шуточный вопрос, когда у человека спрашивают, что бы он хотел получить: миллион долларов или цент, который удваивался бы каждый день в течение самого длинного месяца в году? Люди обычно говорят – миллион, и ошибаются: за тридцать один день цент превращается в куда бóльшую сумму. Примерно то же самое происходит и с клетками иммунной системы... но я, кажется, отвлекся. Важным шагом в лечении ВИЧ-инфекции стало открытие эффективных ингибиторов обратной транскриптазы. Эти вещества препятствуют неправильному синтезу ДНК в клетках, благодаря чему вирус переходит в латентное состояние.

– То есть он как бы «засыпает»?

– Можно сказать и так, да. И если начать процесс лечения достаточно рано, можно добиться того, что в крови пациента не будет обнаруживаться никаких следов вируса.

– Что это значит – «достаточно рано»?

– На самом деле тут многое зависит от организма самого больного. Одни поддаются вирусу достаточно быстро, другие сопротивляются дольше, так что проходит довольно много времени, прежде чем они начинают обращать внимание на симптомы. Тут все дело в состоянии иммунной системы человека до заражения.

– А что бывает в случаях, если инфицирование вирусом иммунодефицита накладывается на другие заболевания крови?

– Хороший вопрос, мистер, э-э... Уокер. Дело в том, что в наше время известно уже несколько разновидностей вируса, каждый из которых обладает своими индивидуальными особенностями. И человек может быть носителем не одного, а сразу нескольких видов ВИЧ. Воздействуя на один

из них, мы невольно создаем благоприятные условия для развития остальных. А если человек при этом болен еще и гепатитом, вот тогда и начинаются настоящие проблемы.

– Не могли бы вы немного пояснить ваши слова?

Доктор Майерс немного помолчал.

– Как я уже сказал, – продолжил он после паузы, – в случае заражения сразу несколькими типами ВИЧ борьба только с одним из них стимулирует развитие остальных. Если оставить все как есть, разные штаммы начинают конкурировать друг с другом, размножаться ускоренными темпами, что для пациента не менее губительно. В общем, куда ни кинь...

– И сколько может прожить пациент, зараженный сразу несколькими разновидностями ВИЧ?

– Если диагноз поставлен своевременно, такой больной может прожить года два, а может и пять, и десять лет, но это, пожалуй, максимальный срок. Тут многое будет зависеть от таких нематериальных вещей, как сила воли.

– Сила воли?

– Чтобы выздороветь или, в нашем случае, чтобы хотя бы чувствовать себя лучше, человек должен очень этого хотеть. К сожалению, не у всех хватает упорства и силы воли, чтобы ежедневно принимать огромное количество лекарств, да еще следуя довольно сложной схеме. Конечно, страх смерти – довольно сильный стимул, но иногда ему не под силу изменить человеческий характер.

– А если применять эти ингибиторы на более поздних сроках?

– Такой вариант тоже возможен, но... Поймите, мистер Уокер: СПИД – а на поздних стадиях уместно говорить уже о СПИДе, а не о ВИЧ-инфекции, – это не кашель, который проходит, как только вы проглотите соответствующую таблетку. Каждый больной рано или поздно достигает точки невозврата, когда его организм уже настолько разрушен, что никакое лекарственное средство не способно исправить нанесенный вирусом ущерб. Такой человек фактически обречен, дело только во времени.

– И... сколько времени он может прожить?

– Тут, опять же, все зависит от конкретного человека. Кто-то сторает за неделю, кто-то проживет несколько месяцев или даже год. Когда болезнь достигает критической стадии, оставшееся пациенту время является производной от уровня развития инфекции, помноженного на коэффициент сопротивления иммунной системы и разделенного на вероятность подхватить любое другое, не связанное с ВИЧ, заболевание. Такова

примерная формула расчета срока жизни больного, но она, к сожалению, дает лишь приблизительные результаты, которые к тому же часто опровергаются практикой. У меня были пациенты, которые умирали буквально на первом же приеме, но они, к сожалению, слишком медлили с обращением к врачу. Но есть больные, которые обратились в клинику лет десять назад. Мы их подлечали, как могли, и они до сих пор живы.

– Что бывает с человеком, когда наступает конец? Я имею в виду – внешние признаки, симптомы...

– Картина, к сожалению, чаще всего бывает ужасной, такого и врагу не пожелаешь. Человек способен выдержать температуру до 104[55]. При более высокой температуре белки человеческого тела теряют свои свойства и начинают разлагаться. При температуре 105 начинаются бред, помрачение сознания, конвульсии, потеря контроля над внутренними органами... – Врач немного помолчал. – Вам никогда не приходилось видеть – хотя бы по телевизору – больного геморрагической лихорадкой?

– Приходилось. Это был сущий кошмар.

– В нашем случае дело обстоит еще хуже. У больных СПИДом развивается синдром десименированного внутрисосудистого свертывания крови...

– Как-как вы сказали?

– Для краткости его называют просто ДВС-синдром. Проще говоря, кровь в мелких сосудах начинает сворачиваться, образуя тромбы, и не в каком-то одном месте, а по всему телу. Организм человека способен вырабатывать антикоагулянты, но в конце концов он перестает справляться с массивным тромбообразованием. В результате нарушается микроциркуляция крови в мозгу, почках, печени и других органах, после чего начинается обратный процесс: тромбы растворяются, а кровь перестает сворачиваться вовсе. Гипокоагуляция развивается стремительно, пациенты страдают от обильного внутреннего кровотечения во всех органах... Мы, врачи, считаем большим везением, если сгусток крови в мозгу или в легких прекращает мучения больного еще на стадии тромбообразования.

– Мне почему-то казалось, что наука уже научилась справляться с... с ВИЧ-инфекцией. Ну или, по крайней мере, сдерживать ее достаточно долго.

– Исследования продолжаются, мистер Уокер. Наука – особенно в последнее время – развивается стремительно, однако эта болезнь постоянно опережает нас на один шаг. Не успеем мы разработать новое эффективное лекарство от вируса, как он видоизменяется, становясь

невосприимчивым к любым внешним воздействиям, и тогда нам приходится начинать все сначала. Способность этого вируса видоизменяться, приспосабливаться – это нечто потрясающее, и если бы не... если бы не побочные эффекты...

– Вы восхищаетесь болезнью, которая убила столько людей?

– Не восхищаюсь, нет. Просто я стараюсь объективно оценивать те сложности, с которыми сталкиваются ученые, которые пытаются найти средство от этой болезни. Я жалею тех, кто болен, и от души сочувствую их родным и близким, но... Этот вирус не похож ни на что, с чем мне приходилось сталкиваться. Если бы я мог, я бы навсегда изгнал эту болезнь из нашего мира, но, к несчастью, у меня нет волшебной палочки, чтобы разделаться с ней в мгновение ока. Врачам, ученым предстоит долгая и трудная борьба, и еще много людей умрет, прежде чем будет найдено лекарство, способное справляться с вирусом на любой стадии. Я занимаюсь ВИЧ-инфекциями и СПИДом уже больше двадцати лет и видел немало смертей, но хуже всего вовсе не смерть тела, хотя она и сопровождается ужасными мучениями. Самое скверное в этой болезни – это то, как она поражает психику человека.

– Что вы имеете в виду?

– Скажите, мистер Уокер, когда вы в последний раз задумывались о смерти?

Я не нашелся, что ответить.

– Вот видите! А большинство инфицированных ВИЧ думает о ней каждый день, каждую минуту. Быть может, они не концентрируются на ней постоянно – какая психика это выдержит? – но мысль о смерти постоянно присутствует у них в подсознании. Она может не влиять на их общее состояние и поведение, но каждый раз, когда такой больной принимает свои лекарства – а некоторые делают это по нескольку раз в день, – он думает о том, что может умереть в самое ближайшее время. А такие мысли не могут не разрушать душу человека.

– И что с этим можно сделать?

Майерс усмехнулся.

– Я врач, а не философ.

С каждой минутой доктор Майерс нравился мне все больше и больше. При других обстоятельствах я бы поставил ему пиво и попытался расспросить, где он учился, почему выбрал медицину и начал специализироваться именно на СПИДе, но сейчас это было не слишком удобно, к тому же его действительно ждали пациенты. Тем не менее я все же не удержался:

– А почему вы решили заниматься именно СПИДом?

Он ответил не сразу.

– Видите ли, моя жена... После пустячной хирургической операции ей понадобилось переливание крови. Тогда про ВИЧ никто не знал, не знал, что этот вирус передается через кровь. Она умирала у меня на глазах; я видел, что сделала с ней болезнь, но ничего не мог поделать, не мог даже облегчить ее страдания... Остальное, я думаю, ясно.

– Спасибо, док.

– Не за что. Обращайтесь.

* * *

Вернувшись домой, я обнаружил Томми сидящей под апельсиновым деревом на заднем дворе. За те четыре недели, что она провела у нас, Томми еще больше исхудала, став похожей на те живые скелеты, которые я рисовал в своем воображении.

Я сел рядом, сорвал травинку и, сунув стебелек в рот, сказал:

– Как раз сегодня утром я разговаривал с одним очень интересным человеком...

Томми вытянулась на траве, пристроив голову у меня на коленях.

– С кем это?

– С доктором Майерсом из Калифорнии.

– Вот как? И чем он занимается?

– Он специалист по ВИЧ-инфекциям.

– А-а... – Томми закрыла глаза, и я провел рукой по ее волосам. – И что он сказал?

– Много чего.

Открыв глаза, она посмотрела на меня.

– Не борзей, малец. Как-никак, я старше тебя на целую неделю!

– Ну да. Это даже со стороны заметно.

Томми фыркнула.

– Когда я попаду в рай, то обязательно скажу Богу, что ты не уважаешь старших. А ведь я не только старше тебя, но и опытнее. Как-никак, я побывала в Калифорнии и, следовательно, повидала свет.

– Ну-у... Даже не знаю, как это воспринимать!

Она снова засмеялась.

– Да брось ты! Вы с дядей Уилли постоянно подшучивали друг над дружкой, и я просто пытаюсь припомнить, как это делается.

Некоторое время мы молчали, наслаждаясь теплым дыханием летнего

ветерка, шевелившего траву вокруг нас.

– Ну и что он сказал, этот твой доктор?

– Тебе подробно или покороче?

Она слегка пожала плечами.

– Что-то мне подсказывает, что подробности я и так знаю. Давай короче.

– Если короче, то... В общем, он сказал, что есть лекарства, которые в зависимости от конкретных обстоятельств могут обеспечить тебе... – я посмотрел в сторону дома, где дядя Уилли учил Майки обращаться с его новым карманным ножом, – возможность еще пару десятилетий любоваться дядиными орхидеями.

Томми улыбнулась.

– Это было бы неплохо. Мне нравится, как они цветут.

– Тогда почему мы валяемся здесь, а не летим к этому доктору?

Она набрала в грудь побольше воздуха.

– Я... заразилась года четыре назад. Вообще-то в Калифорнии проверка на ВИЧ-инфекцию поставлена очень неплохо, но ни один анализ не дает стопроцентно верного результата. Это скажет тебе любой врач. Кроме того, положительные результаты означали бы конец моей карьеры в кино... – Томми еще раз вздохнула. – В общем, после нескольких лет постоянных пирушек и недельных загулов, каждый из которых подразумевал много мужчин и еще больше внутривенных вливаний, я однажды очнулась на полу в комнате, которой я никогда не видела, в доме, где я никогда не бывала, среди людей, которых я не знала. Выйдя оттуда, я отправилась в ближайший медицинский центр и заново сдала анализы. Отчего-то мне хотелось думать о будущем, а не о прошлом, но... – Она снова открыла глаза и посмотрела на меня. – Как очень быстро выяснилось, моя иммунная система была почти разрушена, а сама я находилась буквально на волосок от точки невозврата. Конечно, я начала лечиться. Лечение заключалось в сверхбольших дозах ингибиторов протеазы, и поначалу они как будто подействовали... К сожалению, угнетая одну разновидность инфекции, они создавали благоприятные условия для других штаммов вируса... Этакая извращенная «уловка-22»[\[56\]](#)... – Томми зажмурилась. – С тех пор я принимаю только болеутоляющие лекарства.

Мгновение спустя она неожиданно села, обняла меня за спину и прижалась ухом к груди.

– Вот такая история... вкратце.

– Сколько времени ты провела в больнице, прежде чем позвонила дяде Уилли?

– Пару недель, не больше. Правда, в самом начале я чуть не умерла: сердце остановилось, и врачам пришлось заводить меня «с толкача», как они выразились. Как это делается, ты, наверное, видел по телевизору, в сериалах про врачей. Берутся такие белые штуки, похожие на биты для аэрохоккея, и... Кстати, это довольно болезненная процедура, так что постарайся до нее не доводить.

Еще некоторое время мы сидели молча, прислушиваясь к стуку наших сердец. Наконец Томми снова улеглась на траву, слегка потирая грудь в тех местах, где к ней прикладывали «утюги» дефибриллятора. По-видимому, одного воспоминания об этой операции ей оказалось достаточно, чтобы кожа в районе сердца начала зудеть и чесаться.

– Пока я была в больнице, мне часто снился один сон, – проговорила Томми, обращаясь к ветвям апельсинового дерева над нашими головами. – Как будто я стою на винтовой лестнице внутри высокого маяка. Лестница вьется вдоль стен, и на ней стоит еще множество людей, и все они то и дело поглядывают куда-то вверх, словно надеются увидеть там кого-то, кто находится на самой вершине башни, – смотрителя маяка или как там они называются... Потом я замечаю, что каждый человек держит в руках книгу – у кого-то она толстая, как большой фотоальбом, а у кого-то не толще блокнота, и все эти люди что-то лихорадочно пишут на последних страницах – точь-в-точь как школьники, которые спешат доделать домашнее задание до начала уроков.

Время от времени наша очередь поднимается на ступеньку вверх, к вершине башни, и в конце концов я замечаю смотрителя. Он сидит на верхней площадке за столом и внимательно читает, что написано в книгах, которые протягивают ему люди. Если написанное ему нравится, он ставит книгу на полку за своей спиной. Это очень длинная – длиной, наверное, в несколько миль – полка, и на ней уже стоит несколько тысяч или миллионов очень красивых книг в кожаных переплетах и с золотым тиснением на корешках.

Но смотрителю нравятся вовсе не все книги. Несколько штук он швырнул вниз, прямо в центральный проем башни. Я видела, как они летят мимо меня и, трепеща листьями, падают в огромный костер у подножия лестницы...

Томми немного помолчала, а потом продолжила:

– И тут я замечаю, что тоже держу в руках какую-то книгу. Я открываю ее и вижу, что в ней день за днем описана вся моя жизнь. Я начинаю читать, и мне становится ясно: то, что там написано, мне совсем не нравится, а некоторые главы и вовсе вгоняют меня в тоску и уныние. Я

чуть было сама не бросила книгу в огонь, но она вдруг открылась на последних страницах, и я увидела, что там никаких записей нет. Наша очередь по-прежнему движется очень медленно, и я думаю, что у меня еще есть время, чтобы заполнить эти страницы... Я даже знаю, что мне хочется там написать, поэтому я поднимаю руку – совсем как в школе на уроках. Остальные смотрят на меня как на сумасшедшую, но меня это не останавливает. В конце концов, что я теряю, думаю я. Ведь я уже умерла!

В общем, каким-то образом я обгоняю всех и, поднявшись на самый верх, говорю зрителю: «Извините, сэр, но моя история вам вряд ли понравится. Вот если бы мне удалось заполнить последние страницы в моей книге, тогда, быть может, вы остались бы довольны». Тут у него делается такое лицо, будто он уже знает, о чем я собираюсь его просить! Я осмелела и говорю: «Позвольте мне сейчас уйти. Я вернусь, как только заполню пустые страницы, обещаю!»

Этот зритель – он долго смотрел на меня, потом улыбнулся и кивнул, – и, знаешь, что я тогда делаю? Я поворачиваюсь к человеку, который стоял на лестнице на ступеньку ниже меня, и говорю ему: «Сохраните мое место, пожалуйста», а сама спускаюсь вниз, к двери... – Она рассмеялась. – А самое интересное, что, когда я уже выходила из башни, все, кто стоял на этой лестнице, тянули руки вверх!

Томми уселась по-турецки, потом провела большим пальцем по моему лбу, по подбородку.

– Ну что, – спросила она, – думаешь, я совсем сбрендилла?

Я улыбнулся и кивнул – и тут же заработал дружеский тычок в плечо.

– Почему ты соглашаешься? Ты не должен соглашаться!

– А что я могу сказать, если ты действительно ку-ку?..

Потом мы долго сидели молча и ничего не говорили. Мы просто были вместе, и нам этого хватало. Наконец Томми пошевелилась.

– Знаешь, там, в Калифорнии... Я сделала своей домашней страницей сайт «Брансуик дейли». То есть в каком-то смысле в последние пять лет я разговаривала с тобой два, а то и три раза в неделю.

– Мне всегда казалось, что разговор – это когда твой собеседник имеет возможность ответить.

– Я знаю. Я только хочу, чтобы ты знал: я про тебя вовсе не забыла. Я следила за тобой, интересовалась...

– И все-таки я думаю, что ты выбрала довольно странный способ общения. Несколько односторонний...

Она кивнула и, придвинувшись ближе, обняла меня за шею.

– Ты сердисься и правильно делаешь. Я бы на твоём месте тоже

рассердилась. – Томми пожала плечами. – Я и злилась, но только не на тебя, а на себя, но, к сожалению, это ничего не изменило.

– Злиться на себя можно сколько угодно, – кивнул я. – Но это ничего не даст. Нужно что-то *делать* ...

– Кстати, о «делать»... Я хотела попросить тебя об одном одолжении...

У Томми всегда была бездна обаяния, которому я не мог сопротивляться, поэтому сейчас я старался хотя бы не смотреть на нее. Сорвав еще одну травинку, я принялся жевать ее с самым независимым видом. Мне хотелось, чтобы Томми поняла, какую боль причинил мне ее отъезд.

Томми слегка подалась вперед и смотрела на меня до тех пор, пока я, не выдержав, не повернулся в ее сторону.

– Это будет непросто, но... но обещаю тебе, что постараюсь, ладно?

Я ждал, что она скажет дальше.

– Прости меня, хорошо?

Я улыбнулся.

– Ты права, это *очень* непросто.

– И все-таки постарайся. Настанет день, и ты поймешь, что поступил правильно.

– И когда он настанет, этот день?

– Скоро. – Томми тоже улыбнулась. – Мне осталось дописать всего несколько страниц.

– А я смогу их прочитать?

– Не знаю, но... В любом случае ты будешь первым.

Я покачал головой.

– Когда ты уехала, у меня в сердце появилась дыра, которая очень, очень долго не зарастала. В конце концов я все-таки приучил себя к тому, что тебя нет рядом, но ты вернулась, и старая рана открылась вновь.

Томми вскинула голову – в ней внезапно пробудилась актриса.

– Ты сам это придумал или где-нибудь прочел?

– Томми...

– Между прочим, ты здесь не единственный, кто ранен в сердце своими самыми близкими людьми. Мой отец... вспомни, что он со мной сделал.

– Я помню, но у меня-то отца и вовсе не было. Пока ты была рядом, я иногда об этом забывал, но...

– Пока ты был рядом, и мои раны болели не так сильно.

– И все-таки у тебя *был* отец. Правда, он оказался... нехорошим человеком, и тем не менее...

Томми уставилась на меня.

– По-моему, – медленно проговорила она, – ты сейчас просто притворяешься, разыгрываешь из себя несчастненького. На жалость бьешь, да?

Я улыбнулся.

– Так, самую малость... Но, похоже, не слишком успешно.

Она покачала головой.

– Я так и думал!

– Слушай, если ты хочешь, чтобы я чувствовала себя виноватой за то, что уехала в Калифорнию, за то, что не звонила, заболела опасной болезнью, а потом вернулась домой умирать, можешь успокоиться – мне очень, очень плохо. Даже не знаю, может ли быть хуже.

– Извини, но... Я имел в виду – у тебя было гораздо больше времени, чтобы смириться с неизбежным.

– Кто тебе сказал, что я смирилась?

– Не передергивай. Ты прекрасно поняла, что я хотел сказать.

– Чейз... Я полюбила тебя еще до того, как мы впервые увидели друг друга, и, когда я уехала на запад, мое сердце расколосось пополам. Пока я жила в Калифорнии, я много раз набирала твой номер... но потом вешала трубку.

– Почему?

Она коснулась кончиком пальца моего носа и слегка надавила.

– Мне не хотелось, чтобы ты узнал, во что я превратилась, – ответила Томми, слегка наклонив голову. – Мне было стыдно, Чейз. Так стыдно, что я испытывала почти физическую боль. И эта боль станет еще сильнее, если остаток своих дней мне придется прожить, зная, что ты меня презираешь.

Я обнял ее за плечи и крепко прижал к себе.

– Я никогда не буду тебя презирать, Томми. Просто не смогу. Ведь я смотрю на тебя глазами своего раненого сердца. Ты с каждым днем худеешь все больше, и мое сердце все сильнее болит.

– Чейз...

– Что?

– Спасибо.

– Мне будет очень тебя не хватать.

Согнутым пальцем она смахнула слезинку, скатившуюся по моей щеке.

– Мне тебя *уже* не хватает.

Ее взгляд был устремлен куда-то очень далеко – за границу пастбища, за горизонт и еще дальше – за пределы земной атмосферы. Казалось,

Томми понемногу растворяется, уходит от нас по той дороге, что ведет за край вселенной.

– Эй, я вот что подумала... – сказала она совсем другим тоном и, взяв меня за подбородок, развернула к себе. – Если ты разговаривал с этим... доктором Майерсом, значит, ты знаешь, каким будет конец. – Она внимательно посмотрела на меня. – Пожалуйста, когда придет время... не звони в 911. Никаких врачей, никаких больниц, ладно?.. – Томми сглотнула. – Дай мне просто вернуться домой.

* * *

Дядя нашел меня на крыльце, когда все остальные уже давно легли спать. Остановившись у перил веранды, где плетистые розы тети Лорны карабкались вверх по дымоходу, он с наслаждением принюхался, потом сорвал несколько цветов и сел на ступеньки рядом со мной. Минуты три дядя набивал трубку, потом еще столько же времени раскуривал.

Я улыбнулся.

– И давно ты начал курить? Да еще трубку?

Дядя откашлялся.

– Минут пять назад.

– Ну и как, нравится?

– Я еще не решил.

После этого мы долго сидели молча – дядя курил, я просто дышал свежим ночным воздухом. Наконец он в очередной раз затянулся, и его глаза чуть заметно блеснули в полутьме.

– Ты, кажется, разговаривал сегодня с Томми...

Я покачал головой.

– Ничего-то от тебя не скроется.

– Особенно если речь идет о важных вещах, – уточнил дядя и снова засипел трубкой. – Ну так как?

– Да. Мы разговаривали.

– Ты получил ответы на свои вопросы?

Я пожал плечами.

– Скорее да, чем нет.

Дядя зажал трубку в зубах.

– Ну и что?

– Что значит – «что»?

Он слегка пошевелил бровями.

– И что теперь?

- Понятия не имею.
- Может быть, ты узнал не все, что хотел?
- А что тут еще знать?
- Дело не в том, что знаешь ты, а в том, что́ знает она.

Дядя хотел мне помочь, хотел меня как-то подбодрить, и я это понимал. И еще я понимал, до чего мне нужны эти его забота, внимание, помощь.

– Что ты имеешь в виду?

– Моя жизнь была совсем не такой, как мне хотелось. Не такой, как я надеялся, как я мечтал... С другой стороны, я далеко не единственный, чьи мечты и надежды так и не сбылись, – есть люди, которым пришлось еще хуже моего. Такова жизнь, Чейз: плохое и хорошее идут в ней рука об руку, и человек не должен отказываться ни от одного, ни от другого. Нужно просто жить с тем, что выпадает тебе на пути, приспособливаться, стискивать зубы и терпеть в ожидании лучших времен. Без худа нет добра, потому что только пройдя через беды и страдания, можно узнать настоящее счастье. И даже если череда невзгод затянулась, нельзя думать, будто в мире больше нет ничего прекрасного и доброго. Добро есть, и его достаточно много.

– Ага, много. И его продают во всех гастрономах – в отделе сопутствующих товаров или прямо на кассе.

Дядя покачал головой и протянул мне один из сорванных им цветков.

– Понюхай-ка...

Я послушно взял цветок и поднес к носу.

– Хорошо пахнет.

Дядя по-приятельски толкнул меня в плечо.

– Ну, теперь понял, что я хотел сказать? У роз есть шипы, но они не помешали тебе насладиться запахом. И точно так же шипы не помешают тебе поставить эти цветы в вазу на кухонном столе. Зная, что можешь уколоться, ты просто будешь действовать осторожнее, только и всего. А почему?.. Потому что розы действительно могут украсить твою комнату. – Он поднял вверх палец и посмотрел на меня. – Думай, Чейз. Думай как следует, и тогда, быть может, ты сумеешь увидеть то, чего не замечал раньше.

Мы еще долго сидели на крыльце, пока дядя учился курить. Разобравшись, что к чему, он с удовольствием затягивался, пока табак в чашечке не превратился в пепел. Тогда дядя выбил трубку о каблук и поднялся.

– Способность принимать правильные решения приходит с опытом, –

сказал он. – Но опыт, к сожалению, чаще всего представляет собой синяки и ссадины, полученные в результате прошлых ошибок и промахов.

– По-моему, это неправильно, – заметил я.

– Неправильно, – согласился дядя. – Но иначе не бывает.

Глава 29

Мы собрали одеяла и продукты для пикника, упаковали кулер и удочку и вышли наружу, где был привязан Маленький Бубба. Дядя помог Томми сесть в седло, потом усадил позади нее Майки. Сам он, тетя Лорна и я шли пешком. Не торопясь мы пересекли пастбище и вступили под сень кипарисов и дубов. Вскоре были мы уже в Суте, а еще полчаса спустя – переправились через озеро и оказались в Святилище. В это время здесь пышно цвела индийская сирень лагерстремя, засыпавшая землю настоящим ковром нежных розовых лепестков, на который даже наступать не хотелось. Наконец мы оказались в северной части Святилища. Здесь Томми спешила, и мы, усевшись на бревна, стали смотреть, как дядя учит Майки ловить рыбу.

Вот он насадил червя, аккуратно надев его на стальной крючок словно тонкий чехол, и забросил снасть в воду, где у самой поверхности скользили крупные окуни-солнечники, хватавшие упавших в озеро жуков. Удерживая удочку одной рукой, дядя слегка приподнял голову и пробормотал вполголоса:

– Ну, ловись рыбка большая и маленькая...

В ту же секунду поплавок исчез под водой, дядя подсек и протянул удочку Майки, который принялся торопливо сматывать лесу. Меньше чем через минуту на берег шлепнулся крупный солнечник. Дядя засмеялся и зааплодировал.

Томми слегка толкнула меня в плечо.

– А ты почему не ловишь с ними?

Я покачал головой.

– У нас только одна удочка.

Она нахмурилась.

– Странно. Насколько я помню, дядя всегда брал несколько штук, чтобы всем хватило.

– Верно. – Я улыбнулся, вспоминая свои первые шаги на рыбацком поприще. – Но сегодня дело не в рыбе, а в мальчике.

Все утро мы смотрели, как Майки с дядиной помощью наполнял садок пойманной рыбой. Ближе к полудню, когда он вполне усвоил основные приемы, Томми взяла меня за руку и предложила немного прогуляться. Я не возражал, и мы медленно двинулись вдоль деревьев, образующих стены

Святилища. Пробравшись сквозь кустарники, мы вышли к могилам и некоторое время стояли там, глядя на высеченные на надгробных камнях имена. Земля вокруг могил была выровнена, а между надгробиями лежали засохшие цветы.

Пока мы стояли, сзади к нам подошел дядя. Его лицо изменилось, стало другим, но я никак не мог понять, повинна ли в этом магия Святилища или же это просто свет высоко стоящего солнца. Обычно дядя выглядел достаточно молодо, но сейчас по нему было хорошо видно, сколько ему лет. Я видел и морщинки возле его глаз, и глубокие складки на обожженной солнцем шее, и слабое подергивание какого-то мускула на щеке.

Опустив головы, мы стояли возле могил и молчали. В какой-то момент Томми взяла меня и дядю под руки, удерживая и объединяя нас троих. Прошло довольно много времени, прежде чем она заговорила.

– Можете кое-что для меня сделать?.. – спросила Томми, повернувшись к дяде.

Он не ответил, и она посмотрела на могилу его сына. Возле самого надгробного камня из земли поднялись несколько папоротников и грибов, а по опавшим листьям ползла зеленая гусеница. Томми взяла дядю за руку и слегка ее сжала.

– Мне хотелось бы, чтобы вы сказали несколько слов на моих похоронах. И еще я хочу, чтобы меня похоронили здесь.

Дядя скрипнул зубами, прижал Томми к груди и кивнул.

Вечер еще только начинался, но в Святилище уже сгустились сумерки. Засунув фонарик в задний карман, дядя помог Томми взобраться в седло, потом поднял Майки и усадил впереди нее. Томми обняла мальчика обеими руками, и дядя строго сказал Буббе:

– Будь осторожен, старина, не торопись. Сегодня ты везешь драгоценный груз.

Эта картина неожиданно напомнила мне, что в мире все еще есть вещи, которые прекрасны сами по себе. Томми и Майки тоже были из их числа. Луч дядиного фонарика отражался от воды и освещал их улыбающиеся лица. Не сразу до меня дошло, почему так происходит. Только потом я понял: дядя шел через озеро вброд, светя фонарем *назад*. И это было еще прекраснее.

* * *

Когда мы покидали Святилище, лучи заходящего солнца в последний

раз коснулись земли и погасли. Сразу стало прохладно: дневное тепло уступило место свежему морскому ветру, который пронесся над островами, над Брансуиком и достиг, наконец, Бычьего болота. Мы, однако, добрались до дома еще до того, как кто-нибудь из нас успел замерзнуть по-настоящему – даже Томми не куталась в свою толстовку и только накинула на голову капюшон.

В доме звонил телефон, и дядя снял трубку.

– Это Мэнди, – сказал он, поворачиваясь к тете Лорне. – Она едет сюда и с ней – еще кое-кто.

Минут через двадцать на нашей подъездной дорожке действительно появилась служебная «Тойота» Мэнди, за которой следовал потрепанный синий микроавтобус. Пока Мэнди парковалась перед крыльцом, автобус ожидал в отдалении, но как только она выбралась из салона, двинулся вперед и тоже начал разворачиваться.

Поднявшись на веранду, Мэнди дружески кивнула Майки.

– Я слышала, тетя Лорна испекла в честь твоего дня рождения отличный пирог. Можно мне тоже кусочек?

Мальчик кивнул и скрылся в кухне. Как только дверь за ним закрылась, Мэнди повернулась к нам, и ее лицо снова стало непроницаемым, как у хорошего игрока в покер.

– Вы, наверное, видели официальные листовки Департамента охраны детства, которые кладут в почтовые ящики? – спросила она. – Если речь идет о розысках ребенка, который пропал достаточно давно, на листовках иногда помещают не только снимок, где он изображен на момент исчезновения, но и фоторобот, который учитывает возможные возрастные изменения и изготавливается с помощью специальной компьютерной программы. – С этими словами Мэнди достала из кармана несколько таких листовок и, передав их нам, показала на синий фургон. – Эта леди приехала из Тампы. Она увидела наши объявления в одной из газет Майами. Лет шесть назад ее сына похитили, и она считает, что это может быть наш Бадди.

Томми, которая, завернувшись в одеяло, сидела в одной из качалок, поднялась и заглянула дяде через плечо. Я тоже посмотрел на листовку – на компьютерный портрет пропавшего шесть лет назад ребенка. Если Майки и был на него похож, то очень отдаленно.

– Откуда она знает, что это ее сын? То есть почему она так уверена в этом? – спросил я.

За кухонной дверью послышались шаги, и Мэнди слегка понизила голос:

– У мальчика должен быть шрам. Где и какой формы, она не говорит. По ее словам, она способна опознать своего ребенка с вероятностью, близкой к ста процентам, если ей дадут взглянуть на него вблизи.

Пока она говорила, кухонная дверь распахнулась, и на веранду вышел Майки, которые нес на бумажной тарелочке большой кусок праздничного торта. Тарелку он держал обеими руками; блокнот, с которым Майки по-прежнему не расставался, был засунут сзади за пояс джинсов.

Женщина из Тампы выбралась из своего фургона и, собрав все свое мужество, поднялась на крыльцо. На вид ей было хорошо за сорок; ее волосы уже начали седеть, да и выглядела она как человек, к которому жизнь была не слишком благосклонна. Женщина шагнула к Майки, тот обернулся, и она невольно задохнулась от волнения. На мгновение женщина даже поднесла ладонь к губам, но снова взяла себя в руки и заправила растрепавшиеся волосы за уши. И все же, когда она собиралась что-то сказать, голос отказался ей повиноваться, и она только беспомощно взмахнула руками.

Опустившись на корточки рядом с Майки, Мэнди сказала:

– Эта леди хотела бы разглядеть тебя получше. Ты не против?

Майки согласно кивнул, и женщина, положив руки ему на плечи, развернула мальчика боком. Слегка отогнув его правое ухо, она уставилась на совершенно чистую кожу. Говорить она по-прежнему не могла. Майки тоже стоял, не шевелясь и сжимая в руках тарелку с тортом.

Наконец женщина выпустила его ухо и, посмотрев на Мэнди, отрицательно покачала головой. Выпрямившись, она повернулась к нам. Женщина так и не произнесла ни слова, но ее лицо было достаточно красноречивым.

Дядя выступил вперед.

– Меня зовут Уильям Макфарленд, и это моя семья, – сказал он, показывая на нас рукой.

Женщина кивнула.

– Мой сын... – выдавила она. – Незадолго до того, как он... как его похитили, мы работали в саду. Ему тогда было пять. Он играл на дорожке и упал. Там был глиняный горшок для цветов. Он раскололся и рассек ему ухо. Его даже пришлось зашивать. У... у моего сына должен быть шрам.

– Не хотите поужинать с нами? – предложила тетя Лорна, но женщина отрицательно покачала головой.

– Спасибо, но – нет... – Она еще раз взглянула на Майки, потом повернулась и медленно пошла к своему фургону.

Проводив взглядом удаляющиеся задние огни синего фургона с

флоридскими номерами, мальчик поставил тарелку с тортом на стол и ушел в свою комнату. Никто не объяснил ему, в чем дело, но это и не требовалось: очевидно, что его и раньше передавали из рук в руки.

Мэнди оглядела всех нас по очереди.

– Прошу меня простить, но эта леди была очень... настойчива. – Тут она слегка подбоченилась, и на ее лицо вернулось непроницаемое выражение. – А теперь еще одно... Мне кажется, я нашла для Бадди подходящую семью, которая готова его усыновить. Эти люди живут в Шарлотте; он – адвокат, его жена – домашняя хозяйка. Они неплохие люди, действительно неплохие. Проблема в том, что судебное решение мы получим только недели через две-три – судья уехала в отпуск в Европу. – Отойдя к перилам веранды, Мэнди встала лицом к пастбищу и спиной к нам. – По крайней мере, хотя бы в уголовном суде виновные получают то, что заслуживают, – добавила она неожиданно, а я вспомнил, как на мой восемнадцатый день рождения дядя и тетя Лорна вывели меня на веранду, на то же самое место, где сейчас стояла Мэнди, и сказали: «Теперь ты можешь идти куда хочешь, а можешь и остаться. К нам тебя поместили власти штата, но теперь у тебя есть право выбирать». Они отпускали меня, но свобода, которую давал мне закон, была мне не нужна. Если бы я тогда ушел, то навсегда остался бы сиротой – в том числе и официально. Я бы снова стал никем. А жить, не зная корней, очень тяжело.

Пыль, поднятая синим фургоном, еще не успела осесть, а на подъездной дорожке снова вспыхнули автомобильные фары. Их свет был слегка голубоватым, как на очень дорогих машинах. Мгновение спустя я разглядел черный «Кадиллак Эскалейд», который обогнул последний ухаб и остановился перед нашим крыльцом. Томми, увидев его, зло сощурилась, а дядя спустился с крыльца, чтобы встать между нами и водителем машины.

Сколько я себя помню, я еще никогда не видел дядю Джека без галстука. Он и сейчас был в элегантном галстуке голубовато-стального оттенка, в белоснежной сорочке, свободных итальянских брюках и в туфлях из мягкой телячьей кожи. Волосы его были аккуратно уложены, на руке поблескивали массивные золотые часы.

Остановившись футах в трех от дяди, дядя Джек смерил его взглядом. Он был дюйма на три выше, с широкой бочкообразной грудью и мясистыми, сильными руками. Дядя Джек заговорил первым:

– Здравствуй, Уильям.

Томми медленно спустилась с крыльца и встала рядом с дядей, держась за рукав его рубахи.

– Я слышал, ты побывала дома. – Теперь дядя Джек обращался уже к ней.

– Да. Мне нужно было забрать кое-какие вещи.

Он немного помолчал.

– Полагаю, ты уже знаешь про дом в Суте?

– Нет. А что с ним такое?

– Кто-то поджег кухню, а потом перерезал шланги, которые вели к газовым баллонам в подвале. Дом сгорел дотла.

Томми сделала шаг и оказалась впереди дяди, но руку его не выпустила.

– Жаль... очень жаль... Там, в подвале, было столько хорошего вина!..

Дядя Джек сверкнул глазами и посмотрел в мою сторону.

– Ну а ты? Я вижу, в тюрьме тебе понравилось.

Прежде чем ответить, я представил, как он сидит в подвале собственного дома, смакуя старое, выдержанное вино, а потом зовет собственную несовершеннолетнюю дочь. Еще я подумал о Томми – о том, как она дождливой темной ночью бежала к нам через лес в своей белой ночной рубашке. Когда-то мы удивлялись, откуда у восьмилетней девочки столько мужества и столько сил, но на самом деле секрет был в другом. Просто в ту ночь закончилось ее детство.

Но на ее отца – дядю Джека – эта история никак не повлияла. Он хранил свой секрет и продолжал жить так, словно ничего не произошло, оставаясь уважаемым членом городского бизнес-сообщества и своего церковного прихода. Одно время он даже преподавал в воскресной школе и шесть раз избирался церковным старостой, а в наших краях это не пустой звук.

«У лжи – глубокие корни», – припомнил я слова Томми, прислушиваясь к шуму ветра в ветвях pekanовых деревьев.

Не отдавая себе отчета в своих действиях, я тоже шагнул вперед и, обогнув дядю, оказался перед дядей Джеком. Он был на шесть дюймов выше меня, и его огромная тень накрыла меня целиком, но сейчас ничто не могло меня остановить. Слова, которые я давно хотел ему сказать, сами слетели у меня с языка:

– Берегись, дядя Джек. Берегись, потому что рано или поздно я приду за твоей шкурой! Обязательно приду!

Похоже, я застал его врасплох: ничего подобного он не ожидал, во всяком случае – не сейчас и не от меня. Постепенно, однако, его лицо снова приняло привычное надменно-самодовольное выражение. Очевидно, дядя Джек принял мои слова за пустое бахвальство, и я поспешил уверить его,

что это не так.

– Ты никогда не слышал про закон о свободе информации? Если нет, то услышишь, и довольно скоро.

Не знаю, чем бы это все кончилось, если бы дядя не втиснулся между нами.

– Ты что-то хотел, Джек? – спросил он просто.

– Я узнал, что приехала моя дочь... – проскрипел дядя Джек, постепенно приходя в себя. При этом он бросил быстрый взгляд на Томми, которая сейчас больше чем когда-либо была похожа не на человека, а на ожившего мертвеца. Только верхняя губа ее чуть дрожала, да по лбу сбегала струйка пота.

За сетчатой дверью появился силуэт Майки, и дядя Джек тоже его увидел.

– И еще я слышал – ты взял к себе мальчонку, которого нашли у железнодорожного переезда. Это очень хорошо... – Он посмотрел на брата в упор. – У каждого человека должен быть сын.

Дядя закрыл глаза и отрицательно покачал головой, потом то ли улыбнулся, то ли ухмыльнулся и, слегка подтолкнув Томми к двери, зна́ком велел мне следовать за ней, но я не подчинился. Чуть пошире расставив ноги, я упрямо наклонил голову, крепче зацепившись большими пальцами за карманы джинсов, и дядя машинально повторил мой жест.

– Спасибо, что навестил, – сказал он брату.

Дядя Джек постоял еще немного, потом повернулся, сел в свой сверкающий автомобиль и отъехал.

– Почему ты позволяешь ему так с собой обращаться? – требовательно спросил я, когда гудение мотора «Кадиллака» стихло вдали. – Почему?!

Тетя Лорна, стоя на крыльце, молчала, но я чувствовал, что и она задает дяде тот же вопрос.

Дядя протер очки выбившейся из-под ремня полой рубашки.

– Ты действительно считаешь, что он обращается со мной как захочет?

Я кивнул.

– А как кажется тебе? – Дядя повернулся к Томми.

– Сколько я себя помню, он все время вытирал о тебя ноги, – без колебаний ответила она.

Дядя покачал головой и поглядел на подъездную дорожку, над которой лениво клубилась пыль.

– Не стоит загонять зло в угол. От этого оно только станет еще злее.

Возможно, я поступил несколько бесцеремонно, но в этот момент мне

меньше всего хотелось разгадывать дядины загадки.

– А ты уверен, что дело в злом дяде Джеке? – спросил я. – Может быть, это ты всю свою жизнь трусил?

Дядя задумчиво покусал губу.

– Я теряю больше, чем он, – изрек он наконец.

Я рассмеялся.

– Что же еще ты можешь потерять? По-моему, дядя Джек давно отнял у тебя все, что ты только *думал* иметь.

– Ты уверен?

Я отковырял от перил чешуйку отставшей краски и щелчком отправил как можно дальше.

– Оглянись по сторонам, дядя, и ты сам всё увидишь – все свои несметные богатства.

Он по очереди оглядел всех нас.

– Ну, огляделся. И что?..

– Похоже, дядя, тебе пора проверить зрение. Иначе ты не задавал бы подобных вопросов.

Дядя снял очки и бросил взгляд туда, где машина дяди Джека сворачивала на шоссе номер 99.

– Вот что я тебе скажу, Чейз... То, что ты видишь, часто зависит не от зоркости глаз, а от перспективы.

Глава 30

После школы я подал заявления во все университеты, где только преподавали журналистику, но хотя мои школьные оценки были достаточно высокими (мой средний балл равнялся 3,2), результаты университетского отборочного теста оставляли желать лучшего – всего 1080 баллов из максимально возможных 1600. Даже Флоридский университет, казавшийся мне самым перспективным в плане поступления, отказал мне наотрез, и я, откровенно говоря, немного растерялся. Я не знал, что делать, и всерьез подумывал о том, чтобы пойти торговать подержанными машинами, но тут в дело вмешался дядя. Прочитав письмо с отказом, он посмотрел на меня и спросил:

– Ты хотел бы учиться во Флориде?

– Да, сэр.

Он еще раз перечитал письмо и сказал:

– Так что ты сидишь? Собирайся.

Мы сели в машину и через четыре с половиной часа – ровно в четыре пополудни – были на стоянке перед зданием, в котором заседала университетская приемная комиссия.

Войдя внутрь, дядя снял свою широкополую шляпу, взглянул на подпись на письме с отказом и, подойдя к секретарше за стойкой, сказал:

– Прошу прощения, но мне необходимо встретиться с мисс Ирен Салливан.

Секретарша удивленно посмотрела на него поверх очков.

– По какому вопросу?

Дядя показал на меня:

– По поводу вот этого охламона.

– Вам назначено?

– Нет, мэм.

– Боюсь, сначала вам придется записаться на прием.

Дядя посмотрел на стеклянную стену за спиной секретарши. Там, в небольшом кабинете, сидела сравнительно молодая женщина, которая как раз разговаривала с кем-то по телефону.

– Тогда запишите нас на ближайшее время.

Секретарша сверилась с экраном компьютера.

– В следующий вторник в половине десятого вас устроит?

Дядя посмотрел на часы.

– Вы имеете в виду – завтра?

– Нет, я имею в виду вторник на будущей неделе.

Дядя немного подумал.

– Я не отниму у мисс Салливан много времени. Мне и нужно всего-то пять минут – вы только предупредите ее, ладно?

Секретарша покачала головой.

– Мне очень жаль, сэр, но это невозможно.

Услышав эти слова, я повернулся, чтобы уйти, но дядя не собирался сдаваться.

– Вы не будете возражать, если мы подождем, пока у мисс Салливан появится свободная минутка? – сказал он и, не дожидаясь ответа, уселся в кресло рядом со стойкой. Колени он сдвинул и накрыл шляпой. Волей-неволей мне пришлось сесть рядом, но если дядя излучал спокойствие и уверенность, то я никак не мог справиться с нервозностью и нет-нет да и поглядывал по сторонам, боясь, что секретарша может вызвать охрану или полицию.

Дядино упорство принесло свои плоды. Минут через двадцать секретарша не выдержала и, повернувшись к стеклянной стене позади, взялась за телефон. Женщина за стеклом тоже сняла трубку. О чем они говорили, я не слышал, но почти не сомневался, что речь идет о нас.

Прошел час. За это время женщина за стеклом успела побеседовать со множеством людей, которые заходили к ней то по одному, то группами. Секретарша не обманула – мисс Салливан действительно была очень занята, и я невольно подумал, что нам, похоже, все-таки придется просидеть здесь еще неделю.

В половине пятого секретарша собрала вещи, выключила компьютер и ушла, не сказав нам ни слова. Дядя даже не пошевелился. Еще через несколько минут женщина, которую я видел за стеклом, появилась из-за угла и подошла к кулеру, чтобы налить себе в чашку воды. При виде нее мы оба встали.

Мисс Салливан посмотрела на нас, потом показала на кулер.

– Хотите чаю? Или воды?

– Большое спасибо, мэм, – отозвался дядя, – но нам бы не хотелось отнимать у вас больше времени, чем необходимо.

Улыбнувшись, мисс Салливан пригласила нас в кабинет за стеклянной стенкой. Там мы сели: она по одну сторону стола, мы – по другую. Внешне дядя оставался спокойным, но я видел, как его нога под столом буквально ходит ходуном.

– Итак, чем я могу быть вам полезна? – осведомилась мисс Салливан, откидываясь на спинку своего кресла, и дядя положил перед ней письмо.

– Мое имя – Уильям Макфарленд, мэм, – представился дядя, вертя в руках шляпу. – Впрочем, бóльшую часть жизни меня завали просто Уилли. – Он посмотрел на меня. – А это – Чейз Макфарленд. Он хотел поступить в ваш университет, но... – И дядя кивком показал на письмо.

Мисс Салливан что-то набрала в компьютере и некоторое время читала появившиеся на экране строки. Наконец она сказала:

– Школьные отметки достаточно хорошие, но результаты отборочного теста хуже, чем у нас принято. Чейзу не хватило как минимум двухсот баллов. Мне очень жаль, мистер Макфарленд, но я не могу...

Дядя поднялся и вручил ей свою визитку.

– На этой карточке есть номер моего телефона. – Он похлопал себя по карману, где лежал древний мобильник. – Если по результатам каждого семестра Чейз будет получать какие-то другие отметки, кроме «отлично», или если он вдруг не попадет в перечень особо отличившихся студентов – сразу звоните мне, и я обо всем позабочусь. Чейз – парень смысленный и умеет работать, уж вы мне поверьте.

Я уставился на дядю во все глаза. Мисс Салливан, похоже, тоже была озадачена.

– Но, мистер Макфарленд...

– Не могли бы вы сделать для него исключение, мэм?

Она покачала головой.

– Еще раз простите, но я...

Дядя в очередной раз скрутил свою шляпу в некое подобие жгута и заговорил так тихо, словно обращался к самому себе:

– Видите ли, мисс Салливан, моя жизнь оказалась не совсем такой, как я когда-то надеялся. Можно даже сказать, что в каком-то смысле я прожил на земле не одну жизнь, а две, и обе оказались, гм-м... не слишком счастливыми. Пожалуйста, дайте этому парню шанс – один-единственный шанс! Если он не сумеет им воспользоваться, что ж – ему с этим жить, но... дайте ему хотя бы проявить себя. Я уверен, Чейз вас не разочарует. В этом я готов поклясться всем, что у меня есть.

Мисс Салливан задумчиво посмотрела на экран компьютера, на дядю и наконец повернулась ко мне.

– Он всегда такой? – спросила она.

Я кивнул и, в свою очередь, едва сдержался, чтобы не скрутить в жгут бейсболку, которую, как дядя, держал в руках. Должно быть, в этот момент мы выглядели как близнецы.

– Особенно если речь идет о чем-то важном, – добавил я.

Мисс Салливан слегка подалась вперед, сложила руки перед собой и впиалась мне в лицо испытующим взглядом.

– А для вас это важно?

– Да, мэм.

Откинувшись назад, мисс Салливан задумчиво прикусила губу, посмотрела в окно и перевела взгляд на дядю.

– Простите, чем вы занимаетесь?

– Я кузнец. Подковываю лошадей.

– И вы, вероятно, привыкли к тяжелой работе?

– От работы я никогда не бегал, мэм.

Она повернулась ко мне.

– Думаю, вас можно зачислить с испытательным сроком, – заявила мисс Салливан, набирая что-то на клавиатуре компьютера. Принтер в углу ожил и загудел. Выхватив из лотка только что напечатанный листок, она протянула его мне. – У вас будет только один семестр, чтобы проявить ваше трудолюбие и ваши... способности. – Она неожиданно улыбнулась и посмотрела на дядю. – Обещаю, что сама позвоню вам, как только он попадет в список отличившихся студентов.

Через два месяца дядя и тетя Лорна отвезли меня в Таллахасси и помогли снять комнату в небольшом домике рядом с университетским кампусом. В тот же день они уезжали. Вечером мы долго стояли на крыльце и молчали, боясь сказать друг другу «до свидания». Наконец дядя повернулся ко мне.

– Значит, ты будешь изучать журналистику?

– Да, сэр.

Он кивнул и перебросил зубочистку из одного угла рта в другой.

– Даже если поставить башмаки в духовку, они все равно не станут пирожными.

Толкования мне не требовалось, но дядя неожиданно предложил свой «перевод»:

– Можно говорить что угодно о чем угодно, но суть от этого не изменится. – Он положил руку мне на плечо, посмотрел на ограду университетского городка и снова повернулся ко мне. – Главное – говорить правду... только правду. Всегда.

Я кивнул. Слов у меня не было, а если бы и были, я все равно не смог бы ничего сказать – до того сильный был спазм, стиснувший мне горло.

Мисс Салливан сдержала слово. Через четыре с небольшим месяца она позвонила на номер, который оставил ей дядя.

Глава 31

Ночь опустилась на Суту, и над верхушками темных деревьев зазвучала тоскливая и однообразная переключка двух неясных. Прислонившись к столбу парадного крыльца, я прислушивался к бесконечному «ху-ху-ху-ху-и» и гадал, то ли это призывают друг друга самец и самка, то ли два самца обозначают границы своих охотничьих территорий. Потом я услышал, как скрипнула за моей спиной сетчатая дверь. Томми легла рано, дядя и тетя Лорна разбирали в кухне оплаченные и неоплаченные счета, следовательно, это мог быть только Майки. Это и в самом деле был он. Одетый только в пижаму, мальчик выскользнул из дома и, опустившись на ступеньки рядом со мной, положил на колени блокнот. Заплясал по бумаге карандаш, и я прочитал: «Кто была эта леди, которая приезжала сегодня?»

– Это была мама одного мальчика... она искала своего сына.

«Она думала, что я – это он?»

– Да.

«А я – он?» – не глядя, написал Майки.

Этот простой вопрос заставил меня крепче вцепиться в перила. Многие мужчины всю жизнь ищут ответ на вопрос «Кто я?», хотя правильнее было бы спросить «Откуда я?». Мне, во всяком случае, кажется, что ответить на первый вопрос можно, только когда знаешь ответ на второй. Нельзя ставить телегу впереди лошади. Индивидуальность не может вырастать из поступков, она берет свое начало только в осознании собственных корней. Этому научила меня дядина «лекция об орхидеях».

На пастбище напал туман, и в его сгущающейся пелене вспыхивали зеленоватые огни светляков.

– Нет, – ответил я на вопрос Майки, и мальчик, сложив руки на торчащих вверх острых коленях, тихо опустил на них голову. С тех пор как уехал дядя Джек, я почти не разговаривал с дядей, остальные тоже предпочитали говорить как можно меньше. Ужин прошел в молчании, и Майки, должно быть, почувствовал нашу напряженность.

Сетчатая дверь снова скрипнула, и я узнал шаги дяди. Он тоже сел на ступеньки, но не рядом с нами, а чуть поодаль. В руках он держал кусок мрамора размером не больше кубика Рубика. Мрамор был совершенно белым, если не считать дымчато-серой полосы, пересекавшей одну из

граней. Две стороны были неровными – очевидно, кусок был отломан от плиты большего размера. Остальные грани были плоскими, а верхняя и вовсе отполирована до блеска.

Некоторое время дядя вертел мрамор в руках, машинально потирая гладкие грани большими пальцами. Наконец он сказал:

– На днях я работал в конюшне на северной оконечности острова Си. Там строят новый дом – очень большой и красивый. С его верхних этажей будут хорошо видны и побережье, и океан. Весь строительный мусор и отходы рабочие сваливают в кучу на заднем дворе. Я нашел там этот камень, и бригадир строителей разрешил мне его взять.

Майки заинтересованно приподнял голову и уставился на дядины руки.

– Возьми. – Дядя протянул ему мрамор. – Только смотри не оцарапайся.

Мальчик провел ладонью по отполированной грани.

– Ты слышал про Микеланджело? – снова спросил дядя.

Майки покачал головой.

– Он был художник... совсем как ты.

Брови мальчика удивленно приподнялись.

– Да, как ты. Впрочем, с карандашом ты, пожалуй, обращаешься даже ловчее. Но Микеланджело рисовал не только карандашом, но и красками. – Дядя усмехнулся. – Однажды он так расписал потолок одной церкви, что люди любят его им вот уже шесть веков. А еще Микеланджело был скульптором... – Он достал из кармана небольшой молоток, скапель с деревянной ручкой и положил все это на крыльцо между собой и мальчиком. – Говорят, Микеланджело сам ходил в карьеры, где добывали камень, и просил каменотесов вырубить для него большую глыбу мрамора – размером с «Бьюик» или даже больше. Когда мрамор доставляли в мастерскую, Микеланджело на пару лет закрывался там и не торопясь высекал из мрамора разные фигуры – людей, коней, ангелов, даже королей. Сначала он работал большим молотом и большим зубилом, потом брал в руки маленький молоток и скапель, а под конец и вовсе орудовал ручным резцом, наждачной бумагой и мокрым бархатом. Люди восхищались статуями, которые изготавливал Микеланджело, и часто спрашивали мастера, как ему удалось извлекать такую красоту из бесформенной мраморной глыбы. А он им на это отвечал: «Я ничего не сделал. Статуя с самого начала была внутри камня, я просто удалил все лишнее». Свою работу он называл «высвобождением внутренней формы», понимаешь? Многие богатые люди покупали статуи Микеланджело. Владеть такой

статуей было большой честью, поэтому владельцы всегда старались установить их на почетное место, чтобы другие люди могли им завидовать.

Майки смотрел на дядю с интересом, и он слегка похлопал его по груди.

– У тебя внутри тоже есть нечто такое, что не стыдно показать окружающим. Рабочие откололи этот кусок мрамора от большой плиты и выбросили в мусорную кучу, потому что они не знали, что заключено внутри. Они не умели видеть так, как видел Микеланджело. Если бы среди них оказался хоть один достаточно зоркий человек, он бы разглядел заключенное в мраморе чудо, которое старается поскорее выбраться наружу. Такое же чудо есть и в тебе... жаль только, что жизнь работает в основном молотком и зубилом. Конечно, мне хотелось бы, чтобы было по-другому, но... – Дядя достал из кармана кусок мягкой фланели и, развернув, положил на колени Майки. – Главное – помнить, что наступит черед и для бархотки.

Майки пристально смотрел на него, явно ожидая продолжения, но дядя уже сказал все что хотел, и только крепко прижал мальчика к себе. Еще некоторое время мы сидели молча, глядя, как танцуют в тумане светлячки, потом на крыльцо вышла тетя Лорна, которая, по-моему, подслушивала за сетчатой дверью, и протянула мне стеклянную банку с крышкой, в которой было пробито несколько отверстий.

Спустившись с крыльца, я направился к пастбищу и вскоре уже прыгал по траве, хватая руками живые звезды. Майки, склонив голову, внимательно наблюдал за мной. Вскоре моя стеклянная банка засветилась, как сигнальный фонарь на бакене посреди реки, и следующий час мы носились по пастбищу уже втроем, включая дядю. Под конец мы основательно запыхались и выбились из сил, но зато сумели упрятать в нашу банку добрую половину Млечного Пути.

Когда мы уже укладывали Майки в постель, дядя поставил банку рядом с ним на столик, где она каждые несколько секунд вспыхивала, как метеор в ночном небе. В дверях мы задержались, и дядя шепотом спросил:

– Ты скажешь или я?

– Думаю, ему хотелось бы, чтобы это был ты.

Дядя на цыпочках вернулся в комнату и, присев рядом с кроватью, заглянул в стекло, а я замер на пороге своей бывшей комнаты, приготовившись слушать и запоминать.

– Ты никогда не задумывался, почему Бог сделал так, чтобы у светлячков светилась именно задница? – раздался в темноте дядин шепот.

Я покачал головой и улыбнулся. Все-таки смех – лучшее лекарство от

боли.

* * *

Внезапно мне очень захотелось оказаться на своей яхте, поэтому я снял с крючка ключи от машины и направился к выходу. Я был уже около «Викки», когда позади скрипнула, открываясь, сетчатая дверь. Сев в кабину, я завел мотор, но трогаться с места не спешил. Ждать мне пришлось недолго. Подойдя к машине, дядя прислонился к крылу и взглянул на меня, ожидая, пока я спущу на него оставшихся собак. Я все еще злился, это правда, но, посмотрев на дядю – на его пожелтевшую футболку, на сожженную солнцем шею, на покрытые веснушками руки и честное лицо, – я почувствовал стыд. Да, я был готов выместить свое дурное настроение на ком угодно, но только не на нем.

– Откуда ты знаешь про Микеланджело?

Он улыбнулся и переместил зубочистку из одного уголка губ в другой.

– Ты удивишься, когда узнаешь, сколько мне известно разных вещей.

Я не часто позволял себе разговаривать с дядей Уилли свысока. В конце концов, он прожил долгую жизнь и знал нелегкие времена, так что с моей стороны было бы как минимум самонадеянно полагать, будто я разбираюсь в чем-то лучше его. И все же иногда мне требовалось сравнить скопившийся внутри пар, когда тот грозил сорвать крышку.

– Так что же не дает тебе покоя, сынок?

– Честно?

Он кивнул.

– Ты.

– Ах вот оно что!.. И что тебе так во мне не нравится?

– Дядя Джек отнял у тебя все. Почему ты не попытался хотя бы нанять адвоката, чтобы оспорить его обвинения? Я уже не говорю о том, чтобы нанести ответный удар. Наверняка у него есть слабые места, и ты мог бы...

– Ну, допустим, я все это сделал. И чего, по-твоему, я бы этим добился?

– Уважения.

– А еще?

– Ты вернул бы себе доброе имя.

– А еще?

– Люди бы тебя ценили...

– И всего-то?

– Ну, ты, наверное, мог бы занять в обществе определенное

положение...

Дядя мягко рассмеялся.

– Но все это у меня есть!

– Есть?! Как так? Правильно Томми сказала – дядя Джек просто вытирает о тебя ноги. Почему ты хотя бы не выскажешь ему в лицо все, что ты о нем думаешь?

Дядя всегда умел одним ударом обратить в ничто самые изощренные мои аргументы, причем часто делал это в самый неожиданный момент. Вот и сейчас он окинул меня долгим взглядом и заговорил очень спокойно и негромко, так что я сразу понял – он говорит не столько о своем брате, сколько обо мне – и со мной.

– Слово, сказанное шепотом, запоминается лучше, чем крик. Запомни это, Чейз.

– Но, дядя, я не сомневаюсь ни в тебе, ни в достоверности всего, что тебе известно... Мне только непонятно, почему ты продолжаешь об этом молчать!

– Я тебя хорошо понимаю. И все же тебе придется и дальше доверять своему старому дяде Уилли, который знает, что́ делает.

– Я доверяю тебе. Всегда доверял, но... – Я посмотрел наверх, на окно, за которым спала Томми. – Сейчас это гораздо труднее.

– Я все равно не могу рассказать тебе то, что ты хочешь узнать.

– Не можешь или не хочешь?

– Не хочу.

– Почему?

Дядя долго не отвечал. Я видел, что внутри его происходит какая-то борьба. Наконец он заговорил, точнее – заговорила та часть его души, которая одержала победу в споре:

– Потому что для этого я слишком сильно тебя люблю.

Он неожиданно моргнул, и впервые в своей взрослой жизни я увидел то, чего не видел еще никогда.

– ...И всегда любил.

* * *

Волна громко плескалась о борт яхты, которая, развернувшись носом на запад, с силой натягивала тросы обоих якорей. Это означало, что поднялся западный ветер и что завтра будет тепло. Даже жарко.

Почти полночи я проработал над статьей. Ред сказал, что ему нужен «жизненный материал» – чтобы, с одной стороны, там было о Майки и о

том, где он сейчас, а с другой – рассказывалось о жизни сирот вообще. Этаким взгляд на проблему брошенных детей глазами конкретного ребенка. Для меня, впрочем, это было не слишком сложно. Вскоре статья была готова, я несколько раз прочитал ее вслух, кое-что вычеркнул и в два часа ночи отправил ее Реду по электронной почте.

Через десять минут он мне перезвонил.

– Ты что, вообще никогда не спишь?

– Сплю, но мало. У меня здесь слишком тихо. Наверное, для нормального сна мне не хватает шума моторов, гудков машин, полицейских сирен и криков болельщиков в ближайшем спортбаре. Тут ничего подобного нет – поют лягушки да перекликаются совы, вот и все звуки.

– Ты просто не понимаешь, как тебе повезло. – Ред завистливо вздохнул. Потом я услышал в трубке, как скрипит сетчатая дверь его дома – должно быть, он читал мою статью на крыльце.

– У тебя ведь есть еще какие-то материалы по этому мальчишке, верно?

– С чего ты взял?

– С того, что, читая статью, которую ты мне прислал, я не мог отделаться от ощущения, что ее писал живой человек, а не беспристрастный журналист-профессионал, который превыше всего ценит факты.

Я не знал, как воспринимать его слова, поэтому сказал:

– Ты хочешь, чтобы я переписал статью?

Редактор усмехнулся.

– Скорее нет, чем да.

– Тогда... что мне делать дальше?

– Продолжай держать руку на пульсе. И, кстати, я достану билеты на «Краснокожих».

В конце концов я все-таки погасил свет и лег, – но только после того, как мой компьютер три раза подряд обыграл меня в шахматы.

Глава 32

ИСТОРИЯ ДЖОНА ДОУ № 117: МАГИЯ ИМЕНИ

Он не умеет говорить, но отнюдь не молчит.

На прошлой неделе мальчика-сироту, известного как Джон Доу № 117, выписали из больницы и поместили в Брансуикский интернат.

Немой ребенок, возраст которого может составлять от восьми до десяти лет, был найден возле железнодорожного переезда почти две недели назад, однако его подлинное имя, как и имена его родителей, до сих пор остаются неизвестными. Власти, ведущие расследование этого дела, предполагают, что мальчика сначала похитили, а потом выбросили из машины за считанные секунды до того, как она столкнулась с товарным поездом. Анализ ДНК показал, что погибшая в этой аварии женщина не состояла с мальчиком в родственной связи.

И вот после недельного пребывания в больнице, где мальчик обнаружил вполне естественную для своего возраста любовь к пицце и мороженому, он был переведен в местный интернат для сирот. Все это время власти вели активную работу по подбору подходящих приемных родителей и одновременно пытались установить имена настоящих родителей ребенка. Им, однако, приходилось действовать с осторожностью, поскольку многочисленные – и не до конца зажившие – шрамы на коже мальчика недвусмысленно указывали на то, что еще совсем недавно он регулярно подвергался жестокому обращению. В результате травмы гортани он даже потерял способность говорить, однако мальчуган вовсе не молчит. Он активно общается с окружающими с помощью блокнота, в котором пишет свои просьбы и ответы на обращенные к нему вопросы, а также неплохо собирает сложные головоломки. Кроме того, мальчик отлично играет в шахматы – пожалуй, лучше, чем большинство жителей округа Глинн.

Наш Джон Доу № 117, как он значится в официальных документах, является одним из более полумиллиона американских детей, которые в настоящий момент находятся под опекой государства. Большинство из них помещены на воспитание в приемные семьи, остальные скитаются по интернатам и приютам, но каждый, подобно Сиротке Энни [57], мечтает о том, что в один прекрасный день его мама или папа явятся за своим сыном или дочерью. Увы, в наши дни только один ребенок из

четырех имеет шанс быть усыновленным. Все остальные так и кочуют из одной приемной семьи в другую. Чаще всего обретают новых родителей дети в возрасте моложе восьми лет, причем большинству приходится ждать усыновления по три-четыре года. Все остальные так и остаются сиротами на государственном обеспечении, пока им не исполнится восемнадцать. С этого возраста они начинают считаться дееспособными гражданами, и их долгое ожидание заканчивается.

К сожалению, эмоциональные и психологические последствия сиротского детства продолжают ощущаться этими детьми на протяжении всей их взрослой жизни. Чувство одиночества, ненужности, заниженная самооценка – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми они сталкиваются. Как не раз подчеркивал психиатр медицинского факультета Вашингтонского университета и признанный авторитет в области усыновления доктор Марти Эрнандес, «...помимо всего прочего, дети-сироты страдают навязчивым страхом потери, поскольку в своей жизни они постоянно что-то теряли».

И с этим утверждением нельзя не согласиться. Страх снова оказаться брошенным пронизывает всю жизнь такого ребенка, калеча его психику. Со временем он начинает верить, что рано или поздно новые родители тоже оставят его, вернут в приют или передадут другим опекунам. В глубине души большинство приемных детей уверены, что в их прошлом было что-то постыдное, – и начинают подсознательно стыдиться самих себя. От этого их боязнь оказаться отвергнутыми становится только сильнее, поэтому, даже став взрослыми, они с трудом заводят друзей и семью, не стремятся вступить в брак, избегают близких отношений. Некоторые доходят до того, что сами разрушают уже сложившиеся отношения. На это их толкает инстинкт самосохранения, стремление оградить себя от страданий, которые способна причинить им очередная потеря близкого человека.

Да, это звучит парадоксально, но такова правда жизни. Бывшие сироты зачастую сами рвут отношения с друзьями и любимыми, боясь, что те бросят их первыми, как поступили когда-то биологические родители этих несчастных детей. То, что случилось однажды, может повториться вновь – такова логика, которой они следуют, наученные собственным горьким опытом.

Кроме того, любое сколько-нибудь важное событие – окончание школы, брак, рождение ребенка и в особенности смерть кого-то из приемных родителей – тоже заставляет бывших сирот снова и снова задавать себе все те же вопросы: почему меня бросили собственные

родители? что было со мной не так? какой бы была моя жизнь, если бы меня не усыновили?.. Некоторые, правда, пытаются домысливать, рационализировать ситуацию. «Моя родная мать не могла как следует обо мне заботиться, вот она и отдала меня в приют, потому что хотела, чтобы у меня был дом», «Если бы я не был нужен моей биологической матери, она бы не вынашивала меня, а сделала бы аборт» – так звучат их аргументы, но в большинстве случаев эти доводы не действуют или действуют плохо просто потому, что сами они в них не верят.

Подавляющее большинство детей-сирот задает себе и еще один важный вопрос. Им всегда важно знать, как их звали/зовут на самом деле. Философы языка – такие как Витгенштейн, Лангер и Перси, – утверждают, что существуют два основных способа языкового мышления. Первый основывается на предположении, что слова обладали смыслом еще до того, как люди начали этот смысл постигать. Это так называемый эдемский язык, который Адам и Ева начали использовать, когда впервые появились в райском саду. Слова с заключенным в них смыслом уже ждали их готовенькие, и первые люди просто использовали их по мере необходимости.

Второй способ исходит из того, что у слов вовсе нет никаких значений, кроме тех, которыми их наделяет человек. Любая комбинация звуков может означать все, что нам будет угодно, и наоборот – значение слова определяется исключительно его использованием в той или иной ситуации.

Но какое отношение эта высоконучная дискуссия может иметь к детям-сиротам? Самое непосредственное. Собственное имя для них является не только средством самоидентификации, но и указанием на происхождение – на принадлежность к некоей семье. Каждый ребенок-сирота твердо знает, что когда-то у него или у нее было настоящее имя – то самое имя, которое мать или отец шептали в темноте за девять месяцев до его рождения. У кого-то это имя было записано в свидетельстве о рождении, у кого-то – нет, но и в том, и в другом случае оно было известно родителям, и ребенок твердо верил в его несокрушимую силу. Никакие изменения в официальных документах не способны стереть слово, написанное на плотских скрижалях человеческого сердца.

Новейшая история знает немало знаменитостей, которые когда-то были сиротами, воспитывались в приемных семьях или были усыновлены. Бейб Рут, Джон Леннон, Мэрилин Монро – этот список можно продолжать и продолжать, но детям, которые кочуют из приюта в

прият и которые по-прежнему ждут и надеются, куда ближе Супермен, Люк Скайуокер, Оливер Твист, Питер Пен, Маугли и Гекльберри Финн. Для них не имеет никакого значения, что эти персонажи никогда не существовали. Дети все равно будут читать, перечитывать и пересказывать друг другу истории об этих сиротах-героях, потому что конец их историй уже написан и они знают его наизусть.

Глава 33

Примерно через год после возвращения из Флоридского университета я вытащил из-под кровати картонную коробку и развесил на стене копии материалов своей дипломной работы. Университет я закончил с отличием, однако мне так и не удалось довести до конца расследование, которое и привело меня в журналистику. Слишком многое не сходилось в этой давней истории, слишком многие фрагменты мозаики не желали укладываться в общую картину. Я долго сдерживался, старался не обращать внимания на возникающие в голове вопросы и не прислушиваться к циркулировавшим в городе слухам и сплетням, однако тайна оказалась сильнее меня. Давление в котле росло, в конце концов он разорвался буквально у меня в руках, так что я больше не мог игнорировать то, что давно стало одной из реальностей моей жизни.

Собственно говоря, неразгаданных тайн в моей жизни было две. Я ничего не знал о себе, о своем происхождении, и точно так же я ничего не знал об Уильяме (Лайаме) Макфарленде. Понимая, что выяснить имена моих настоящих родителей мне теперь вряд ли удастся, я сосредоточил все свои усилия на второй загадке. Мне казалось – я сумею найти ответы на свои вопросы, если буду знать, где копать.

Если вы плывете по реке, к вам всегда могут обратиться за помощью другие люди, чья лодка дала течь или потерпела аварию. Они бросают вам конец, вы подтягиваете их поближе и в конце концов становитесь в их лодку одной ногой, стараясь удержать два суденышка рядом, пока пассажиры будут перебираться к вам. Всю свою жизнь я как будто стоял в двух лодках одновременно, и лодки эти то качало на волнах, то растаскивало в разные стороны ветром или течением, так что каждую секунду я рисковал оказаться в воде.

За годы я собрал немало сведений, которые могли иметь отношение к интересовавшему меня делу, но порой мне казалось, что их даже *слишком* много. Мои материалы были чересчур разнородны и противоречивы; все вместе они становились чем-то вроде статических помех, которые так часто мешают слушать радиорепортаж о решающей игре сезона. И все же отступить я не собирался. В газете я писал статьи, которые никто другой писать не хотел, но по вечерам – а иногда и по ночам – я упорно работал над тайнами двадцатилетней давности. Благодаря закону о свободе

информации я получил доступ к старым судебным решениям, к стенограммам заседаний, протоколам и тексту помилования и даже взял интервью у одного из охранников, сопровождавших дядю, когда его ненадолго выпустили из тюрьмы на похороны сына.

Полгода спустя я выложил дяде все, что мне удалось выяснить. Я рассказал ему его собственную историю – ту часть, которую удалось узнать. Все два часа, пока длился мой рассказ, он машинально кивал, время от времени запуская руку в пакетик с вареным арахисом, но я был почти уверен – дядя гордится мной и той работой, которую я проделал. Когда я закончил, он некоторое время раскачивался в кресле, катая во рту очередной орех и высасывая из него соленый сок. Наконец он выплюнул кожуру, забросил ноги на перила веранды, отпил воды из стакана и, разглядывая лежащую на ладони пригоршню орешков, сказал:

– Ну и?..

– Что значит это твое «ну и»?

– Это значит – ну и когда ты задашь мне главный вопрос?

– Какой вопрос?

– Тот самый, который ты хотел задать мне все эти двадцать лет.

Я отвернулся и посмотрел на pekanовые деревья, на белку, которая перепрыгивала с ветки на ветку, зажав в зубах крупный орех. Потом я прислонился к подпорному столбу и запустил руку в дядин пакет с арахисом.

– Итак...

– Что?

– Опровергнуть имеющиеся доказательства нелегко.

– Это не вопрос.

– Ты последним побывал в хранилище.

– И это тоже не вопрос.

– Ты, Перри Кеннер и Элсуорт Макфарленд были единственными, у кого имелся доступ к облигациям. Джеку твой отец и Перри, похоже, не особенно доверяли: он был чересчур привержен покеру и к тому же не гнушался прибегать к давлению и шантажу даже в деловых вопросах. *Особенно* в деловых вопросах.

– Пока я слышу от тебя одни лишь утверждения – и никаких вопросов.

– Когда я беседовал с охранником, который доставил тебя из тюрьмы в Брансуик на похороны сына, он сказал одну вещь, объяснить которую я не могу. Он сказал, что Уильям Макфарленд *не* плакал. А я уверен, что дядя Уилли, которого я знаю, за эти несколько часов выплакал бы все глаза.

Казалось, дядя погрузился в глубокую задумчивость. Если мои слова и

произвели на него какое-то действие, он этого никак не проявил.

– Ну и что же?

– А то... – Я вскрыл орешек ногтями, и соленый сок брызнул мне в глаз. – А то, что после двадцати лет слухов, перешептываний и косых взглядов, которые люди бросают на тебя, стоит нам только появиться на улице, мне хотелось бы знать...

Я произнес эти слова довольно раздраженным тоном. Я и в самом деле устал сражаться с демонами, которых даже не видел.

– Согласен, – продолжал я, – тебе пришлось нелегко, но... неужели ты ни разу не задумался, каково было мне? всю свою жизнь я слышал, как люди перешептываются тебе вслед, и не знал, правы они или ошибаются. Я вырос в атмосфере враждебности, подозрительности, недомолвок... а ведь я об этом не просил. Ты втянул меня во все это точно так же, как в свое время сам навлек на себя неприятности!

До сих пор я жалею об этих жестоких словах и жалею, что не могу взять их обратно.

Дядя долго молчал, потом чуть заметно кивнул.

– Что? Что ты хочешь мне сказать? Что ты... сделал то, в чем тебя обвиняют?

Он покачал головой.

– Тогда что?..

– Я знаю, как тяжело тебе было. Быть может, как раз тебе-то и было тяжелее всего.

– Ну и?..

Дядя отправил в рот орех и покачал головой.

– Почему ты не хочешь мне сказать?

Он снял очки, вытер лоб рукавом, высморкался. Когда дядя снова выпрямился, я увидел слезы, которые стекали по его морщинистым щекам. Поднявшись с кресла, он отошел в дальний конец веранды, подтянул джинсы и поправил ремень. Когда дядя заговорил, его голос прозвучал напряженно и слабо:

– Когда я подписал документы, согласно которым я передавал штату опеку над... над моим сыном, я принял второе самое трудное решение в жизни.

Он глубоко вздохнул, сплюнул в сад и двинулся прочь. Я смотрел ему вслед и чувствовал, что сделал ему очень больно.

– Дядя Уилли?..

Он остановился, но поворачиваться не стал – так и стоял спиной ко мне. Его широкие плечи устало опустились. Мне отчаянно хотелось взять

свои слова обратно, перебросить мостки через разделившую нас пропасть, но исправить свою ошибку я уже не мог.

Нет, я не сердился на него. На самом деле – нет. Больше всего я злился на своего родного отца, который так никогда и не свернул на нашу подъездную дорожку, но и это внезапное озарение тоже пришло ко мне слишком поздно. Наверное, подумал я, мне так хотелось докопаться до дядиных секретов только потому, что я стремился спрятать, скрыть тайну собственного рождения. Большую часть своей сознательной жизни я был абсолютно уверен, что со мной что-то не так, что я появился на свет ущербным, с каким-то скрытым уродством, и поэтому я очень хотел любой ценой отвлечь от себя внимание...

Только теперь я понял, что это было просто глупо.

– Что же... что было хуже этого?

Дядя надел шляпу, сдвинул ее на затылок, потом почесал лодыжку носком башмака. Так и не ответив, он спустился с крыльца и, повернув направо, отправился в оранжерею к своим орхидеям. В тот день я его больше не видел.

Поздно вечером я написал еще одно письмо своему родному отцу.

«Дорогой папа!

Я солгал. Я так и не перестал смотреть в окно на подъездную дорожку.

Твой Чейз».

Глава 34

Я покинул яхту в начале седьмого и без чего-то семь был уже дома. Обычно в это время дяди уже не было, но сегодня он сидел за кухонным столом вместе с Майки. Губы мальчугана были измазаны сиропом и маслом, а на тарелке перед ним возвышалась стопка оладий. Когда я вошел, он едва ли обратил на меня внимание.

Шахматная доска с недоигранной партией стояла на краю стола, и дядя задумчиво ее рассматривал. Судя по выражению его лица, положение было безнадежным.

Потом я заметил, что тетя Лорна прилепила скотчем на холодильник три рисунка: на первом был изображен павлин, на втором – индюк Боб, на третьем – цветущая орхидея. И птицы, и цветок выглядели как живые, хотя и были нарисованы простым карандашом.

Тем временем дядя двинул вперед одну из своих немногочисленных пешек. Ход был за Майки, и он, отправив в рот очередной оладышек, не глядя переставил свою ладью на новую позицию, предварительно сняв с доски дядиного слона. Озадаченно крикнув, дядя откинулся назад, сдвинул на затылок бейсболку и, отхлебнув кофе, снова склонился над доской.

Я налил себе сока и, встав рядом с тетей Лорной, которая нарезала для бутербродов болонскую колбасу, выглянул в окно, но свет в окне над амбаром не горел.

– Томми еще не вставала?

Тетя Лорна покачала головой.

– Она уехала еще вчера вечером, вскоре после тебя.

– Во сколько же она вернулась?

Тетя начала укладывать готовые бутерброды в целлофановый пакет.

– Она не возвращалась.

Оладьи из гречневой муки были еще горячими. Я положил себе целую дюжину, а потом ел и смотрел, как Майки громит дядю. Примерно час спустя, сражаясь с сонливостью, вызванной избытком сахара, клетчатки и жиров, я с удовлетворенным вздохом откинулся на спинку стула и, сунув в рот зубочистку, стал смотреть, как дядя, потерпев очередное поражение, читает мою статью в сегодняшней газете. Должно быть, Реду пришлось позвонить в типографию и остановить печать, чтобы втиснуть ее в номер; с большой газетой подобный фокус, конечно, не прошел бы, но небольшие

издания, вроде нашей «Брансуик дейли», могут себе это позволить.

Примерно в половине девятого приехала Мэнди. Поднявшись на крыльцо, она постучала по косяку и, отворив сетчатую дверь, вошла. Сейчас она была несколько не похожа на ту «железную леди», которая с легкостью скрутила в бараний рог Рубена Мэйнарда и заставила его выдать ей всю информацию, которой он располагал. Сегодняшняя Мэнди была одета в голубую футболку, кроссовки и старые джинсы. Даже волосы она стянула на затылке в «конский хвост», так что для полноты образа ей не хватало разве что бейсболки с эмблемой «Краснокожих».

Тетя Лорна немедленно усадила гостью за стол и поставила перед ней тарелку с оладьями. Поливая их сиропом, Мэнди кивнула в направлении газеты, которую дядя свернул и положил на угол стола.

– Я читала твою статью, – сказала она.

Любой профессиональный журналист знает, что подобные заявления всегда имеют продолжение.

– И?.. – спросил я.

Она впилась зубами в оладышек и проговорила с набитым ртом:

– Раньше ты писал иначе.

– Вот и Ред тоже так говорит... – Я взял с буфета колоду карт и начал машинально тасовать их на столе.

– Наверное, он хороший редактор, – заметила Мэнди, не переставая жевать. Наконец она доела последний кусок оладьи и, поблагодарив тетю Лорну, увлекла меня на веранду, как я подозревал – для «служебного» разговора. И действительно, как только мы вышли на воздух, она первым делом посмотрела на сетчатую дверь кухни, чтобы убедиться, что Майки не может ее услышать.

– Я намерена еще раз побывать в трейлере, где жил Мэйнард, – без обиняков начала она. – А еще я хочу взять с собой Бадди и посмотреть, как он отреагирует.

Я немного подумал.

– И чего ты хочешь этим добиться?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Я просто подумала... Вдруг мальчик найдет или покажет нам что-то такое, что мы не заметили.

– Хорошо. Только я считаю – нельзя делать это неожиданно. Нужно его предупредить.

– Согласна. – Мэнди испытующе посмотрела на меня. – Кто будет предупреждать, ты или я?

– Лучше я.

– Я надеялась, что ты это скажешь.

Я вернулся в кухню, и Майки, восторженувшись, протянул мне карты, которые я оставил на столе. Взяв колоду, я тщательно ее перетасовал, раздал себе и ему по две карты, а остальные положил между нами. Майки посмотрел на стол, на меня, но, похоже, ничуть не смутился. Заглянув в карты, которые я ему сдал, он слегка приподнял брови и не опускал их. По всей видимости, это должно было означать, что первый ход за мной.

Себе я сдал карты так себе – у меня на руках оказалось две восьмерки, поэтому я показал ему один палец и потянулся к колоде.

– Мне одну.

Увы, карта, которую я взял, только ухудшила дело.

– Твой ход.

Майки один раз стукнул по столу, взял из колоды карту, посмотрел – и выложил свои карты на стол. У него оказались десятка и тройка, поверх которых он положил туза.

Я выложил свои две восьмерки и «картинку» – даму, которую только что вытянул из колоды.

– Мы с мисс Паркер нашли трейлер, который ты рисовал нам в блокноте, – сказал я, показывая на Мэнди.

Майки взглянул на меня. На его лице не отразилось никаких эмоций, хотя я, возможно, чего-то не заметил.

– Мы собираемся заехать туда сегодня по пути в Атланту.

Он посмотрел на Мэнди, потом на меня.

– Трейлер стоит пустой. Похоже, там давно никто не живет. – Я пожал плечами. – Если, конечно, не считать целой оравы кошек. Не хочешь съездить с нами туда?

Как ни странно, мои слова не вызвали у мальчика отрицательной реакции. В ответ на мое предложение он только кивнул, словно говоря: «Съезжу, чего же не съездить?»

– Вот и отлично, – выдохнул я, не скрывая своего облегчения.

* * *

В конечном итоге наша поездка в Атланту оказалась далеко не такой простой, как я поначалу рассчитывал. Началось с того, что дядя каким-то образом пронюхал, что у меня есть билеты на «Краснокожих».

– Я не я буду, если допущу, чтобы ты побывал на игре без меня, а потом три месяца подряд мне о ней рассказывал! – заявил он решительно. – И уж тем более не сейчас, когда наши парни находятся в двух шагах от того, чтобы завоевать первенство Национальной лиги. Наконец, должен же

кто-то объяснить Бадди правила бейсбола!

Так наша деловая поездка превратилась в семейное путешествие. Дядя настоял, что будет сам вести машину, а путешествовать он всегда предпочитал с шиком. Ради этого он тщательно вымыл «Салли» из шланга и поставил сохнуть на солнышке перед парадным крыльцом. Основная проблема заключалась в том, что катафалки приспособлены для перевозки усопших, поэтому для дополнительных пассажиров необходимо было заново установить отсутствующие задние сиденья. К счастью, дядя проделал все необходимое несколько лет назад, и все же путешествовать на этих местах нравилось не всем – главным образом потому, что далеко не каждый был способен справиться с мыслью о длинных сосновых ящиках, которые когда-то ставили в задней части кузова.

– Познакомьтесь с моей «Салли», Мэнди, – сказал дядя, ласково похлопывая ладонью по блестящей черной крыше.

– Ничего себе! – воскликнула Мэнди. – У этого... у этой машины есть собственное имя?

Дядя кивнул.

– Ну да... Как у корабля. Разве она не прекрасна?

– Никогда не видела ничего подобного, – ответила Мэнди, по-моему – совершенно искренне. С осторожностью усевшись на заднее сиденье, она с легким вздохом откинулась на спинку, но, кажется, так и не рискнула обернуться.

И мы тронулись в путь. Майки на переднем сиденье с любопытством озирали окрестности и слушал, что рассказывал ему о бейсболе дядя. Мы с Мэнди на заднем сиденье никак не могли договориться, в какую сторону следует повернуть сопла кондиционера. Единственное, что немного меня беспокоило, – это то, что к моменту нашего отъезда Томми так и не появилась. Я не был уверен, что это непременно плохо, но ничего хорошего я в этом тоже не видел.

Играть в шахматы я так и не научился, поэтому, когда дядя утомился посвящать Майки в тонкости бейсбола, я положил мальчику на колени свой «Эппл» и объяснил, как действовать тачпадом, чтобы играть в шахматы с компьютером. Уровень сложности игры я выставил минимальный – для меня и это было непреодолимой вершиной, однако уже минут через пятнадцать Майки выиграл у компьютера три раза подряд.

Как раз в это время мы проезжали мимо Суты, и я показал мальчику вздымающиеся на горизонте гигантские сосны, до которых еще не дотянулись загибающие лапы дяди Джека. Сразу после этого мы свернули на запад и поехали по шоссе номер 25. Дядя немного перевел дух и

принялся расспрашивать Мэнди о том, откуда она родом, в каком университете училась и нравится ли ей ее нынешняя работа, а я невольно загляделся на стройные ряды деревьев, на высоковольтные и телефонные линии, на кипарисовые болота и желтые предупреждающие знаки с нарисованным на них стройным оленьим силуэтом. Мне и в голову не приходило, что я слишком долго молчу, пока Мэнди не тронула меня за плечо.

– А ты что затих? Заснул?

– Кто, я?..

– Да, ты.

– И вовсе я не сплю! Я просто... задумался.

– Не обращайтесь на него внимания, Мэнди, – вмешался дядя. – Он всегда такой, когда у него случается творческий... затык.

Мэнди рассмеялась, и дядя добавил:

– Чейз может несколько дней биться над какой-то идеей, прежде чем посвятит кого-то в подробности.

– Ни над чем я не бьюсь, я просто... – сделал я еще одну слабую попытку оправдаться, но дядя только пристально посмотрел на меня.

– С ней все в порядке, – тихо сказал он.

– Что? С кем?! А-а...

– Она просто поехала к твоему дяде Джеку.

– Тогда почему... почему она ничего мне не сказала?

Он покачал головой.

– У нее была какая-то встреча в городе. Потом она собиралась заехать в особняк Джека на острове, чтобы забрать оттуда какие-то свои вещи... и одежду.

– Но ведь ее не было всю ночь!

– Она уже взрослая, Чейз.

– И все равно...

Дядя немного подумал.

– Что нужно сделать, если на крючок попала рыба, способная оборвать лесу?

Я сразу понял, к чему он клонит.

– Отпустить катушку и стравливать лесу, чтобы она могла плыть куда хочет.

Он кивнул и, поправив очки, стал смотреть на дорогу. Когда дядя снова заговорил, его голос звучал очень тихо, словно он обращался к самому себе:

– А еще нужно молиться, чтобы рыба не завела лесу на острые камни

или на устричную банку.

Минут через двадцать мы приехали в Джессап и, обогнув склад бутилировочной компании, поехали по грунтовке туда, где стоял старый трейлер. Майки закрыл крышку компьютера и сидел очень прямо, сжимая блокнот обеими руками. На всякий случай я похлопал его по плечу и шепнул:

– Эй... Там никого нет.

Мальчик кивнул и поправил очки. На меня он так и не обернулся.

Еще через пару минут дядя припарковал катафалк рядом с трейлером. Я вышел первым и, открыв дверцу со стороны Майки, помог ему выбраться наружу. Некоторое время он стоял возле «Салли» совершенно неподвижно, внимательно прислушивался и во все глаза смотрел на свой бывший дом, но когда Мэнди поднялась по ступенькам к входной двери, мальчик последовал за ней почти без колебаний.

Как и в прошлый раз, стоило нам отворить дверь, как многочисленные кошки и коты бросились врассыпную. Майки аккуратно перешагнул порог, а потом сделал нечто такое, чего еще никогда не делал при мне – сунул пальцы в рот и громко свистнул.

Почти сразу из-за спинки дивана появилась крупная полосатая кошка без хвоста. У нее на шее я с удивлением заметил ошейник, да и выглядела она довольно упитанной. Откровенно говоря, таких больших кошек я давно не видел. Она подошла к Майки, и мальчик, наклонившись, взял ее на руки. Кошка громко замурлыкала и потерлась мордой о его лицо, а потом лизнула в нос. Похоже, для обоих это был давний и хорошо знакомый ритуал, поэтому я не стал вмешиваться.

Наконец обмен приветствиями закончился, и мальчик, продолжая бережно держать кошку на руках, показал мне ошейник, к которому был прикреплен блестящий жетон с именем.

– Бонс, – прочел я вслух. – Так это твоя киса?

Майки нахмурился и развернул кошку так, чтобы мне был виден ее живот.

– Извини. Это твой кот ? – поправился я, и мальчик кивнул.

Дядя, появившись точно из-под земли, обогнул меня и наклонился к мальчику.

– Отличный котяра! Как ты думаешь, он согласится переехать к нам? В последнее время я как раз подумывал о том, что нам не мешало бы завести хорошего кота, а то мыши... совершенно распоясались.

Майки поглядел на него с немой благодарностью в глазах, словно ему и в голову не приходило, что Бонса можно взять с собой. Дядя, в свою

очередь, почесал кота за ухом.

– Большие сильные коты – моя слабость! – объявил он. – И имя отличное – Бонс! Билли Бонс!!![58] Читал Стивенсона, Майки? Нет? Ну, это легко поправить.

Я знал, что дядя никогда особенно не любил кошек, считая их слишком ленивыми и избалованными, да и мышей у нас отродясь не водилось, но мне хватило ума промолчать. По лицу мальчика тем временем скользнуло какое-то странное выражение. Он как будто ждал, что из спальни вот-вот появится кто-то, кому хватит силы и власти, чтобы отменить дядино решение. Когда из спальни никто не вышел, Майки осторожно посадил кота на диван и, повернувшись к дяде, сделал еще одну вещь, которой я еще ни разу не видел, – протянул руку.

Дядя улыбнулся шире, чем поля его знаменитого «гаса». Слегка наклонившись, он слегка потряс руку мальчика и проговорил:

– Не за что, дружок, не за что. Для нас всех большая честь, что Бонс будет жить в нашем доме.

Осмотр трейлера не занял у нас много времени. Мы просто следовали за Майки, который переходил из комнаты в комнату. Он ни к чему не прикасался, просто заглядывал внутрь и двигался дальше. Дверь спальни была закрыта, но когда я тронул ручку, мальчик взял меня за запястье и отрицательно покачал головой.

На пути к выходу он неожиданно нырнул в ванную комнату и опустился на колени рядом с ванной – возле дальнего ее конца, где из стены выходил кран. Постучав по угловой панели под ванной, Майки зацепил ее ногтями и потянул, словно пытаясь открыть крошечную потайную дверцу. Когда панель не поддавалась, он быстро оглядел комнату, но, не увидев того, что искал, раскрыл блокнот и нарисовал отвертку с плоским жалом.

У меня отвертки с собой не было, а вот дядя полез в карман и достал оттуда свой нож «Барлоу» с двумя лезвиями. Открыв меньшее из них, он протянул нож мальчику, держа его рукояткой вперед.

– Осторожнее, – сказал он. – Смотри не поранься.

Майки кивнул и, вставив острый кончик ножа в щель между панелями, слегка нажал. Под его напором край панели отошел ровно настолько, чтобы за него можно было ухватиться, и Майки, сложив нож, протянул его дяде.

Тот попятился и даже выставил вперед ладони.

– Нет, нет, это плохая примета! – воскликнул он. – Возвращать нож полагается в том виде, в каком его тебе дали.

Мальчик поддел ногтем углубление на маленьком лезвии, открыл его, а потом подал дяде ручкой вперед.

– А у тебя разве не было ножа? – спросил дядя.

Майки покачал головой, и дядя присел перед ним на корточки.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя нет и никогда не было *собственного карманного ножа* ?

Мальчик быстро взглянул на меня, потом снова покачал головой.

– Это неправильно! – заявил дядя. – У каждого мальчишки непременно должен быть свой собственный... В общем, бери мой.

Майки недоверчиво взглянул на него, и дядя в смущении сначала снял шляпу, потом снова надел.

– Нет, я не шучу, – проговорил он. – Пока ты живешь у нас в доме, у тебя должен быть собственный нож. Я отдал тебе свой, потому что он никогда меня не подводил – им можно резать любую леску, строгать удилица и стрелы для лука... и даже подрезать орхидеи. Ну и вообще – хороший нож всегда может пригодиться. – Он шутливо ткнул меня кулаком в живот. – Спроси вот у Чейза, если не веришь.

Я улыбнулся, полез в карман и достал оттуда точно такой же нож, какой дядя подарил Майки. Некоторое время мальчик разглядывал оба ножа, потом убрал подарок в карман джинсов. По-прежнему стоя на полу, он совсем вытащил панель из ее гнезда и до самого плеча просунул руку под ванну. Что-то несколько раз стукнуло, брякнуло, и Майки вытащил руку с зажатой в ней коробочкой из желтовато-белого пластика. Внутри что-то погромыхивало – можно было подумать, что там лежат мраморные шарики, но когда Майки, скрестив ноги, уселся на пол и, сдвинув латунную защелку, открыл крышку, верхняя и нижняя половины коробки, сойдясь вдоль длинной петли, превратились в небольшую шахматную доску. Из специального отсека, предназначенного для хранения фигур, Майки достал бейсбольную карточку^[59] и, для пущего блеска потерев ее о рубашку, торжественно протянул дяде.

Дядя повертел карточку в руках, и глаза у него стали большими и круглыми, как полудолларовые монеты.

– Ух ты! – воскликнул он. – Где ты ее взял?

Майки пожал плечами, достал из коробки шахматного слона и точно таким же манером отполировал запыленную фигурку о нагрудный карман. Внимательно рассмотрев еще несколько пешек, он убрал их обратно в коробку и решительным жестом захлопнул крышку.

– Убери и ее тоже. – Дядя вернул мальчугану карточку. – Да смотри не потеряй. Лет через восемь эта карточка обеспечит тебе половину стоимости обучения в любом колледже.

Но Майки карточку не взял. Покачав головой, он поднялся на ноги и,

сунув ее в карман дядиной рубашки, похлопал по нему ладонью.

– Нет, сынок, я не могу... – пробормотал дядя. – Это очень дорогой подарок!

При этих словах Майки удовлетворенно кивнул, ткнул дядю пальцем в живот и, еще раз показав на карман его рубашки, вышел из ванной в коридор.

Дядя растерянно посмотрел на меня.

– Черт меня возьми, Чейз! Это же...

– Что?

– Он только что подарил мне бейсбольную карточку с Хэнком Аароном![\[60\]](#)

Я смотрел, как мальчик прошел по коридору, взял с дивана кота и, зажав его под одной подмышкой, а шахматную коробку – под другой, спустился с крыльца к машине.

– Могу сказать только одно: я не знаю, кто из вас выиграл от этой сделки больше, – откликнулся я.

– Мистер Макфарленд?.. – окликнула дядю Мэнди, которая, стоя в крошечной прихожей, тщательно вытирала подошвы кроссовок о ветхий половичок. – Вы действительно считаете, что дать мальчику нож достаточно безопасно?

– Да, мэм.

– Вы уверены?

– Тут такое дело, мисс Паркер... Рано или поздно кому-то где-то придется доверить этому мальчишке какую-то вещь или какое-то дело... – Дядя говорил, глядя в выбитое окно трейлера. – Но мужчиной не становятся за одну ночь. Мужчину нужно долго растить, а этот малец и так уже отстал... Но он нагонит. Непременно нагонит. – И, засунув большие пальцы в карманы джинсов, дядя посмотрел на Мэнди в упор.

– Но, сэр, неужели вы не боитесь, что мальчик может...

– Что вы! Я всю прошлую неделю расчищал этим ножом конские копыта, так что теперь он стал тупым, как те штуки из пластмассы, которые дают в «Макдональдсе». Им и вареную макаронину не перережешь!

Я знал, что это далеко не так, и дядя знал, что я знаю об этом. И еще я знал, что это один из тех случаев, когда дядя был совершенно прав, хотя, возможно, он и поступал против правил. В общем, Мэнди было вовсе не обязательно знать, что, будь Майки лет на десять постарше, он мог бы бриться дядиным ножом по утрам, лишь слегка подправив лезвие на кожаном ремне.

– Я надеюсь, вы отдаете себе отчет, что, если мальчик все-таки

порежется и вы повезете его к врачу, чтобы наложить швы или промыть рану, детские социальные службы явятся за вашей головой еще до того, как успеет высохнуть бетадин?[\[61\]](#)

– Что ж, если так, придется мне лечить мальчишку самому.

Я рассмеялся, и Мэнди посмотрела на меня.

– Что тут смешного?

Подняв руку, я показал ей длинный, но изрядно побледневший за двадцать лет шрам на первом суставе большого пальца. В ответ Мэнди только покачала головой и, решительно развернувшись, зашагала прочь.

– Не желаю ничего об этом знать! – бросила она через плечо.

Я уже собирался последовать за ней, но дядя взял меня за плечо и прошептал:

– Теперь, если парень порежется – даже если просто сорвет заусенец, – выпутываться будешь сам. Понял?

– Понял. – Я кивнул. – Ты всегда был очень добр, дядя.

Глава 35

Дядя Уилли начал учить меня рыбачить в то же лето, когда я переехал к нему и тете Лорне. Мы с ним ловили рыбу с причала в Брансуике, в притоках Алтамахи и Малого Брансуика, в озере вокруг Святилища и везде, где только водилась рыба. В дни, когда дядя не работал, а мне не нужно было идти в школу, нас проще всего было найти на берегу какого-нибудь подходящего водоема.

Уже в старшей школе я купил старый челнок, подлатал его и поставил в гавани вместе с креветколовными шхунами. Это было мое первое собственное судно, на котором я проникал так далеко в заросшие травой болота, куда не могли добраться даже парни на новеньких плоскодонных катерах. Я обследовал береговую линию на многие мили от Брансуика, ловил форель, горбыля, красного окуня, а пару раз даже добывал похожих на огромных сельдей тарпонов. Вся рыба попадала, разумеется, в руки тети Лорны, так что в старшей школе я регулярно наслаждался отличными рыбными обедами.

* * *

После неудачной попытки рассказать дяде его собственную историю я чувствовал необходимость слегка проветриться и успокоить нервы. И рыбалка была для этого самым лучшим средством, какое я знал. Вот почему я проснулся как можно раньше, взвалил на багажник «Викки» свой челнок и поехал в Брансуик. Остановившись вблизи городской гавани, я спустил челн на воду и двинулся вдоль берега, торопясь начать рыбалку до начала отлива.

Примерно через полмили – но все еще в пределах города – мое весло неожиданно наткнулось на что-то скрытое в траве. Это что-то было достаточно твердым, но я почему-то сразу подумал, что это не камень и уж точно не устричная банка. Непонятный предмет был занесен илом и со всех сторон зарос травой, но я пустил в ход небольшую лопатку, которую всегда брал с собой, и очень скоро обнаружил что-то похожее на известняковую дренажную трубу. Труба диаметром чуть больше трех футов торчала из склона холма, на вершине которого располагался один из старейших городских районов (тот самый, где находился и «Сута-банк»). Выход трубы

был перегорожен решеткой из ржавых железных прутьев.

Когда-то в Южной Джорджии хозяйничали испанцы, поэтому известняковые сооружения, точнее – их остатки, были не редкостью в наших краях. Мое любопытство, однако, разбудила не сама труба, а именно закрывающая ее решетка.

Она была на петлях.

Это означало, что решетка может открываться, причем скорее всего наружу, а не внутрь. Но она не открывалась. Вероятно, где-то в глубине этой древней трубы находился механизм, который освобождал удерживавший решетку замок. Впрочем, двести лет пребывания в соленой воде превратили металлические прутья в труху. Они рассыпались буквально на куски, стоило мне только приложить серьезное усилие, так что уже через двадцать минут я выламывал из известняка последние обломки металла.

Освободив проход, я надолго задумался. Что-то было не так. Высокий прилив должен был скрывать трубу полностью, однако сегодня этого не произошло. Я, впрочем, знал, что в разные дни уровень воды во время прилива мог повышаться и на четыре, и на шесть с половиной футов. Вероятно, все дело было в том, что сегодня приливный максимум был не самым высоким, и это позволило мне обнаружить трубу. Правда, пробраться в нее прямо сейчас все равно было невозможно, но я был уверен, что чуть позже, когда вода спадет, я смогу заглянуть в нее и выяснить, что это за сооружение.

Торопиться мне было некуда. В конце концов, я приехал сюда на рыбалку и не собирался лишать себя этого удовольствия. Красные горбыли во множестве кружили вокруг стай мелких морских креветок, и я стал готовить снасти.

Я прорыбачил несколько часов подряд. Когда уровень воды упал почти наполовину, я убрал удочки и вернулся к тому месту, где из склона холма выступала загадочная труба. То, что я увидел, подтвердило правильность моих предположений. Во время прилива труба заполнялась водой, полностью скрываясь под поверхностью. Во время отлива вода, напротив, вытекала из трубы, так что пробраться внутрь было совсем не трудно.

Когда-то мне приходилось читать о прибрежных испанских и мавританских крепостях и замках, которые использовали схожую приливо-отливную «технология» для очистки крепостных отхожих мест и уборных. В Европе этот метод использовался довольно широко, и я не сомневался, что испанцы могли принести его с собой и в Новый Свет. При мысли о том, что труба может привести меня просто в выгребную яму,

пусть и историческую, мой исследовательский энтузиазм чуть было не угас, но потом я подумал, что даже если труба действительно вела в древнюю уборную, столетия ежедневных приливов и отливов давно должны были отмыть ее начисто. И, посмотрев на часы, я прикинул, сколько времени остается у меня до начала следующего прилива. По всем расчетам, на два с половиной часа я мог рассчитывать совершенно железно, поэтому я покрепче привязал челнок к торчащему из воды пню, надел на голову шахтерский фонарик и втиснулся в трубу.

Первые сотни две ярдов мне пришлось ползти буквально на животе, причем труба довольно ощутимо уходила вверх, что еще больше затрудняло мое продвижение. Я уже начал спрашивать себя, как, черт побери, я намерен отсюда выбираться, если даже развернуться в обратную сторону здесь невозможно физически, но тут труба неожиданно расширилась, а потом повернула вертикально вверх. В этом месте путь преграждала еще одна решетка, но ее я открыл без труда, просто отодвинув грубое подобие засова.

Короткий вертикальный участок привел меня в высеченный в ракушечнике грот или пещеру шириной около двадцати и длиной около шестидесяти футов. Потолок, который поддерживали два ряда грубых колонн, расположенных в десятке футов одна от другой, находился на высоте футов двенадцати и был сделан из вполне современного литого бетона, дополнительно укрепленного двутавровыми стальными балками.

Эта загадка заставила меня снова чесать в затылке. Тот, кто строил эти бетонные перекрытия, не мог, разумеется, не знать о высеченной в ракушечнике пещере, но вот знал ли он о дренажной трубе?

Сделав фонарь поярче, я огляделся. Стены пещеры были покрыты выцарапанными в ракушечнике именами и датами. Самая ранняя надпись относилась к началу 1800-х, но большинство было датировано пятидесятыми-шестидесятыми годами XIX века. При свете фонаря я разобрал несколько искаженных цитат из Библии, но в основном это были именно имена и фамилии давно умерших людей. Прямо над люком, ведущим в дренажную трубу, кто-то написал на стене слово «Свобода» и стрелку, указывающую вниз.

Как и большинство жителей Брансуика, за свою жизнь я слышал немало историй о подземных тоннелях длиной в несколько миль, с помощью которых рабы с окрестных плантаций бежали на Север, однако сказать, что в этих историях правда, а что – вымысел, никто не мог. Сейчас же мне вдруг показалось – еще немного, и я сам это узнаю.

Сверившись с часами и убедившись, что время у меня есть, я еще раз

внимательно обследовал пещеру. В дальнем углу я неожиданно наткнулся на узкую винтовую лестницу, которая вела к люку, сколоченному из толстых дубовых досок. Я попытался открыть его, но люк не поддавался: то ли доски были слишком тяжелыми, то ли они просто разбухли от влаги и люк заклинило. Отступить я, однако, не собирался. Немного подумав, я развернулся к люку спиной, уперся ногами в верхнюю ступеньку лестницы и нажал. На этот раз раздался громкий скрип, и старое дерево немного поддалось. Я перевел дыхание и повторил свой прием. На этот раз люк распахнулся с легким хлопком, словно вылетающая из бутылки пробка, и на голову мне посыпались пыль и мусор, а по стенам разбежались напуганные мокрицы и тараканы.

Люк оказался толщиной дюймов шесть, а весил он, должно быть, не меньше восьмидесяти фунтов. Уступая моим усилиям, он откинулся на петлях и ударился о бетонную стену наверху. Сразу за ним обнаружился короткий вертикальный колодец длиной футов в три, в конце которого я увидел еще один дощатый люк. К счастью, он был намного тоньше и легче, и я без труда открыл его, просто нажав руками. Выбираясь в верхнее помещение, я почувствовал под руками ковер и с удивлением огляделся.

Я оказался абсолютно не готов увидеть то, что открылось моим глазам.

Когда, нашарив на стене электрический выключатель, я включил свет, оказалось, что я стою в банковском хранилище длиной двенадцать и шириной восемь футов. О том, что это было именно хранилище, я догадался практически мгновенно. Дядя почти ничего о нем не рассказывал, но, сопоставив многочисленные газетные статьи и городские слухи, а также некоторые архивные и другие материалы, которые мне удалось разыскать самостоятельно, я достаточно отчетливо представлял, где он отсиживался той непогожей ночью, которая навсегда изменила его жизнь и судьбу.

Вдоль боковых стен старого хранилища тянулись индивидуальные сейфы-ячейки, возле короткой торцевой стены стояли большие несгораемые шкафы. У дальней от меня стены, где располагалась входная дверь, стояли стол и один стул. Люк, из которого я только что выбрался, располагался почти в центре хранилища и был спрятан под небольшим ковром восточной работы. Ковер, несомненно, лежал здесь не для красоты: разглядеть под ним лаз было практически невозможно – особенно если учесть, что лампочка под потолком была совсем слабой. Удивительно, как за столько лет она не перегорела вовсе... Нет, на самом деле – ничего удивительного.

Теперь у меня оставался только один вопрос.

Знал ли дядя о люке в полу?

Мне хотелось еще немного задержаться, чтобы как можно лучше осмотреть хранилище, но начинался прилив, и я боялся, что поднявшаяся вода запрет меня здесь на следующие девять-десять часов. Вот почему я поспешил спуститься в люк, постаравшись не сдвинуть ковер, который я предварительно расправил и уложил поверх дощатой крышки.

Спустившись в нижнюю пещеру, я сразу услышал, как у нижнего конца дренажной трубы плещутся волны. Похоже, мне следовало поторапливаться.

Обдирая локти и колени и распугивая заползших в трубу крабов, я пустился в обратный путь и выбрался наружу как раз тогда, когда вода уже начала заливать лаз. Забравшись в челнок, я отвязал его от пня и, выйдя на середину реки, взялся за весла.

Объяснить, почему я наткнулся на дренажную трубу именно в то утро, я не могу. В годы учебы в старшей школе я проплывал мимо этого места десятки раз, но еще никогда мое весло не цеплялось за ее скрытую под водой верхнюю кромку. Разумеется, в разное время я держался на разном расстоянии от берега или погружал весла на разную глубину, да и высота прилива тоже не всегда бывала такой, как сегодня, но все это вовсе не объясняло, почему я не сделал столь важное открытие раньше.

Вечером я рассказал обо всем дяде. Рыбалка мне почти не помогла – я все еще был на него сердит, о чем он без труда догадался по моему голосу.

– Сегодня я обнаружил кое-что весьма интересное, – начал я.

– Вот как? – Дядя посмотрел на меня поверх газеты.

– Да. – Я кивнул. – А знаешь где? В подвале. В подвале «Сута-банка»!.. Дядя слегка приподнял брови.

– Да, именно там, – сказал я с нажимом. – Раньше я думал, что все рассказы о подземных дорогах – просто легенды времен рабства, но оказалось... Хотел бы я знать, почему ты никогда не рассказывал мне ни о нижней пещере, ни о люке под ковром?

Мой вопрос, похоже, застал его врасплох. Отложив газету, дядя слегка склонил голову набок и некоторое время рассматривал меня с таким видом, словно видел в первый раз. Наконец он проговорил ровным голосом:

– Я не крал эти облигации, Чейз.

Я сложил руки на груди.

– Значит, ты все-таки знал о подземном ходе?

– Конечно. Мы с Джеком нашли его, когда были детьми.

При этих словах мне вдруг показалось, что недостающие фрагменты головоломки начинают становиться на место.

– То есть ты с самого начала знал, что облигации взял Джек?

Дядя кивнул.

– Но почему ты молчал?!

Он не ответил.

– Дядя Уилли!..

– Видишь ли, Чейз... есть вещи, которые куда дороже денег.

Я внимательно смотрел на него, и какое-то время спустя мне стало ясно, что дядя скрывает что-то еще. Что-то очень важное. Мне казалось – я вот-вот догадаюсь, в чем дело, но как я ни старался, мне так и не удалось ухватить ускользающую мысль.

– По-моему, ты чего-то недоговариваешь, – сказал я, и тут меня осенило. – А-а, понял!.. Дядя Джек тебя шантажировал! Наверное, он узнал о тебе что-то... что-то плохое и решил использовать эти сведения против тебя. В конце концов, из вас двоих именно дядя Джек больше всего любил манипулировать людьми.

Дядя не шелохнулся.

– Хотел бы я знать, что это было, – добавил я. – Что могло заставить тебя молчать двадцать с лишним лет!

Он снова не ответил, только улыбнулся и кивнул.

– Когда-нибудь ты станешь превосходным журналистом, Чейз.

– Давай говорить начистоту, – продолжал я. – Ты потерял отца, жену, сына, работу, деньги... – Я огляделся по сторонам. – Ты лишился всего, что у тебя было. Черт побери, даже свое имя ты потерял! И что, скажи на милость, могло быть дороже всего этого? Дороже всей твоей жизни, если на то пошло!..

Некоторое время дядя внимательно разглядывал ногти на руке, потом слегка прикусил губу.

– Когда-то давно, еще в пятидесятых, мне приходилось слышать об одном парне, который отправился в австралийский буш, чтобы проповедовать аборигенам. Обращать их ко Христу. Но не успел он выбраться из своего самолета, как аборигены окружили его и проткнули сразу десятком копий. – Он покачал головой. – На первый взгляд – напрасная, глупая смерть, не так ли?.. – Дядя вдруг поднялся и, отойдя к краю веранды, встал там, держась обеими руками за перила. На меня он не смотрел. – Незадолго до того, как этот парень отправился в путь, кто-то спросил его, зачем он летит бог знает куда. И знаешь, что он ответил, этот безумец? «Я с радостью отдаю все, что не могу сохранить, ради того единственного, что нельзя потерять», – вот как он сказал...

Так и не обернувшись, дядя сошел с крыльца, огляделся, словно

пытаясь получше рассмотреть тот маленький мир, который у него еще остался. Наконец он посмотрел на меня.

– Я постарался запомнить эти слова, – проговорил он с улыбкой. – И мне все чаще кажется, что тот парень был не так уж глуп.

* * *

За пять лет, прошедших со дня этого разговора, я написал сотни статей, в том числе таких, которые перепечатавали и общенациональные издания. Читатели, приславшие в газету свои отзывы, утверждали, что у меня особый нюх на правду. Так же считал и Ред, и это было весьма кстати, поскольку он, как-никак, был моим боссом. Не исключено, что и читатели, и Ред были совершенно правы, однако в одном случае мой нюх меня подвел, а ведь речь шла о единственном в своем роде материале, который был по-настоящему важным. До сих пор, глядя на коллаж на стене, который с тех пор успел перебраться из моей комнаты в мой кабинет в редакции, я только чешу в затылке. Истина остается неуловимой, как Альый Первоцвет[62]. Я знаю, кто, когда и как, но мне пока никак не удастся ответить на главный вопрос – зачем?

За эти годы я много раз проползал по дренажной трубе. Я провел в старом хранилище немало часов, и все же я по-прежнему был не в силах ничего доказать. Это мог сделать только один человек, но по какой-то причине он предпочитал молчать или цитировать мертвых миссионеров, а то и вовсе изрекал нечто такое, что только он один способен был понять.

По правде говоря, тот факт, что я обнаружил тайный ход и люк, ведущий в хранилище, почти не продвинул мое расследование. В конце концов, дядя тоже мог воспользоваться дренажной трубой, так что его невиновность по-прежнему оставалась под большим вопросом. Даже то, что он столько времени скрывал существование подземного хода, слишком напоминало замечание следов, и я не сомневался, что его многолетнее молчание именно так и будет истолковано, если о нем станет известно. Ну а когда дядя признался, что с самого начала знал, кто украл миллионы, я понял, что он сам вбил последний гвоздь в крышку собственного гроба, забросал его землей и водрузил сверху могильную плиту с соответствующей надписью.

Размышляя об этом, я частенько вспоминал своего колледжского преподавателя философии. Чуть не каждую свою лекцию он начинал с того, что напоминал нам, студентам, о существовании пяти основных инструментов познания: жизненного опыта, озарения, логики, фактических

доказательств и доказательств, основанных на слухах. Я старался не пренебрегать ни одним из них и готов утверждать со всей ответственностью: Уильям «Лайам» Макфарленд по собственной воле понес наказание за то, чего не совершал.

Всю свою жизнь я как будто висел в пустоте над пропастью, разрываемый двумя противоположными силами. Одной силой были жители города – то, во что они верили, то, что было официально записано в истории Брансуика или передавалось из уст в уста в виде слухов и домыслов. Во главе этой толпы в блистающих одеждах шествовал сам дядя Джек, который одним своим видом убеждал горожан в собственной правоте. Упорное молчание дяди только помогало его брату сохранять свои одежды в незапятнанной чистоте – и делало ситуацию еще более сложной и напряженной.

Другой силой был сам дядя – побежденный, но не согнувшийся.

А где-то между ними с глупым видом барахтался я.

Глава 36

Пробка на окружной автостраде, некстати перевернувшийся автомобиль и болваны-полицейские, направившие нас в объезд через развязку, которая оказалась забита еще плотнее, чем кольцевая, задержали нас почти на час, так что на стадион «Тёрнер-филд» мы приехали всего за несколько минут до начала игры. Поставив машину на стоянку, дядя немного приоткрыл окна, чтобы Бонса, свернувшегося на заднем сиденье, оведал ветерок, после чего мы торопливо пошли к входу на стадион. На выходе со стоянки нас остановил одноногий мужчина в инвалидной коляске. Волосы у него на голове слиплись от грязи, изо рта несло запахом гнилых зубов и свежим перегаром. Преградив нам дорогу, он ловко крутанулся на месте и, сплюнув на асфальт, проговорил заплетающимся языком:

– М-мелочишки не найдется, пр-риятель?

Я обошел его, не проронив ни слова, дядя повторил мой маневр, а Мэнди, по-моему, и вовсе задержала дыхание. В следующий момент я вдруг почувствовал, что кто-то потянул меня за задний карман джинсов. Обернувшись, я увидел, что Майки протягивает ко мне руку ладошкой вверх.

– Идем скорее, – поторопил я, показывая на стадион, в ворота которого входили последние зрители. – Когда мы сядем на наши места, я куплю тебе все, что ты захочешь.

Но мальчик только тряхнул головой и нетерпеливо покачал ладонью в воздухе.

– Что?

Он показал на пьяницу в кресле.

– Слушай, Майки, если я дам этому человеку денег, он сразу поедет в ближайший винный магазин.

Мальчик снова взмахнул рукой и даже топнул ногой, но я не уступал.

– Нет, этому забулдыге я денег не дам.

Майки открыл блокнот и написал большими, жирными буквами:

«Просящему у тебя дай!»[\[63\]](#)

Я уперся кулаками в бока.

– Кто это сказал?

Мальчик показал глазами куда-то наверх, потом без всякого выражения

посмотрел на меня. Дядя и Мэнди тоже остановились и теперь пытались разгадать эту пантомиму.

Я тоже посмотрел наверх и пожал плечами.

– Ну, кто? – повторил я.

Мальчик открыл чистую страницу и нарисовал стоящий на холме крест, а внизу написал: «Евангелие от Матфея, 5». Затем он развернул блокнот так, чтобы нам было виднее. Пока он все это проделывал, мужчина в коляске догнал нас и затормозил за спиной Майки.

– Ну ты даешь!.. – воскликнул я. – Ты, оказывается, знаешь Писание?

Вместо ответа Майки достал из блокнота грязную измятую страничку, вырванную, судя по формату, из гостиничной Библии.

– Ты что, смеешься?! – пробормотал я, вертя страничку в руках.

Мягко отстранив меня, дядя шагнул вперед и, достав пять долларов, сунул их инвалиду в карман рубашки. Глядя на меня, он сказал, качая головой:

– Похоже, я плохо тебя воспитывал: ты слишком много времени проводил на рыбалке. В ближайшее же воскресенье отведу тебя в церковь и посажу в первом ряду.

Наконец мы вошли на стадион, поднялись по паре лестниц и наклонных рамп и оказались на трибунах. Наши места были почти напротив первой базы и располагались сравнительно невысоко – рядах в тридцати от границы внешнего поля. Мы сели, купили программки и мороженое, и я огляделся. Стадион изменился, изменилась даже планировка секторов, музыка играла громче, а еда и напитки подорожали вдвое, но волшебство не исчезло. Судя по выражению лица Майки, он тоже так думал.

Потом я стал читать программку, ища в ней новые имена, новые таланты. Терри Пендлтон теперь тренировал бэттеров, Чиппер Джонс проводил в команде свой четырнадцатый сезон и считался бесспорным кандидатом на попадание в Зал славы в Куперстауне. Я быстро произвел в уме нехитрый подсчет: со времен знаменитого «наката» Брима прошло пятнадцать лет.

Вспоминая подробности того давнего матча, я невольно отыскал глазами места, где мы сидели тогда – дядя, я и Томми. Правда, это было на старом стадионе, но разница, так сказать, в географии оказалась не особенно большой. Вот только Томми теперь с нами не было. Бросив взгляд в сторону дяди, я понял, что он тоже погрузился в воспоминания. Его лицо было печальным и задумчивым, но потом он посмотрел на уплетавшего мороженое Майки и чуть заметно улыбнулся.

В еде и напитках, кстати, по-прежнему недостатка не было. Мы покупали попкорн, сахарную вату, хот-доги, арахис, кока-колу, минералку, мороженое, соленые крендельки, холодное пиво и разрезанную на куски пиццу чуть не у каждого проходившего мимо нас разносчика. В результате к шестому иннингу живот у Майки стал круглым, как у Будды. У меня, кстати, тоже. Нам даже пришлось сделать небольшой перерыв в еде, иначе к концу игры мы оба не смогли бы подняться с кресел.

Повсюду вокруг нас отцы и сыновья точно так же сидели бок о бок, жевали орешки и сосиски и держали наготове перчатку, чтобы поймать фал-бол [64]. У многих бейсболки были надеты наизнанку [65], а лица расцветали широкими улыбками. Несмотря на многомиллионные контракты, стероиды, скандалы и прочее, бейсбол все еще способен совершить это чудо – объединить людей и заставить их улыбаться.

Невольно я подумал о Майки – о его жизни и о том, что может его ждать в будущем, в том числе и в ближайшем. По закону вопросы лишения родительских прав могли решаться заочно только в крайних случаях, поэтому офис окружного прокурора разместил соответствующие объявления как минимум в двадцати газетах юго-востока страны. Эти объявления как будто взывали к родителям Майки: «Эй, где бы вы ни были! Приезжайте скорее и заберите вашего малыша домой!» И эти пресловутые родители вполне могли объявиться уже завтра, посадить мальчика на заднее сиденье машины и скрыться в неизвестном направлении – скрыться навсегда. Разумеется, какое-то время им придется прожить под пристальным вниманием органов опеки, но если в течение этого срока отец и мать Майки сумеют удержаться от серьезных правонарушений, государственная машина будет вынуждена оставить его с ними – с «законными опекунами». И даже если это будет самая что ни на есть «белая шваль», ютящаяся в трейлере и пропивающая все пособие по безработице. Им достаточно будет продержаться совсем немного, и тогда уже ни я, ни Мэнди не сможем ничего поделать, ведь в нашей стране закон защищает не только ребенка, но и его родителей.

Я посмотрел на Майки (я так и не привык называть его Бадди, да и он, кажется, не особенно на этом настаивал). Его правая рука лежала на подлокотнике кресла совсем рядом с моей. Вот он опустил ее немного ниже, и его локоть скользнул по моему предплечью. Кожа мальчика была тонкой, упругой и немного шершавой – совсем как мелкая терка для сыра.

Когда я был примерно в его возрасте, дядя учил меня работать в оранжерее. Как-то после обеда мы отправились туда, чтобы проверить, как поживают его любимицы. Включив свет, дядя усадил меня на низкий

садовый стульчик и бережно наклонил к моему лицу трехфутовый стебель, усыпанный крупными пурпурными цветами.

«Красиво цветет, правда?»

Я кивнул.

«А знаешь, откуда берется цветок? Вовсе не отсюда... – Он ладонью сдвинул в сторону измельченную древесную кору и жирную черную землю. – ...А отсюда. – Дядя повернул рыжий глиняный горшок так, что мне стали видны обнажившиеся корни. – Заботься о корнях, и орхидея всегда будет радовать тебя своими цветами».

Дядя взял тонкий бамбуковый прут длиной фута четыре, воткнул в горшок и привязал к нему стебель цветка.

«Без этого не обойтись, – пояснил он. – Если цветов будет слишком много, стебель согнется или вовсе сломается, а это нехорошо. Пусть цветет сколько хочет, а мы дадим ему на что опереться».

– Ты в порядке? – спросила Мэнди, которую, должно быть, встревожило отсутствующее выражение моего лица.

– Да, конечно... Я... я просто засмотрелся, как играют. – Это была жалкая ложь, но ничего более подходящего мне не пришло в голову.

И я стал смотреть, как Майки провожает взглядом каждый флайбол [66], как он с жадностью смотрит на цифры на табло и как трогательно болтаются в воздухе его ноги, которые доставали до пола, только когда он наклонялся вперед. Мэнди, как я заметил, тоже искоса поглядывала на мальчика. Похоже, для нас обоих он перестал быть просто «работой» – рутинным редакционным или служебным заданием.

Тут я подумал о своей статье, точнее – о последней, третьей ее части, которую мне предстояло сдать через пару дней. Ред считал, что читатели быстро потеряют интерес к истории мальчика, если в ней не будет какой-то развязки, какого-то конкретного финала. «Найди его, – велел он. – Финал есть, его просто не может не быть». Но где же этот финал в истории Майки, задумался я. Где счастливый конец? Ведь ни одна орхидея не станет цвести, если ее корни будут терзаться пассатижами, прижигать сигаретами и заливать пивом. Должно пройти время, много времени, прежде чем цветок снова оживет.

А Майки, не подозревая о моих не слишком веселых и довольно далеких от бейсбола мыслях, не отрываясь следил за бэттером – за каждым его движением. Липкая от сладкой ваты рука неосознанно чертила в воздухе невидимые линии и контуры, накладывала тени и полутени, словно его мозг мог мыслить только при помощи карандаша – реального или воображаемого. Дядя, сидевший слева от мальчика, беспрерывно

комментировал происходящее, рассказывал о бэттерах и других игроках, об их талантах, о сильных и слабых сторонах. В кои-то веки, подумалось мне, дядя взял на себя роль комментатора-аналитика. Впрочем, ничего удивительного в этом не было – ведь он болел за «Краснокожих» уже лет тридцать подряд и, конечно, прекрасно разбирался, кто есть кто в этом виде спорта. И все же, слушая его, я не мог не думать о том, что Томми сделала бы это лучше и что нам всем будет очень ее не хватать.

После двух аутов в начале седьмого иннинга бэттер отбил мяч высоко, но не слишком далеко – в зону центрального аутфилдера («Такой мяч называется поп-аут», – шепнул дядя на ухо мальчику, но я все равно услышал), и Эндрю Джонс с легкостью поймал его на лету, добившись третьего аута[67]. После этого «Краснокожие» дружно направились к своей скамье, персонал стадиона установил на поле защитные сетчатые барьеры, из динамиков зазвучала громкая музыка. Словно по команде, дядя и я вскочили на сиденья, сорвали с голов бейсболки и, обняв друг друга за плечи, запели вместе со всей Атлантой «Возьми меня на матч, возьми меня вместе со всеми...»[68]

Глядя на нас, Мэнди расхохоталась. Майки подтянул под себя ноги, но встать на сиденье не осмелился и только смотрел на нас со смесью острого любопытства, изумления и легкого потрясения. (Еще бы – такие большие дяди, а ведут себя как невоспитанные школьники!) Нас это, впрочем, не смутило. Подняв наши бейсболки как можно выше, мы с дядей с упоением выкрикивали слова бейсбольного гимна.

Разминка после первой половины седьмого иннинга – это старая бейсбольная традиция, происхождение которой так и остается тайной, покрытой мраком. На этот счет существует несколько теорий или, скорее, легенд, но факт остается фактом: никто не знает, кто и когда придумал эту паузу. Согласно одним источникам, авторство приписывается президенту Говарду Тафту[69], согласно другим – брату Джасперу[70] из Манхэттенского колледжа. Пока дядя рассказывал Майки, как вышло, что в разминке участвуют не только игроки, но и зрители (они поднимают руки и отплясывают на креслах), я воспользовался перерывом, чтобы сходить в туалет.

По дороге до подтрибунного помещения мне повсюду мерещилась Томми. Маленькие девочки, сидевшие на отцовских плечах с клубками розовой сладкой ваты в руках и с нарисованными на рожицах индейскими томагавками, парили вокруг меня, точно оседлавшие облака ангелы, и каждая казалась мне уменьшенной копией Томми. В ушах у меня звучали ее подробные аналитические комментарии, на которые она была большая

мастерица. Я точно наяву слышал ее смех, впитывал в себя ее детскую чистоту и невинность и в то же время ясно понимал: оставшаяся в Брансуике женщина, отягощенная стыдом и последствиями неправильно принятых решений, уже не сможет летать на облаках, а будет только дрожать от холода под льющимся из них дождем.

Странное беспокойство, овладевшее мной, было столь сильным, что, выйдя на обращенный к парковке балкон, я достал мобильник и позвонил в комнату над амбаром. На часах была почти половина десятого, и я надеялся, что Томми уже вернулась и, может быть, легла или ложится спать.

Телефон прозвонил восемь раз, но трубку никто не взял.

К концу девятого иннинга «Краснокожие» проигрывали уже два очка. Похоже было, что первый в жизни Майки бейсбольный матч закончится совсем не так, как мы надеялись. Дядя, во всяком случае, был серьезно обеспокоен назревающим поражением наших любимцев. Соотношение болов и страйков у нашего бэттера было совсем никуда, и он нервно перебирал ногами на месте, надеясь хотя бы еще раз отбить мяч как положено. На базах было двое игроков, поэтому свежий питчер, появившийся из разминочного тоннеля, бросил не слишком сильно, но при этом так хитро закрутил мяч, что он сначала отклонился в сторону, а перед самым бэттером круто нырнул вниз. Бэттер размахнулся, но ударил неудачно – мяч взлетел высоко вверх, уходя вправо. Защитник первой базы попятился, правый аутфилдер побежал вперед, так что оба оказались за фал-линиями, но мяч уже упал на трибуны рядах в двадцати под нами. Он ударился о ступеньки прямо в середине лестницы, отскочил от бетона и, вращаясь, полетел дальше по какой-то уже совершенно невообразимой траектории.

Каждый мальчишка, который идет на бейсбол, мечтает принести с игры какой-нибудь сувенир: бейсболку, программку, брелок или вымпел. Все эти вещи не просто память о событии – это доказательство того, что «мы были», «мы видели», «мы стали частью величайшей в мире игры». Именно поэтому, уходя со стадиона, мы бережно прижимаем эти безделушки к груди, дорожим ими, бережем их, хвастаемся ими перед приятелями. Обладатель памятного сувенира становится героем для любого мальчишки, который хоть раз в жизни бросал бейсбольный мяч. И все же существует единственный *настоящий* сувенир, который ценится дороже всего и за который любой болельщик без колебаний продаст душу дьяволу.

Я имею в виду залетевший на трибуны мяч.

Неудивительно, что на отскочивший от ступеньки мяч мигом

нацелились все мужчины и все мальчишки вокруг. Мяч все еще летел, стремительно вращаясь и негромко жужжа, словно миниатюрный торнадо. Его траектория по-прежнему была весьма затейливой, но мне вдруг показалось, что он нацелен прямо в лоб Майки. Летел мяч довольно быстро, но я все-таки потянулся к нему – потянулся и опоздал, успев лишь почувствовать, как обдало ветерком кончики моих пальцев.

А мяч был уже в паре футов от лица мальчика. Его стремительное приближение буквально загипнотизировало Майки – на шее мальчугана набухли вены, вытаращенные глаза сошлись на переносице. Удар мячом в лицо, – даже мячом на излете, – штука довольно болезненная, и я невольно подумал, что единственным сувениром, который наш подопечный увезет с этого матча, будет здоровенный фингал под глазом, как вдруг – хлоп! Дядя вытянул руку, и мяч со звонким шлепком впечатался ему в ладонь в считанных дюймах от побледневшего носа мальчика. В следующее мгновение узловатые дядины пальцы сомкнулись, сжав мяч будто тисками, и у десятков мужчин и мальчишек вырвался из груди разочарованный вздох – вождь денный приз обрел своего хозяина.

Дядя тоже перевел дух и медленно разжал руку. Мяч лежал на его ладони, словно новый алмаз Хоупа[71].

Покачав головой, дядя медленно, широко улыбнулся.

– Надо же! – произнес он, и его глаза стали большими и круглыми, как печенья «Орео». – Ну и везет мне сегодня! Карточка Хэнка Аарона и мяч – и все в один день... – Он задумчиво уставился куда-то в пространство поверх голов зрителей. – После матча нужно будет обязательно купить пару лотерейных билетов!

Тем временем питчер подал фастбол – довольно высокий и подкрученный в левую сторону. Мне даже показалось, что он вышел из зоны страйка, но наш бэттер все равно ударил. Ударил – и попал. Мяч взмыл в темнеющие небеса, словно его тащила на буксире космическая ракета, пронесся футами в семидесяти над ограждением центральной части внешнего поля и пропал из виду.

На секунду воцарилась полная тишина, но потом стадион буквально взревел от восторга. Это был великолепный удар, который очистил базы и не только принес «Краснокожим» победу в этом матче, но и обострил борьбу за первенство Национальной лиги, а это значило, что впереди нас ждет еще несколько напряженных и захватывающих игр.

Дядя сиял, как человек, который только что получил поистине королевскую награду. Сняв бейсболку, он вытер рукавом покрытый испариной лоб и бросил взгляд на поле.

– Нет, обязательно надо купить лотерейный билет!.. – пробормотал он. Я посмотрел на мяч, который он вертел в руках.

– Этот мяч сделан вручную, – проговорил я. – Когда-нибудь через много лет, когда ты станешь дедом...

Дядя бросил на меня скептический взгляд. «Ну вот, начинается!..» – словно хотел он сказать.

– ...Ты повезешь своих внуков на рыбалку... и будешь им рассказывать, как ты голыми руками поймал фал-бол в одной из игр финальной серии, – закончил я.

Дядя поднялся и подкинул мяч на ладони.

– Мечтать не вредно, – заметил он коротко.

Мэнди засмеялась. Что касалось Майки, то он выглядел несколько озадаченным – должно быть, пытался понять, почему дядя так сказал.

Но когда мы выезжали со стоянки, он, похоже, перестал ломать голову над вопросом, вредно или не вредно мечтать, решив полностью положиться на авторитет дяди. А самое главное, Майки почти улыбался. Если точнее, то он был почти так же близок к улыбке, как в свой день рождения, когда тетя Лорна испекла для него праздничный торт и ему удалось задуть все свечи разом. И дело было даже не в том, что уголки его губ слегка приподнялись; гораздо важнее было выражение глаз, в которых светилась редкая гостья – радость.

Что касалось дяди, то он сиял как начищенный пятак. Бонс лежал у него на коленях и помогал рулить, так что мы довольно быстро выскочили на Северное шоссе, съехали с него на Десятую улицу, а еще через несколько кварталов свернули к придорожному кафе. Там дядя остановился в зоне обслуживания и опустил стекло со своей стороны. Как и всегда, появление катафалка вызвало повышенный интерес – посетители и сотрудники ресторана то и дело поглядывали в нашу сторону, пытаясь рассмотреть, везем мы гроб или нет.

Майки, повернувшись к окну, с интересом разглядывал окружающие нас со всех сторон высотные дома, чьи освещенные окна ярко горели на фоне ночного неба. Минуту спустя он встал коленями на сиденье и, обернувшись назад, некоторое время рассматривал городской пейзаж через заднее стекло. Под конец он улегся на сиденье по диагонали и стал смотреть на возносящиеся вверх стены домов сквозь верхний угол бокового окна. Его ноги оказались в районе моих коленей, так что время от времени мальчуган слегка упирался в них подошвами, стараясь сильнее прижаться к двери: должно быть, так ему было лучше видно.

– Эй, Майки!.. – Я постучал его по ноге. – Ты чего? Все в порядке?..

Но он не отреагировал. Вместо того чтобы написать что-то в блокноте или хотя бы просто махнуть рукой, Майки неожиданно отворил дверцу и, выскользнув наружу, довольно быстро побежал назад – к мосту, который мы только что проехали.

Дядя открыл рот, собираясь сказать, что кому-то из нас следовало бы пойти с мальчиком, но мы с Мэнди уже выскочили из машины. Майки продолжал удаляться, но двигался он как-то странно: сделав несколько шагов, он останавливался, оглядывался по сторонам, а потом снова бежал дальше. Нагнать его не составляло большого труда, но вплотную мы приближаться не стали, боясь помешать мальчику осуществить задуманное.

Так мы пробежали пару кварталов по территории Технологического университета Джорджии, миновали футбольное поле и поднялись на вершину холма. Там Майки в очередной раз остановился, чтобы откорректировать свой маршрут в соответствии с теми таинственными координатами, что хранились у него в голове. Он запыхался, лоб его блестел от пота, но усталым он не выглядел. Мэнди, похоже, тоже пребывала в отличной спортивной форме, так что из нас троих тяжелее всего приходилось мне: в конце концов, бегать в шлепанцах гораздо труднее, чем в кроссовках.

Майки стоял на одном месте так долго, что Мэнди не выдержала и шагнула к нему.

– Ты что-то ищешь, Бадди? Может быть, мы могли бы тебе помочь?

Майки скептически оглядел нас, потом опустился на бордюр и быстро набросал в блокноте картину, которая вела его вперед. Это, несомненно, была Атланта, увиденная из какого-то окна. Правда, здания на рисунке казались меньше и дальше, чем в действительности, однако они были очень похожи на ту картину, которую мы сейчас наблюдали воочию. В правом нижнем углу страницы была нарисована похожая на гриб башня с вращающимся рестораном на верхушке, которая выглядела так, словно ее построил безумный архитектор, вдохновившийся мультсериалом про семейку Джетсонов. Башня тоже показалась мне знакомой, но сказать об этом я не успел. Вырвав страницу из блокнота, Майки сунул ее мне и, легко вскочив на ноги, побежал дальше, а я повернулся к Мэнди.

– Он пытается сопоставить пейзаж, который он помнит, с тем, что видит сейчас, – поделился я с ней своей «гениальной» догадкой.

Мэнди кивнула.

– Идем за ним.

Именно в этот момент нам в спины ударил свет фар. Это дядя, наплевав на правила уличного движения, следовал за нами в «Салли».

Оглянувшись назад, я увидел не только его, но и голову Бонса, который, стоя на задних лапах и опираясь передними на приборную доску, тоже смотрел вперед.

В таком порядке мы преодолели еще три квартала, но вскоре мне начало казаться, что Майки выглядит разочарованным. Еще через два квартала вид на город начали заслонять кроны деревьев, и мальчик, выбрав магнолию повыше, начал карабкаться по стволу вверх. Сбросив шлепанцы, я полез за ним. Поднявшись футов на тридцать, Майки встал на сук и, отодвинув в сторону мешавшую ему ветку, целую минуту вглядывался в горизонт. Наконец он покачал головой и начал спускаться.

– Может быть, нам отъехать подальше, чтобы ты смог увидеть город целиком? – предложил я, когда мальчик поравнялся со мной. – Или наоборот, подойти поближе?

Майки ненадолго задумался, потом махнул рукой в западном направлении. Это означало, что нам нужно отыскать более удаленный наблюдательный пункт.

Когда мы спустились вниз, мальчик решительно повернулся и затрусил туда, куда он только что показывал.

– Постой! – окликнул я его, разыскивая в траве шлепанцы. – Давай лучше поедем на машине. Ты сядешь впереди и будешь говорить... то есть показывать, куда ехать. Так мы сумеем осмотреть большую территорию. – «К тому же нам больше не нужно будет никуда бежать», – добавил я мысленно.

Он остановился, задумчиво посмотрел на мои пыльные, покрытые ссадинами ноги и кивнул.

Примерно с четверть часа мы петляли по окраинным улочкам Атланты, пытаясь найти холм повыше. Наконец мы остановились, и дядя помог мальчику взобраться на капот. Майки долго всматривался в раскинувшийся у подножия холма город, потом обернулся назад и наконец указал рукой новое направление. Так мы катались почти до полуночи, двигаясь практически по периметру города и останавливаясь, чтобы Майки мог осмотреться. К часу ночи он нарисовал нам еще пару картинок. На одной из них была изображена пожилая женщина в длинном халате и тапочках, которая сидела возле окна в мягком раскладном кресле. На столике рядом с женщиной стоял портрет мужчины в военной форме и лежала потрепанная Библия. На второй картинке был набросок комнаты, обстановка которой хотя и выглядела достаточно богато, все же несла на себе отпечаток, свойственный социальным медицинским учреждениям. Несмотря на скорость, с которой был сделан этот набросок, мне было

совершенно очевидно, что эта комната вряд ли может находиться в частном доме или квартире.

Я ткнул пальцем в первую картинку:

– Ты знаешь эту пожилую леди?

Майки пожал плечами, потом неуверенно кивнул.

– То есть ты с ней знаком, но не очень близко?

Он снова кивнул.

– Это ее дом? Ее квартира? – уточнил я на всякий случай.

Майки отрицательно покачал головой.

В разговор вмешалась Мэнди:

– Скажи, Бадди, с этой леди живут другие пожилые люди?

Он кивнул.

– Много пожилых людей?

Еще кивок.

– О'кей, кажется, я догадалась... – Мэнди достала телефон, набрала номер справочной и попросила дать ей адреса ближайших к нашему нынешнему местонахождению домов престарелых. Оператор справочной службы назвала ей «Шервуд Виллас» и «Седар-Лейкс коммьюнити». Майки взглянул на названия, которые она записала на оборотной стороне второй картинки, и пожал плечами. Дядя достал из перчаточницы карты автомобильных дорог и вскоре обнаружил «Шервуд Виллас». До него было меньше двух миль.

Вскоре мы уже въезжали на плохо освещенную стоянку возле дома престарелых. Майки первым выбрался из машины, но далеко отходить не стал. Прикусив губу, он огляделся по сторонам и отрицательно покачал головой. Когда он вернулся в салон, дядя снова открыл свой атлас, и они вместе проложили маршрут до «Седар-Лейкс», который находился всего в десяти или двенадцати кварталах.

Стоило нам свернуть на длинную подъездную дорожку, обсаженную магнолиями, как ноги мальчика начали подергиваться. Казалось, задремавший кукловод неожиданно проснулся и принялся с удвоенной энергией дергать за ниточки. Похоже, Майки узнал это место даже несмотря на ночное время.

Подъехав ближе, мы увидели, что дом престарелых «Седар-Лейкс» был предназначен для людей достаточно состоятельных и состоял из нескольких аккуратных жилых корпусов, выглядевших как дома-кондоминиумы, и общего гаража. Засеянные английским райграсом газоны были недавно подстрижены, на клумбах росли цветы, живые изгороди выглядели ухоженными, а выложенные плиткой дорожки

освещены многочисленными фонарями.

Не успел дядя затормозить, как Майки уже выскочил из машины и бросился через парковку к входной двери ближайшего корпуса, но, не добежав до нее ярдов десять, резко остановился и метнулся обратно. Выхватив из кабины коробку с шахматами, он зажал ее под мышкой и снова ринулся к двери. Нам не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

Входная дверь, разумеется, была заперта, но в вестибюле сидел за столом охранник, который, заметив нас через стеклянную панель, приподнялся и нажал какую-то кнопку. Тут же щелкнул дверной замок, и охранник жестом предложил нам войти, но Майки в приглашениях не нуждался – он был уже внутри. Пробежав мимо стола охранника, он свернул налево и помчался по длинному коридору, застланному ковровой дорожкой.

– Эй!.. – окликнул его охранник, торопливо выбираясь из-за стола. – Ты куда?! Ночью нельзя бегать по коридорам!

Но Майки не обратил на него внимания, и мы с Мэнди и дядей побежали за ним по коридору, в который выходило множество дверей – совсем как в интернате, только здесь было почище. Охранник тоже присоединился к погоне. Он пыхтел и сопел, большое металлическое кольцо с ключами, прицепленное к поясу, бряцало о рацию, но громче всего скрипели его высокие кожаные ботинки военного образца.

Майки намного нас опередил. Мы только успели заметить, как он свернул направо, потом – налево и в один миг взлетел по лестнице на второй этаж. Поднявшись за ним, мы увидели, как он легко бежит по такому же длинному коридору второго этажа.

Охранник к этому времени окончательно выдохся, но сдаваться не собирался. Остановившись, он сорвал с ремня рацию, поднес ее к губам и прохрипел:

– Грег, это Берт. Я в «Сиэтле». Какой-то сумасшедший пацан бежит по второму западному коридору.

Дядя тоже отстал, но мы с Мэнди продолжали преследовать мальчугана, который несся по коврам, словно спринтер по дорожке стадиона. Почти в самом конце коридора он вдруг остановился, повернул ручку последней двери справа и исчез в комнате.

Я достиг двери почти одновременно с ним. Заглянув внутрь, я увидел широкое панорамное окно, возле которого стояло уже знакомое мне по рисунку Майки мягкое раскладное кресло. За окном мерцали городские огни.

Остановить мальчика я не успел. Щелкнув выключателем на стене, он шагнул к кровати, на которой кто-то лежал. Флуоресцентная лампа под потолком нехотя моргнула, потом так же лениво разгорелась, и я увидел на кровати фигуру худого высокого мужчины – высокого, потому что его ноги в полосатых носках торчали из-под одеяла в изножье кровати.

Как только загорелся свет, мужчина рывком сел и уставился на нас из-под кустистых седых бровей. Глаза у него были совершенно дикими и размерами напоминали чайные блюдца. Несколько мгновений мужчина разглядывал нас, а Майки внимательно рассматривал его. Очевидно, это был совсем не тот человек, которого он ожидал здесь увидеть: мальчик досадливо дернул плечом, а затем опустил на колени и, приподняв край одеяла, заглянул под кровать.

Следом за мной в комнату ворвались Мэнди и дядя. Последним прибежал охранник Берт. Он сипел, кашлял и беспорядочно размахивал включенным фонарем, хотя в комнате было достаточно светло. По-видимому, Берт собирался что-то сказать или чего-то от нас потребовать (например, чтобы мы, засранцы эдакие, немедленно убирались вон, не нарушали порядок и не тревожили покой обитателей дома престарелых). К счастью, ему не хватило воздуха, поэтому ничего членораздельного мы не услышали и, следовательно, могли ему не повиноваться.

Тем временем Майки совершенно хладнокровно отошел к креслу и уселся в него, глядя себе под ноги, а мужчина на кровати сделал пару вдохов из своего ингалятора.

Охранник наконец отдышался.

– В-вам... в-вам нельзя находиться здсь... ф-ф такой час. Пршу вас немедленно покхи... покинуть помещение.

Не обратив на него внимания, я выхватил из кармана картинку с нарисованной женщиной в кресле и негромко спросил Майки:

– Это та самая комната?

Он кивнул и посмотрел на дверь, задумчиво покусывая губу.

Я повернулся к охраннику.

– Прошу прощения, сэр, я сейчас все объясню. Позвольте мне только задать пару вопросов этому джентльмену. – Не дожидаясь его ответа, я повернулся к старику, который по-прежнему таращился на нас в немом изумлении. – Скажите, пожалуйста, – спросил я, – вы давно живете в этой комнате?

– Ок-коло года, – пробормотал он.

Я посмотрел на Берта.

– А вы не помните женщину, которая жила здесь до этого

джентльмена?

Охранник тоже покачал головой и, широко расставив руки, попытался выставить из комнаты всю нашу компанию.

– Извините, мистер Таттлз. Это просто небольшое недоразумение... – сказал он старику на кровати.

В коридоре нас уже поджидал второй охранник.

– А вы, ребята, в курсе, что теперь вас ждут крупные неприятности? – осведомился он почти весело.

– Позвольте мне все объяснить!.. – повторил я. – Мы здесь вовсе не для того, чтобы нарушать порядок. Дело в том, что...

Тут взгляд второго охранника («Грег, – вспомнил я. – Кажется, его зовут Грег») упал на лицо Майки.

– А-а, парень, ты снова к нам? Давненько я тебя не видел.

– Вы его знаете? – удивленно спросил я.

– А как же!.. – Грег ухмыльнулся. – Он жил неподалеку, в «Старксе», и частенько навещал нашу миссис Хэмптон.

– В «Старксе»?

– Это интернат для детей-сирот. Он находится немного дальше по дороге.

– А где сейчас миссис Хэмптон?

Я спрашивал Грега, но мне ответил Берт:

– Не здесь, это точно. – Он покачал головой и посмотрел на своего напарника.

Между тем Грег предпринял еще одну попытку взять ситуацию под контроль. Развернувшись, он зашагал по коридору, жестом приказав нам следовать за собой. На лифте мы спустились на первый этаж и, выйдя на улицу, направились к соседнему корпусу. Чтобы отворить замок, охранник воспользовался магнитной карточкой. Распахнув дверь, он нетерпеливо махнул рукой, приглашая нас заходить побыстрее.

Этот корпус был больше похож на больницу, чем на дом престарелых. Вместо стола охранника здесь был самый настоящий сестринский пост. Несколько дежурных медсестер сидели за длинной конторкой, внимательно следя за показаниями полутора десятков мониторов.

– Этот корпус у нас называется «Сан-Антонио», – пояснил Грег. – Сюда попадают те, кого доконал Альцгеймер... – Большим пальцем он показал себе за спину. – Стариков переводят сюда из «Сиэтла», когда из-за болезни они уже не могут сами себя обслуживать. Ни войти сюда, ни выйти наружу без ключа невозможно. – Грег еще раз продемонстрировал нам магнитную карточку, которая была прикреплена к его поясу гибкой

пластиковой цепочкой. – Некоторые наши постояльцы порой не прочь попутешествовать, вот только с возвращением назад у них бывают проблемы.

Он остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел на Майки.

– А ты вырос. Сколько же я тебя не видел?.. Года два, наверное...

В ответ мальчик пожал плечами и переложил коробку с шахматами под другую подмышку.

– Ты по-прежнему играешь? А вот миссис Хэмптон играть уже не может.

Мальчик прищурился и, стиснув зубы, пошел за Грегом к сестринскому посту. Там охранник остановился и окликнул одну из медсестер:

– Как там наша миссис Хэмптон, Грета?

Медсестра показала на один из мониторов:

– Опять не спит.

Грег обернулся к нам:

– Ну что ж, давайте ее навестим, раз уж вы все равно здесь...

Следом за нашим провожатым мы прошли по еще одному коридору, который начинался сразу за сестринским постом, и остановились у комнаты – или палаты – номер 108. Грег отворил дверь и отступил в сторону, пропуская Майки вперед. Мальчик вошел, мы – за ним.

Несмотря на поздний час, в комнате горел свет, правда – не слишком яркий, а в кровати полулежала, утопая в подушках, женщина, которая показалась мне очень старой. Волосы у нее были тонкими и редкими, глаза казались остекленевшими, к тому же она держала во рту палец, старательно обкусывая ноготь. Впрочем, стоило ей только увидеть Майки, как ее взгляд прояснился, став острым и внимательным. Улыбнувшись, она похлопала ладонью по покрывалу рядом с собой, приглашая мальчика сесть. Взобраться на высокую больничную кровать ему было нелегко, но Майки нашел выход. Придвинув к кровати стул, он вскарабкался сначала на него, а оттуда перелез на кровать и, скрестив ноги, уселся на простыне лицом к миссис Хэмптон. Она, в свою очередь, протянула руку, чтобы мальчик помог ей сесть, и попыталась что-то сказать, но не издала ни звука.

Медсестра Грета, вошедшая в палату последней, шепнула нам с Мэнди, что миссис Хэмптон провела в палате для больных Альцгеймером больше года и за все это время не сказала ни слова.

Майки тем временем разложил на одеяле свою доску и расставил фигуры. Миссис Хэмптон чуть помедлила, но потом довольно уверенно двинула вперед одну из своих пешек, и Грег кивнул с крайне довольным

видом.

– Я же говорил! Парнишка навещал ее почти каждый вечер. Это она научила его играть.

– Кто она такая?

– Настоящая Южная красавица[72], – ответил охранник, и в голосе его прозвучала неподдельная гордость. – Быть может, одна из последних – ей уже под сто. Насколько я знаю, раньше она жила в центре Атланты в старинном особняке неподалеку от дома Маргарет Митчелл и, конечно, рассказывала нам много интересного о тех временах. – Грег показал на фотографию мужчины в военной форме, которая стояла на тумбочке рядом с кроватью. – Это ее муж, полковник Хэмптон. Настоящий южный джентльмен. Он умер лет двадцать назад, но она до сих пор говорит о нем так, словно он все еще...

Пока он вполголоса пересказывал мне историю ее жизни, миссис Хэмптон двинула левой рукой очередную фигуру, а правой принялась ощупывать свою шею над вырезом ночной рубашки, словно пытаясь нащупать некий привычный предмет, которого там больше не было.

– Смотрите! Вот опять! Опять она его ищет! – негромко воскликнул Грег.

– Ищет что? – шепотом уточнила Мэнди.

Теперь ходить должен был Майки, но, когда миссис Хэмптон стала искать у себя на шее что-то невидимое, он полностью выдвинул один из ящичков своей шахматной доски и сунул пальцы в углубление. Оттуда мальчик достал что-то, тщательно завернутое в старую бумажную салфетку, и мы с Мэнди невольно подались вперед, стараясь рассмотреть, что там такое. Почувствовав наше движение, Майки замер, опасливо обернувшись через плечо.

– Давай-давай, все в порядке, – успокоил я его.

Только после этого он наконец развернул салфетку, и мы увидели у него на ладони почерневшую серебряную цепочку весьма затейливого плетения.

– Это оно! – ахнул у меня над ухом охранник.

Майки осторожно расправил цепочку и, держа ее двумя руками, поднес к лицу миссис Хэмптон. Увидев ожерелье и висевший на ней кулон с крупным бриллиантом, старая леди слегка наклонила голову, и мальчик надел цепочку ей на шею, так что камень оказался точно под ее беспрестанно шевелившимися пальцами.

Охранник и медсестра дружно выдохнули, а Майки вытащил из-под шахматной доски свой блокнот и быстро написал на чистой странице:

«Миссис Хэмптон, извините за ваше украшение. Это не я его взял. Простите, что не смог вернуть его вам раньше. Я знал, что вы будете без него скучать».

Потом он положил блокнот миссис Хэмптон на колени, развернув его так, чтобы она смогла прочитать написанное, но тут вмешалась медсестра.

– Мне очень жаль, мальчик, но она больше не может читать, – сказала она и, взяв блокнот с колен, негромко прочла записку Майки на ухо миссис Хэмптон. Та в это время смотрела в окно с самым безмятежным видом, но ее пальцы безостановочно скользили по сверкающим граням бриллианта.

– Вы не представляете, что тут было, когда пропал этот камушек, – сообщил Грег доверительным тоном, испустив еще один облегченный вздох. – Полиция все перетряхнула, персоналу пришлось пройти проверку на детекторе лжи... Ну а потом, когда сотрудники изнервничались до того, что начали подозревать друг друга, Соня вдруг перестала появляться на работе, и все как-то встало на свои места.

Мы с Мэнди изумленно уставились на него. Польщенный нашим вниманием, Грег продолжал разливаться соловьем.

– Ну да, полиция, репортеры, телевизионные бригады и все такое... Здесь было полно народа, только камушек все равно не отыскался. Старый полковник подарил его миссис Хэмптон, когда во время Второй мировой вернулся после ранения из Северной Африки.

Майки и сама миссис Хэмптон не обращали на нас никакого внимания. Они и так прекрасно понимали друг друга. Наконец партия, которую они разыгрывали, завершилась вничью (насколько я понял), и дядя сказал:

– Ладно, Бадди, поедem домой. – (Он до сих пор называл мальчика то Майки, то Бадди.) – Нужно дать этой пожилой леди немного отдохнуть. Если хочешь, вернемся сюда завтра, договорились?

Майки с готовностью кивнул – похоже, он тоже устал не меньше нашего. Пока он прощался с миссис Хэмптон, Мэнди отвела Грега немного в сторону.

– Я слышала, что в большинстве домов престарелых администрация настаивает, чтобы все драгоценности клиента передавались на хранение родственникам. Разве у вас не так? – спросила она.

– Так. – Грег кивнул. – Мы пытались предложить что-то подобное и миссис Хэмптон, но столкнулись сразу с двумя проблемами. Во-первых, у нее не оказалось ни одного родственника, а во-вторых, она наотрез отказалась снимать свой алмаз.

Прислушиваясь к их разговору, я неожиданно заметил на столике рядом с фотографией полковника небольшую Библию. Взяв ее в руки, я

попытался найти в ней главу пятую Евангелия от Матфея, но соответствующая страница оказалась вырвана. Тогда я достал из бумажника страничку, которую взял у Майки, тщательно разглядел и приложил к тому месту, где из переплета торчали неровные бумажные лохмотья. Края разрыва совпали в точности.

Майки заметил мои манипуляции и чуть заметно кивнул. Он уже убрал шахматы и спустился с кровати на пол, но пожилая леди по-прежнему держала его за руку. Улыбнувшись, мальчуган слегка похлопал ее по предплечью свободной рукой. Высохшие пальцы миссис Хэмптон разжались, и мы снова вышли в коридор, где дядя о чем-то беседовал с Грегом. Увидев охранника, Майки потянул меня за джинсы и показал блокнот, в котором было написано крупными буквами:

«Теперь меня посадят в тюрьму?»

Остановив Мэнди, я показал ей запись в блокноте, и она отрицательно покачала головой:

– Нет, Бадди, никто тебя в тюрьму не посадит. Даю слово... – Улыбнувшись, она ласково погладила его по волосам. – Я даже думаю, что офису окружного прокурора следовало бы выдать тебе медаль.

* * *

Я был уверен, что Ред ни за что не поверит моим новостям, поэтому снял для нас два смежных номера в «Риц-Карлтоне» на знаменитой Персиковой улице[73]: один для Мэнди, другой – для нас троих. Даже для четверых, если считать Бонса. Майки и слышать не хотел о том, чтобы его мохнатый друг спал в машине, поэтому пришлось доставить его в отель контрабандой. В номере мы его как следует вымыли, а потом заказали обслуживание в номер.

Глядя, как не до конца просохший Бонс с аппетитом лакает молоко, дядя проворчал себе под нос:

– Похоже, прокормить этого обжору будет трудновато.

На следующий день мы встали довольно поздно и с жадностью набросились на поздний завтрак в ресторане отеля. Пока Мэнди и я звонили каждому своему начальству, дядя играл с Майки в шахматы в вестибюле – и семь раз продул.

Я оказался прав – Ред не поверил ни единому моему слову и потребовал доказательств. Или мою голову.

Ближе к полудню мы с Мэнди уже сидели в кабинете директора «Седар-Лейкс» Честера Бакли. Я считал, что нам непременно следует

объяснить, что привело нас в дом престарелых в такой поздний час, и заодно принести ему свои извинения за тот шум, который мы подняли. Впрочем, мистер Бакли был очень доволен, что бриллиант миссис Хэмптон наконец-то нашелся, и не слишком на нас сердился. Это, однако, не помешало ему задать нам довольно много вопросов, не на все из которых было легко ответить, однако в конце концов директор был удовлетворен. Тогда уже мы с Мэнди начали расспрашивать его обо всем, что ему было известно о Майки.

Как выяснилось, знал мистер Бакли совсем немного. Он рассказал нам, что название «Старкс» носил интернат для мальчиков-сирот, расположенный в двух кварталах от «Седар-Лейкс», и что несколько лет назад дети из интерната начали бывать в доме престарелых и общаться со стариками.

– Разумеется, – сказал директор, – приходиться разрешалось только самым спокойным и дисциплинированным детям. Стюарт вполне отвечал этим требованиям.

– Стюарт? – переспросил я.

– Ну да, Стюарт. Стюарт Смок.

– Его так зовут... звали?

– Да, если только мы говорим об одном и том же мальчике. Он ведь немой, верно? Если да, тогда это точно Стюарт. Он навещал миссис Хэмптон чуть не каждый день, но потом...

– Что же случилось потом?

– Честно говоря, я до сих пор не знаю точно. Года три назад у нас пропал бриллиант миссис Хэмптон, а вскоре после этого исчезла и одна из санитарок по имени Соня Бекерс.

Мэнди наклонилась вперед и положила перед ним на стол фотографию сгоревшей «Импалы».

– Это она? – спросил мистер Бакли, показывая на мертвое тело за рулем.

– Скорее всего, – кивнула Мэнди.

Директор слегка улыбнулся.

– Правильно говорят: преступление никогда не бывает выгодным.

Мы поблагодарили мистера Бакли и, заручившись его разрешением, проводили дядю и Майки к миссис Хэмптон, а сами поехали в интернат «Старкс», который действительно находился не дальше чем в полумиле от «Седар-Лейкс».

Похоже, эта бывшая одежная фабрика еще сравнительно недавно была одним из основных элементов городского пейзажа. Ее массивное

восьмиэтажное здание из красного кирпича стояло в непосредственной близости от железнодорожных путей, которые перешли в ведение Управления скоростного пассажирского транспорта Атланты, как только фабрика переехала на новое место. На вывеске перед входом было написано: «Приют «Спаркс». Основан в 1946 г.».

Директор приюта Шерри Квитмен встретила нас в дверях широкой улыбкой, крепким рукопожатием и акцентом коренной жительницы Южной Джорджии. Несмотря на то что ей было далеко за пятьдесят, она все еще была красива и держалась с уверенностью человека, способного управлять любой компанией из списка «Форчун-500» [74]. Мне она показалась нашей, южной модификацией Маргарет Тэтчер. Похоже, кресло директора приюта Шерри занимала исключительно потому, что сама захотела взяться за эту непростую работу, и это расположило меня к ней, как только она произнесла свои первые слова.

Шерри Квитмен сама проводила нас до своего кабинета и, пропустив внутрь, плотно закрыла двери. После еще одного небольшого обмена любезностями (в Джорджии вообще не принято сразу брать быка за рога, в конце концов, мы – не янки) она достала из шкафа тонкую папку с личным делом и положила перед нами на стол. Несколько пожелтевших выписок и справок – это было практически все, что Шерри Квитмен удалось собрать о жизни Стюарта Смока.

Пока мы рассматривали документы, Шерри откинулась в своем кресле и по памяти пересказала нам содержимое папки.

– Стюарт появился у нас, когда ему было примерно года четыре-пять... – начала она.

– Примерно? То есть вы не знали точно?

– Нет. При нем вообще было очень мало документов. Его перевели к нам из другого приюта в Южной Джорджии, а туда мальчик попал из детского дома где-то в Теннесси. Впрочем, в промежутках он побывал в двух-трех приемных семьях, но нигде не задержался надолго.

– А вы не знаете, когда Бадди... то есть Стюарт разучился говорить? – спросила Мэнди. – При каких обстоятельствах это произошло?

– Понятия не имею, к нам его привезли уже неммым. Я, впрочем, могу предположить, что одна из приемных мамаш попыталась его придушить за то, что он написал в штаны или разбил ее любимый цветочный горшок. Врач, который осматривал его уже у нас, диагностировал повреждение гортани и соответствующих мышц горла.

– А как получилось, что мальчик начал навещать миссис Хэмптон?

– Визиты наших воспитанников в «Седар-Лейкс» были частью

программы социальной реабилитации, которую мы для них разработали, – пояснила Шерри Квитмен. – Что касается Стюарта, то он проводил со стариками гораздо больше времени, чем в наших стенах... Там он мог делать то, что лучше всего умел, к тому же... Ни для кого не секрет, что как бы вы ни старались, какие бы усилия ни прилагали, так называемые «нормальные» дети всегда будут высмеивать и дразнить тех, кто хоть чем-то от них отличается. Из-за своей немоты Стюарт был для них чужим... вот почему он каждый день проводил в доме для престарелых по несколько часов.

– А кто научил его рисовать?

Шерри Квитмен улыбнулась.

– У него просто поразительные способности, правда? Нет, никто не учил его специально. Всему, что он умеет, мальчик выучился сам. Сыграла свою роль и немота. Утратив способность говорить, Стюарт вовсе отказался от слов и начал создавать свой язык – язык образов и рисунков.

– Какие официальные шаги вы предприняли, чтобы установить личности его родителей? – спросила Мэнди, которой нужны были детали для отчета.

– Как я уже говорила, Стюарт поступил к нам в возрасте не старше пяти лет, поэтому мне казалось, что его шансы оказаться усыновленным достаточно велики, даже несмотря на его дефект. В общем и целом, мы делали примерно то же, что и вы сейчас, – пытались побольше узнать о его прошлом. Начали, разумеется, с официальных записей, но след оборвался в Теннесси: в их приюте был пожар, и все документы оказались уничтожены. И все компьютеры тоже. Впрочем, когда я стала расспрашивать сотрудников, мне ответили, правда – неофициально, что Стюарт был настоящим подкидышем: его якобы оставили на ступеньках приюта то ли в корзинке, то ли в ящике из-под апельсинов, но, сами понимаете, эту информацию нельзя считать на сто процентов достоверной. – Шерри пожала плечами. – В общем, наши поиски ни к чему не привели – мы так и не сумели выяснить ни имен его родителей, ни даже в какой части страны он появился на свет. В наши дни очень немногие сироты ускользают от внимания существующей системы защиты детства, но Стюарту это каким-то образом удалось. Ну а как только я убедилась, что дальнейшие поиски его родителей бесполезны, то сразу начала процедуру передачи мальчика под опеку штата, что включало и лишение его родителей всех прав. Одновременно мы начали подыскивать подходящую семью, которая могла бы взять его на воспитание или даже усыновить. К сожалению, в наше время пристроить ребенка с таким дефектом в нормальную семью

очень нелегко, почти невозможно, но мы продолжали делать все что могли.

Стюарт посещал «Седар-Лейкс» уже несколько месяцев, когда к нам пришла какая-то женщина и заявила, что хотела бы взять мальчика к себе. Как и полагается в подобных случаях, мы провели полную проверку заявительницы, но все, казалось, было в полном порядке. Эта женщина никогда не привлекалась ни к уголовной, ни к административной ответственности, проверка жилищных условий тоже прошла удовлетворительно. В целом она производила впечатление человека, который прекрасно умеет общаться и вести себя в обществе, а ее коллеги из «Седар-Лейкс», где она работала, дали ей просто превосходные характеристики.

Признаюсь, мы все были очень рады за Стюарта. Нам казалось – мы сумели обойти и систему, и статистику и найти нашему «великому немому художнику» новый дом и новую мать. С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня я о Стюарте больше ничего не слышала.

Мэнди удовлетворенно кивнула. Судя по ее лицу, она быстрее меня сложила кусочки полученной нами информации в некую картину и пришла к какому-то решению.

– Пожалуй, я распоряжусь больше не публиковать в газетах объявления о розыске его родителей, – сказала она.

– Почему?

– Похоже, тут просто некого лишать родительских прав.

– Откуда ты знаешь? – возразил я. – А что, если Майки *не* подкидывш? Что, если его настоящие родители все-таки существуют, что, если они тоскуют по нему, ищут его... Ведь какая-то женщина все-таки произвела его на свет! Должно же это хоть что-нибудь значить!

Мэнди покачала головой.

– Я тебя отлично понимаю, Чейз. Я понимаю, что ты чувствуешь – в конце концов, ты и сам когда-то был в подобном положении, но... Поверь, за *этим* мальчиком никто не придет. Никогда.

Шерри молча кивнула, соглашаясь с Мэнди, но я никак не мог успокоиться.

– И что будет с ним дальше? – спросил я, глядя на обеих женщин.

– Штат возобновит опеку над мальчиком. Учитывая его прошлую жизнь и насилие, которому он подвергался... Откровенно говоря, шансов попасть на воспитание в приемную семью у него не слишком много, не говоря уже об усыновлении. Скорее всего, он останется на попечении штата до тех пор, пока ему не исполнится восемнадцать.

В одной из песен Шерил Кроу говорится о том, что первая боль –

самая сильная, и это действительно так. И все же я бы добавил в эту песню еще один куплет. Я бы спел о том, что каждый взрослый, который причинил боль ребенку, заслуживает того, чтобы ему в спину воткнули кинжал – воткнули и сломали у самой рукоятки.

Мысленно я представил, как Майки играет с дядей в шахматы, как держит за руку миссис Хэмптон, как ест «Мунпай», как протягивает Томми бинт, как стоит на улице и смотрит на похоронную процессию, прижав ладонь к сердцу, словно принося Клятву верности^[75]. Я мог бы припомнить еще немало подобных картин, забыть которые мне было бы трудно.

Да я и не хотел их забывать. За считанные дни Майки-Бадди-Стюарт перестал быть просто героем статьи, которую я писал по заданию редакции. Он стал для меня чем-то бóльшим...

Совершенно неожиданно я подумал об Иисусе – о том, как он сидел на камне в окружении детей; быть может, одного или двух Он даже взял на колени. Кажется, именно тогда Он сказал: «А кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».^[76] Я – не Иисус, поэтому я бы выстроил всех, кто причинил зло Майки, в один ряд, привязал бы их к бамперу «Петербилта»^[77] и протащил по шоссе, как связку пустых пивных банок.

А еще я со страхом думал о том, как же мне теперь быть, что сказать Майки?.. Как объяснить ребенку, что никто никогда не свернет на подъездную дорожку, которая ведет от шоссе к дому? Как лишить его надежды?..

Чего я точно не собирался делать, так это звать его Стюартом. На мой взгляд, это имя больше подходило не живому человеку, а мышонку из фильма: аутсайдеру, который вызывает только жалость и сочувствие и который никогда, ни при каких условиях не станет чьим-то сыном – не станет *человеком*. И меньше всего это имя подходило мальчугану, который рисовал, как Норман Роквелл, и был способен с поистине королевской щедростью подарить бейсбольную карточку с Хэнком Аароном полужнакомому старику, который всего-навсего был к нему добр.

Нет, думал я, Стюарт – не имя для мальчишки, которого предавали, продавали и передавали из рук в руки и которого безжалостно колотили за каждое слово и каждый звук – для мальчишки, который слишком напоминает мне... меня самого.

Глава 37

Я проспал всего час или около того, когда в палубный люк яхты постучала Томми. Я открыл и, высунув наружу голову, оглядел неподвижную темную воду и дремлющие заросли травы.

– Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?

Томми с неожиданной энергией схватила меня за запястье и, развернув к себе, посмотрела на часы.

– Только-только минула полночь. – Она хмыкнула. – Извини, должно быть, я все еще живу по калифорнийскому времени. Привычка, знаешь ли... Впрочем, если честно, то по ночам мы почти не спали. Кинотусовка превращает большинство людей в сов.

Я пробрался на свой крохотный камбуз и сел, обхватив голову руками и пытаюсь прогнать сон. Томми швырнула мне рубашку.

– Одевайся и пошли.

Откровенно говоря, полуторачасовой сон почти не освежил меня. Я буквально с ног валился от усталости. А если судить по лицу Томми, то она чувствовала себя еще хуже, чем я.

– Куда «пошли»?

– Я должна кое-что тебе показать. Что-то очень, очень интересное!..

– Что такого интересного ты можешь мне показать в такой... в такую поздноту?

– Слушай, ты можешь хотя бы сейчас не задавать вопросов? Я хочу показать тебе одну вещь именно сейчас, потому что потом мне может не хватить на это сил.

Я вздохнул.

– И почему это тебе непременно нужно настоять на своем?

Томми подбоченилась и воинственно вздернула подбородок.

– Потому что я видела себя в зеркале и я знаю, что времени у меня совсем мало. И с каждым часом его остается все меньше... – Она закатила глаза. – В общем, хватит болтать, Чейз. Заводи машину, и поехали.

Кряхтя и потирая поясницу, я кое-как поднялся, натянул футболку – наизнанку и задом наперед – и помог Томми спуститься в лодку. На берегу я огляделся, но не увидел никаких машин, кроме моей «Викки», на которой я приехал вчера.

– Как ты сюда попала?

Вместо ответа Томми самодовольно улыбнулась и показала поднятый большой палец, а потом задрала штанины тренировочных брюк, продемонстрировав поцарапанные лодыжки. Эта пантомима должна была означать, что часть пути она проделала на попутке, а остальное прошла пешком. Первым моим побуждением было отругать ее как следует, но потом я передумал. Томми всегда была храброй, а теперь, наверное, она не боялась вообще ничего.

– Куда мы поедем? – спросил я, когда мы уселись в салон.

В ответ она только показала рукой направление. Следуя ее молчаливым указаниям, я поворачивал то в одну, то в другую сторону, пока мы наконец не добрались до окраины Брансуика. Было совершенно безветренно, и лицо Томми блестело от липкой испарины. Я пытался убедить себя, что в этом виноваты духота и влажность южной ночи, но в глубине души понимал, что это не так. Каждые несколько минут Томми делала несколько глотков воды из пластиковой бутылки, которую сжимала в руке, и мне казалось, что она чувствует себя все хуже и хуже.

– Куда теперь? – спросил я.

– Прямо, – выдохнула она, откидываясь на спинку сиденья.

Некоторое время мы ехали по вымощенным брусчаткой улицам исторического района, пока не оказались в одном квартале от «Сута-банка». Здесь Томми показала мне на парковочные места у кромки тротуара:

– Останови где-нибудь здесь.

Притормозив, я посмотрел на виднеющееся впереди здание банка, потом перевел взгляд на нее.

– Ты хочешь, чтобы меня опять арестовали?

Томми рассмеялась и покачала головой.

– Знаешь, несмотря на твое образование, ты порой бываешь удивительно тупым!

– Почему это? – возмутился я. – Ты же сама читала газеты и должна знать: суд запретил мне приближаться к этому месту ближе чем на пятьдесят футов.

Она снова рассмеялась.

– Думаешь, Джеку нечего делать – только следить, на сколько шагов ты подошел к его драгоценному банку?

– Но...

Не слушая моих возражений, она выскочила из кабины и через секунду была уже у дверей «Сута-банка», где три камеры безопасности следили за каждым нашим движением.

– Томми... – Я показал на камеры, делая последнюю попытку ее образумить.

Томми посмотрела на меня как на несмышленного младенца.

– Скажи на милость, – проговорила она, набирая на панели замка цифровой код, – зачем мне арестовывать тебя за то, что ты вошел в мой банк, если... – система безопасности трижды пискнула, мигнула зеленым огоньком и отключилась, – если я сама тебя туда пригласила?

– В *твой* банк?

– А то в чей же? – Томми усмехнулась, набрала еще несколько цифр, и электронный замок со щелчком открылся. Отворив дверь, она включила в вестибюле свет и сделала нетерпеливый жест рукой. – Давай входи же!..

Я подчинился, хотя и знал, что очень скоро мне придется об этом пожалеть. К моему огромному изумлению, наше вторжение не вызвало ни тревожных звонков, ни сирен. Есть ли в банке какая-то особая сигнализация, передававшая сигнал тревоги непосредственно в полицию, я не знал, однако не сомневался, что очень скоро это так или иначе выяснится.

Тем временем Томми быстро пересекла вестибюль, поднялась по лестнице и отперла дверь с табличкой «Президент банка Дж. Макфарленд».

– Ты с ума сошла! – прошипел я. – Нам нужно выбиратья отсюда как можно скорее, а ты...

Томми с самым невозмутимым видом включила свет в отцовском кабинете.

– Ты слишком много беспокоишься по пустякам, Чейз, – хладнокровно заявила она. – Попробуй расслабиться. Вот увидишь, тебе сразу полегчает.

– Черта с два мне полегчает, – проворчал я, входя в комнату следом за ней.

Кабинет был огромным и занимал едва ли не бóльшую часть всего второго этажа. Двенадцатифутовые потолки делали его еще просторнее. На полках и стеллажах из дорогого мореного дуба стояли книги в кожаных переплетах, которые, впрочем, выполняли чисто декоративную функцию; полы из твердой древесины были застланы персидскими коврами. Почти в самом центре кабинета стояли вокруг стеклянного журнального столика два кресла и огромный кожаный диван. В одном углу я обнаружил персональную туалетную комнату, а в другом – небольшой бар, на зеркальных полках которого стояло не меньше сотни самых разных бутылок.

Но главным украшением кабинета был, конечно, покрытый искусной резьбой дубовый письменный стол длиной девять и шириной пять футов.

Дядя при мне несколько раз вспоминал этот стол, и я знал, что он был сделан по заказу Элсуорта Макфарленда из той же самой древесины, которая пошла на строительство Бруклинского моста. Дядя и дядя Джек очень любили прятаться под этим столом, когда играли в индейцев или ковбоев.

Я обошел стол со стороны кресла.

– Ты не возражаешь?..

Закругленные, покрытые резьбой и лаком углы стола слегка ободрались и потемнели от времени, но, даже несмотря на это, он производил очень мощное впечатление. Пожалуй, мне еще не приходилось видеть столь красивого предмета мебели. Сейчас, впрочем, меня интересовало отнюдь не мастерство мебельщиков, сделавших этот стол больше полувека назад, а свернутые в трубку чертежи и поземельные планы, которыми он был завален. Передо мной лежало будущее Суты, каким его видел Джек Макфарленд. Я уже протянул к ним руку, но тут мой взгляд случайно упал за окно и я увидел, как в дальнем конце улицы вспыхнули фары вывернувшего из-за угла автомобиля. На крыше машины поблескивал синий проблесковый маяк. Через минуту полицейский автомобиль уже затормозил перед дверью банка. Патрульный выбрался из салона и, на ходу засовывая дубинку в специальную кожаную петлю на поясе, решительно направился к дверям.

– Веселье закончено, – сказал я, показывая Томми на окно.

Она бросила быстрый взгляд на полицейскую машину, рывком опустила жалюзи и улыбнулась.

– Я сейчас вернусь, – пообещала она.

Я, разумеется, не мог допустить, чтобы Томми одна разбиралась с полицией, поэтому последовал за ней – держась, впрочем, на таком расстоянии, чтобы мое присутствие как можно дольше оставалось незамеченным. Я видел, как Томми спустилась в вестибюль и приоткрыла дверь, за стеклом которой маячила грузная фигура полицейского.

Служителя закона я узнал практически сразу. Это он арестовывал меня в прошлый раз – почти полтора месяца назад, когда я выходил из «магазина для бережливых» напротив банка. Томми об этом не догадывалась, однако поступила достаточно благоразумно, не впустив патрульного в вестибюль. Держалась она вполне приветливо и дружелюбно, однако продолжала стоять в дверях, удерживая полицейского за порогом.

– Что случилось, офицер?

– А-а, это вы... Добрый вечер или, точнее, доброй ночи, мисс Томми. Нам позвонили и сказали, что кто-то вошел в банк. Сигнализация, правда,

не сработала, но... вы же знаете мистера Джека.

– Все в порядке, не беспокойтесь, – отмахнулась Томми. – Сегодня я никак не могла заснуть, вот и решила съездить в банк и скопировать для папы кое-какие документы. Наверное, мои биологические часы все еще настроены на калифорнийское время – с тех пор как я вернулась домой, мне не спится. Спасибо, что решили проверить... – Она окинула взглядом стоящую напротив входа полицейскую машину. – Если хотите, можете немного подежурить где-нибудь поблизости. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что вы рядом.

Полицейский провел пальцами под ремнем, потом поправил кобуру с пистолетом.

– Хорошо, мэм, я так и сделаю. – Он огляделся по сторонам и, конечно, сразу заметил стоящую у тротуара «Викки». – А ваш кузен в курсе, что вы позаимствовали его таратайку? – осведомился он. – Насколько я знаю, он неровно дышит к этому ржавому ведру с болтами.

Томми рассмеялась.

– Да, он знает. Не беспокойтесь, я не задержу вас надолго. Кстати, хотите кофе? – спросила она, показывая на кофейный автомат в глубине вестибюля.

– Благодарю вас, мэм, но свою сегодняшнюю норму я уже выпил, – ответил полицейский, качая головой. – Если я вам понадобится, я буду в машине.

– Спасибо, офицер. Вы очень любезны.

Закрыв дверь, Томми быстро поднялась по лестнице и вернулась в кабинет. Я шел за нею, качая головой и недоумевая. Увидев мое ошеломленное лицо, она рассмеялась и застегнула две верхние пуговицы на блузке, которые расстегнула, пока спускалась вниз.

– Может, объяснишь мне, что происходит?

Приподняв жалюзи, Томми проводила взглядом садившегося в машину патрульного и только потом соблаговолила ответить:

– Много лет назад Джек ввел меня в совет директоров.

– Как так? Я был уверен, что вы с ним не разговариваете!

Она снова улыбнулась.

– Он был вынужден. Как-никак, мне принадлежит сорок девять процентов акций «Сута-банка».

– Ты серьезно?

– Сам подумай... – Томми обвела рукой стены кабинета. – Что еще ему оставалось делать?

Я опустил в стоящее возле стола кресло дяди Джека. Ноги меня не

держали, голова слегка кружилась.

– Поясни пожалуйста, – попросил я. – Я что-то ничего не понимаю...

– Оно и видно, – поддразнила меня Томми и, показав мне язык, с размаху бросилась на диван, закинув ноги на журнальный столик. – Когда имеешь дело с Джеком Макфарлендом, нужно всегда помнить одну вещь: даже если он стоит одной ногой в реке, другая его нога всегда остается на берегу.

– Хватит говорить загадками, Том. Ты даже хуже, чем дядя!..

Томми выпрямилась.

– Он сделал это, чтобы защитить себя. Других наследников у него нет, как нет никого, кому он мог бы *доверять*. – Последнее слово она произнесла с особой интонацией, и я догадался, что Томми цитирует отца. – Ну а поскольку я удрала в Калифорнию и поклялась никогда больше не возвращаться, он мог защитить себя, только переписав часть банковских активов на мое имя. – Она ухмыльнулась и снова растянулась на диване. – Возможно, теперь я – второй самый богатый человек из всех, кого ты знаешь, хотя Джек и позаботился о том, чтобы я не могла распоряжаться своим «состоянием» без его ведома. Он, конечно, мерзавец, но вовсе не дурак. Ты не поверишь, но я, обладая миллионами, не могу истратить из них ни цента!

Я нахмурился.

– А откуда тебе известны коды замка и сигнализации?

Вскочив с дивана, Томми обогнула отцовский стол и выдвинула расположенный под верхним ящиком лоток для канцелярских принадлежностей. В самом дальнем его конце была прилеплена скотчем бумажка с написанными мелким почерком цифрами.

– Джек никогда не отличался хорошей памятью.

– Но ведь так коды может узнать каждый, кто случайно увидит эту... эту шпаргалку!

– Сначала ему придется догадаться, что цифры, во-первых, написаны в обратном порядке, а во-вторых, чтобы получить правильный код, каждую из них следует разделить на два. Кроме того, отключить сигнализацию можно только с первой попытки. Одна ошибка – и система пошлет сигнал тревоги. Ну и наконец, Джек меняет комбинации каждый месяц.

– Поня-я-ятно... – протянул я и еще раз оглядел кабинет, пытаюсь найти в нем недостающие фрагменты головоломки, которую я составлял столько лет.

Томми оперлась на локти рядом со мной и самодовольно ухмыльнулась.

- Слышишь что-нибудь?
- Прямо сейчас? Слышу, как стучит мое сердце.
- Закрой глаза.
- Но, Томми!..
- Закрой глаза, Чейз!

Я подчинился.

- Поставь пятки вместе.

И снова я сделал, как она велела.

– А теперь слушай... – Томми топнула по полу позади меня. – Слышишь, какой звук? Глухой. Здесь под полом явно бетонный монолит или что-то в этом роде.

Я кивнул в знак согласия.

- А теперь ты топни...

Я сделал, как она сказала, и почувствовал, как у меня перехватило дыхание. Отодвинувшись от стола, я нырнул вниз и встал на колени. Томми со смехом протянула мне маленький фонарик:

- Держи. Пригодится.

Ощупывая лежащий под столом ковер, я довольно скоро наткнулся на небольшую задвижку. Откинув угол ковра, я сдвинул ее в сторону и потянул. В полу открылся люк, под которым обнаружилась довольно широкая вертикальная вентиляционная шахта, снабженная к тому же скоб-трапом. Сунув голову в шахту, я подсветил себе фонариком и увидел глубоко внизу известняковый пол.

Все еще сидя на полу, я привалился к тумбе стола с ее внутренней стороны и направил луч фонаря на Томми.

- А теперь выкладывай все что знаешь! – велел я.

Томми не стала отпираться.

– Когда я была маленькой, я несколько раз слышала дядины рассказы о том, как они с Джеком играли здесь в прятки. Я тоже стала прятаться под столом от воображаемых врагов и довольно скоро обнаружила люк и щеколду. Ну а темноты я никогда не боялась.

- Куда ведет эта шахта?

- Проверь. – Она показала на открытый люк. – А я тебя подожду.

Я без колебаний зажал фонарик в зубах и начал спускаться вниз по ржавым железным скобам. Шахта оказалась сложена из кирпича, отчего меня не покидало ощущение, будто я спускаюсь по старому дымоходу. Внизу, однако, оказалась не каминная топка, а еще одна горизонтальная труба, сложенная из известняковых плит. Она выглядела достаточно широкой, и я двинулся по ней на четвереньках, распугивая тараканов и

мокриц. Футов через пятнадцать я добрался до того места, где заканчивался фундамент эпохи владычества испанцев, и оказался под лестницей, по которой мы только что поднимались на второй этаж. Горизонтальный ход привел меня в крохотное помещение над одной из опорных балок этой лестницы. Снаружи – со стороны ступенек – эта ниша выглядела просто как полка, как закуток, куда прячут швабры и ведра, но сейчас я разглядел здесь дубовый люк, который вел – должен был вести – прямо в банковское хранилище.

В эту секунду я получил ответы сразу на сотни вопросов, которые столько времени не давали мне покоя.

Выбравшись в узкий закуток, я кое-как развернулся и пополз по вентиляционной шахте обратно. Когда я снова оказался в директорском кабинете, Томми с улыбкой накручивала на палец прядь волос.

– Ну как? – как ни в чем не бывало осведомилась она.

– Но это же... Почему ты не рассказала мне об этом люке раньше?

– Меня *просили* не рассказывать.

– Кто просил?

– Дядя Уилли. – Она опустила голову и потерла ногу, словно у нее вдруг свело судорогой икру, потом глотнула воды из своей бутылки. – Я все понимаю, Чейз, – добавила Томми негромко. – Собственно говоря, тут и понимать нечего – у тебя все на лице написано. Ты много лет жил в неведении; тайна не давала тебе покоя, и ты делал все, чтобы докопаться до истины. Из-за этого ты даже стал иначе относиться к дяде Уилли, который не хотел тебе ничего говорить... Я, во всяком случае, ясно вижу, что между вами возникло некоторое напряжение. Раньше его не было, но как только я вернулась, то сразу почувствовала, что вы... Что ты и он... Поэтому-то я и показала тебе этот ход... – Она слегка постучала ногой по крышке люка под столом. – Я не хочу, чтобы ты сомневался в дяде или подозревал его в... в том, чего он не делал.

– Понятно. – Я сунул руки в карманы. – Хотел бы я знать, о чем еще ты умалчиваешь.

В этот момент взошло солнце, и сквозь жалюзи в кабинет начал просачиваться дневной свет. Внизу стукнула дверь – кто-то вошел в банк и начал подниматься по лестнице: я отчетливо слышал, как бренчит в его кармане мелочь.

Глаза Томми ярко заблестели.

– Идем, – сказала она.

Мы вышли из кабинета и направились к лестнице. На верхних ступеньках мы столкнулись с дядей Джеком, который двигался нам

навстречу. По-видимому, он знал о нашем присутствии, но что он мог поделаться? Проходя мимо него, Томми с вызовом рассмеялась, но ничего не сказала. В ответ ее отец только покачал головой, потом поднялся на последнюю ступеньку и, подняв руку, уперся ею мне в грудь.

– По тюрьме соскучился, щенок? – негромко спросил он.

Сколько я себя помнил, в присутствии дяди Джека я всегда испытывал какой-то иррациональный страх, причину которого мне так и не удалось отыскать. Каждый раз, когда он оказывался поблизости, у меня дрожали поджилки. Думаю, он об этом догадывался; во всяком случае, каждый раз, когда мы встречались, лицо у него становилось особенно гордым и заносчивым, словно он твердо знал: я против него – букашка.

Шагнув в сторону, я обогнул дядю Джека, так что его рука на мгновение повисла в воздухе, и продолжал спускаться. Внизу лестницы я обернулся: дядя Джек так и стоял на верхней площадке, глядя то на нас, то на дверь своего кабинета. Взгляд его показался мне каким-то неуверенным, и я заставил себя улыбнуться. Пожалуй, впервые в жизни я не испытывал в его присутствии привычного мандража: теперь я знал нечто такое, что он всеми силами старался от меня скрыть, и это наполняло меня уверенностью.

– Знаете, что я сейчас вспомнил, дядя Джек? – проговорил я. – Однажды, когда мы с вашим братом завтракали, он сказал, что правда очень похожа на молоко в ведерке молочника.

Томми тоже остановилась и засунула ладони в задние карманы джинсов.

– Это должно быть любопытно, – заметила она, ожидая продолжения.

– Молочник может отцедить молоко, может разбавить или даже взбить так, что в ведре будут сплошные пузыри, – сказал я. – Он может продать его как цельное, двухпроцентное или обезжиренное, но рано или поздно сливки все равно всплывут на поверхность, и каждому станет ясно, что это за молоко на самом деле. И когда это произойдет, молочнику придется долго оправдываться перед своими клиентами и объяснять, почему он солгал. – Я посмотрел дяде Джеку прямо в глаза. – Я знаю, вы умеете выкрутиться из самой непростой ситуации, – добавил я. – Но только не в этот раз, мистер.

Повернувшись к нему спиной, я взял со стола секретарши мятную конфету и, бросив обертку на пол, вышел из банка. Томми была уже в машине; когда я забрался в кабину, она сидела, откинувшись на сиденье и закрыв глаза. Кулаки ее были крепко сжаты.

Только когда мы снова выехали на Девяносто девятое шоссе, она

открыла глаза и принялась вновь массировать ногу.

– Что с тобой? – спросил я.

– Ничего. Все в порядке, – ответила она.

Томми умела говорить неправду с таким видом, что вам и в голову не приходило заподозрить обман. Она сумела бы обвести вокруг пальца кого угодно, и раньше ей это всегда удавалось. Но не сейчас. Сейчас я просто *знал*, что она лжет.

Глава 38

Журналисты любят поговорить о вдохновении – о том, что лучше всего им пишется, когда их посещает Муза. Я вовсе не отрицаю существование муз – покровительниц журналистики, однако по своему опыту я знаю: на самом деле они редко приходят вовремя и еще реже нашептывают правду. Обычно то, что они сообщают своему адепту, является в лучшем случае полуправдой, поэтому с вдохновением следует быть максимально осторожным.

Размышляя обо всем этом, я поехал в офис и заставил себя сесть в кресло перед компьютером. Даже при наличии вдохновения статьи не пишутся сами собой – это я знал твердо. Кроме того, Ред сократил срок подачи очередной статьи, а поскольку отговорок он терпеть не мог, приходилось срочно приниматься за дело. И как ни странно, именно это обстоятельство заставило муз пошевеливаться.

У меня, впрочем, уже был готов вполне приличный черновик, и, когда зазвонил телефон, я как раз отправлял его самому себе по электронной почте. Нечто подобное я проделывал регулярно: однажды, еще во время учебы в колледже, я потерял из-за вируса на компьютере результаты трехнедельной работы и с тех пор принимал все возможные меры, чтобы сохранять написанное. В частности, я завел себе несколько почтовых ящиков, куда отправлял рабочие черновики. Благодаря этому я теперь не боялся потерять свои материалы, даже если бы мой компьютер был украден, а офис редакции сгорел до основания. В киберпространстве мои статьи были в безопасности – там до них не смог бы добраться даже новейший вирус, написанный очередным четырнадцатилетним гением программирования, которому некуда девать свободное время. Главное, частенько думал я, не забыть адрес, куда я отправил ту или иную статью, и тогда все будет в порядке.

Открыв телефон, я прижал его к уху плечом, продолжая набирать на клавиатуре адрес.

– Чейз Уокер слушает...

Но в трубке царило молчание. Впрочем, прием телефонных звонков в здании редакции и в особенности – в моем закутке оставлял желать лучшего, поэтому я несколько не удивился. Поднявшись из-за стола, я отошел к окну.

– Алло, говорите!

В телефоне что-то зашуршало, потом я услышал чье-то шумное дыхание и – тук-тук! – два удара по трубке.

– Майки, это ты?

Послышался один удар. Это значит «да», припомнил я нашу азбуку Морзе.

– С тобой все в порядке?

Один удар.

– А с Томми?

Ничего в ответ. Должно быть, ответить на этот вопрос мальчугану было непросто, и я слегка изменил формулировку:

– Она спит?

Один удар.

– Дядя дома?

Два удара.

– А тетя Лорна?

Еще два.

– Она поехала в магазин?

Один удар.

– Тебя что-то беспокоит?

Снова удар.

– Томми?

Последовала пауза, потом я услышал один удар.

– Держись, Майки! Посиди с ней, ладно? И скажи ей – я сейчас приеду! – Впопыхах я употребил привычное «скажи», что было, конечно, не совсем правильно, но я не сомневался: парень сумеет найти способ, чтобы подбодрить Томми.

Телефон со щелчком выключился. Я отправил черновик на свой второй почтовый ящик и, выбежав на улицу, запрыгнул в «Викки». Уже из машины я позвонил дяде и тете Лорне, а еще двадцать минут спустя мы трое едва не столкнулись, сворачивая на подъездную дорожку. Все же в комнату над амбаром я ворвался первым, на пару шагов опередив дядю.

Майки стоял на коленях рядом с кроватью и держал Томми за руку. Едва увидев ее лицо, дядя обернулся к тете Лорне и велел:

– Отведи Бадди домой, хорошо?

Томми лежала на спине, глаза ее превратились в щелочки, на щеках и на лбу горели красные пятна, но остальная кожа была серой, как асфальт. В воздухе стоял сильный запах рвоты и испражнений.

Я положил руку на лоб Томми.

– Она вся горит, – сказал я дяде.

Он тоже опустился на колени рядом с кроватью, а я попытался набрать номер Службы спасения. Я уже поднес телефон к уху, когда Томми неожиданно перехватила мою руку и захлопнула крышку телефона. Отрицательно покачав головой, она знаком велела нам с дядей наклониться ниже. Секунду спустя Томми заговорила, хотя каждое слово давалось ей с огромным трудом: язык распух, губы побелели, а изо рта, носа и из-под век сочилась кровь.

– Сделайте для меня одну вещь, – почти прошептала она, коснувшись пальцами дядиной груди, и в изнеможении закрыла глаза.

Дядя Уилли кивнул:

– Да, конечно.

Глаза Томми открылись, взгляд пропутешествовал по всей комнате и снова остановился на его лице. С трудом оторвав голову от подушки, Томми чуть слышно произнесла:

– Окрестите меня.

– Но я... – начал было дядя, но Томми остановила его движением руки. Ее дыхание сделалось частым и неглубоким.

– Я долго не продержусь...

– Хорошо, я все сделаю. – Дядя откинул в сторону одеяло, и я с трудом сдержался, чтобы не отвернуться. Томми уже не контролировала себя, и покрывало с простынями промокли насквозь. Подсунув под нее руки, дядя поднял Томми над кроватью и кивнул мне.

– Заводи «Викки».

Я сбежал вниз. Через минуту дядя тоже втиснулся в салон, усадив Томми себе на колени.

Я знал, куда ехать. Через несколько минут мы были уже в Суте – на берегу озера, где уровень воды колебался от фута до четырех. Показывая на рычаг подключения переднего моста, дядя спросил:

– Проедешь?

Я кивнул, включил раздаточную коробку и врубил прямую передачу. Через минуту мы уже ехали через озеро. Вода поднялась выше колес, потом начала просачиваться в кабину и остановилась, дойдя до наших коленей. Песчаное дно в этом месте было ровным и плотным, поэтому мне приходилось только объезжать старые пни и немногочисленные ямы. «Викки» вела себя превосходно. Можно было подумать – моя старушка отлично понимает, кого она везет и куда.

Проехав по дну бывшего болота примерно полмили, мы перевалили через небольшую песчаную гряду и оказались возле русла ручья,

впадавшего в Алтамаху. Именно в этом ручье мы с дядей рыбачили чаще всего, и я неплохо его изучил. Я знал, что он достаточно глубокий, но бросать «Викки» мне не хотелось, поэтому я включил пониженную передачу и двинулся через ручей вброд. Очень скоро мои лежавшие на руле руки скрылись под водой; мелкие волны заливали капот и плескались на уровне наших плеч, но «Викки» продолжала уверенно двигаться вперед. Мы были почти на середине ручья, когда машина наткнулась на какое-то скрытое под водой препятствие, которое она не смогла столкнуть с дороги. Колеса буксовали в песке, но наше продвижение остановилось, и я посмотрел на дядю. Сколько еще проработает оказавшийся под водой мотор, я не знал. Пока он оставался включенным, выхлопные газы не давали воде попасть в цилиндры через выхлопную трубу, но я не был уверен, выдержат ли прокладки, трамблер, свечи и прочая электрика.

Впрочем, выбора у нас все равно не было. До берега оставалось яров десятка, и я открыл дверцы со своей и дядиной стороны. Из салона мы буквально выплыли. Глубины здесь было не меньше шести футов, но дно быстро повышалось, так что вдвоем мы без особого труда дотащили Томми до берега. Ее глаза были закрыты, тело обмякло, но она еще дышала, и дядя почти бегом двинулся между деревьями. Минут через пять мы достигли купальни, выкопанной на берегу озера у дальнего края Святилища.

К этому времени уже стемнело. Луны не было, а небо затянули тучи, грозившие пролиться дождем. Дядя уже собирался шагнуть в воду на краю купальни, когда Томми неожиданно открыла глаза.

– Подождите... – прошептала она, и дядя бережно уложил ее на песок. Томми попыталась облизнуть пересохшие губы, но во рту у нее скопилось слишком много крови. Несколько раз сглотнув, она перевела дыхание и посмотрела на дядю.

– Еще одна вещь... я уже говорила, но... Пожалуйста, скажите несколько слов на моих похоронах.

Дядя кивнул. Говорить он не мог; рыдания, которые он сдерживал с большим трудом, стальным обручем сдавливали его горло.

– Обещайте! – не сдавалась Томми, и дядя в конце концов выдавил:

– Хорошо...

– И... самое последнее... – Она поперхнулась и долго кашляла, сплевывая кровью. Ее грудь высоко вздымалась и опускалась, словно Томми никак не могла отдышаться. Наконец она прошептала: – Расскажите... расскажите ему все...

Дядя заплакал, и Томми слабо толкнула его в грудь.

– Расскажите!

Дядя кивнул, и Томми закрыла глаза. Ее голова запрокинулась, тело обмякло, дыхание стало неглубоким и редким. Дядя попытался снова взять ее на руки, но покачнулся.

– Помоги-ка...

Я придержал голову Томми, и мы вместе вошли в купальню. Когда вода поднялась нам до пояса, мы остановились, удерживая тело Томми на плаву. Ее ноги и руки безвольно покачивались на воде, но она все еще была жива. Дядя открыл рот, пытаясь что-то сказать, но голос ему не повиновался, и я положил свободную руку ему на плечо. Он попробовал снова, но так и не смог издать ни звука. Наконец я сказал:

– Дядя... соберись. Пожалуйста!

Он посмотрел на меня с бесконечным отчаянием в глазах, потом просунул широкую ладонь под голову Томми и, поцеловав ее в лоб, прошептал:

– Дитя мое, Томми... Во имя Отца... – Погрузив ее тело в воду, дядя на мгновение загнулся. Моя рука по-прежнему лежала у него на плече, и я чувствовал, как дрожали его мускулы, когда он снова поднял Томми над поверхностью. – ...И Сына... – Он опять погрузил ее в воду, но тут же снова прижал к своей груди. Дядя плакал, уже не таясь; сотрясавшие его тело рыдания поднимались откуда-то из самой глубины души – из того сокровенного уголка, который он никогда и никому не показывал. – ...И Святого Духа... – Дядя поцеловал Томми и в третий раз окунул в темную воду. На мгновение ее лицо скрылось под волнами, изо рта и носа поднялись пузыри, и я поспешил ему помочь. Когда мы в последний раз подняли Томми над водой, ее глаза неожиданно широко распахнулись. Они как-то странно мерцали в окружающей нас полутьме, и я понял, что она уже наполовину не здесь, а в другом мире. Поднялась тонкая белая рука, холодная ладонь легла мне на затылок. Повинуясь ее легчайшему нажиму, я наклонился и прижался лбом ко лбу Томми.

– Твоя книга... она уже стояла у него на полке, – услышал я. Томми набрала полную грудь воздуха, собираясь сказать что-то еще, но я не услышал ни звука. Только ее последний вздох слегка коснулся моего лица и унесся к океану вместе с легкими волнами.

* * *

Сознание того, что Томми больше нет, причиняло мне физическую боль. Я пытался даже разозлиться на нее, надеясь, что гнев уменьшит мои страдания, но каждый раз, когда мне это почти удавалось, я словно наяву

слышал ее смех, ощущал легкие прикосновения, видел свет, который осиял ее глаза за миг до смерти.

Да и злился я вовсе не на нее, а на себя. Я чувствовал свою вину. На второй день это ощущение сформировалось окончательно, глубоко укоренившись в моем сознании. Я действительно был виноват. Да, за эти годы я много раз писал и звонил Томми, но она не отвечала; да, она сама решила уехать, но... Сейчас я думал, а был ли я достаточно настойчив, сделал ли я все возможное, чтобы этого не случилось? Разумеется, я не был настолько наивен, чтобы полагать, будто мне удалось бы изменить ход ее жизни, и все же я мог бы... мог бы...

В общем, вы понимаете, что я имею в виду.

Два дня я сидел на носу своей яхты и смотрел в пространство, терзаясь сомнениями и запоздалым раскаянием. Я сожалел об упущенных возможностях, о том, что мог бы сделать, но не сделал. На третий день ноги сами привели меня в редакцию (на самом деле это были не ноги, а дядина «Салли», в которую я сел, сам того не сознавая), но перемена места мало что изменила: по-прежнему, куда бы я ни посмотрел, я видел перед собой только Томми. Она была повсюду, и мне некуда было от нее укрыться, даже если бы я этого хотел.

Статья о Майки, подкрепленная длительными размышлениями и тщательным расследованием, уже вполне созрела у меня в голове, поэтому мне понадобилось всего четверть часа, чтобы набрать на компьютере необходимую тысячу с лишним слов. А вот некролог Томми, состоявший всего из полутора сотен слов, занял у меня большую часть дня.

Был уже вечер (пора было ужинать, но есть мне совершенно не хотелось), когда в мой закуток заглянул Ред. Усевшись на краешек стола, он сам нажал кнопку вывода на печать. Пробежав глазами выползший из принтера листок бумаги, редактор высоко поднял брови и сказал:

– На сегодня достаточно, Чейз. Иди домой.

Некролог появился в «Брансуик дейли» на следующий день.

«Умерла ТОММИ ЛИНН МАКФАРЛЕНД.

Она родилась 17 апреля 1978 года. Талантливая актриса, настоящий знаток бейсбола, преданная болельщица «Краснокожих» и «Бульдогов», она любила песни Дона Маклина и в 1995 году была признана лучшей ученицей старшей школы Брансуика. Томми была бескорыстной, щедрой, сострадательной, красивой молодой женщиной, которая могла бы жить, любить и дарить радость всем, кто с ней соприкасался.

Но 27 августа ее не стало.

В раннем детстве, когда Томми не было и десяти лет, ее изнасиловал родной отец, Джек Макфарленд. Вот почему, едва достигнув совершеннолетия, она уехала из нашего города на другой конец страны. Томми стремилась чем-то заполнить зияющую пустоту, которую оставил в ее душе поступок отца, но так и не сумела этого сделать. В конце концов эта давняя рана убила ее.

К счастью, Томми умерла на руках людей, которых она считала самыми близкими; она познала любовь и обрела покой.

Если позволит погода, прощание с Томми Линн состоится на лужайке перед домом Уильяма и Лорны Макфарленд в среду, 30 августа, в 13 часов. Похороны состоятся в тот же день на семейном кладбище».

Я знал, что Джеку Макфарленду вряд ли понравится мой некролог, но на него мне было плевать. Реду, однако, было не все равно, что скажет и сделает один из самых известных и уважаемых жителей города, поэтому он вычеркнул из некролога те места, которые могли повлечь за собой судебный иск против меня, против него, а также против газеты.

И все-таки, написав этот некролог, я отчасти выплеснул из себя ту горечь, которая отравляла мне последние дни. Работа журналиста или писателя порой действительно обладает подобным эффектом – она очищает душу, помогая избавиться от чересчур сильных эмоций. В общем, мне стало легче...

Должно быть, о чем-то в этом роде думала и «Салли», когда без моего ведома отвезла меня на работу.

Глава 39

Утром в день похорон над водой повисла туманная дымка. Никакой даже самый слабый ветерок не волновал поверхность протоки, и моя яхта была совершенно неподвижна, словно и она замерла в скорбном молчании.

Нацепив шорты, я отправился к дядиному дому, по дороге заскочив в аптеку, чтобы купить пару пакетов льда. Оказавшись на месте, я подстриг траву на лужайке и проследил за тем, как сотрудники похоронного агентства расставляют стулья для гостей. Сколько человек придет проститься с Томми, мы не знали, но дядя сказал – нужно сделать так, чтобы каждый имел возможность присесть хотя бы на несколько минут, поэтому мы заказали пятьдесят стульев. Все они уместились в тени большого pekanового ореха, рядом с увитой виноградом декоративной аркой. Весь предыдущий день тетя Лорна готовила любимый салат Томми, чтобы после панихиды желающие могли подкрепиться. Столы мы установили на веранде и включили потолочные вентиляторы, чтобы отгонять мух. На столы мы с Майки поставили бумажные тарелки, пластиковые миски, ложки и вилки, а также коробки с салфетками, а дядя выложил на блюдо четыре десятка «Мунпаев», которые купил накануне.

Утро было жарким и влажным, и Майки то и дело снимал запотевшие очки и протирал их подолом футболки. Ближе к обеду небо нахмурилось, набежали тучи, и я стал бояться, что пойдет дождь. В этом случае прощание пришлось бы проводить в доме, поскольку дядю изгнали из церковных старост (и из церкви) лет тридцать тому назад, но после непродолжительного обсуждения мы решили, что Томми это даже понравилось бы.

Когда распорядитель похоронного агентства привез гроб с телом, он сказал, что дядя Джек побывал в морге и опознал тело. С нами он, однако, не связывался и о деталях похорон не говорил. Если у него и были какие-то планы на сей счет, нам они были неизвестны. Гроб был простым, как сама Томми, и мы установили его на кóзлах напротив составленных в несколько рядов стульев.

– Хотите открыть гроб на время прощания? – спросил меня похоронный агент, но я отрицательно покачал головой:

– Нет. Если кто-то захочет взглянуть на нее, пусть открывает сам.

Через несколько минут на подъездной дорожке появился доставочный

пикап. Он подъехал к крыльцу, и дядя, поздоровавшись с водителем, показал ему, как лучше развернуться, чтобы подъехать задом к тому месту, где стоял гроб. Когда грузовичок встал как надо, дядя и водитель открыли задний борт и сгрузили на траву какой-то тяжелый предмет, тщательно укутанный брезентом. После этого пикап укатил, а дядя, тщательно разгладив на брезенте все складки и морщины, зачем-то обошел вокруг дома и вошел в него со стороны кухни, хотя парадное крыльцо было гораздо ближе.

Ровно в половине первого дядя снова появился на лужайке перед домом. На нем был его лучший – и единственный – темно-синий костюм. Насколько я помнил, с тех пор как дядя надевал его – а также белую рубашку и галстук – последний раз, прошло не меньше двадцати лет. По всему было видно, что в костюме он чувствует себя крайне неудобно и неловко. Спустившись с крыльца, дядя прошел по дорожке в оранжерею и почти сразу вернулся, держа в руках горшок с одной из лучших своих орхидей. Ее стебель длиной не меньше трех футов был сплошь покрыт десятками некрупных цветов глубокого темно-пурпурного цвета с белоснежной сердцевинкой. Поставив орхидею на гроб, дядя уселся на стул в первом ряду.

Некоторое время я разглядывал его наряд. Сам я был в шлепанцах, шортах и футболке, и дядин строгий костюм казался мне клоунским. Майки тоже рассматривал дядю с легким недоумением, и он это заметил. Минут через пять дядя принялся ерзать на стуле, поминутно ощупывая то узел галстука, то манжеты сорочки, то поддегивая на коленях брюки. Наконец он не выдержал. Вскочив, дядя быстро ушел в дом и вскоре вернулся, одетый в вытертые джинсы, залепленные глиной башмаки и клетчатую ковбойку. На голове у него был широкополый «гас», а на носу – солнечные очки-«костасы».

Когда он снова уселся на прежнее место, я спросил шепотом:

– Ну как, полегчало?

Он кивнул.

– Вот и отлично, – кивнул я. – Да и выглядишь ты теперь не так глупо.

Без четверти час на подъездной дорожке показался первый автомобиль, но это были не гости. Я узнал помятый «Линкольн» и покачал головой – неужели Карман не мог выбрать для визита какой-нибудь другой день?

Это действительно был он. Остановив машину на дорожке, Карман выбрался из салона и направился к дяде, который приветствовал его коротким кивком. Протягивая ему какой-то конверт, адвокат сказал:

– Уильям... я сделал все что мог. У тебя есть тридцать дней.

Дядя взял конверт.

– Спасибо. Я никогда не сомневался в твоих способностях.

– Зато я теперь сомневаюсь, – отозвался Карман. – За столько-то лет... – Он махнул рукой и зашагал к своей машине, но на полпути обернулся. Бросив еще один взгляд на дом, оранжерею, пастбище и расставленные на траве стулья, Карман с досадой сплюнул.

– Поверь, Уилли, мне действительно очень жаль, – проговорил он и, сев за руль, отъехал, оставив над лужайкой серое облако выхлопа. Когда оно рассеялось, тетя Лорна осторожно спросила, показывая на конверт в руках дяди:

– Неужели ты даже не помотришь, что там написано?

Он покачал головой.

– Я и так знаю. Мы проиграли апелляцию и потеряли Суту и Святилище. – Дядя глубоко вздохнул. – Джек заграбастал все.

Было уже без десяти час, а на похороны так никто и не приехал. Дядя, тетя Лорна, Мэнди, Майки и я одиноко сидели на стульях, прислушиваясь к доносящемуся с пастбища мычанию коров. Мальчик держал на коленях Бонса, и время от времени кто-нибудь из нас поворачивался, чтобы почесать кота за ухом.

Без пяти час на подъездную дорожку свернули с шоссе три удлиненных лимузина с тонированными стеклами. Когда они подъехали совсем близко, в переднем опустилось окошко. Оттуда выглянул парень примерно моих лет и спросил:

– Здесь прощаются с Томми?

Я кивнул, и он махнул рукой остальным машинам, которые остановились одна за другой в конце дорожки. Захлопали дверцы, и из лимузинов стали выходить мужчины и женщины. Их было очень много, и все они были стройными, подтянутыми и двигались с какой-то особой грацией, какую в наших краях редко когда увидишь. О том, кто они такие, я догадался сразу – за всю свою жизнь я еще никогда не видел столько красивых людей одновременно. Мужчины были мускулистыми, широкоплечими, в обтягивающих торс футболках; многие носили бачки или коротко подстриженные бороды. Примерно у половины женщин волосы были светлыми, ухоженными; было также несколько с каштановыми, русыми или черными, как вороново крыло, волосами, и все они были высокими, стройными, красивыми, словно побывали у одного и того же пластического хирурга. Большинство были в темных очках; некоторые подняли их на лоб, так что очки удерживали волосы, не давая им

падать на лицо.

Совершенно бесшумно вся группа – а их было человек двадцать пять или даже больше – двинулась по траве к расставленным стульям. Некоторые девушки сняли туфли на каблуках и шли босиком. Возможно, это и была та самая «тусовка», о которой мне рассказывала Томми, но, на мой взгляд, эти люди мало походили на завсегдатаев шумных вечеринок.

В пять минут второго дядя посмотрел на часы, потом перевел взгляд на меня и кивнул, показывая куда-то на задние ряды. Я тем не менее отлично его понял. Пройдя по центральному проходу немного назад, я повернулся так, чтобы обращаться ко всем гостям одновременно.

– Леди и джентльмены, – начал я. – Я – Чейз, двоюродный брат Томми. К сожалению, я никого из вас не знаю; я не знаю также, была бы Томми рада видеть вас здесь или, напротив, она была в ссоре с кем-то из вас и хотела бы, чтобы этот человек или эти люди немедленно уехали... Повторяю, я этого не знаю, а поскольку сейчас Томми не может меня поправить, я прошу *всех* пересесть вперед, чтобы быть к ней поближе.

Они послушались и, не говоря ни слова, гуськом последовали за мной по проходу. Когда все передние ряды оказались заполнены, поднялся дядя. Встав рядом с гробом, он некоторое время вертел в руках бумажные карточки с какими-то заметками, которые он, впрочем, то и дело принимался тасовать, точно крупье – колоду карт. Несколько раз дядя пытался начать говорить, но голос не повиновался ему, и тогда он опускал голову и разглядывал свои заметки. Наконец он бросил карточки на траву, снял шляпу и сказал:

– Я – Уильям Макфарленд, дядя Томми. Она... Так вышло, что некоторое время она жила с нами, вот в этом самом доме.

Три павлина взлетели на pekanовое дерево за домом и хрипло закричали, распутив радужные хвосты.

– Одно время, – продолжал дядя, – я очень злился на Господа за то, что Он забрал моего единственного сына. Я никак не мог с Ним примириться, но когда к нам переехала Томми, я понял, что это Господь сжалился надо мной, потому что она... потому что Томми сумела облегчить мою боль. – Дядя немного помолчал, потом поднял ладонь примерно на уровень талии. – Когда она была вот такой, я часто называл ее моим волшебным бальзамом, потому что Томми и в самом деле исцелила мои раны...

При этих словах гости на передних рядах дружно вздохнули, кто-то улыбнулся, кто-то кивнул в знак согласия.

– Пока она жила с нами, я много раз благодарил Господа за то, что Он послал мне своего ангела, и просил у Него прощения за то, что когда-то на

Него сердился. Да, мои боль и страдания были глубоки, но Томми сумела вернуть меня к жизни.

Тут дядя шмыгнул носом и, отвернувшись, некоторое время смотрел на зеленеющее позади него пастбище. Наконец он достал носовой платок, высморкался и продолжил, положив ладонь на гроб:

– Томми ушла... уехала в Калифорнию, когда ей было всего двадцать. Она пыталась убежать от собственных демонов, которых у нее было немало... гораздо больше, чем должно быть у столь молодой и красивой девушки. Я старался... – дядя посмотрел на нас с тетей Лорной, – мы все старались помочь ей в ее борьбе с тем, что не давало ей покоя, но... – Не договорив, он посмотрел на свои мозолистые, покрытые шрамами руки. – Я по профессии кузнец, подковываю лошадей. Нам, ковалям, достаточно просто взглянуть на лошадиную подкову, чтобы узнать все о характере лошади, о ее повадках, о том, насколько быстро она может скакать. Точно так же мы можем узнать все и о людях. Наша обувь... она не лжет, точно так же, как не лгут лошадиные подковы. Вчера мы с женой укладывали вещи Томми, и я взглянул на ее кроссовки... Это были самые обычные кроссовки, но их пятки были так сильно стесаны, что казалось просто невероятным, как человек такого веса и сложения, как наша Томми, может до такой степени сносить в общем-то довольно прочную подошву. Но на самом деле ничего удивительного тут нет. Томми шла по жизни легкой, летящей походкой, но на плечах она несла тяжесть всего мира.

Повернувшись к гробу, дядя попытался обратиться к самой Томми, но голос снова его подвел. Некоторое время он молчал, глядя в сторону пастбища, где вдали виднелись самые высокие деревья Святилища.

– Я... я никак не могу разобраться в этой жизни, – проговорил он наконец. – Я знал и подъемы, и падения. Можно даже сказать, что падений было больше, но... – Дядя покачал головой. – В общем, я давно перестал роптать на Господа, потому что, как мне кажется, Он тоже знает, что такое настоящая боль. Поэтому, когда становилось совсем худо и мне начинало казаться, будто я опустился на самое дно, я каждый раз отправлялся туда... – Дядя кивнул в сторону Святилища. – Господь знает, я бывал там не раз и не два, а много, много раз. И каждый раз это помогало мне... жить дальше...

Дядя Уилли говорил, а я вдруг поймал себя на том, что напеваю про себя строки из песни Вилли Нельсона «...Так оставь же меня, улетай, если надо, я тебя все равно не забуду...» и что по моему лицу текут слезы. Вилли Нельсон сказал все правильно, выразил то, что было у меня на сердце. Ангел побывал на земле, но снова улетел в небо... Я смахнул слезы

рукой, но тут Мэнди тепло обняла меня за плечи, и слезы потекли с новой силой.

А дядя все говорил – говорил с каждым из нас. Он не рассказывал, а обращался к каждому персонально, и гости из Калифорнии это поняли. На их месте я бы, наверное, не решился приехать – слишком велик был шанс, что здесь они столкнутся с неодобрением или неприкрытым порицанием – даже с обвинениями, но они все-таки приехали, и это говорило о многом. Да и слушая дядю, все эти люди не испытывали никакой неловкости или напряжения. Кто-то подался вперед, кто-то слегка улыбался, но все они слушали внимательно – никто не ковырял в носу и не болтал ногами. Даже Майки.

– Когда я был в тюрьме, – продолжал дядя, – мне приснилось, будто моя жизнь – как рулон отбеленного холста. Каждый день с него отматывался очередной кусок, ложился на побережье моей жизни, и с рассветом я начинал его раскрашивать, нанося на холст свои мысли и поступки. Каждый мой вздох, то, как я жил, как двигался навстречу старости и смерти, – все это оставалось на холсте. Иногда нарисованная картина мне нравилась, иногда – нравилась и остальным, и, быть может, даже самому Богу, но бывали дни, месяцы и даже годы, когда мои картины вызывали отвращение и у окружающих, и у меня самого, и я старался больше никогда на них не смотреть. Впрочем, главное не в этом, а в том, что каждый день – что бы я ни нарисовал накануне – я получал абсолютно новый и абсолютно чистый кусок холстины, добела отмытый ночным прибоем, который накатывался на холст и снова отступал, унося с собой все пятна. И мне снилось, что я просто стою на берегу и смотрю, как утекает в море грязная вода и становится белым полотном моей жизни.

Тут я заметил, что кое-кто из девушек тоже вытирает глаза, а один парень сдвинул со лба вниз солнечные очки.

– Все ошибки, все промахи – всего лишь рябь и пена на воде, – сказал дядя, махнув рукой в сторону пастбища и далекого леса. – И ни один холст не остается запятнанным. – Он перевел взгляд на гроб с телом Томми и повторил: – Ни один!

Темноволосая девушка во втором ряду довольно громко всхлипнула, но, смутившись, сделала вид, будто просто сморкается. Дядя, однако, сбился и несколько мгновений молчал, не зная, что делать. В конце концов он шагнул вперед и предложил девушке свой платок, но это только вызвало новый поток слез. Майки, до этого сидевший совершенно неподвижно, сполз со своего стула и протянул ей своего кота. Положив Бонса на колени, девушка попыталась улыбнуться, а ее соседка – необыкновенной красоты

платиновая блондинка – подвинулась на стуле, давая Майки место, чтобы он мог сесть между ними. Места, впрочем, все равно было маловато, так что какое-то время спустя она просто посадила мальчика к себе на колени.

Тем временем дядя справился с собой.

– Мой любимый мюзикл, – сообщил он, – это «Человек из Ламанчи»[\[78\]](#). Он поставлен на основе книги, написанной почти четыреста лет назад. – Тут дядя пристально посмотрел на меня. – Возможно, те из вас, кто в школе учился, а не норовил сбежать с занятий на рыбалку, как вот этот вот парень, слышали о Дон Кихоте...

При этих словах все взгляды обратились на меня, кто-то даже рассмеялся.

– Этот старый Дон на многие вещи смотрел по-своему, не так, как большинство его сограждан. Кое-кто даже считал его сумасшедшим, и, возможно, он таковым и был. Не зря же ветряные мельницы казались ему злыми великанами, с которыми необходимо сражаться. И вот однажды он взял тазик брэдоброя, надел его себе на голову, точно бейсболку, и заявил всем, что это – золоченый рыцарский шлем. Свою старую клячу Дон Кихот стал величать «добрым скакуном», грязную таверну – замком, а ее владельца – лордом. Там же, в таверне, он встретил проститутку Альдонсу, которая стала для него идеалом красоты, чистоты и добродетели. Тщетно Альдонса пыталась убедить его, что она не такая, что она была рождена на куче навоза и на такой же куче умрет... – (Тут дядя зацепился большими пальцами за пояс джинсов.) – Старый Дон просто не желал ее слушать. На все ее возражения он только тряс головой и величал ее Дульсинеей, благородной доньей, ради которой он готов совершить множество подвигов. И Дон Кихот действительно считал, что имя, которое он дал гостиничной проститутке, и есть ее настоящее имя...

Понимаете, Дон Кихот видит вещи такими, какими их создал Бог, а не такими, какими они стали, точнее – какими их сделали люди. «Я иду, ибо кто-нибудь должен идти, – говорил он и добавлял: – Я пришел в век Железный, чтобы сделать его Золотым...» – Дядя покачал головой. – Мне по душе эти его слова, – добавил он тихо, словно обращаясь к самому себе, но тут же снова поглядел на нас. – Дон Кихот никогда не сдавался, поэтому со временем и Альдонса-Дульсиней тоже стала иначе смотреть и на себя, и на весь окружающий мир. Она стала другой, новой – совсем как гусеница, которая превращается в бабочку. Она стала Дульсинеей, и все благодаря сражавшемуся с ветряными мельницами старому чудаку, который убедил ее в том, что зеркала далеко не всегда говорят правду.

Дядя в очередной раз вытер глаза, потом прикусил губу, пнул

башмаком пучок травы и, отступив в сторону, снял брезент с гранитного надгробия, стоявшего рядом с гробом. На камне было высечено:

*Моей Дульсинеэ
Томми Линн Макфарленд
1978–2006*

Посмотрев в дальний конец подъездной дорожки, скрывающийся в тени могучих pekanовых деревьев, дядя сказал:

– Пока не придет мой срок, я буду и дальше каждый день раскрашивать свой холст. Когда наступит вечер, я лягу на берегу, чтобы волны отмыли меня добела, а остальное предоставлю Господу... – Его голос дрогнул, и дядя, покачав головой, вытер нос рукавом рубахи. Почти все гости тоже плакали, но текущие по их щекам слезы уносили прочь горе и боль. Девушка, державшая на коленях Бонса, зарылась заплаканным лицом в мохнатую кошачью спинку; плечи ее вздрагивали. Дядя наконец сел, и некоторое время все мы просто молчали, глядя на гроб, не зная, что делать. Я тоже таращился на простой сосновый ящик, пока меня не осенило. «Ее крыло срослось, и она улетела»[\[79\]](#), – понял я, и мне сразу стало немножечко легче...

Потом я перехватил взгляд тети Лорны и, поднявшись, встал на дядино место рядом с гробом, где его башмаки примяли зеленую траву.

– Мы не стали открывать гроб, потому что... потому что не стали, – начал я. – Но каждый, кто хочет попрощаться с Томми, может его открыть. Думаю, она сама была бы только рада этому, к тому же... говорят, иногда это помогает. Мы отвезем гроб на кладбище только после обеда. – Я показал на веранду. – Томми любила салат с перцем, и тетя Лорна приготовила его сегодня. Кроме того, на столе вы найдете печенье, чай со льдом, бутерброды и так далее. Каждый из вас может оставаться в доме сколько пожелает – я думаю, Томми тоже хотела бы этого.

Один за другим гости вставали и подходили к гробу, чтобы попрощаться с Томми. Некоторые открывали крышку, кто-то даже поцеловал ее на прощание. Тетя Лорна поднялась на веранду, чтобы накладывать на тарелки салат, и очень скоро почти все гости тоже перебрались туда. Дядя отошел к оранжерее, чтобы закрыть дверь, а я остался сидеть на переднем ряду. Именно в этот момент ко мне подошла одна из девушек и опустилась на стул рядом. В руках у нее была толстая папка с какими-то бумагами и газетными вырезками. Вручив ее мне, девушка сказала очень тихо, словно боясь разбудить Томми:

– Она хотела бы, чтобы это было у тебя. Одно время мы с Томми вместе снимали квартиру. Она очень часто о тебе вспоминала.

Я открыл папку и обнаружил там практически все статьи, которые я когда-либо написал. Некоторые действительно были вырезаны из газет, остальные оказались распечатками из Интернета. Я сразу понял, что Томми их читала, размышляла над ними: некоторые фразы были подчеркнуты, а на полях мелькали ее замечания и комментарии: «Это очень на тебя похоже!», «Откуда ты знаешь?» и даже «Давай, Чейз, скажи им правду!».

Девушка отошла, а рядом со мной появился Майки. Его очки сползли на самый кончик носа, футболка была в пятнах соуса, а в руках он держал свой старый шахматный набор. Остановившись возле гроба, он посмотрел на меня так, словно собирался о чем-то попросить.

– Хочешь его открыть? – догадался я.

Он моргнул и кивнул. Я поднял крышку, и мальчуган, задержав дыхание чуть ли не на минуту, робко заглянул внутрь. Наконец он открыл коробку с шахматами, достал какую-то фигуру и, тщательно вытерев ее о штаны, осторожно положил Томми на грудь. Оглянувшись на меня, он быстро прижал к губам палец, потом коснулся им губ Томми и, повернувшись, отошел к крыльцу. Я проводил его взглядом и закрыл крышку, но прежде я бросил взгляд на шахматную фигурку, которую Майки положил в гроб Томми.

Это была белая королева.

Глава 40

Время приближалось к четырем, когда друзья Томми поблагодарили нас и исчезли так же внезапно, как и появились. Не знаю, порадовалась бы она их приезду или нет, и все же мне казалось, что Томми была бы довольна.

Было уже без чего-то пять, когда дядя вышел из амбара, держа в руках две лопаты. Тетя Лорна и Мэнди увели Майки в дом, а мы погрузили гроб в «Салли» и поехали к Бычьему болоту. У самой воды мы остановились, перенесли гроб в дядину большую лодку и оттолкнулись от берега. Томми была не тяжелой, гроб из сухой сосновой доски тоже весил совсем мало, поэтому плыть было легко. Мы без труда добрались до северной оконечности острова и причалили там как можно ближе к маленькому семейному кладбищу Макфарлендов. Выбравшись на сушу, дядя и я вооружились лопатами и начали копать могилу. Часа через два стало темнеть, так что заканчивали мы уже при слабом желтоватом свете керосинового фонаря. Говорить нам не хотелось. Работали мы не спеша, и все равно пот ручьями стекал по нашим лицам и капал на черную землю у нас под ногами. В нескольких футах слева от нас виднелись в темноте могилы Эллсуорта, Сары Бет, дядино сына и его первой жены Сюзанны.

Часов в девять мы опустили гроб в могилу, пропустив под него веревки: дядя держал с одной стороны, я – с другой. Когда с этим было покончено, мы встали по обеим сторонам могилы и, опираясь на лопаты, переглянулись. Керосиновый фонарь моргал и светил совсем тускло, но над ним все равно кружили и метались из стороны в сторону несколько ночных бабочек и мошек, а в кронах деревьев завели свою колыбельную древесные жабы и сверчки. Сегодня их голоса звучали особенно жалобно, словно и они оплакивали Томми. Какое-то время спустя дядя попытался что-то сказать; он даже несколько раз открывал рот, но так и не произнес ни звука. Прошло еще довольно много времени, прежде чем он наконец заговорил, как мне показалось – о другом:

– Ну вот, скоро и мне здесь лежать.

Я кивнул, закинул лопату на плечо и зашагал прочь. Пройдя через Святилище, я спустился на берег ручья и двинулся вброд. В темноте я миновал «Викки», которая так и стояла, слегка покренившись на один бок, там, где мы ее оставили. Вода свободно текла сквозь кабину, выливалась

из-под крышки капота и тихо бурлила в радиаторной решетке. Увы, сейчас я ничего не мог сделать для своей любимицы.

Вскоре и ручей, и озеро остались позади. Я возвращался домой пешком – «Салли» я решил оставить дяде. На небо вышла луна, она освещала дорогу, и по моим ногам ползли длинные безмолвные тени неподвижных деревьев. Я думал о Томми – о том, как в детстве она, испуганная и израненная, прибежала к нам через всю Суту. В тот день закончилось ее детство, точнее, его украл, отнял у нее дядя Джек. То, что он приходился ей родным отцом, казалось мне вдвойне несправедливым – у меня-то отца вовсе не было, но лучше, наверное, никакого отца, чем такой.

Наконец я пересек пастбище, подошел к дому и, поднявшись на веранду, сел на качели. Машины Мэнди нигде не было видно, свет в окнах Майки и тети Лорны не горел, и я почувствовал себя очень одиноко. Только над пастбищем вспыхивали многочисленные огоньки светлячков, но сегодня это зрелище меня не утешало. Чувствуя тягостную пустоту внутри, я незаметно для себя заснул.

Тетя Лорна разбудила меня в четвертом часу ночи.

– Он не вернулся, – сказала она.

– Дядя?

Она кивнула.

– Сходи поищи его, ладно?

Я спрыгнул с крыльца и, позабыв надеть шлепанцы, босиком побежал по знакомым с детства земляным тропкам. Я возвращался в Суту. Луна поднялась довольно высоко, и передо мной бежала по земле моя тень. Вот и берег. «Салли» я увидел на том же месте, где мы ее оставили, но дяди внутри не было, и я не стал задерживаться. Довольно быстро я преодолел мелководную часть озера, перевалил песчаный гребень и двинулся вброд через ручей. Вода в нем была теплой, как парное молоко, но когда она дошла мне до груди, мое продвижение сразу замедлилось, и мне пришлось помогать себе руками. По пути я дружески похлопал «Викки» по капоту и вскоре выбрался на противоположный берег. Именно тогда я услышал крик.

Я резко остановился и прислушался, но мое собственное дыхание было таким громким, что я не смог разобрать ни слова. И все же мне показалось, что человек (я даже не был уверен, что это дядя) кричит от боли. Не разбирая дороги, я бросился вперед через папоротники, и жирная черная земля скользила под моими ногами, а ветки деревьев царапали грудь, точно пальцы ревнивой любовницы. Чем дальше в Святилище я заходил, тем темнее становилось вокруг. Луна скрылась за плотными дождевыми облаками, температура упала градусов на пять-семь, между

деревьями пронесся внезапный порыв ветра, и я почувствовал, что дрожу не то от холода, не то от страха. Кое-как справившись с собой, я взял правее, чтобы выйти к маленькому кладбищу. Крики доносились именно оттуда, но теперь мне казалось, что они исполнены ярости и гнева.

Миновав магнолии и ряды колоннообразных пальм, я промчался мимо нашего места для пикников и достиг дальнего конца Святилища. Там, над могилами, я увидел фигуру человека, который, запрокинув голову далеко назад, грозил небу обоими кулаками, и узнал дядю. Дальше я двигался, стараясь ступать как можно тише; правда, дышал я все так же часто и шумно, но внезапно начавшийся ливень заглушил звук моего дыхания. Серая пелена дождя глушила даже крики, но при свете умирающего фонаря я все равно видел, как сотрясается дядино тело.

Я пошел еще медленнее, потом свернул в сторону и укрылся за кустами.

Дядя стоял над могилами и кричал – нет, ревел от боли, как ревет раненый зверь. Его лицо исказила гримаса страдания, оскаленные зубы и белки выпученных глаз тускло блестели в темноте. Время от времени дядя делал шаг то к могиле жены, то к могиле сына, то к могиле Томми, над которой он успел насыпать небольшой земляной холмик. Остановившись, он высоко вздымал сжатые кулаки и свирепо тряс головой. Рубаху он скинул, его джинсы промокли насквозь, но дядя не обращал на это никакого внимания. С его губ продолжали срывать какое-то неразборчивое рычание и обрывки слов – так, подумал я, в отчаянии рычит человек, который потерял все самое дорогое – жену, сына, Томми, Суту... У дяди не осталось ничего.

Молния сверкнула над нами, по небу раскатился гром. Я переступил с ноги на ногу и обнаружил, что стою в самой настоящей луже, погрузившись по щиколотки в дождевую воду и раскисшую землю. Дождевые капли больше не впитывались в лесную подстилку; вместо этого они собирались в ручейки и маленькие потоки, которые петляли между корнями, унося в Алтамаху сухие веточки, опавшие листья, наш пот и дядины слезы.

Ливень закончился так же внезапно, как и начался. Крупные капли все еще скатывались с ветвей и били меня по плечам, но тучи разошлись, и я снова ощутил пронизывающий холод. От земли поднялся туман и за клубился в кронах деревьев. Фонарь возле дядиных ног догорал, и в его мигающих красноватых отблесках дядя казался гигантской черной тенью, поднявшейся из могилы. Я был почти готов окликнуть его, когда он вдруг рухнул на колени, то ли истощив последние силы, то ли дойдя до того

предела, когда ломается внутренний стержень и человека уже ничто не способно удержат на ногах.

Внезапно дядя начал заваливаться на спину, но я успел подхватить его, прежде чем он коснулся земли. Крепко обняв его обеими руками, я уложил его голову к себе на колени. Его глаза в упор смотрели на меня, но я сомневаюсь, что дядя меня видел. Его плечи, руки, шея и живот словно одеревенели и не гнулись; каждая жилочка, каждый мускул в его теле были напряжены до предела, но я знал, что скоро ему должно стать легче. Извержение Везувия закончилось, боль, которую дядя держал в себе всю жизнь, вышла вместе с отчаянными криками, которые так меня испугали; остались только физическое изнеможение и оцепенение, которые часто приходят на смену бурному эмоциональному всплеску.

Не знаю, сколько времени я держал голову дяди на коленях. Время от времени он принимался мелко дрожать; каждые несколько секунд с его губ срывался стон, эхом отражавшийся от мокрой листвы и разносившийся над водой, но я знал, что дядя успокаивается, как в конце концов успокаивается человек, сломленный обрушившимися на него несчастьями. Я не выпускал его из объятий и только крепче прижимал к себе. Мне тоже было больно, но каждый раз, когда я слышал его исполненный муки стон, я понимал, что моя боль не может сравниться с тем, что сейчас испытывал он.

Фонарь давно догорел, а мы все сидели на краю Святилища, вдыхая запах цветущих магнолий, свежевскопанной земли и нашего пота. В какой-то момент дядя забылся в коротком сне, и я осторожно уложил его голову на могильный холмик Томми. Его тело постепенно расслаблялось, к тому же он больше не стонал, а только изредка скрипел зубами. Сжатые кулаки разжались; большая дядина рука спокойно лежала на земле рядом со мной. Над верхушками деревьев в небе появилась луна, и в ее ярком свете я видел и голубоватые вены на его запястье, и старые шрамы на странно белой ладони.

Я помнил эти руки. Сколько раз дядя Уилли опускал эту самую ладонь мне на плечо, и этого обычно хватало, чтобы справиться с терзавшими меня страхами. Теперь помощь понадобилась ему, но я был бессилен преградить путь демонам, готовым его прикончить. Больше всего мне хотелось повернуть время вспять, так сказать – вернуться на поле боя и спасти раненых, но в глубине души я знал – это невозможно. Никогда больше я не обрету покоя и не смогу дать покой дяде.

Прошел почти час, когда дядя вдруг пошевелился и открыл глаза. Некоторое время его взгляд бездумно скользил по листве, по небу, которое уже начинало понемногу светлеть. Наконец он заговорил:

– Мы тогда были совсем детьми, Джек постарше, я – на год моложе. Как-то раз мы поздно возвращались домой – сейчас я уже не вспомню, где мы были, но это и не важно. Обрато мы ехали в отцовском «Кадиллаке», и Джек сидел за рулем. Он гнал очень быстро – где-то под сотню, как вдруг на дорогу перед нами выскочила собака – старая гончая с серым носом и желтоватыми подпалинами на боках. Она немного прихрамывала и двигалась очень медленно и неуклюже. Я думал – Джек сейчас притормозит, но он только сильнее нажал на газ. Собака метнулась назад, к обочине, она почти спаслась, но Джек нарочно вывернул руль, чтобы зацепить ее бампером. Бедная псина взлетела над дорогой, раскинув все четыре лапы, и приземлилась в кювете. Господи, как же она визжала!..

Только после этого Джек остановился. Я выскочил наружу и бросился к собаке. Как ни странно, у нее была сломана только одна нога. Я поднял ее и понес обратно к машине, но тут из салона вышел Джек. В руках он держал пистолет. Он ничего не сказал, ничего не спросил – просто подошел ко мне, приставил пистолет к собачьей голове и нажал на курок. Казалось, он специально ждал, пока я возьму псину на руки, чтобы мишень была неподвижной... Ну, что может сделать пуля сорок пятого калибра, ты знаешь... Меня с ног до головы забрызгало кровью и мозгами, а Джек... Когда я посмотрел на него, он *улыбался*. Он радовался тому, что совершил! Тогда-то я впервые понял, что внутри у него одно только зло. Только зло – и ничего больше!..

Дядя немного помолчал, глядя в сереющее небо в просветах между древесными кронами.

– Я не знаю, как он стал таким. У нас были один отец и одна мать, мы жили в одном и том же городе, и наша жизнь была одинаковой – что у него, что у меня. Одно время я думал, что, быть может, я имею какое-то отношение к тому, что Джек стал таким... Я даже думал, что мне удастся это исправить, но... я не смог. На следующий день после того случая я отправился на шоссе и похоронил бедную псину, а себе поклялся, что никогда не забуду эту старую собаку, которой не повезло оказаться на пути у Джека. – Дядя посмотрел на меня. – И каждый раз, когда мне приходится хоронить кого-то, кого я любил, я вспоминаю ту ночь и улыбку на его лице.

* * *

Мы вернулись домой уже под утро. На крыльце нас встретила тетя Лорна с чашкой остывшего кофе в руке. Лицо у нее было заплаканное. Дядя обнял ее, поцеловал и сказал:

– Мне нужно сделать еще одно дело – такое, которое следовало сделать уже давно. Я должен похоронить еще одного человека... – Он прижался лбом к ее лбу. – Ты будешь ждать меня из тюрьмы?

Она кивнула.

– Только если правда будет на твоей стороне.

Дядя выпрямился и вытер лицо полотенцем.

– Она была на моей стороне всю мою жизнь. Вряд ли теперь что-то может измениться.

Мы снова погрузились в «Салли» и развернулись. Только когда машина оказалась перед шоссе, мы увидели, что на подъездной дорожке стоит Майки и не дает нам проехать. Лицо у него было испуганное, но отступать он не собирался.

Дядя опустил стекло и окинул его внимательным взглядом.

– Что ж, если ты намерен задержаться в этом доме надолго, неплохо бы тебе знать, во что ты вляпался, – сказал он добродушно. – Поедешь с нами?

Мальчик кивнул.

– Тебе может не понравиться то, что ты увидишь, – предупредил дядя, показывая ему шрамы на своих ладонях.

В ответ Майки пожал плечами и засунул руки в карманы.

– Ну, раз ты решил, я тебя останавливать не буду, – сказал дядя, открывая ему заднюю дверцу. Майки тут же забрался в салон и пристегнулся.

Десять минут спустя мы уже въезжали в город, улицы которого в утренний час пик были забиты машинами. Дядя старался выбирать улицы посвободнее, но, когда он дважды проехал мимо «Сута-банка», мне на мгновение показалось, что он заблудился. Только потом я понял, для чего ему это понадобилось – дядя просто хотел убедиться, что машина дяди Джека стоит на обычном месте на служебной стоянке. «Кадиллак Эскалейд» был там, и дядя, резко вывернув руль, въехал на тротуар прямо перед дверьми банка, зацепив бампером газетный стенд.

Секунду спустя из банка выскочил охранник.

– Здесь нельзя останавливаться, сэр!..

Дядя молча отодвинул его в сторону и стал подниматься по лестнице на второй этаж, мы с Майки – за ним. Позади меня зашипела рация, и охранник приказал кому-то срочно вызвать полицию. Похоже, наш сегодняшний визит обещал быть не слишком продолжительным.

Как раз в тот момент, когда дядя добрался до верхней площадки, из кабинета вышел дядя Джек. В одной руке он держал какие-то бумаги, в

другой – чашку кофе. Очки, которые он надевал для чтения, сползли на кончик носа.

Дядя не мешкал ни секунды. Как будто разом скинув с себя лет тридцать, он стремительно преодолел оставшееся расстояние и почти без замаха ударил дядю Джека снизу в подбородок. Апперкот был такой силы, что голова дяди Джека запрокинулась назад, ноги оторвались от пола, а сам он влетел в ту же самую дверь, из которой только что вышел. Секретарша дяди Джека испуганно вскрикнула и потянулась к телефону, но дядя не обратил на нее внимания. Прежде чем его брат успел пошевелиться или застонать, он схватил его за галстук, приподнял и нанес еще один удар, от которого дядя Джек отлетел к самому столу, приложившись головой о тумбу. Пары зубов он точно лишился, поскольку кровь хлынула у него не только из носа, но и изо рта. Держась одной рукой за столешницу и прикрывая лицо другой, дядя Джек начал было подниматься, но дядя ударил его в третий раз. Перекувырнувшись через стол, дядя Джек мешком свалился на ковер, а дядя спокойно обогнул стол и прижал его коленом к полу.

– С меня хватит, брат, – проговорил он. – всю жизнь я боялся того, что ты можешь сделать, но теперь – кончено! Я больше не боюсь *ничего* ! – С этими словами он наклонился и, откинув в сторону ковер, отпер задвижку и распахнул потайной люк.

Глаза дяди Джека изумленно расширились. Дядя взял его за шиворот и, усадив на пол, несколько раз кивнул.

– Да, я знаю, Джек. Я многое знаю. Кое-что я по-прежнему не в силах доказать, но то, что смогу, – докажу обязательно. И тогда ты на своей шкуре узнаешь, каково мне было все эти годы.

Власти Джорджии – и высшие, и местные – всегда считали, что полиция штата сможет лучше охранять закон и порядок, если будет превосходить преступников в огневой мощи личного оружия. Двое патрульных, которые прибыли на вызов охранника, служили этому наглядным подтверждением. В банк они ворвались с пистолетами наготове, причем их «глоки» были такого калибра, что я мог бы спокойно засунуть в ствол мизинец. Свои слова я готов подтвердить даже под присягой, поскольку оба пистолета оказались меньше чем в футе от моего лица.

– Руки на стол! – крикнул дяде первый полицейский. Второй повернулся ко мне и едва не ткнул стволом своего «глока» мне в глаз.

– Тебя, писака, тоже касается!

– Это еще почему?

Мой ответ настолько не понравился легавому, что он сильным толчком

уложил меня на ковер.

Дядя подчинился без возражений. Пока полицейский, прижав его лицом к столу, с проворством мастера родео вязал ему руки пластиковыми наручниками, подозрительно похожими на строительные нейлоновые хомуты, дядя улыбался. Через полминуты я тоже оказался «упакован» аналогичным образом, и меня подняли с пола. Пластиковые петли стягивали мои запястья с такой силой, что руки почти сразу стали неметь. Еще пару минут спустя я увидел тетю Лорну, которая вбежала в двери, чтобы забрать Майки, о котором я, к своему стыду, почти забыл.

– Позвони Мэнди, – попросил ее дядя, когда нас вели к дверям. – И будь так добра, пришли мне колы и «Мунпай», а то я что-то проголодался. – Он повернулся ко мне. – Тебе что-нибудь нужно?

Мне хотелось сказать что-нибудь остроумное, но полицейский задрал мои скованные запястья чуть ли не к затылку, и я благоразумно промолчал.

Тем временем к легавым подоспела подмога – еще один патрульный экипаж. Вчетвером они вознамерились вытащить нас из кабинета волоком, но дядя был крупным и сильным мужчиной, и с первого раза у них этот номер не прошел.

– Я пойду, парни, – сказал он полицейским, – но пойду на своих ногах, о'кей? – Повернувшись к дяде Джеку, он покачал головой и добавил: – Напрасно ты застрелил ту старую псину. Не следовало тебе этого делать!

Дядя Джек метнул на него яростный взгляд и, пинком закрыв люк под столом, рявкнул секретарше:

– Что вы сидите?! Вызовите мне врача!

Дядя расхохотался и спокойно вышел из кабинета. Тетя Лорна и Майки остались, причем мальчишка, похоже, нисколько не испугался.

Дядя Джек вытер разбитые губы рукавом рубашки.

– Ну а ты на что уставился? – заорал он мне.

– Так, ни на что... Просто странно, знаете ли: никто из нас даже не заметил, что вас не было на похоронах.

Вместо ответа дядя Джек схватил со стола тяжелое пресс-папье и метнул в меня, но промахнулся на несколько футов.

Нас свели вниз по лестнице. Дядины руки, скованные пластиковыми стяжками, лежали у него на пояснице. Одна из костяшек правой руки была рассечена, кровь стекала по пальцам и капала с их кончиков, но если дяде и было больно, он совсем этого не показывал.

На улице нас сначала затолкали на заднее сиденье одной из патрульных машин, но потом ее водитель, поглядев на нас в зеркальце заднего вида, сказал, что у него есть идея получше. Полицейские

посоветались, потом снова выволокли нас на улицу и, словно цирковых слонов, провели два квартала пешком до здания городского управления. По пути мы столкнулись с пожилой леди, выходящей из дверей той самой церкви, где дядя Джек был старостой. Она, конечно, сразу узнала дядю и, отвернувшись, пробормотала себе под нос что-то неодобрительное. Дядя отворачиваться не стал. Напротив, он поднял голову повыше и сказал как ни в чем не бывало:

– Добрый день, миссис Бакстер. Отличная погода сегодня, не правда ли?

Миссис Бакстер ничего не ответила, но была явно ошеломлена. Через несколько шагов дядя неожиданно обернулся ко мне:

– Не обращай на нее внимания. Миссис Бакстер – неплохая женщина, просто она не знает, что к чему. Если долго жить ложью, со временем она становится похожа на правду.

Я тоже обернулся и проводил взглядом миссис Бакстер, которая как раз садилась в свою машину.

– Тогда почему бы тебе не высказать ей всю правду прямо в лицо? – спросил я.

Дядя покачал головой и улыбнулся.

– Не забывай, до сердца доходят не те слова, которые...

– Знаю, знаю, – перебил я, прислушиваясь к тому, как хлюпает у него ботинках, так и не просохших после прошлой ночи. – ...Не те, которые выкрикивают во весь голос, а те, которые произносят самым тихим шепотом.

Дядя кивнул с довольным видом.

– Вот видишь, значит, не зря я столько с тобой бился... Кое-что ты все-таки усвоил.

Глава 41

После короткой стандартной процедуры мне все-таки разрешили сделать один телефонный звонок. Телефон Мэнди, впрочем, сразу переключился на «голосовую почту», так что мне пришлось оставить ей сообщение. Еще через несколько минут нас отвели вниз и заперли в ту самую камеру, которую я уже считал своим вторым домом. Как только дверь за нами закрылась, я подошел к своей мемориальной стене, достал из кармана четвертак и, тщательно зачеркнув слово «дважды», нацарапал чуть ниже большими печатными буквами: «трижды».

Мэнди приехала минут через пятнадцать. Из нагрудного кармана ее рубашки торчал цифровой диктофон. Усевшись на табурет напротив решетчатой двери камеры, она скрестила руки и ноги и, слегка приподняв брови, проговорила:

– Вы оба, как я погляжу, даром время не теряли.

Я собирался ответить, но дядя меня опередил. Откинувшись на койке, он набрал полную грудь воздуха и слегка прикрыл глаза.

– Джек всегда любил риск, азарт, – начал он. – И нельзя сказать, чтобы он это качество приобрел – скорее уж эта особенность была встроена прямо в его ДНК. Когда мы были молодыми, мы часто шутили по этому поводу. Потом мы стали старше, и то, что когда-то было просто хобби, превратилось в зависимость. В ту ночь, когда разразился торнадо, я был уверен, что Джек сидит в клубе с карточной колодой в руках, но... В общем... – Он открыл глаза и посмотрел на Мэнди. – Разве вы еще нас отсюда не вытащили? – спросил дядя.

– А вы разве торопитесь? – парировала она.

Дядя кивнул и посмотрел на меня.

– Да, тороплюсь. Впервые за много, много лет.

– Почему же раньше не торопились?

Дядя откусил сломанный ноготь и выплюнул его на пол.

– Пытался набраться мужества.

Мэнди рассмеялась.

– Долго пытались?

– Почти три десятка лет.

В коридоре появилась тетя Лорна. Она держала за руку Майки.

– Вы уже закончили? – спросила она то ли у дяди, то ли у Мэнди.

Я почувствовал, что этот словесный пинг-понг начинает меня не на шутку раздражать.

– Сегодня вы все почему-то решили говорить загадками, – сказал я. – Я, во всяком случае, ничего не понимаю.

Лорна протянула Мэнди какую-то квитанцию.

– Пять тысяч долларов. – Она взглянула на дядю. – Залог нынче обходится недешево.

– Залог... – задумчиво проговорил дядя, глядя на квитанцию в ее руках. – И с ним никуда, и без него никак. И так – всю жизнь...

Как бы там ни было, через час мы снова были на улице – на ярком полуденном солнышке. Здесь Мэнди похлопала меня по плечу.

– Мне, наверное, пора возвращаться в офис. Ближе к вечеру у нас там будет жаркое дельце.

Дядя покачал головой.

– Если вы согласитесь быть моим адвокатом, вам не нужно будет никуда возвращаться.

Мэнди на мгновение задержала в руке его руку, разглядывая свежую ссадину на суставе среднего пальца.

– Знаете, мистер Макфарленд, я как-то не уверена, *хочу ли* я быть вашим адвокатом, – сказала она, но все-таки осталась.

Домой дядя повез нас через «Молочную королеву», где он заказал обед и взял каждому по порции отличного мороженого – в вафельном стаканчике и с шоколадной нашлепкой. Майки в два счета расправился с чизбургером и картошкой фри и вплотную занялся десертом. Мороженое успело подтаять и потекло у него по руке, но мальчика это, похоже, совершенно не смущало. Кажется, впервые при нем не было шахматного набора, зато улыбка, пусть и состоявшая отчасти из ванили и шоколада, почти не сходила с его лица, и это тоже стало для меня хорошей новостью.

На съезде с шоссе, в самом начале нашей подъездной дорожки, мы увидели автобус телевизионщиков, который стоял там, задрав в небо сорокафутовую раздвижную антенну. Когда мы подъехали, комментатор как раз передавал в эфир последние новости. Увидев нашу машину, он бросился к ней и сунул микрофон дяде под самый нос, но тот его проигнорировал. В следующую минуту мы медленно проехали мимо, и только Майки сначала помахал телевизионной бригаде, а потом показал на старый знак «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. КАЖДЫЙ, КТО НАРУШИТ ГРАНИЦУ УЧАСТКА, БУДЕТ ЗАСТРЕЛЕН БЕЗ...».

Притормозив у амбара, дядя велел нам подождать, а сам зашел внутрь. Из амбара он появился, неся на плече две лопаты, которыми мы

пользовались накануне. Положив их в багажник, дядя повез нас дальше – в Суту. Куда именно мы едем и зачем, знала, кроме него, наверное, только тетя Лорна, но она молчала. Ни я, ни Мэнди тоже не задавали вопросов.

На берегу Бычьего болота мы остановились. К этому времени я уже сообразил, что конечной целью нашего путешествия является Святилище, поэтому я посадил Майки на плечи и вошел в воду. Дядя, положив на каждое плечо по лопате, последовал за мной. За весь путь он так и не произнес ни слова и ничего нам не объяснил.

– Эй! – запротестовала Мэнди. – А как же я? Как я пройду здесь в юбке, да еще на каблуках?!

В ответ дядя лишь молча махнул рукой, показывая ей, куда двигаться, а тетя Лорна сказала с улыбкой:

– Потом я найду, во что вам переодеться, мисс Паркер, а сейчас – идемте. Вы обязательно должны это увидеть.

«Викки» торчала на том же самом месте, где я ее оставил. Уровень воды заметно понизился, но колеса по-прежнему оставались полностью скрыты под ее поверхностью, а в салоне стояла большая лужа. Проходя мимо, я любовно похлопал машину по бамперу:

– Держись, девочка. Я обязательно вернусь.

Пока мы пересекали ручей, дядя обогнал меня на несколько шагов и первым вступил в Святилище Элсуорта. К тому моменту, когда мы добрались до семейного кладбища Макфарлендов, его плечи поникли, словно каждая лопата весила как минимум тонну.

Ссадив Майки на землю, я подошел к дяде, который остановился у могилы сына. Справа от нас высился могильный холмик Томми: вчерашний ливень размыл рыхлую землю, так что наверху показалось несколько мелких камней и комков глины. Когда земля немного осядет и уплотнится, подумал я, мы привезем сюда гранитную плиту со словами: «Моей Дульсинее...» Дядя посмотрел на меня. Его правая щека слегка подергивалась, а глаза как-то странно блестели. Он молчал, я тоже не знал, что сказать и нужно ли вообще говорить. Так мы простояли несколько минут, пока тетя Лорна не тронула его за плечо.

– Лайам...

Дядя кивнул, облизал побелевшие губы и прошептал:

– Ну что, проверим, из какого теста ты слеплен?

– Что-что? – переспросил я, и он шагнул ближе.

– Я сказал – проверим, из какого ты теста?

– Что это значит, дядя? Я не понимаю!

Он ткнул мне твердым пальцем в грудь.

– Больше не называй меня дядей. Никогда. Я больше не хочу быть твоим дядей! – Он сунул мне в руки лопату. – Копай!

Я удивленно посмотрел себе под ноги.

– Копать? Где?!

– Тут. – И, не прибавив больше ни слова, он с размаха вонзил лопату в едва заметный холмик над могилой сына.

– Ты с ума сошел! – воскликнул я. – Я не буду копать здесь !

Но дядя не обратил на мои слова никакого внимания. Он просто продолжал копать. Минут через десять он погрузился в землю уже по щиколотку и останавливаться не собирался. В растерянности я взглянул на Мэнди. В ответ она пожала плечами и произнесла одними губами:

– Копай.

Майки уселся прямо на землю. Он с любопытством наблюдал за нами, зажав под мышкой свой блокнот.

Я тоже пожал плечами, потом воткнул в землю свою лопату и нажал на нее ногой. Земля была мягкой и поддавалась без особых усилий, и все равно через час, выкопав яму, которая была нам по грудь, мы оба основательно выдохлись, а дядя даже снял ковбойку – совершенно правильное решение, поскольку со вчерашнего дня он так и не переоделся и от рубашки уже начинало попахивать.

Еще через полчаса работы я сказал:

– Знаешь, в наших краях могилы обычно заливают бетоном.

Дядя даже не поднял головы.

– Обычно, но не всегда, – отозвался он.

Через несколько минут моя лопата действительно ударилась о что-то деревянное. Услышав этот характерный тупой звук, дядя отшвырнул свою лопату и, опустившись на колени, принялся выгребать землю руками. Когда мы наконец расчистили крышку гроба, он встал на нее обеими ногами (из ямы при этом торчали только его голова и плечи), вытер рукой вспотевший лоб и поглубже вдохнул солоноватый воздух. Потом, не сказав нам ни слова, он наклонился, взялся за ручку и почти без труда поднял верхнюю половину крышки. Я невольно зажмурился, ожидая услышать свист воздуха, который должен был устремиться в гроб, как только была нарушена его герметичность, но ничего не произошло. Тем не менее открывать глаза я не спешил – мне вовсе не хотелось увидеть ни изъеденное червями тело, ни мешок с выбеленными временем костями. Потом мне пришло в голову, что стоять с закрытыми глазами глупо, я медленно поднял веки и увидел, что Майки и Мэнди с любопытством заглядывают в яму, рискуя в нее свалиться. Только тетя Лорна по-прежнему

стояла чуть поодаль и пристально смотрела на меня.

Дядя перевел дух и, подперев крышку черенком лопаты, опустился на колени и вынул из щели зеленый мусорный пакет, в несколько слоев замотанный клейкой лентой. Своей прямоугольной формой и размерами пакет напоминал портативный контейнер-охладитель «Иглу», разве что был чуть пониже. Выбравшись из ямы, дядя поставил его перед собой и, усевшись по-турецки, принялся шарить по карманам в поисках ножа. Майки, догадавшись, что он ищет, достал свой «Барлоу». Открыв меньшее из двух лезвий, он протянул его дяде рукояткой вперед.

Дядя взял нож, разрезал ленту и снял пакет, внутри которого оказался самый обычный пластиковый контейнер для хранения продуктов. Открыв защелки и сняв крышку, дядя вынул из контейнера какой-то предмет размером с канцелярскую папку-скоросшиватель и толщиной не меньше трех дюймов, также упакованный в пластик и замотанный лентой. С помощью все того же ножа он разрезал упаковку, которая состояла из нескольких слоев пленки и была не меньше дюйма толщиной. Похоже, что бы ни хранилось в контейнере, оно было защищено от воды и сырости настолько надежно, насколько это вообще возможно сделать при помощи столь простых подручных средств.

Под нашими любопытными взглядами дядя не спеша удалил остатки пластиковой пленки. В руках у него оказался старинного вида бювар, набитый слегка пожелтевшими, но совершенно сухими бумагами.

Мы терпеливо ждали объяснений. Майки и вовсе настолько заинтересовался происходящим, что сел рядом с дядей на землю и теперь заглядывал ему через плечо, но дядя смотрел куда-то вверх, в кроны деревьев, и только слегка шевелил губами, словно хотел, но никак не мог сказать что-то важное.

Наконец Майки повернулся и, слегка наклонившись, заглянул в могилу в поисках тела, но гроб был пуст. Убедившись, что мумия не восстанет из земли, чтобы расправиться с теми, кто нарушил ее покой, мальчик слегка потянул дядю за штанину и вопросительно приподнял брови.

Дядя словно очнулся. Утвердительно кивнув, он показал куда-то в направлении ручья и сказал:

– Ты прав, сынок, тела в гробу нет. Много лет назад я утопил его вон там.

После этого неожиданного заявления мы все ненадолго оцепенели. Я первым пришел в себя и спросил:

– Ты бросил в реку тело собственного сына?!

Дядя покачал головой и посмотрел на меня так, будто это не он, а я

сошел с ума.

– Разумеется, нет.

– В таком случае чей труп ты утопил в ручье?

Он пожал плечами.

– Почему я знаю? Я не был с ним знаком, к тому же он все равно был мертв.

При этих словах лицо Мэнди стало белым, как мука.

– Похоже, мистер Макфарленд, вам все-таки понадобится адвокат, – проговорила она. – Очень хороший адвокат.

Дядя не обратил на нее внимания.

– Когда меня привезли на опознание в морг и отдернули простыню, я сразу понял, что это не он – не мой сын... Этот несчастный парнишка действительно был на него похож, причем *очень* похож, но, даже несмотря на страшные ожоги, я был абсолютно уверен, что это не может быть мой сын.

– Почему ты был уверен?

Дядя широко улыбнулся.

– По ушам. У этого парня были округлые, выделенные мочки ушей, а у моего сына – сросшиеся.

Мэнди пристально посмотрела на меня, потом на него. Майки поднял обе руки и принялся ощупывать свои уши.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я. Я действительно не понимал.

Дядя взял двумя пальцами за свое собственное ухо и слегка оттянул.

– Смотри. Выделенные мочки как бы болтаются, а сросшиеся переходят непосредственно в линию подбородка. Ну, примерно, как ручка кофейника...

– Тогда... тогда чье это было тело?

– Да откуда мне знать? – Дядя пожал плечами. – Я знал об этом парне только одно – я его не убивал. А самое главное, раз это был чужой ребенок, значит, я мог надеяться, что мой собственный сын еще жив.

Я вспомнил, как беседовал с водителем тюремного грузовика, который вез дядю в тюрьму после похорон. Он сказал мне, что дядя был тогда как будто немного не в себе, но особо опечаленным не выглядел. И он *не* плакал. Ни тогда, ни потом я так и не понял, что означает это отсутствие слез. Тот дядя, которого я знал, рыдал бы по своему погибшему сыну в три ручья.

– Почему же ты никому ничего не сказал?

– А зачем? – Дядя посмотрел на меня так, словно разговаривал с умственно отсталым ребенком. – Чего бы я этим добился? Да, мне было

жаль и погибшего паренька, и тех, кто мог его разыскивать, но, немного поразмыслив, я решил, что у него вряд ли остались родственники. Я сразу догадался, что умер он задолго до того, как его пытались сжечь, но говорить об этом не стал. Если бы я проболтался, тот, кто похитил моего сына, сразу бы понял: я знаю, что тело в морге не имеет ко мне никакого отношения. И наоборот – если мой сын был еще жив, мое молчание могло помочь ему уцелеть.

Я покачал головой.

– А что, если... что, если твой сын жив *до сих пор* ?

– Он жив, – ответил дядя без малейшего сомнения в голосе.

– Где же он? И почему ты до сих пор не забрал его к себе? Ведь ему, наверное, больше ничто не угрожает.

Дядя посмотрел на Лорну, на Мэнди, на меня.

– Я забрал его к себе.

Тысячи вопросов закружились в моей голове.

– А как же... как же записка с требованием выкупа? Разве она была поддельной?

Дядя кивнул и улыбнулся.

– Начинаешь соображать.

– Но... как ты узнал?

– Все свое детство я провел, играя в карты с моим старшим братом. И я всегда знал, когда он блефует или собирается сблефовать.

– Ты знал – и все равно поддержал его игру?

Он снова кивнул.

Я сел и попытался вспомнить нашу жизнь, которая проносилась перед моими глазами, словно видеофильм. Понемногу я вернулся к тому, с чего все началось.

– То есть, – проговорил я, – Джек с самого начала знал: тебе известно, кто украл облигации. Ему нужно было что-то придумать, чтобы заставить тебя молчать, и тогда он... – Я посмотрел на Майки, потом на дядю. – И что же он придумал?

Дядя вынул из бювара лист плотной бумаги, потом коснулся пальцем мочки моего уха и перевел взгляд на могилу Сюзанны.

– Твоя мать хотела назвать тебя Уильям Макфарленд-младший.

Я посмотрел на бумагу. Это оказалось свидетельство о рождении. На первой строчке было написано «Уильям Уокер Макфарленд-младший» и стояла дата рождения – 31 марта 1976 года.

Пока я рассматривал документ, дядя положил руку мне на плечо и крепко прижал к себе, словно боялся, что я могу исчезнуть, раствориться,

наконец – просто оттолкнуть его и убежать.

– Однажды я сказал тебе, что принял второе, самое трудное решение в моей жизни, когда позволил властям забрать моего сына. Сделать его подопечным штата. – Он сглотнул. – Я сделал это только потому, что еще труднее мне было бы прожить жизнь, видя, как мой сын превращается в человека, которым я мог бы гордиться, и не иметь возможности сказать ему об этом. Кроме того, я не мог позволить себе потерять тебя снова. И в первый-то раз я это едва пережил. Ну и наконец, я боялся, что, когда ты вырастешь и начнешь понимать, что думают обо мне люди, кем они меня считают и какие преступления они мне приписывают, ты просто не захочешь иметь со мной никакого дела, отречешься от меня... – Дядя кивнул на свидетельство о рождении, потом привлек меня к себе так, что мы соприкоснулись лбами, и попытался усмехнуться. – В общем, я сказал твоей матери, что не хочу называть тебя Макфарлендом-младшим и что я намерен дать тебе самое дорогое, что у меня еще осталось, – свое имя. – Он заставил меня поднять голову и посмотрел мне прямо в глаза. – Я сказал ей, что мы должны назвать тебя... Лайамом.

Это имя было мне хорошо знакомо, я слышал его, наверное, тысячи раз, но впервые оно коснулось не только моего слуха, но и моей души, и заставило затрепетать сердце.

Дядя внимательно посмотрел на меня и кивнул:

– Да, Лайамом...

И оттого, что он повторил это имя, точнее, от того – *как* он его произнес, оно вдруг начало расти, увеличиваться в объеме, понемногу заполняя пустоту в моем сердце.

– Но... почему ты не?..

Он пожал плечами.

– Мне казалось – оно того не стоило.

– Не стоило? – удивился я. – Но ведь ты все потерял!

Дядя покачал головой и улыбнулся, но губы его дрожали.

– А приобрел еще больше.

– Как так?

– Ты... – Он опустил обе ладони мне на затылок и еще сильнее прижал к себе мою голову. – Ты – мое главное богатство.

– Но ведь...

– Именно ты, сын. И никто другой.

Я осекся на полуслове и посмотрел на него. Сын... Это коротенькое слово в буквальном смысле лишило меня способности говорить. Я стал так же нем, как и Майки.

– А знаешь почему?.. – Дядя набрал в легкие побольше воздуха и шутливо ткнул меня пальцем в ребра. – Потому что нет никого и ничего... дороже тебя.

Сын... Впервые в жизни я слышал это слово, обращенное ко мне. Нет, дядя частенько называл меня «сынок», но это было другое. И вот теперь...

– Но, дядя... То есть не дядя, а...

Он поднял палец вверх, призывая меня к молчанию.

– Перед тем как меня приговорили к сорока семи годам, Джек предъявил отцовское завещание, которое, как я точно знал, было фальшивым.

– Откуда ты знал?

Дядя снова полез в бювар.

– Потому что у меня был экземпляр подлинного завещания. – С этими словами он достал еще один документ, на этот раз – на нескольких листах. – В тот последний вечер Элсуорт пригласил Перри Кеннера к себе домой именно из-за него. Вот, взгляни сам... – Дядя протянул мне завещание. – Папа не доверял Джеку. Нет, он любил его не меньше, чем меня, и в то же время он прекрасно видел, что мой брат – человек недобрый, эгоистичный и жестокий – «без пяти минут готовый мерзавец», как он иногда говорил. Согласно завещанию, которое папа написал еще в шестидесятых, после его смерти все имущество должно было быть поделено поровну между нами двоими, однако впоследствии он сделал к нему важное дополнение, по которому право распоряжаться банком, лесозаготовительной компанией и землей должно было перейти ко мне, младшему брату. В завещании, которое предъявил Джек, этого дополнения не было: папа сам рассказал мне о нем за считанные дни до своей гибели. Он давно понял, что его старший сын не сумеет, да и не захочет управлять банком и Сутой так, как ему этого хотелось, и, уж конечно, ни папа, ни я не предполагали, что Джек решится на убийство, лишь бы иметь возможность распорядиться богатством по-своему. Как все произошло на самом деле, я до сих пор не знаю. Наверное, Джек случайно наткнулся на отца и Перри, когда они обсуждали дополнение к завещанию. Как только они все ему рассказали, Джек застрелил обоих – а заодно и Сюзанну, которая, должно быть, прибежала, услышав выстрелы. Потом он уехал, предварительно вложив пистолет в руку Перри. Я думаю, что облигации Джек украл вскоре после того, как мы с этим субчиком Джеймсом Брауном выбрались из хранилища, – просто проник туда через подземный ход и взял все, что ему было нужно.

– А как насчет...

– Не спеши. Дай мне рассказать все по порядку. Как только меня выпустили из тюрьмы, я вернулся домой и начал разыскивать тебя. Я старался действовать скрытно, чтобы никто ни о чем не догадался, и это чертовски замедляло поиски, но другого выхода у меня не было. С самого начала я знал, что Джек чего-то недоговаривает, поэтому в течение нескольких месяцев я чуть не каждый день пробирался по дренажной трубе в подвал, а оттуда – в вентиляционный ход, который заканчивался у него под столом. Я часами сидел там и слушал, и однажды Джек проговорился. Ему кто-то позвонил, и он сказал, мол, нужно отвезти мальчишку подальше на запад, где его следы наверняка затеряются. Как только Джек вышел, я открыл люк, пробрался в кабинет, нажал кнопку вызова последнего позвонившего абонента и немного поболтал с человеком, который взял трубку на другом конце. Через пять минут я уже знал, где тебя искать. Это был мой второй большой успех.

– А первый? – подала голос Мэнди, которая все это время молчала.

Дядя посмотрел на нее, потом перевел взгляд на жену.

– Первым было мое помилование. Много лет назад Лорна работала экономкой в особняке губернатора штата. В частности, она отвечала за гостевой домик, и поэтому ей частенько выпадали ночные смены: как выяснилось, наш губернатор принимал гостей гораздо чаще, чем было известно его жене. Он даже пытался подбивать клинья к самой Лорне, но она ему отказала, и тогда губернатор пригрозил ее уволить. Понимая, что после такого «увольнения» ей будет очень нелегко найти новую нормальную работу, Лорна потихоньку сделала несколько очень любопытных снимков и положила их в депозитный сейф в надежном банке. Спустя какое-то время она уволилась по собственному желанию и перешла на работу в Департамент исправительных учреждений – там, как ей стало известно, платили премии, да и пенсия была достаточно высокой. О фотографиях Лорна рассказала мне только после того, как я просидел два года... – Дядя с любовью взглянул на жену. – До сих пор не понимаю, что заставило ее вытащить те снимки на свет божий! Лорна сделала с них несколько копий и отослала губернатору, приложив к ним очень вежливое письмо, в котором просто и доходчиво объясняла, почему Уильяма Макфарленда следует помиловать как можно скорее.

– И почему? – машинально спросил я, глядя на тетю Лорну.

– Да потому, что Лорна пообещала, что пошлет снимки и жене губернатора, и в редакции самых влиятельных газет штата, – пояснил дядя, а его жена слегка улыбнулась и неопределенно повела плечами.

– И вот, не успел я оглянуться, – продолжал дядя, – как тот же самый

здоровяк-надзиратель, который меня постоянно донимал, отпер дверь моей камеры и вывел меня на свежий воздух. – Он рассмеялся. – Между прочим, негативы тех фотографий до сих пор у нас.

Мэнди покачала головой.

– Это действительно вышло удачно, но...

– Мне давно казалось, что я заслуживаю хотя бы небольшого везения, – серьезно сказал дядя и, ласково посмотрев на меня, добавил: – Когда ты вырос достаточно большим и я мог быть уверен, что Джек ничего с тобой не сделает, даже если узнает, что ты – это ты, я попытался открыть тебе правду... Я пытался сделать это, наверное, тысячу раз. Человек должен знать, кто он и откуда, и это был мой долг – рассказать тебе все, но... Ты постоянно видел, как люди плюют на меня на улице, как они выкрикивают оскорбления, называя меня вором и убийцей, и... В общем, я решил, что, быть может, мне следует и дальше скрывать наши с тобой родственные отношения... ну или хотя бы не выставлять их напоказ. А потом мне вдруг стало страшно. Я боялся, что, как только ты все узнаешь, ты разозлишься на меня и уедешь куда-то очень далеко – уедешь навсегда, и я тебя больше не увижу.

– Я отнюдь не уверена, – снова вмешалась Мэнди, – что в суде эта история встретит сочувствие и понимание.

Дядя покачал головой.

– А я не собираюсь идти с этим в суд.

– Это почему же? – прищурилась Мэнди.

– У меня нет доказательств.

– А это? – Она кивнула в сторону бювара с документами.

Прежде чем ответить, дядя посмотрел на меня, на Лорну и, наконец, на Майки. Пересадив мальчика к себе на колени, он сказал:

– Все, что мне нужно, у меня уже есть. Зачем мне больше?

– Но не можем же мы допустить, чтобы это сошло ему с рук!

– Мэнди, дорогая...

– Неужели вы надеетесь, – добавила Мэнди своим «прокурорским» тоном, – что Джек Макфарленд просто забудет, как сегодня утром вы ворвались к нему в кабинет и... и «зверски избили»?

– Если он почему-то не захочет забыть, тогда я покажу ему вот это... – Дядя повернулся к тете Лорне, и она вложила ему в руку конверт, который он тут же протянул мне.

– Томми просила отдать это тебе.

Подсунув палец под клапан, я вскрыл конверт и вынул оттуда единственный листок бумаги.

Дядя неожиданно расхохотался.

– Хотел бы я посмотреть на рожу Джека, когда ты явишься на ближайшее собрание пайщиков! Держу пари, он просто обос...ется от злости. – Он посмотрел на Майки и зажал ему уши ладонями. – Извини, приятель, случайно вырвалось. Тебе еще рано знать такие слова.

В ответ мальчуган улыбнулся с таким видом, словно ему только что удалось проникнуть в одну из важнейших и наиболее строго охраняемых тайн взрослой жизни.

Я поднес бумагу к глазам и стал читать вслух:

– «Последняя воля Томми Линн Макфарленд. Я, нижеподписавшаяся Томми Линн Макфарленд, будучи в трезвом уме и твердой памяти, предвижу свою скорую кончину от неизлечимой болезни и завещаю все свое движимое и недвижимое имущество, которым я владею на основании закона, моему двоюродному брату, который вплоть до недавнего времени был известен как Чарльз (Чейз) Уокер и который в ближайшем будущем примет имя Лайама Уокера Макфарленда-младшего».

Чуть ниже этого текста стояли подпись и печать нотариуса, которого я не знал, а также подписи свидетелей – дяди и тети Лорны. В самом низу Томми приписала от руки:

«Чейз-Лайам! Сходи в банк Джека, в депозитное хранилище, и возьми то, что лежит в ячейке № 1978 («говорящий» попался номерок, верно?). Ключ от ячейки я тебе уже отдала. Бумаги, которые ты там найдешь, могут тебе очень пригодиться. Забери их ОБЯЗАТЕЛЬНО!!! В конце концов, ты передо мной в долгу – ты сам это много раз говорил. Так вот, ты сможешь сполна со мной расплатиться, когда возьмешь документы. Любящая тебя Томми ».

Не в силах поверить собственным глазам, я перечитал письмо еще раз.

– Она знала? Ну, насчет нас с тобой? – спросил я у дяди.

Он кивнул.

– Томми догадалась уже давно. Она говорила, что у нас с тобой одинаковые глаза.

– Почему же она ничего мне не сказала?

– Потому что я просил ее не говорить.

Я задумался, пытаюсь вспомнить все, что запомнилось мне из нашей совместной жизни.

– Да, это многое объясняет... – проговорил я наконец.

Дядя заглянул в завещание, которое я по-прежнему сжимал в руке.

– Джек, разумеется, попробует его оспорить, хотя он не может не понимать, что у тебя на руках – полный флеш рояль.

– Мне казалось – ты говорил, что не любишь играть в карты, – перебил я.

– Не люблю, – подтвердил дядя. – Но это не значит, что не умею. – Он покачал головой. – Вот же как бывает в жизни!.. Ведь именно Джек когда-то научил меня всем премудростям покера!

Отложив в сторону завещание Томми, я как раз разглядывал свое свидетельство о рождении, когда мне в глаза бросилось одно несоответствие в датах. Сделав быстрый подсчет, я показал документ дяде:

– То есть на самом деле мне не двадцать восемь лет, а тридцать?

– Так и есть.

– Похоже, я только что потерял два года жизни, – пробормотал я.

Он взглянул на меня немного исподлобья.

– Ты на меня сердисься?

– Ты имеешь в виду – за то, что я прожил столько лет, не зная, кто я и кто мои родители... и за то, что все это время ты знал, но продолжал молчать? – Я окинул взглядом тесно стоящие вокруг деревья Святылища, могилу Томми, черную воду бывшего Бычьего болота, которая медленно, почти незаметно для глаза, текла к океану, и... покачал головой. – Большую часть жизни, – сказал я, – я провел, глядя на нашу подъездную дорожку в надежде увидеть вдалеке свет фар свернувшего с шоссе автомобиля. Я представлял, как подъедет к дому мой родной отец, как он выпрыгнет из кабины внедорожника с привязанным к багажнику новеньким блестящим велосипедом и заберет меня домой, но каждый раз, когда я рисовал себе эту картину достаточно долго, я начинал замечать, что у моего отца – твои глаза и твое лицо.

Дядя – то есть теперь уже не дядя, а мой отец – низко опустил голову, и слезы, струившиеся из его глаз, закапали на жирную черную землю.

Наконец мы поднялись с земли и под неумолчный шорох листвы созданного Элсуортом Святылища тронулись в обратный путь. Майки шагал рядом с человеком, который с самого начала был моим отцом, и держал его за руку. Внезапно он остановился, потянул его за руку, и дядя присел перед ним на корточки. Мальчуган мучительно сморщился, на его переносице появилась морщинка, а губы судорожно скривились. На покрасневшей шее набухла синеватая вена, плечи напряженно приподнялись. Я смотрел на эту вену и видел, каким частым стал его пульс. Майки посмотрел на Лорну, на Мэнди, на меня, на большую мозолистую руку, которую он так и не выпустил.

– М-м-м-ы-ы... – услышал я тихий, похожий на нежное мычание новорожденного теленка звук. – М-м-м-ы-ы... – Мальчуган перевел дух и проговорил медленно, но достаточно отчетливо: – М-мы те-э-перь се-емья?

Дядя одним движением обхватил худенькое тело мальчика и, выпрямившись во весь рост, крепко прижал к груди. Крепко обнимая Майки, он засмеялся тихим счастливым смехом солдата, который вернулся с войны домой и увидел, что на крыльцо высыпала вся его семья и что к каждому деревцу на подъездной дорожке привязана яркая желтая ленточка[80].

В конце концов дяде все же удалось справиться со своими чувствами.

– Да! – радостно воскликнул он. – Мы – семья! – И, закинув мальчишку на плечо, точно мешок с картошкой, он пощекотал ему ребра. – Так и запиши у себя в блокноте!

И дядя снова рассмеялся, на этот раз – глубоко и раскатисто.

– Ты умеешь говорить? – удивленно спросила Мэнди у мальчика.

Повиснув у дяди на плече, он все же ухитрился пожать плечами, и Мэнди задорно подбоченилась.

– Почему же ты раньше не говорил?

– Н-не хотел.

Потом я пересадил Майки к себе на плечи и первым двинулся вброд через ручей и озеро. Мальчуган то несильно тянул меня за уши, направляя в одну или в другую сторону, то пытался ловить светляков, с гудением вившихся над его головой. Когда вода дошла мне до живота, я вдруг понял, что произошло. После целой жизни, проведенной в неведении, я наконец узнал, кто я такой, узнал свою историю.

На такое способна только любовь, которая дает имена безымянным и делает немых говорящими.

Глава 42

Я сидел в своем кабинете и просматривал уже готовую статью, когда ко мне заглянул Ред.

– Ты закончил? – спросил он.

Я сохранил написанное, вывел статью на принтер и протянул ему. Встав возле выходящего на тюрьму окна, Ред начал читать. Закончив, он снова повернулся ко мне и положил статью на стол.

– Джек знает?

– Пока нет.

Ред неожиданно рассмеялся.

– Хорошенький сюрпризец вы ему приготовили, ничего не скажешь!

– И это еще не все, – сказал я.

Он приподнял брови.

– А как поживает другая твоя статья?

– Которая?

– Та, над которой ты работал столько лет.

– Мне по-прежнему кое-чего не хватает.

– Ну хоть догадки какие-то есть?

Я пожал плечами.

– Мне кажется, я знаю, что произошло. Я просто не могу этого доказать.

Ред вышел в коридор и уже оттуда велел:

– Продолжай копать.

Я перевел компьютер в спящий режим и схватил со стола ключи от машины.

– Куда это ты собрался?

– Хочу свозить младшего братишку на рыбалку... – пояснил я. – Ну или что-то вроде того.

– Надеешься на хорошую добычу?

– Да. – Я кивнул. – Как минимум это будет моя «Викки».

* * *

Решение суда, запрещающее мне приближаться к банку дяди Джека, продолжало действовать, поэтому Мэнди пришлось обратиться к судье за

специальным разрешением. Уж не знаю, какие аргументы она приводила, однако судья Такстон довольно быстро удовлетворила ее просьбу, выписав специальный ордер, в котором в качестве основного условия было указано: в банк я могу войти только в сопровождении Мэнди. Сейчас она и Майки, ставший за прошедшие дни моей тенью, ждали меня внизу. Мэнди была в строгом деловом костюме; на мальчишке были шлепанцы, обрезанные джинсы и футболка с эмблемой «Бульдогов Джорджии», которая когда-то принадлежала Томми.

Я присел перед ним на корточки.

– Отличный прикид, приятель.

Майки просиял и с легкостью забрался ко мне на спину, после чего мы двинулись в путь. Все еще таща его на закорках, я вошел в банк, где нас встретили дежурный администратор, хранивший непроницаемое выражение лица, и тот самый полицейский, который уже дважды арестовывал меня. Не поздоровавшись и даже не предложив нам кофе, администратор провел нас по коридору в отдельную комнату, примыкавшую к высокотехнологичному хранилищу банка. Там я назвал управляющему номер 1978, он принес запертую сейфовую ячейку, и мы по очереди вставили в замки каждый свой ключ. После этого, так и не сказав ни слова, администратор удалился, плотно прикрыв за собой дверь, а я открыл крышку ячейки, вынул оттуда пачку бумаг и разложил их на столе. Бумаги были старые, пожелтевшие, но от них все еще пахло духами Томми, и я невольно подумал о том, что каждую из них она когда-то держала в руках. Большинство бумаг представляли собой депозитные квитанции и сертификаты, датированные восьмидесятыми годами прошлого, XX века. Несколько квитанций были выписаны крупной брокерской фирмой из Нового Орлеана, а остальные – офшорным банком, расположенным на Багамах. Суммы, проставленные в документах, впечатляли. Снова и снова я перечитывал одну из квитанций, пока – примерно на третий или четвертый раз – не понял, о какой именно операции идет речь.

– Ни хре... – Я покосился на Майки и поправился: – Ничего себе!

Мэнди, склонившись над столом, рассматривала квитанции и сертификаты вместе со мной. Томми рассортировала документы по датам, поэтому я заново разложил их на столе уже в хронологическом порядке, пытаясь охватить всю картину. На сей раз ни мне, ни Мэнди не потребовалось на это слишком много времени.

Глаза Мэнди округлились, а рот слегка приоткрылся.

– Подумать только, что все это столько лет хранилось у него под самым носом! Эти документы его уничтожат. Хотела бы я знать, как Томми

их заполучила?

Если и существовала такая вещь, как «бумажный след», то именно он был сейчас перед нами. Письменные свидетельства, подлинные документы, являющиеся одновременно неопровержимыми уликами.

– Трудно сказать. Впрочем, Томми могла пролезть куда угодно. – Я взглянул на разложенные передо мной недостающие фрагменты головоломки, мысленно завершая последнюю главу статьи, которую писал большую часть жизни.

На самом дне ячейки, под документами, я нашел две фотографии. На одной из них была Томми, снятая в старшей школе. Стоя между дядей и мной, она крепко обнимала нас за плечи. Именно такой я хотел бы ее запомнить, и она наверняка это знала. Второй снимок был сделан первого августа на нашем заднем крыльце – в тот самый день, когда Майки получил первый в своей жизни «деньрожденный» пирог. Тогда нас всех «щелкнула» тетя Лорна – на память. На фото дядя и я стояли, а Томми сидела у наших ног и обнимала мальчугана, рот которого все еще был испачкан глазурью. Даже на этом любительском снимке волосы Томми казались тусклыми и редкими, темные глаза ввалились, а лоб пересекали едва различимые морщинки страдания. Внимательно разглядывая фотографию, я заметил то, на что не обратил внимания тогда: вдоль подола ее футболки было мелкими буквами написано: «Американская девчонка». Сзади к снимку был прилеплен желтый стикер, на котором Томми написала: «Трое мужчин, которыми я восхищаюсь... они успели вскочить на последний поезд до побережья»[\[81\]](#).

И вновь я словно наяву услышал ее голос, увидел лукавую, озорную улыбку и серьезный взгляд, устремленный в бесконечность.

Я держал фотографию перед собой, пока она не стала расплываться, а в боку не закололо от острого спазма. Заметив мое состояние, Мэнди тихо взяла меня за руку, успокаивая и даря утешение. Слова были не нужны – мы прекрасно поняли друг друга.

Майки тоже молчал, хотя его взгляд то и дело перебегал с фотографии на меня и обратно. Впрочем, говорить ему все еще было трудно, хотя он усердно практиковался. Каждый раз, когда он собирался что-нибудь сказать, его лицо багровело от усилий, а губы слегка шевелились, словно пытаюсь вспомнить, как произносятся самые обычные слова. Вот и сейчас мальчик покраснел, точно атлет, пытающийся рвануть четырехсотфунтовую штангу, однако, когда он заговорил, я едва расслышал его хриплый, похожий на шепот голос:

– Ты б-без нее скучаеш-шь?

– Да. Очень.

Майки хотел добавить что-то еще, но вместо этого взял у меня фотографию, постучал себя по груди и широко улыбнулся.

Я хорошо умею обращаться со словами – этим я зарабатываю себе на жизнь, и все же слова далеко не всегда способны выразить то, что необходимо сказать. Этому научил меня немой мальчишка-сирота. Впрочем, уже не немой и не сирота...

Снимок я бережно спрятал в карман рубашки, квитанции сложил в ячейку и запер, а ключ повесил обратно на шею.

– Пусть Джек побережет их для нас до тех пор, пока в город не приедут следователи ФБР, – сказал я.

Мэнди согласно кивнула, потом отодвинула от себя сейфовую ячейку и откинулась назад.

– Какая ирония! – заметила она.

– Да, – согласился я. – Но так иногда бывает: то, что тебе нужнее всего, часто оказывается у тебя под самым носом.

Вызвав администратора, чтобы он отнес драгоценную ячейку обратно в хранилище, мы направились к выходу. На этот раз я держал Майки за руку, и его резиновые сандалии громко шлепали по отполированному мраморному полу. На улице мы полной грудью вдохнули теплый сентябрьский ветер, который прилетел к нам через океан откуда-то из Средиземноморья или, возможно, из самой Африки. По пути он пронесся над прибрежными болотами, напился их солоновато-горьким ароматом, и теперь врывавшийся в наши легкие воздух пах домом и будил в памяти самые дорогие воспоминания.

ДЖОН ДОУ № 117 НАШЕЛ СВОЙ ДОМ

На этой неделе ребенок-сирота, известный читателям под именем Джон Доу № 117, присвоенным ему компьютером Социальной службы, был официально усыновлен Уильямом и Лорной Макфарленд – семейной парой, проживающей в пригороде Брансуика. С помощью независимого дознавателя власти штата установили, что Джон Доу № 117 является подкидышем, брошенным собственными родителями вскоре после рождения. Пять лет назад в суде Атланты родители мальчика были заочно лишены родительских прав, после чего ребенок был отправлен в государственный приют с целью дальнейшего усыновления или передачи на воспитание в приемную семью. В приюте мальчик получил свое первое имя – там его звали Стюарт Смок.

Два года назад маленького Стюарта взяла на воспитание мисс Соня

Бекерс, работавшая санитаркой в доме для престарелых «Седар-Лейкс». Вскоре после этого Соня и ребенок бесследно исчезли и объявились вновь только три месяца назад, когда мисс Бекерс бросила ребенка на железнодорожном переезде за несколько мгновений до того, как ее машину протаранил товарный поезд. Вероятнее всего, это был несчастный случай, так как на месте трагедии так и не было обнаружено записки, какие обычно оставляют самоубийцы.

После этого Стюарт был помещен в приют Брансуика, а затем передан на попечение семьи Макфарленд до тех пор, пока Служба защиты детей не подберет для него постоянную приемную семью.

На прошлой неделе мистер и миссис Макфарленд подали в судебные органы заявление с просьбой об усыновлении ребенка, находящегося на их временном попечении. Вчера суд удовлетворил их ходатайство. По просьбе ребенка суд также изменил его имя – теперь Джон Доу № 117 будет официально именоваться во всех документах Томми Чейз Макфарленд. Впрочем, дома его будут называть просто Тич – это имя мальчик назвал сам, когда его спросила об этом судья Такстон.

Мы поинтересовались у пятидесятипятилетнего мистера Макфарленда, что заставило его усыновить ребенка в столь немолодом возрасте. «Каждый ребенок, – сказал нам мистер Макфарленд, – рождается с небольшой дырочкой в сердце. И если его отец не сумеет ее заполнить, эта дыра растет и превращается в постоянно ноющую глубокую рану, в пустоту, которую ребенок старается заполнить всеми силами и всеми способами – главным образом, такими, которые способны причинить ему больше вреда, чем пользы».

«Бог свидетель, я уже не молод, – добавил мистер Макфарленд. – Больше того, в своей жизни я совершил немало ошибок, но... Все же я не настолько стар, и я думаю – мне еще по силам заполнить пустоту в сердце этого мальчишки. Быть может, он и не произошел от моих чресел, но он стал частью моей души. И я полагаю, что этого вполне достаточно».

Двадцать лет назад мистер и миссис Макфарленд уже становились приемными родителями. Тогда они взяли к себе в дом семилетнего Чейза Уокера, так же, как и Тич, находившегося на попечении штата. Когда мы спросили мистера Макфарленда, почему в свое время он не усыновил Чейза, наш собеседник покачал головой, улыбнулся и ответил:

«Кто же усыновляет собственного сына?»

Эпилог

С тех пор как я познакомился с ним в больнице, мой новый младший братишка успел побывать «Эй, парнем», «Сопляком», «Джоном Доу», Майки, Бадди и Стюартом, пока наконец не превратился в Тича. Его прежние имена стали теперь просто прозвищами, которыми нам приходилось пользоваться, пока мы пытались узнать его настоящее имя. Но теперь, когда мы звали его Тичем, старые имена были больше не нужны и отправились на помойку как старые, изношенные носки, которые уже не починить. Новое имя сидело на нем ладно, как сшитая точно по росту рубашка: ворот свободен, плечи не жмут, рукава не болтаются. Да и самому мальчугану это имя, похоже, нравилось, и ни ему, ни нам не пришлось к нему привыкать.

Куда сложнее оказалось заменить «дядю» на «папу». Главная трудность состояла в том, что когда я попытался это сделать, то обнаружил, что эти два слова означают для меня одно и то же.

Как-то раз, сидя на крыльце, мы с Тичем наблюдали, как Уильям Лайам Макфарленд вышел из «Салли» и направился к почтовому ящику, прибитому к столбу в тени pekanовых деревьев. Его башмаки были в глине и навозе, на рубахе проступили пятна соли, сдвинутая на затылок широкополая шляпа прикрывала шею от лучей все еще жаркого солнца. Вот он остановился возле ящика, открыл дверцу, вытащил почту – и сразу же выбросил рекламу в стоящую тут же мусорную корзину. Быстро проглядев счета, он небрежным движением сунул их в карман и не торопясь двинулся к нам.

Поднявшись на пару ступенек, дядя потрепал Тича по голове, потом взялся за козырек моей синей бейсболки и надвинул мне ее на нос.

– Уф-ф, что-то умаялся я сегодня! – выдохнул он, садясь между нами на ступеньки. Сдвинув шляпу еще дальше назад, дядя подпер щеки ладонями и стал смотреть на залитое лучами позднего солнца пастбище. – Вот, взгляни-ка... – добавил он после довольно продолжительной паузы и сунул мне в руки какую-то небольшую бумажку, которую достал из нагрудного кармана.

Это оказалась порыжевшая и выцветшая от времени, изрядно помятая фотография, сделанная, судя по всему, где-то в середине семидесятых. На снимке совсем маленький мальчик сидел на плечах молодого мужчины и,

широко улыбаясь, тянул его за правое ухо. У мужчины были модные в те годы бачки. Одна нога у него была в гипсе, и опирался он на грубый деревянный костыль. Свободной рукой мужчина придерживал мальчика за коленку, не давая ему завалиться назад.

Я поднес фото поближе к глазам. Мальчик был в маленьких ковбойских сапогах, в обрезанных джинсовых шортах и без рубашки; его худенькое тело покрывал густой летний загар. Мужчина был одет в выгоревшую джинсовую рубашку с манжетами и карманами на кнопках и в потертые расклешенные джинсы. Он тоже улыбался спокойной и счастливой улыбкой всем довольного человека. На заднем плане я разглядел какое-то кирпичное здание с темной черепичной крышей и башенкой с часами. Здание стояло в конце длинной, обсаженной деревьями дороги... Держа фотографию на вытянутой руке, я еще раз взглянул на нее, сравнивая изображение с подъездной дорожкой, которая лежала передо мной, потом перевернул снимок обратной стороной. Там было написано выцветшими чернилами: «Лайам и я, 1979 г.»

Дядя провел грязным пальцем под носом, потом вытер палец о штаны и сказал в пространство:

– Это мы сфотографировались через пару дней после того, как ты едва не погиб на путях. Ты тогда отнял у меня пятнадцать лет жизни...

Тич тихо, хрипловато засмеялся. Дядя немного помолчал, мысленно что-то подсчитывая, потом добавил:

– Да, все верно. Это произошло примерно за полгода до того, как на Брансуик обрушился торнадо и мы обнаружили, что мы больше не в Канзасе.

– И эта фотография все время была у тебя?

– Да. Она была надежно спрятана, и только иногда – в дни, когда я чувствовал себя хуже, чем змея, по которой проехался фургон с кирпичами, – я доставал ее и...

Тич улыбнулся. Я покачал головой.

– ...Я доставал ее и подолгу разглядывал. Мне нужно было напомнить себе, что я не сошел с ума и что все это было на самом деле. Я старался как можно лучше запомнить то, что изображено на этом снимке... Для меня это было как для ныряльщика – подышать чистым кислородом перед очередным погружением. – Он рассеянно цыкнул зубом, потом снял шляпу и начал разглаживать и закручивать вверх, к тулье, ее измятые, обвисшие поля. – В моей жизни бывали нелегкие времена, но я сумел пережить их благодаря этой картинке.

– А что у тебя с ногой?

Дядя машинально потер лодыжку.

– Пора бы тебе уже знать, что ни один поезд не способен остановиться мгновенно. И что у вагонов – железные колеса.

– То есть поезд тебя все-таки задел?

– Конечно, он меня задел! Иначе как, по-твоему, я успел бы отшвырнуть тебя с рельсов? Я прыгнул с платформы, думая, что я – Супермен, который спасет тебя одной левой, но ты ухитрился зацепиться за что-то штанами. Я тянул изо всех сил и почти оторвал тебя от рельсов, но тут меня зацепило метельником локомотива, и мы оба взлетели в воздух, как два вертолета.

Я попытался вызвать в памяти те давние картины.

– Почему-то я ничего об этом не помню, – произнес я наконец.

– Может быть, это и хорошо, – ответил он. – Картина была не очень приятная.

– А твоя нога... Она тебя потом беспокоила?

– Почти нет. Все зажило как на собаке, хотя теперь я могу предсказывать дождь и холода гораздо лучше, чем парень с Одиннадцатого канала.

Я снова всмотрелся в фотографию.

– А что это за здание?

– Какое? Ах, это!.. – Дядя рассмеялся. – Это старое железнодорожное депо, которое раньше стояло в конце нашей подъездной дорожки.

– Прямо здесь, на этом самом месте? – недоверчиво переспросил я.

– Угу. Правда, после нашего с тобой приключения – а ты несколько раз удирал на пути и до этого – твоя мать обратилась к городским властям с заявлением, дескать, в старом депо полно крыс, которые представляют опасность для ее семьи, и потребовала его снести. Как ни странно, его действительно разобрали довольно быстро.

– Да, теперь я понимаю. Это многое объясняет.

Папа кивнул. От него крепко пахло потом, навозом, землей – запах простого, честного человека.

– Ну и какие еще тайны ты хранил от меня три десятка лет?

Он негромко рассмеялся своим особым, глубоким смехом, который мне так нравился.

– Того, что я тебе уже рассказал, вполне достаточно для одной жизни, – сказал он, а я подумал – вот опять! Ему больно, но он смеется, и боль отступает, уходит совсем.

Потом я заметил, что Тич что-то быстро рисует в своем блокноте. Его коленки снова ходили ходуном, словно невидимый кукловод только что

проснулся после хорошего отдыха и с удвоенным рвением взялся за дело. Наклонившись к нему, мы стали смотреть, что он рисует. На листе блокнота были изображены уходящие вдаль рельсы и исчезающий за горизонтом поезд: два-три последних вагона и тающий столб дыма из паровозной трубы.

Отец опустил ладонь Тичу на затылок, потом ласково похлопал по плечу. Мальчик закрыл блокнот, сунул карандаш за ухо и опустил голову на сложенные на коленях руки, а я подумал: если только мужество передается от одного человека к другому, если оно, как рыцарский плащ, сшитый из плоти одного, ложится на плечи другого, это происходит не под звуки фанфар и не под торжественные речи. На самом деле это происходит так, как сейчас, – в спокойствии и тишине, пронизанных неслышной речью, которая наполняет душу теплом, а сердце – любовью. И хотя слова этой речи невозможно перевести ни на один человеческий язык, все мальчишки на земле всегда их понимали и понимают до сих пор.

* * *

Я уложил Тича в постель и пообещал, что завтра мы непременно пойдем на рыбалку.

– Здесь темно, – сонно прошептал он, и я включил свет в стенном шкафу, а потом вышел, прикрыв за собой дверь.

«Викки» стояла в амбаре на четырех деревянных колодах. Ездить на ней было еще нельзя, и отец разрешил мне брать «Салли». Над пастбищем сгустился мрак, и только усыпанное звездами небо было немного светлее. Наступала ночь, и первое, совсем легкое, дуновение прохладного восточного ветра ласково коснулось моего лица. Не включая фар, я медленно свернул на подъездную дорожку и остановился возле почтового ящика. Заглушив двигатель, я сложил письмо, сунул его в ящик и поднял вверх сигнальный флажок.

Ночь была так хороша, что я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, приняв запах болот и сырого тумана. Какое-то время спустя я вдруг услышал, как пара обутых в башмаки ног осторожно спустилась по ступенькам крыльца. Открыв глаза, я увидел неясный силуэт мужчины, который зигзагами бегал по пастбищу в одних штанах и размахивал над головой руками. Взмах – и рука с зажатой в кулаке звездой опускалась вниз, потом снова взмывала вверх, а в стеклянной банке, которую мужчина держал в другой руке, вспыхивал живой огонек. Какое-то время спустя рядом с мужчиной появился худой белокожий мальчишка в

поблескивавших отраженным светом очках, который, приглушенно хихикая, повторял каждое его движение.

Покачав головой, я выбрался из машины и перелез через изгородь. Следующие два часа мы как угорелые носились по лугу, наполняя живым огнем стеклянную банку в руках мальчишки.

И его душу.

«Дорогой папа!

Прости. Я искал тебя совсем не там и не так.

Твой сын Лайам» .

Это было мое первое письмо к отцу, которое я подписал собственным именем.

* * *

Еще немного о «дяде Уилли»

Мне было тогда лет восемь, а может быть, девять. Именно в этом блаженном возрасте мальчишеский пот и мальчишеская душа сочатся из одних и тех же пор.

Все мои сверстники-соседи были сплошь сорванцами и хулиганами, и я невольно тянулся за ними. Мы бросали футбольный мяч на лугу, играли в бейсбол, но чаще всего мы гоняли по округе на велосипедах, поднимая облака пыли и терроризируя добропорядочных взрослых граждан. Велосипеды-внедорожники были у всех – у всех, кроме меня. Мой велосипед, если можно его так назвать, перешел ко мне от старшей сестры и был мне мал как минимум на два размера. Кроме того, он был яркого желтого цвета и имел седло типа «банан», а с рукояток его руля свешивались длинные белые кисточки, что сразу сделало меня всеобщим посмешищем. Но хуже всего были слишком короткие шатуны и слишком низкое передаточное число, из-за чего мне приходилось крутить педали вдвое быстрее, чем любому из моих товарищей. Когда наша ватага дозором объезжала окрестности, я напрягал все силы, стараясь не отстать от остальных. Для этого мне приходилось крутить педали со скоростью хорошего вентилятора, так что со стороны мои ноги в теннисных туфлях и носках выглядели, должно быть, как какое-то размытое пятно, но я не сдавался.

Целый год я отчаянно экономил свои карманные деньги, включая даже те скромные суммы, которые приносила мне Зубная фея[82]. Я твердо

решил накопить на новый, «нормальный» велосипед, а свое старое желтое убожество сбросить с обрыва в реку. Объектом моих вожделений был «Швинн маг скремблер». Это была великолепная машина, при одном воспоминании о которой я до сих пор чувствую, как у меня по спине бегут мурашки восторга. Прочная хромомолибденовая рама, черные колеса на пяти спицах из алюминия, толстые грязевые шины с большими грунтозацепами и барабанными тормозами «Бендикс» – это было настоящее чудо во плоти или, точнее, в металле.

Проблема заключалась в том, что за год у меня в копилке набралось что-то около шестидесяти долларов, а «Скремблер» стоил сто девятнадцать. Это означало, что ждать осуществления моей мечты мне придется еще как минимум столько же времени. Надеяться я мог только на чудо, и это чудо произошло. За месяц до Рождества отец пообещал, что на праздник он удвоит мои сбережения. Я готов был целовать ему ноги.

И вот настал великий день: мы с отцом поехали в фирменный магазин «Швинн». Когда мы вошли внутрь, я показал на своего красавца. Вместе мы подкатили его к кассе, но молодой продавец не отпускал нас, пока не уговорил приобрести все имеющиеся в наличии аксессуары к моему велосипеду. В результате покупка обошлась нам гораздо дороже, поэтому я поклялся себе, что следующие три или четыре месяца обойдусь вовсе без карманных денег, но покрою разницу.

На улице отец положил велосипед в багажник, и мы поехали домой. Не удержавшись, я попросил его сделать пару кругов вокруг квартала, чтобы все мои друзья увидели торчащий из багажника лирообразно изогнутый руль с перемычкой. Возле дома мы выгрузили велик из багажника, я вкатил его в дом и прислонил к стене – ни у одного *настоящего* внедорожного велосипеда просто не могло быть такой вещи, как подножка.

Прошла неделя. Рождественским утром я проснулся еще до того, как за окнами забрезжил рассвет. Мои сестры еще продирали глаза и, всунув ноги в тапочки, спускались в гостиную, а я уже выскочил из своей комнаты в футбольном шлеме и наколенниках. Мама с папой рассмеялись, настезь распахнули входную дверь, и я медленно выкатился за порог.

В течение следующих нескольких месяцев мы только и делали, что строили наклонные ramпы, учились прыгать на велосипедах как можно дальше, гоняли без шлемов и совершали дальние поездки в места, о которых наши родители даже не слышали. Если бы меня попросили назвать слово, которое лучше всего характеризовало мой велосипед, я бы ответил, что это слово – «свобода». Именно свободу подарил мне мой железный

друг. Я часто говорю, что в детстве я жил почти как Гекльберри Финн и велосипед был важной частью этой жизни.

На велосипеде я ездил в кино, к пожарному депо, где пожарные разрешали мне спуститься по медному шесту, в кафе, где продавали такие вкусные пирожки с капустой, и в разные другие места. Когда мне нужно было подкачать шины, я отправлялся на заправочную станцию мистера Уэста, и он разрешал мне бесплатно воспользоваться воздушной колонкой.

В конце концов я все же научился «козлить», то есть ездить на заднем колесе, причем довольно долгое время. Надо сказать, что мои друзья постоянно соперничали между собой, соревнуясь, кто сумеет проехать, задрав переднее колесо в воздух, больше парковочных мест на одной из городских автостоянок. Больше пяти считалось неплохим результатом, но я в конце концов научился преодолевать сорок семь парковок!

Прошло три года. Мне исполнилось одиннадцать, и я вступил в сложный подростковый возраст.

Я понял это по тому, что начал цукать некоторых своих товарищей (*доматываться* звучит грубо, но более точно). Объяснить, почему я так поступал, я сейчас не могу. Должно быть, дело в том, что я оказался как бы посередине между жожаками и мелюзгой, поэтому, когда старшие гнобили меня, я начинал утверждаться за счет младших. Об этом я сожалею до сих пор. А ведь еще тогда отец и мать пытались мне что-то объяснить – втолковать, что надо делиться, что нужно любить ближнего, как самого себя, но мне, по-видимому, этой любви как раз и недоставало.

Однажды я вернулся из школы домой, бросил учебники в своей комнате, наскоро перекусил и, оседлав велосипед, помчался на бульвар Сан-Марко, чтобы встретиться там с моими друзьями. Я проехал по Арбор-лейн, пересек Сорренто-роуд и оказался на Балис-Плейс – в том месте, где эта улица пересекается с бульваром Сан-Марко. На аллее за кинотеатром меня остановил какой-то парень, которого я не знал и никогда не видел. Мне он показался достаточно симпатичным, во всяком случае, улыбка у него была хорошая, к тому же он носил дырявые кроссовки, что почему-то сразу меня к нему расположило. Держась за руль моего велосипеда, парень предложил рассказать мне несколько анекдотов, поэтому пару минут мы мирно беседовали. Потом он попросил у меня покататься.

Буквально за неделю до этого я сильно обидел одного своего приятеля. Подробности этого случая сейчас уже изгладились из моей памяти, но, если постараться, я, пожалуй, все же смог бы припомнить одну-две неприглядные детали. И вот когда этот парень в дырявых кроссовках

попросил у меня позволения покататься на моем велике, у меня в голове словно лампочка погасла. «Эй, – сказал я себе, – разве не об этом постоянно твердят тебе родители? Вот она – возможность проявить щедрость и любовь к этому парню в дырявых кроссовках, которого я даже не знаю! Пожалуй, подобный поступок мог бы принести мне дополнительные очки! Эх, и почему подобные вещи происходят именно тогда, когда они меня не видят?» И, соскочив с велосипеда, я сказал: «Конечно, катайся, но только здесь, рядом». И я показал пальцем, где он должен кататься.

Парень сел на велосипед и просиял так, словно я дал ему одновременно «Мунпай» и ар-си-колу. Он сделал пару кругов вокруг меня, потом – довольно неуверенно – попытался прокатиться на заднем колесе, и я сказал: «Хочешь, я покажу тебе, как это делается?» Я был уверен – Бог очень обрадуется, когда увидит, какой я добрый и бескорыстный. В ту минуту я не сомневался – я только что перевернул новую страницу своей жизни и отныне мой путь будет честным и прямым. Честное скаутское, в эти минуты я был так счастлив, как, наверное, не был еще никогда в жизни!

Тем временем парень сделал вокруг меня еще один круг – несколько более широкий. Он заехал на грунтовую дорожку и сказал что-то насчет того, как ему нравятся шины с большими грунтозацепами. «Да, они действительно проедут по любой грязи», – ответил я, и парень сделал еще один круг. Теперь он улыбался еще шире, – я видел, как сверкают его зубы и был уверен, что Небо тоже улыбается, глядя на нас. А еще через мгновение он вдруг поднялся на педалях как заправский велогонщик-экстремал и... исчез вдали. Больше я его не видел.

Еще несколько минут я стоял на том же самом месте, глядя на пустую дорогу. Потом я дошел до конца аллеи, думая, что, быть может, парень пришел в такой восторг, что заехал немного дальше, чем я ему разрешил. Потом... даже не знаю, сколько времени я простоял на этой узенькой улочке...

Домой я вернулся в слезах, не в силах поднять глаза. Как я все объясню родителям? Мама увидела меня еще издали и сразу поняла, что со мной что-то неладно. «Что случилось?» – спросила она, но я плакал так сильно, что не мог ничего ей ответить. Войдя в дом, я поднялся к себе в комнату и сел на стул, а горькие, злые слезы продолжали катиться по моему лицу. Плечи мои тряслись, из носа текло, и я вытирал его рукавом, воздуха не хватало, и я никак не мог отдышаться.

Я никак не мог понять – почему?

Почему?!

Я все сидел на стуле и просил Бога помочь мне простить этого мальчишку. Я знал, что *должен* его простить, но сам я бы этого сделать никогда не смог. Потом мама стала молиться за душу этого парня, на которую в ту минуту мне было наплевать (хотя потом я часто думал, что молиться за него было, скорее всего, правильно), а под конец попросила у Бога новый велосипед для меня, что было очень неплохо, поскольку мне казалось – к маме Бог прислушается скорее, чем ко мне.

Когда вечером вернулся домой отец, мама все ему рассказала, и я увидел на его лице боль. Не гнев, как если бы он сердился на меня или на того парня, а именно боль – глубокую родительскую боль за своего сына. Если у вас есть дети, вы знаете, о чем я говорю. Той ночью, уже лежа в постели, я просил Бога покарать вора. Мне хотелось, чтобы он как можно скорее оказался в аду – в самом жарком его месте.

Несколько недель спустя я стоял на автомобильной площадке возле нашего дома и бросал баскетбольный мяч в кольцо на столбе. Я буквально умирал со скуки, и моя ненависть к парню, укравшему мой велосипед, от этого только росла. Часов около пяти на площадку въехал автомобиль отца. Его багажник был как-то странно приоткрыт. Когда папа вышел из машины, я увидел, что его галстук свободно болтается на шее, а сам он улыбается. Он... он как будто заранее знал, что в одиннадцать лет мальчишки перерастают езду на заднем колесе, прыжки и прочие цирковые трюки и целиком отдаются чистому и беспримесному восторгу скорости. Не переставая улыбаться, папа отвязал удерживавшую крышку багажника бечевку и... выгрузил на дорожку блестящий, черный, как ночь, десятискоростной «Швинн».

Домой я вернулся, когда было уже темно. В любой другой день меня бы уже давно отправили спать, но тот день был особенным: мои глаза и мой покрытый потом и пылью лоб яснее ясного показывали, как широко вдруг раздвинулись границы моего мира.

Быть может, это прозвучит глупо, но я был уверен: этот велосипед является внешним проявлением чего-то очень большого – такого, что я только-только начал постигать.

Шли годы. Я становился старше, мои руки и ноги вытягивались, так что в конце концов я перерос мой десятискоростной «Швинн». Все эти годы я видел, что мои сверстники не ладят с отцами – ссорятся с ними, ругаются, лупят кулаками в стены, швыряют стулья или ключи. Некоторые притворялись послушными, но в разговорах с приятелями проклинали своих отцов или говорили о них пренебрежительно. Мне это казалось странным. Не хочу утверждать, будто у нас с папой не было никаких

разногласий, но разногласия – это одно, а ненависть – совершенно другое.

В семье я был единственным сыном. Теперь у меня трое сыновей, и я знаю, в чем состоит главное свойство мальчишек. Мы появляемся на свет, имея внутри некую пустоту, которую наши отцы либо заполняют собой, либо нет. В последнем случае мы, вырастая, начинаем ощущать эту пустоту все острее и пытаемся заполнить ее сами, выбирая для этого зачастую самые неподходящие вещи – пагубные привычки, болезненные склонности и нездоровые пристрастия.

Дядя Уилли появился как раз из того уголка моей души, который целиком заполнил мой родной отец. Он заполнил его тем, вторым десятискоростным велосипедом, но не только. Папа учил меня насаживать червей на крючок, тренировал мою детскую бейсбольную команду, помогал завести косилку, освещал мне фонариком дорогу в темноте, даже когда я шел позади него, а потом открыл мою первую банку пива. Он нашел меня, когда я заблудился в лесах Западной Виргинии, стоял рядом со мной, когда я женился, он... в общем, я мог бы продолжать еще долго.

На прошлой неделе моему младшему сыну Ривзу исполнилось четыре. До этого момента он катался на ржавом, с облысевшими покрышками и треснувшим седлом велосипеде, который перешел к нему от старших братьев (а это, считай, восемь лет нещадной эксплуатации!) и вдобавок побывал под колесами «Субарбана» моей жены Кристи. За неделю до дня рождения Ривза я отправился в наш местный веломагазин и, заплатив своему приятелю Скотти сто двадцать долларов, приобрел новенький, блестящий внедорожный велосипед и все примочки к нему, какие мы только смогли найти (кстати, купив эту книгу, вы заплатили за часть этого велосипеда, так что спасибо).

В день рождения Ривза я повез его в магазин. Когда Скотти выкатил велосипед из кладовой, где хранились зарезервированные покупателями товары, Ривз засиял, как тысячесвечная лампочка. В следующее мгновение он бросился ко мне, подпрыгнул и, уткнувшись лицом в мое бедро, проговорил: «Спасибо, папа!»

Прислушайтесь к этим словам. Слышите этот звук, это тихое «*Спасибо, папа!*»?.. Именно с таким звуком заполняется в душе каждого мальчишки предназначенное для отца место. Пустоту в душе собственного сына заполнил я. Главное произошло, и теперь укравший у меня велосипед парень кажется мне по сравнению с Ривзом ничтожной пылинкой, которая тридцать лет назад ненадолго села мне на рукав.

О роли отца в жизни сына можно говорить много и подробно. Изображая дядю Уилли, я пытался сказать свое слово, выразить то, что я по

этому поводу думаю. Если вы не поняли меня с первого раза, значит, вы читали невнимательно или что-то пропустили. Впрочем, мои мысли можно выразить и короче. Слова «*Потому что нет никого дорожке ...*» я вынес в эпиграф, и добавить к этому можно только одно: они в равной степени относятся и к отцам, и к их детям.

[1] «Гамильтон» – американская часовая компания (*Здесь и далее прим. перев.*).

[2] Библейский пояс – регион в Соединённых Штатах Америки, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром Библейского пояса традиционно являются южные штаты.

[3] «Нотр-Дейм» – стадион футбольной команды «Нотр-Дейм Файтинг Айриш» университета в Нотр-Дейме, Индиана. Судья-Иисус – мозаика на стене университетской библиотеки, которая видна со стадиона. На мозаике Иисус изображен с поднятыми руками – именно такой жест делает судья в американском футболе, когда одной из команд удается провести тачдаун.

[4] «Багровый прилив» – футбольная команда Алабамского университета.

[5] Пол Уильям Брайан («Медведь») – знаменитый игрок и тренер студенческих команд.

[6] «Пенсильванские пумы» – студенческая футбольная команда Пенсильванского университета.

[7] Джозеф (Джо) Патерно – игрок, а впоследствии – тренер футбольной команды.

[8] Автор ссылается на реальный случай, когда комментатор действительно сломал от волнения стул, на котором сидел.

[9] Снэп – ввод мяча в игру в американском футболе.

[10] Квотербек, ресивер – ампуа игроков в американском футболе.

- [11] Сабаль – разновидность пальмы.
- [12] «Хантер» – тип спортивной морской яхты.
- [13] «Мунпай» – популярное печенье из вафель в шоколаде с начинкой из джема или суфле.
- [14] Вилли Нельсон – американский композитор и певец, работающий в стиле кантри.
- [15] «Встреть меня на полпути» – название песни Джесси Вейр.
- [16] Брахман – порода мясных коров, выведенная в США.
- [17] Мягкая крыша типа «бикини» – автомобильный тент, накрывающий, как правило, только передние сиденья.
- [18] Энсел Адамс – американский фотограф, наиболее известный своими чёрно-белыми снимками американского Запада.
- [19] Круговая пробежка (хоум-ран) – полный пробег трех баз в бейсболе, приносящий команде нападения очко.
- [20] На самом деле – «СВАТ» (S.W.A.T.) – американский ежемесячный оружейный журнал.
- [21] Резиновый Армстронг – детская игрушка в виде человеческой фигуры.
- [22] Сан-Августин (английское название Сент-Огастин) – старейший из ныне существующих городов США, расположен на Атлантическом побережье в штате Флорида.
- [23] Чарльз Огастес Линдберг – американский лётчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку.
- [24] Юджиния Прайс (1916–1996) – американская писательница, автор исторических романов, действие которых разворачивается главным образом на американском Юге.

[25] Имеется в виду год принятия 13-й поправки к конституции США, запрещавшей рабство и принудительный труд, кроме наказания за преступление.

[26] Джонни Яблочное Семечко (Джонни Эплсид) – христианский миссионер, сельскохозяйственный энтузиаст, ставший впоследствии фольклорным персонажем. Его прозвище происходит от того, что он первым начал сажать яблони на Среднем Западе Америки.

[27] Coup de grâce означает «удар милости» – смертельный удар, наносимый поверженному противнику (или, наоборот, соратнику), чтобы избавить его от мучений.

[28] Клуб «Ротари» – отделение организации «Ротари интернэшнл». Ежегодно через такие клубы осуществляются до 30 тыс. общественно-полезных проектов.

[29] Джон Доу – условное имя, используемое в юридических документах для обозначения неизвестного или неустановленного мужчины.

[30] Джеймс (Джимми) Картер – 39-й президент США, руководил страной в 1977–1981 гг.

[31] Облигация на предъявителя – облигация, владелец которой не регистрируется в книгах учета компании-эмитента, поэтому выплаты производятся любому предъявителю сертификата облигации.

[32] «Китайские колокольчики» (также «звонник», «музыка ветра») – декоративное украшение, выполненное из металлических трубок или бамбука, иногда с колокольчиками или бусинами. Издает мелодичные звуки при порывах ветра.

[33] Мэделин Стоу (род. в 1958 г.) – американская актриса, появилась на свет в семье белого американца и эмигрантки из Коста-Рики.

[34] Хит – удар в бейсболе, при котором отбивающий достиг первой базы.

[35] В г. Куперстаун (США) находится Национальный зал бейсбольной славы.

[36] «Кристалл» – сеть ресторанов быстрого питания в США.

[37] «Тройная корона» – награда за высшее достижение на скачках в США. С 1919 г. «Тройную корону» завоевали лишь одиннадцать лошадей.

[38] Имеется в виду длинный и узкий участок территории Флориды, расположенный между штатами Алабама и Джорджия и побережьем.

[39] Морские свиньи – мелкие морские млекопитающие, внешне похожие на дельфинов, но относящиеся к подотряду зубатых китов.

[40] Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

[41] 75° по принятой в США шкале Фаренгейта соответствуют примерно 24 °С.

[42] «Тернер-филд» – бейсбольный стадион в Атланте.

[43] Американский мошенник Джордж Паркер (1870–1936) зарабатывал на жизнь продажей не принадлежащих ему объектов недвижимости. Прославился тем, что продал нескольким неосторожным иммигрантам Бруклинский мост (точнее, право взимать с проезжающих по нему людей и повозок плату за проезд). Со временем фраза «Я готов продать тебе подходящий мост!» стала идиомой.

[44] Ч. Мартин имеет в виду, разумеется, американский футбол.

[45] «Хьюстон, у нас проблема» – фраза Джеймса Лоуэлла, командира космического корабля «Аполлон-13».

[46] Томас Джефферсон – 3-й президент США. Его портрет размещен на купюрах достоинством 2 доллара.

[47] Домашняя база или «дом» – именно в районе домашней базы находятся места бэттера и кетчера, который ловит поданные питчером

мячи.

[48] Ладонь – мера длины, равная 4 дюймам или ок. 10 см. В наши дни применяется только для измерения роста лошадей.

[49] Т. е. ок. 450 кг.

[50] Конюшни американского типа, распространенные на юге США, представляют собой ряд стойл под общей крышей, каждое из которых выходит непосредственно на улицу.

[51] Фунтовый торт – торт, в котором по фунту или поровну всех ингредиентов.

[52] «Паутина Шарлотты» – детская книга американского писателя Элвина Уайта. По книге также был снят мультипликационный фильм.

[53] «Прощай, американская девчонка» – фолк-роковая песня, написанная американским автором-исполнителем Доном Маклином.

[54] Укрючная лошадь – лошадь табунщика или пастуха.

[55] Около 40 °С.

[56] «Уловка-22» – роман американского писателя Джозефа Хеллера.

[57] Сиротка Энни – героиня комикса американского художника Гарольда Грея – маленькая рыжеволосая девочка, которая разыскивает своих родителей.

[58] Билли Бонс – пират, вымышленный персонаж, герой романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ».

[59] Бейсбольная карточка – тип коллекционных карточек, связанных с бейсболом и напечатанных на специальном картоне. Стоимость некоторых бейсбольных карточек может достигать десятков тысяч долларов.

[60] Генри Луис Аарон – знаменитый бейсболист, был известен под прозвищем Молоток.

[61] Бетадин – антисептический йодсодержащий раствор.

[62] «Алый Первоцвет» – классический приключенческий роман Эммы Орци (1905 г.) о похождениях неуловимого мстителя в маске.

[63] Мф. 5, 42.

[64] Фал-бол – мяч, вылетевший за фал-линии, ограничивающие игровое поле вдоль боковых сторон малого квадрата.

[65] Согласно бытующим среди болельщиков суевериям, надетая наизнанку бейсболка помогает любимой команде выиграть.

[66] Флайбол – мяч, отбитый высоко над игровым полем.

[67] По правилам после третьего аута команда, игравшая в обороне, переходит в нападение и наоборот. В данном случае третий аут означает также короткий перерыв в середине седьмого иннинга.

[68] «Возьми меня на матч» – песня 1908 г., ставшая неофициальным гимном североамериканского бейсбола.

[69] Уильям Говард Тафт – 27-й президент США (с 1909 по 1913 г.).

[70] Брат Джаспер (Джаспер Бреннан) – монах, префект (старший студент) и тренер бейсбольной команды Манхэттенского колледжа.

[71] Алмаз Хоупа – крупный бриллиант массой в 45,52 карата глубокого сапфирово-синего цвета. Находится в экспозиции Музея естественной истории в Вашингтоне.

[72] Южная красавица – привлекательная женщина родом из южных штатов, символ женственности и умения подчинять себе мужчин.

[73] На Персиковой улице Атланты происходит действие второй части романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

[74] «*Fortune Global 500*» – рейтинг 500 крупнейших мировых

компаний, в котором учитывается их выручка.

[75] Клятва на верность (флагу) – клятва, которую приносят американские граждане. Например, многие школьники в начале школьного дня при подъеме флага. Или же иммигранты на церемонии принятия американского гражданства.

[76] Мф. 18, 5–6.

[77] «Петербилт» – марка классических американских грузовиков и седельных тягачей.

[78] «Человек из Ламанчи» – бродвейский мюзикл 1964 г.

[79] Цитата из романа американского писателя Л. Коми (1927–2015) «Разговоры с золотой балериной».

[80] Желтая лента – символ солидарности и поддержки сограждан. Вероятно, традиция берет начало с 1830-х гг., когда такие ленточки носили девушки – возлюбленные кавалеристов и была популярна песенка «Она носила желтую ленту».

[81] Еще одна цитата из песни Дона Маклина «Прощай, американская девчонка».

[82] Зубная фея, как гласит легенда, даёт ребёнку небольшую сумму денег (или иногда подарок) вместо выпавшего у ребёнка молочного зуба, положенного под подушку.

Table of Contents

[Чарльз Мартин Ловец огней на звездном поле](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Эпилог](#)